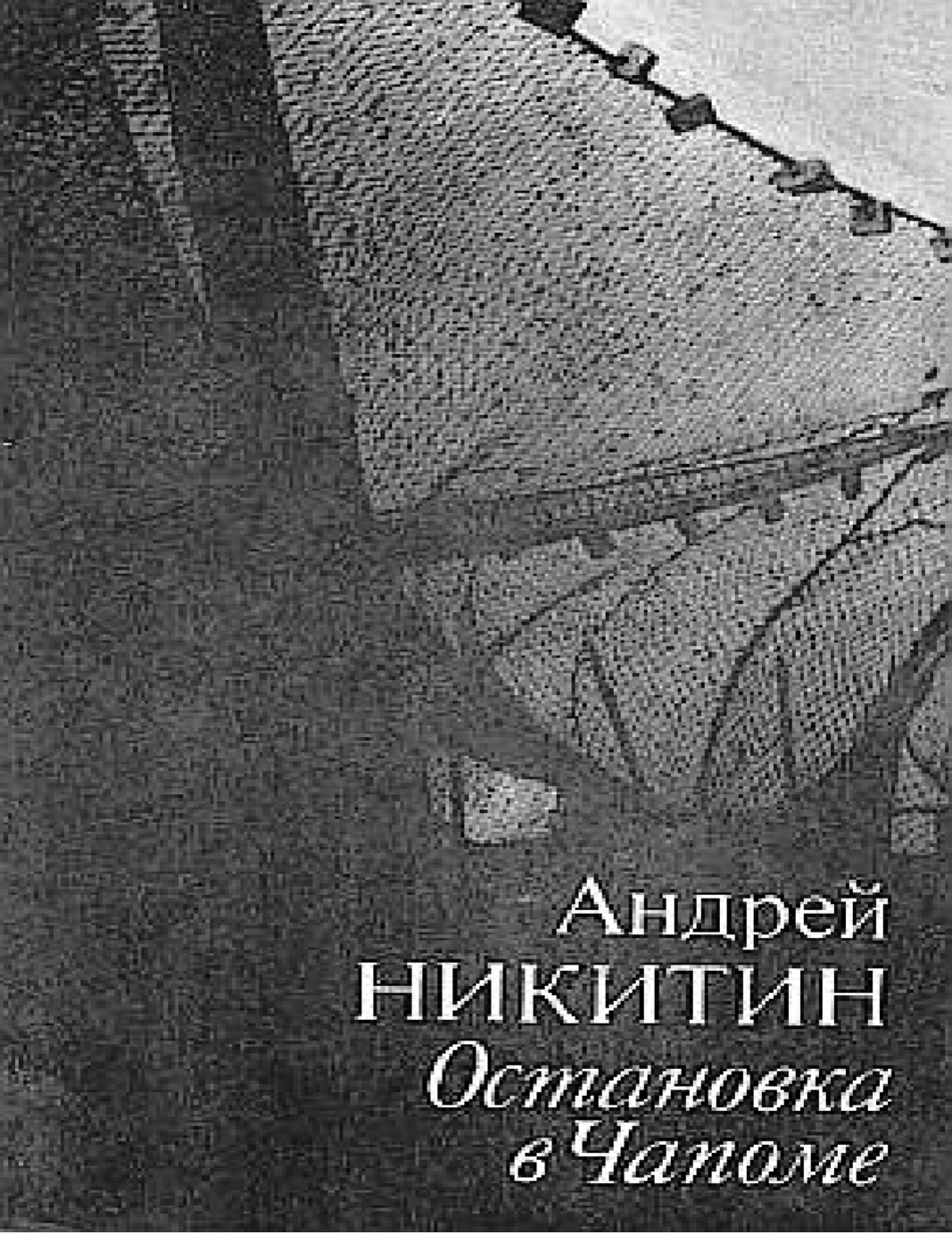

Андрей
НИКИТИН
Остановка в Чаломе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1982-87 гг., будучи приглашен Мурманским Рыбакколхозсоюзом в качестве публициста и специалиста по исторической экологии, А.Л.Никитин принимал участие в попытке возрождении поморских сел Терского и Мурманского берега на основе внутриобластного перераспределения финансирования наземного хозяйства (земледелие, животноводство, зверобойный промысел, оленеводство) рыболовецких колхозов. Результатом стали его статьи и очерки в центральной и местной печати:

Рифы у Терского берега. // “ЛГ”, № 39 (4897), 29.09.1982 г., с. 11;

Новь Терского берега. // “Правда”, № 125 (23651), 05.05.1983 г., с. 3;

А "рифы" остаются... // “ЛГ”, № 48 (5010), 28.11.1984 г., с. 11;

Рыбаки живут на берегу. // “Октябрь”, 1985, № 12, с. 164-178;

Запоздавшая весна. // Дорогами России, сб. 5. М., 1986, с. 102-169;

Разные грани перестройки. // “Север”, 1987, № 6, с. 78-83;

Реабилитация? // “ЛР”, 1988, № 3 (1303), 22.01.1988 г., с. 20;

Расследование. // “Октябрь”, 1989, № 2, с. 154-180; № 3, с. 173-185),

В последующем Никитин объединил их в книгу “Остановка в Чапоме” (М., 1990), названную одним из ее героев “энциклопедией современной поморской жизни”.

По сути собрание очерков А.Л. Никитина представляет собой попытку целостного анализа краха колхозной системы на Терском и Мурманском берегах. Любопытны его бытовые зарисовки в первой и второй тетрадях, где писатель очень живо описывает поведение терчан в различных ситуациях. Третья тетрадь посвящена "разборкам" в верхах власти Мурманской области в середине 1980-х гг., которые были вызваны требованиями колхозов самостоятельно контролировать свою прибыль. Последняя тетрадь описывает развaленное хозяйство колхозов Терского берега. Автор размышляет о перспективах развития региона, о его ценности и значимости для истории и культуры России в целом. "Остановка в Чапоме" это первоклассная журналистика, что удивительно, учитывая идеологический пресс советской эпохи. Эта книга может быть полезна и тем, кто занимается экономической социологией указанного региона, поскольку в публицистике Никитина можно

найти живые мнения участников экономического процесса того времени.

- Андрей Никитин
  - К ЧИТАТЕЛЮ
  - ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ,
    - 1.
    - 2.
    - 3.
    - 4.
    - 5.
    - 6.
    - 7.
  - ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ,
    - 1.
    - 2.
    - 3.
    - 4.
    - 5.
    - 6.
    - 7.
  - ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ,
    - 1.
    - 2.
    - 3.
    - 4.
    - 5.
    - 6.
    - 7.
    - 8.
    - 9.
  - ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ,
    - 1.
    - 2.
    - 3.
    - 4.
- notes
  - 1

Андрей Никитин
Остановка в Чапоме

К ЧИТАТЕЛЮ

Далеко от Москвы, в южной части Кольского полуострова, лежит Терский берег, пересеченный Полярным кругом. Жизнь здесь нелегка, природа сурова, однако первые русские поселенцы пришли сюда даже раньше, чем вышли на Северную Двину и начали заселять Летний и Зимний берега Белого моря. От тех первых насельников и пошел крепкий род терских поморов.

В мою жизнь Терский берег вошел более двадцати лет назад. Я открывал его как путешественник, изучал его и вел там раскопки как археолог и палеогеограф, описывал его как журналист и писатель и размышлял над проблемами его хозяйства и быта как человек, для которого не безразличны судьбы окружающих его людей и процессы, происходящие в обществе, в котором он живет.

Впервые на Берег мне довелось ступить в самые трудные для него годы, когда велось планомерное уничтожение древних поморских сел, ровесников Москвы, когда людей вынуждали покидать родную землю и уходить в города, когда казалось, что вековечному поморскому корню приходит конец. Но я видел и другое - что люди не смирялись, они продолжали бороться за право жить на своей земле и в своем доме, за право самим выбирать свое будущее. Привыкнув всю жизнь единоборствовать со стихиями, терпеливо пережидать ненастье, свалившийся на них произвол поморы восприняли как очередное стихийное бедствие, которое надо пережить. Сами они жили в ладу с землей и с морем, верили в собственные силы, их не страшил тяжелый труд, поэтому, несмотря на невзгоды времени, они сохранили надежду на лучшее будущее, которое готовы были строить своими руками, только бы им в этом не препятствовали.

Похоже, это время наступило. Оно пришло вместе с новым поколением, которое не могло и не хотело жить по-старому, с новыми идеями и с новыми требованиями к обществу и к человеку, привело к яростным схваткам между сторонниками и противниками нового курса. Терский берег не остался в стороне от перестройки. Не побоюсь сказать, что там она началась даже раньше, чем была во всеуслышание объявлена с высоких трибун, потому что призыв к ней на самом деле был констатацией уже далеко зашедших процессов в обществе и в государстве.

Но эта книга не только о перестройке. Перестройка - всего лишь определение процесса, характерного для данного отрезка времени, который имеет свое начало и свой конец. Эта книга о людях, о человеке и его месте в природе и в обществе. Четыре

тетради северного дневника - четыре временных среза и четыре узла проблем. Они показывают, что волновало людей двадцать лет назад - и что теперь; как жили тогда - как хотим жить завтра; о чем думали в те годы - и с какими мерками подходим к себе и к окружающему сейчас. Здесь летопись забот и свершений, человеческие характеры и судьбы, борьба страстей, мечты и ошибки, даже уголовная хроника, потому что из всего этого и состоит жизнь. Мои записки рассказывают о людях маленького кусочка России, которые живут одной жизнью и одними заботами со всей нашей страной. И в этом плане они - я надеюсь! - могут послужить читателю "к познанию России", как назвал последний труд своей жизни замечательный русский ученый и мыслитель Д. И. Менделеев.

Декабрь 1987 г.

Андрей Никитин

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ,
1969 год.
Полуночный берег

1.

Разбудил меня грохот якорной цепи в клюзе, всплеск и внезапно наступившая тишина, в которой начали проступать отдельные звуки: легкий скрип переборок, шаги за дверью каюты, приглушенные расстоянием голоса на нижней палубе, мягкие прикосновения волны к судну. Машины остановились. Исчез гул и та всепроникающая вибрация, сотрясавшая тело судна, что сопровождала нас последние девять часов от Архангельска, укачивая и погружая в сон.

Сквозь тусклый иллюминатор, в котором временами появляется серо-стальная поверхность воды, уходящая как бы в никуда, сочится слабый серенький свет то ли утренних, то ли вечерних сумерек. Они рождают ощущение поздней осени, а не времени белых ночей, которые давно наступили здесь, но не принесли с собой ни солнца, ни столь ожидаемого тепла.

Теплые суконные портянки, резиновые сапоги, толстый и плотный свитер, побусевший от странствий ватник, зимняя меховая шапка, брезентовый плащ - все, что занимало большую часть рюкзака, теперь появляется на поверхность. Мыслями я уже там, на берегу, где меня ждет кочкастая мокрая тундра, бесконечные пляжи у пронзительно холодного моря, жесткий галечник троп вдоль порожистых рек и встречи с незнакомыми людьми, ради которых я и собрался сюда. Прощай, каюта, последний приют цивилизации с никелированным умывальником и грязным поролоновым ковриком на полу! И я чувствую, как расслабленные за зиму мышцы снова обретают упругость, дыхание становится реже и глубже, а ноги сами несут в дверь, по проходу и вверх по трапу - на палубу.

На палубе промозгло и холодно.

Из рубки на крыло ходового мостика, кутаясь в дождевик, накинутый поверх меховой куртки, выходит знакомый старпом. Он вглядывается в сторону невидимого в тумане берега, до которого остается еще миля с лишком серого, холодного пространства воды, сливающейся с таким же серым, припадающим к морю небом.

- Что так далеко стали, Михалыч? - спрашиваю его, пытаясь рассмотреть берег сквозь серую пелену набежавшего дождя.

- Ближе не подойти,- отвечает он, не отрывая от глаз бинокля.- Берег отмелый, камней много, да и отлив... Судьбу лучше не искушать! Им все равно идти, два-три лишних кабельтова роли не играют.

- А выйдут в такую погоду?

- Выйдут, куда денутся! - отвечает он уверен но.- Погода - лучше нет, волнения никакого. Это мы раньше срока пришли, вот теперь будем стоять, пока вода не повернет на прибылую, прилив начнется... Придут! Идите вниз, чего мерзнуть!

Но я остаюсь на палубе.

Из холодного серого тумана, мешающего море с небом, попеременно сыплется то снежная крупа, то мелкий дождь, иногда и то и другое вместе. Мне определенно не везет: кончается июнь, в Москве бушует лето, а здесь на далеких откосах берега лежат платки еще не стаявшего снега!

Над снегом, в разрывах тумана, временами проступает темная россыпь маленьких домиков - Пялица.

Не первый раз приезжаю я на Терский берег, окаймляющий с юга и юго-востока Кольский полуостров, но до сих пор мое знакомство с ним ограничивалось только его западной частью. От Кандалакши до мыса Турий он изрезан заливами и глубокими губами, над которыми поднимаются высокие лесистые вараки. Там повсюду царит пестроцветье камня, обрывающегося в воду отвесными скалами, позволяющими судну идти вплотную к берегу, почти касаясь мачтами кривых, изогнутых ветром сосен, или наоборот, поднимающегося из воды множеством крупных и мелких островов в оторочке белой пены и желто-зеленого кружева водорослей на отливе.

Все, что лежит дальше на восток за устьем Варзуги, до сих пор оставалось для меня "землей незнаемой", которую я разглядывал в бинокль с ходового мостика парусной шхуны "Запад" - учебного судна Архангельского мореходного училища. На нем в продолжение трех предыдущих летних сезонов я открывал для себя Белое море. Мы выходили вечером из устья Двины, а утром уже шли вдоль низкого песчаного берега с редкими маленькими селами, сбившимися под высоким откосом или на узком песчаном наволоке между рекой и морем, с одинокими тоневыми избушками. Иногда перед ними на синей воде покачивался белый бисер пенопластовых поплавков, отмечающих ставные невода, тянулся, из трубы дымок, и я догадывался, что там сидят рыбаки.

Шхуна не подходила к берегу из-за мелководья: отлив обнажал здесь дно на милю и больше, поэтому я мог только разжигать свое любопытство. А ведь здесь, возле Полярного круга, жил своей жизнью мало кому известный уголок России - древний, обжитый русскими переселенцами еще во времена Господина Великого Новгорода. Еще недавно здесь можно было услышать былины, действительно народный хор в Варзуге пел старинные русские песни, сохраняя дедовские распевы, а возле Кузомени, на

берегу моря, как я слышал, археологи обнаружили славянский могильник начала XIII века.

Открытие Терского берега шло у меня по двум путям. Первым, наиболее ярким и увлекательным был, конечно же, тот, на который я снова сейчас вступал - отправляясь в долгие странствия пешком и на лодках, встречаясь с людьми, ловя рыбу на обширных лесных озерах, записывая рассказы и бывальщины, изучая остатки древнейших насельников этих мест. Но был и другой путь, не менее увлекательный, в библиотеках и архивах, где я находил отчеты своих предшественников, этнографов и географов, древние документы и исследования историков. С их помощью я понемногу стал разбираться в как будто бы простой, а на самом деле достаточно сложной жизни здешних обитателей, когда под тонкой пленкой современности взгляду иногда открывались бездны, в которых можно было угадать очертания глубокой древности.

Переплетение прошлого и настоящего, собственно говоря, и рождало тот романтический взгляд на Север, которым грешил не только я, привыкший смотреть на современность глазами археолога, отыскивая в сиюминутном контуры времен давно ушедших. Романтика "высоких широт" здесь представала еще и экзотикой быта, заставляющей вспомнить, что испокон веков край этот был источником пушнины, бледно-розовой семги и прозрачных сигов для царского стола, стремительных соколов для царской охоты, перевалочной базой для плаваний на Грумант, как называли поморы Шпицберген, и дальше, не только в Норвегию, но и на восток, прокладывая путь в далекую Мангазею... И разве один я подпадал колдовству Севера? Сколько их было до меня, слышавших властный зов пространств, поколение за поколением устремлявшихся следом за весенними птицами, продиравшихся через чащобы лесов, преодолевавших зыбкие топи болот и кипящие пороги на реках...

Зачем они шли? За наживой, за свободой, за истиной духовной? Да, за всем этим. Но еще и для того, чтобы снова и снова, шагнув внезапно из лесного бурелома на золотой песок прибрежных дюн, замереть от восторга, увидев убегающие к горизонту лукоморья, солнечной оправой охватившие ярко-синий и холодный безбрежный простор. Пустынножители, основатели монастырей и сел, искавшие свободы открыватели еще неведомых пространств северной России - все они были не только энергичными людьми, но и поэтами по своей сути. Они умели видеть и находить красоту, ценить и приумножать ее, охранять ее, наслаждаться ее созерцанием и через нее приобщать людей к высоким гражданским подвигам, облекаемым в ризу подвигов

духовных.

Помню, как я был поражен, обнаружив у Ивана Филиппова, старообрядца, оставившего, кроме прочих трудов, историю Выговской пустыни, фразу, в которой этот ревнитель древлего благочестия, в поисках сравнения, способного передать высшую красоту избранного для постройки обители места, написал, что оно "прекрасно аки песок при брезе моря"!

В этой фразе человек открылся мне куда больше, чем через все остальные написанные им страницы. Она была как выдох после затаенного дыхания, как притушенный вскрик восторга. И на какое-то мгновение я ощутил себя рядом с ним возле Летней Золотицы в ясный погожий день, когда на горизонте угадывается далекая тень Соловецких островов, а волны неторопливо набегают на низкий песчаный пляж... Да, в мире много прекрасного. Но среди увиденного и пережитого в моей памяти далеко не последнее место занимают пустынные берега северных морей, где остаешься один на один с бескрайним простором, где дышится вольно и легко, глаз не перестает радоваться сверканию красок и внезапно до тебя доходит как откровение, сколь прекрасен и бесконечен мир, который подарен тебе судьбой.

Стоит один только раз проникнуться этой красотой, понять свою ей сопричастность, чтобы все остальное отошло на задний план. Это чувство не смогут стереть затяжные циклоны, когда серый и мокрый холод словно проникает под кожу и, кажется, уже никогда не увидеть солнца, смытого зарядами дождя; его не вытравит долгая, пусть и расцвеченная сполохами полярного сияния северная ночь и многое другое, с чем сталкивается человек в высоких широтах.

А реки и ручьи, полные быстрой рыбы, то разливающиеся обширными спокойными плесами, то стиснутые скалами, перегороженные грядами камней, кипящие и ревущие на стремнине? А бесчисленные лесные озера, связанные нитками проток, с царственно выплывающими из заливов белыми лебедями, грациозными серыми цаплями, неспешно пробирающимися по их берегам медведицами с медвежатами, выходящими на водопой лосями? А многоцветье камней, сверкающих на дне ручьев, играющих на отливе, вспыхивающих гранями кристаллов, которые заполняют в скалах трещины и пустоты? Или раздутые, расчищенные ветрами стойбища древних охотников и рыболовов на морском берегу, каменные спирали их загадочных жертвенников, россыпи колотого кварца и хрусталя, а рядом - черные груды обожженных камней, еще хранящие под собой золу и угли костров, согревавших людей четыре-пять тысяч лет назад?

Первым найти, понять, объяснить, определить место найденного в системе мира,- разве не в этом самая высокая романтика?

И все же, по мере того как я открывал для себя этот край, я чувствовал, что гораздо больше, чем загадки прошлого, меня влечет загадка его настоящего и будущего. Прошлое было везде. Оно обступало со всех сторон, оно пронизывало и определяло настоящее. Но для будущего места почему-то не оказывалось. Для того будущего, которое всегда влекло меня, потому что я был не только археологом, но еще и историком.

Принято считать, что историк занимается исключительно прошлым. Тем, что уже произошло, стало фактом, не подверженным изменениям. Именно поэтому его можно изучать. Объяснить факт, поставить его в связь с другими фактами, показать, как он возник, что собой означает.

Но такова лишь одна, самая первая часть задачи. Обычно полагают, что прошлое рождается в настоящем, а будущее - в прошедшем. В какой-то мере это тоже "факт", содержащий информацию о том, что будущее включает в себя всю сумму прошедшего.

И все же прошлое рождается не только в настоящем - на самом деле оно рождается в будущем. Там происходит его формирование, там оно зреет и в положенное время становится нашим прошлым. Вот почему историк, который спускается к нему лишь для того, чтобы описать уже бывшее, и останавливается на этом, оказывается всего только архивариусом, не понимающим происходящего.

Действительная задача историка - найти в прошлом разгадку настоящего и будущего, чтобы попытаться на них воздействовать. И разве не для этого мы изучаем окружающий нас мир, пишем книги, выпускаем газеты, строим не всегда удачные планы, отправляемся в космос и раскапываем древние погребения и города?

Но кто я теперь - историк, археолог, журналист? Скорее всего - просто должник, совесть которого давно мучит обещание, принародно вырвавшееся у него тихим августовским вечером 1966 года. А больше всего на свете я не люблю долгов.

Все началось с Порьей Губы и парусной шхуны "Запад".

То лето было на редкость теплым и щедрым. Каждые две недели, выйдя из Архангельска, "Запад" брал курс на Порью губу - огромный комплекс разнообразных заливов, больших и малых островов, вытянутых губ-фиордов, в верховьях которых начинались цепи озер. Все это лежало на южном берегу Кольского полуострова между Умбой и Кандалакшей. Озера изобиловали

окунем, щуками, форелью и кумжей, на каменистых хребтах, разделяющих губы, в то лето было буйство грибов и ягод, так что учения у курсантов перемежались вылазками на берег и активными заготовками всего съестного, что разнообразило судовое меню.

В тот вечер мы впервые зашли на рейд Восточной Порьи, чтобы пополнить запасы пресной воды. Пока курсанты помогали команде подавать на берег шланги, мы с "дедом", как повсеместно на флоте именуют старшего механика, отправились в деревню, лежавшую неподалеку и называвшуюся Порьей Губой.

Тропинка текла по красно-рыжим скалам, присыпанным сосновой хвоей и обросшим подушками зеленого мха, стлалась по узлистым корням, обогнула древнее кладбище, где сквозь поросль молодых сосен виднелись полусгнившие голубцы-домовины, и, выведя на берег пресного озера, отделенного от залива узкой каменной перемычкой, разом открыла картину, которая врезалась в мою память.

За серо-стальной зеркальной гладью озера, в котором отражались высокие, поросшие соснами скалы, освещенная вечерним солнцем, лежала небольшая, уютная и чистенькая деревенька. Ее дома были разбросаны по едва заметным береговым террасам, вплотную подступая к обрывам высоких, покрытых лесом скал. Сочная трава поднималась по обеим сторонам чистых, промытых дождями мостков, идущих от дома к дому. В небольших палисадниках-огородах зеленела темная картофельная ботва, пустые стекла окон горели закатным светом. Вокруг стояла прозрачная тишина. И в этой тишине навстречу нам двигалась скорбная группа старух с двумя стариками и полутора десятком ребятишек - как видно, внуками и правнуками.

Мы с "дедом" не сразу поняли, что произошло, когда старухи обступили нас и, перебивая друг друга, стали совать нам какие-то листки, о чем-то прося и в то же время упрекая нас. Старики с медалями и орденами на пиджаках молча стояли поодаль, опершись о палки и не вмешиваясь в происходящее. И так же молчаливо, держась за юбки старух и ковыряя пальцами в носах, смотрела на нас мелюзга.

Наконец мы разобрались.

Нас приняли за комиссию, которую здесь ждали все лето; комиссию, которая, как непреклонно верили порьегубцы, разберется в их жизни и примет их под свою защиту. Защитить их следовало от местных властей, которые закрыли здесь колхоз, переселив жителей в Белокаменку, на другой конец Кольского полуострова. И как ни отстаивали порьегубцы свое право жить на

земле своих отцов и дедов, как ни доказывали свою невиновность перед советской властью, что дорога к ним идет через болота и вараки, электричество только от движка, а вот рыбу ловят они хорошо, и покосы есть, и молоко такое, что грамоты и медали на ВДНХ получали не раз,- ничего не помогло. Село было обречено. Вместе с колхозом закрыли магазин, медпункт и почту. Людей, согласившихся переселиться, перевезли вместе со скотом в Белокаменку. Отказавшиеся перебираться под Мурманск разъехались по городам, у кого где родственники были. А вот этим ничего не осталось, как только ждать ответа на их слезные просьбы не лишать стариков и детей хлеба, почты и родных домов, о чем писали и в область, и в Москву.

Этой надеждой они и жили. Лето клонилось к осени, скоро зима, которая отрежет их от всего остального мира. За пенсией да за хлебом за тридцать километров в Умбу сейчас посылали кого пожилистее, но этим летом ходить по тропе стало боязно - медведи начали баловать, сейгод двоих ребятишек уже задрали...

Мы с "дедом" не были комиссией. Она так и не появилась - порьегубцы были никому не нужны. Мы не могли принять от них ни просьб, ни заявлений. Но я обещал, что постараюсь для них что-нибудь сделать.

Уже на следующее утро я был в районном центре, в Умбе, в кабинете председателя райисполкома. Он оказался моим ровесником - молодым, невысоким, плотным, энергичным, человеком словоохотливым, с юмором, уверенным в собственной правоте и не боящимся спора. Обладая дипломатическим тактом, он не отмахнулся от просьбы, сразу же проявил сочувствие к порьегубцам, возмутился, что стариков и старух с детьми оставили без почты и хлеба, тут же позвонил, приказав выяснить, кто допустил такое безобразие, и наладить - хотя бы раз в неделю - доставку в Порью Губу всего необходимого.

Инцидент был исчерпан. Председатель извинился передо мной, что за делами упустил такой неприглядный факт. Разговор пошел в совсем другой тональности, и в течение двадцати минут он объяснил мне, почему Порью Губу следовало переселять. Хорошей дороги туда нет, строить ее для такого маленького села практически невозможно, как невозможно тянуть туда линию электропередачи. Держать для полусотни человек пекарню с пекарем, продавца, отделение связи, медпункт, клуб с киномехаником и прочие службы - непозволительная роскошь для района. Что же касается хозяйства, то молоко порьегубцы, по существу, расходовали только на себя, рыбы ловили не так уж много, так что забот о них куда больше, чем пользы. Но это все ничего, не в доходах дело. Надо думать о самих людях, о том,

чтобы они жили в благоустроенных домах, с удобствами, а не в доисторических избах! Если трудно благоустроить людей на месте, надо их переселить ближе к цивилизации, разве не так?

Может быть, с Порьей Губой они поспешили. Впрочем, кто без ошибок? Куда хуже обстоят дела на востоке Терского берега. Вот откуда надо сселять людей! А как? Район большой, дорог нет, хорошо, если он сам туда раз в год попадает... Ничего, скоро и оттуда людей повезут. Так я познакомился с человеком, имени которого не хочу называть. Во-первых, не в имени дело, а во-вторых, я всегда буду благодарен ему за то, что он помогал мне открывать Терский берег. На райкомовском газике мы отправлялись на восток, через Кузреку, Оленицу, Кашкаранцы в Кузомень и Варзугу; на субботу и воскресенье ездили на лесные озера, откуда идет молевой сплав по семужным рекам. Он показывал мне здешние достопримечательности, знакомил с председателями колхозов, с бригадирами, охотниками и рыбаками, с работавшими в районе геологами.

Спортсмен, рыбак, охотник, он умел быть обаятельным, всем живо интересующимся человеком, который, как мне казалось, искренне желал всем добра. Он заботился о благосостоянии районного центра, поскольку это была его прямая обязанность, сочувствовал поморам, которые продолжали жить в старых, невзрачных и неблагоустроенных селах, разбросанных по пространству Берега, и дальней его мечтой было сселить всех их в Умбу, или, во всяком случае, ближе к райцентру. Тем более что в селах теперь проживало меньше трети всего населения района.

По его словам выходило, что в таком случае все "проклятые" вопросы благоустройства людей и сел, развития культуры, снабжения, медицинского обслуживания, школьного образования будут разрешены раз и навсегда. Не нужно думать о дорогах, электрификации, завозе продуктов и промтоваров, о строительных материалах, горючем; снимался вопрос о транспорте, но главное - районный центр сразу получал необходимую рабочую силу. Что касается добычи рыбы, то достаточно забрасывать людей на тоневые участки, куда им могли завозить продукты рыбоприемщики, каждый день в хорошую погоду забирающие улов.

План этот мы обсуждали с ним во время совместных поездок по Берегу, у костров на рыбалках, и надо признаться, он меня захватил. По тем временам план казался смелым и прогрессивным. Тогда укрупнялось все - магазины, больницы, школы, фабрики-прачечные, колхозы и совхозы, свозились деревни, строились гигантские откормочные комплексы, пусть и не обеспеченные кормами... Я уже рисовал в мечтах единый

город-дом, обсевший скальный хребет, протянувшийся в море между заливами Большой и Малой Пирьей, с крытыми галереями, соединяющими этажи, с автономной системой жизнеобеспечения. И только потом стал понимать, что за насильственным сселением, за запустением Берега стоит не сила и разум, а бессилие и растерянность перед распадающимся хозяйством. Я вдруг с ужасом обнаружил, что подобные планы глубоко аморальны, поскольку людей попросту сгоняют в кучу, перетасовывают и переставляют, как деревянные фигурки, не имеющие ни разума, ни желаний, ни чувств.

Вот почему по мере того, как я знакомился с Берегом и с его людьми, совсем иначе глядевшими на действия моего знакомого, наши споры становились резче и все чаще мы расставались недовольные друг другом. За краткими летними посещениями Берега была осень, долгая зима и всегда ожидаемая весна. Они давали возможность размышлять о виденном и слышанном, сравнивать с тем, что делается в других местах. Именно в те годы я начал всерьез интересоваться жизнью деревни, пытаясь понять процессы современности, которые на селе представали особенно ярко и обнаженно.

В какой-то момент пришло решение - взглянуть на Берег самому: без упреждающих звонков из района, без "третьих лиц", участвующих в разговоре, когда тебя ведут если и не за нос, то весьма умело обходя нежелательные для выявления и обнародования стороны жизни.

Начало положила поездка в Варзугу. В глаза бросилось разрушение Берега, ветхие и ветшающие дома, заброшенные тоневые участки, являвшие следы когда-то полнокровной, а теперь еле-еле теплящейся жизни. Запоздалым стыдом вспыхнуло в памяти так и не выполненное обещание помощи оставшимся порьегубцам, которых, как я выяснил, с наступлением холодов попросту вывезли в Умбу, а оттуда пустили на все четыре стороны.

Тогда и поднялись забытые было вопросы: почему так происходит? Что за фатальные ураганы выкорчевывают вековые поморские села, гонят людей, словно стаи осенних листьев, по холодной земле в города - от родных рек, морских берегов, лесов и покосов? При мне закрыт был колхоз в Кузреке, ближайшем к Умбе селе; в Оленице и Кашкаранцах вместо рыболовецких колхозов учредили бригады гослова, и это было вроде бы хорошо, но сразу из деревень уехало несколько семей... Что случилось? И есть ли из создавшегося положения выход, который может стать альтернативой такой вот всеобщей эвакуации, идущей не только здесь, но и на всем пространстве деревенской России - из

глубинки на центральную усадьбу, оттуда - в райцентр, далее - в областной центр... Ну а там в Москву, что ли? Всю страну сселять в Москву за продуктами и "дарами цивилизации"? Похоже, к этому все шло. Не случайно в одной из центральных газет можно было прочесть удивительный по идиотизму восторженный заголовок: "Глубинки" больше не будет!"

Пока я раздумывал, откуда начать знакомство с подлинным Берегом, один из геологов посоветовал съездить в Сосновку. Он работал на Берегу не один год, прошел его весь от Кандалакши до Поноя, знал людей и положение в колхозах, потому что опирался в своей работе на тех и на других. В отличие от рыболовецких колхозов Терского района - Сосновка принадлежала Саамскому району Мурманской области,- там люди вроде бы не уезжали, хозяйство было крепким, председатель - умным, в селе процветали подсобные промыслы, так что было на что посмотреть и о чем подумать.

Добираться туда оказалось не просто.

Из Архангельска на рейсовом пассажирском судне до Сосновки было всего часов десять хода. Этот путь оказался для меня закрыт: в горле Белого моря была, по словам моряков, "ледовая обстановка". И "Боровский", которого я прождал больше недели, в очередной раз повернул назад, в Мурманск, не пробившись через льды у Поноя.

Оставалось два варианта. Первый - лететь самолетом в Мурманск, чтобы оттуда воздухом добираться до Сосновки. По весне это было весьма рискованно - в Мурманске я мог просидеть две, а то и три недели из-за погоды или потому, что земля не просохла. Другой путь был морем: на "Соловках", идущих в Кандалакшу, добраться до Пялицы, чтобы оттуда на подручном транспорте или пешком преодолеть оставшиеся семьдесят-восемьдесят километров по берегу.

Так я оказался на борту "Соловков".

2.

Мы стоим на рейде уже с полчаса, временами гудим. Басовитый звук пароходной сирены разбивает туман, периодически скрывающий берег, отражается в далеких распадках, глохнет над серым пространством вод, однако никаких признаков жизни на берегу не заметно. Вахтенный по-прежнему меня успокаивает: придут. Если не за пассажирами, то в буфет, за колбасой и пивом. К тому же на борту не я один - вон еще дедок, тоже до Пялицы билет брал, местный, за ним придут...

Действительно, еще минут через пятнадцать в туманной серости сгустилась вроде бы темная точка у берега, яснее обозначилась на воде и медленно поползла к "Соловкам". Вскоре уже невооруженным глазом стало видно, что идет моторный карбас.

Вахтенный начал спускать трап.

Первым на борт вскарабкался невысокий колченогий мужичок в телогрейке и, ковыляя, рванулся в сторону буфета. За ним поднялись две женщины, явно не местные, с яркими, туго набитыми объемистыми сумками и столь же объемистым тюком в мешковине, из которого выглядывали оленьи рога.

Тюк за ними нес моторист - огромный широкоплечий мужчина в резиновых сапогах до бедер, в черном нагольном полушубке и большой шапке-ушанке, сдвинутой на затылок. Гигант с крупными, красными от холода руками и несколько помятым большим лицом почти кирпичного цвета, на котором лучатся неожиданно ярко-синие, по-детски приветливые глаза. Он кивнул вахтенному, пожал руку дедку, который сразу засуетился, и, опустив тюк возле окошечка корабельной кассы, тоже ушел в буфет.

- Ну вот, а вы боялись, что останетесь,- немного укоризненно произносит вахтенный, словно бы его обидело мое сомнение в обязательности пялицких жителей.- Тетерин теперь вас и довезет...

Ждать Тетерина приходится долго.

Прошла заспанная буфетчица, на ходу поправляя прическу, потом из буфета выкатился колченогий, спрыгнул в карбас, покопался под лавкой и поднялся обратно уже с засаленным рюкзаком в руках, в котором было что-то тяжелое. Снова все стихло. Исчез в буфете и ожидавший дедок. Наконец, когда уже и я собираюсь идти отогреваться, появляется моторист. В обеих руках он несет по авоське, набитой различной снедью: бутылками лимонада и пива, свертками с колбасой, пакетами печенья,

какими-то кулечками, цибиками чая и еще чем-то, что я не могу определить.

- К нам? - спрашивает Тетерин, останавливаясь возле меня и высвобождая два пальца, чтобы подхватить мой рюкзак.- Давайте мешок ваш...

Я отказываюсь и, вскинув рюкзак на одно плечо, спускаюсь по трапу в карбас.

Следом за нами спускаются и колченогий со стариком, изрядно раскрасневшиеся от тепла буфета и заткнутой газетой бутылки, которая высовывается у одного из них из кармана.

- Все? - спрашивает Тетерин у вахтенного.

- Все, Федос Василич, - отвечает тот с уважением и начинает поднимать трап.

- Ну, всего, Витя, бывай!

Лицо Тетерина озаряется добродушной улыбкой, и я вижу, что моторист не так молод, как показалось мне вначале.

Неприметное течение прилива уже отнесло карбас от борта "Соловков". На ходовой мостик вышел старпом, махнул нам приветственно, и тотчас же заурчала лебедка, выбирая якорную цепь. Тетерин усаживается поудобнее, дергает ремень. Взревел мотор, карбас вздрагивает и, осев кормой, скользит по широкой дуге к берегу в очередной заряд мокрого снега.

- Федос, а ты пива-то взял? - внезапно забеспокоился колченогий, устраиваясь на носу и поплотнее заворачиваясь в плащ. - Я, так, на тебя понадеялся, мы вот с Кирычем...

- Взял, взял,- успокаивает его Тетерин.- На всех хватит! А вы как, в гости к кому или по делу? - обращается он ко мне.

Я объясняю, что хотя особого дела у меня вроде бы и нет, но и не в гости: хочу посмотреть эту часть Берега, познакомиться с людьми и с хозяйством рыболовецких колхозов, но для начала - добраться до Сосновки, узнать, что делается у них.

- "Боровский", стало быть, опять не прошел,- подытоживает Тетерин.- Что делать будешь, льды у них там... Да вы не беспокойтесь, до Сосновки здесь близко, пожалуй, даже семидесяти километров не будет, доберетесь! А я сначала подумал, может, экспедиция какая. К нам иначе, кроме своих, никто не приезжает, только разве что из науки. Вот сейчас двух женщин на "Соловки" доставил, из Ленинграда они, стариной интересуются разной. Прялки у нас искали, да вроде ничего не нашли - что были, раньше уже увезли. Теперь только нас увезти - и все в порядке!

- А вы рыбак? - спрашиваю я.

- Нет,- Тетерин помотал головой и чему-то тихо рассмеялся.- Вот он - рыбак,- кивает на колченогого,- а я - не-ет, я связист, по

линии хожу...

- Что ж так рыбаки не в почете, или колхоз бедный?

- А колхоза у нас, считай, теперь нет, одна бригада в деревне числится,- неожиданно отзывается с носа колченогий.- Наш колхоз - тю-тю! - в Чапому уехал, куда сейчас "Соловки" пошли. Ты вот, коли рыбаками интересуешься, поговори с народом, они тебе расскажут...

- Почему же вы не расскажете? - поворачиваюсь к нему.

Колченогий приосанивается, даже чуть привстает на носу.

- Мне нельзя: я вроде власть, член правления. Да все равно, сейчас вылезу и на Истопку побегу. Своя тоня, пялицкая, у нас теперь только одна, на Большой Кумжевой,- это к Сосновке, всего километров десять от деревни будет. А раньше девять водоемов было, понимай - на всех сидели!

- Истопка - это за Чернавку, в сторону Чапомы, километров пятнадцать от села, а может, и восемнадцать, кто как считает,- поясняет Тетерин.- Чапомская тоня, аккурат посредине между Чапомой и Пялицей. Так они там и сидят: двое наших и двое ихних. И рыбу ловят, и вроде бы друг друга проверяют...

- В Сосновку собрались - это вы правильно,- снова заговорил с носа колченогий.- У них теперь там колхоз крепкий стал. Как только стали оленей в Мурманск принимать, так сразу из долгов государству вышли. Ты сбегай к ним, посмотри...

- А причина какая? Говорили мне, председатель у них теперь хороший, правильно дело поставил,- пытаюсь я разговорить "члена правления".- У вас что, хуже?

- У них-то? У них Канев. Ничего мужик, не обижаются, с понятием. А главное, я ж тебе говорю, оленей в Мурманск принимать стали, вот и деньги у них завелись. Потом, опять же, льготы у них всякие... Район-то у них не Терский, а Саамский, национальный район, вот и льготы... С такими-то льготами и у нас, глядишь, колхоз остаться мог!..

Снег перестал идти так же внезапно, как и начал. Потом приутих и ветер - мы завернули в устье реки, над которым высоко поднимались песчаные обрывы. Дальше, в глубине залива, где ревет и кипит порог, виднеются буро-красные скалы, сквозь которые прорывается к морю бурливая река, давшая название селу.

Слева, у самой воды, уткнувшись в обрыв, дряхлело здание рыбопункта, или, как говорят здесь, фактории. Еще дальше, над обрывом, виднелись серо-зеленые крыши домов.

- У кого здесь остановиться можно? - спрашиваю я у Тетерина.

- Бабушка тут есть одна, она пускает. Не бойся, не

пропадешь...

Тут только бабушки и есть! - заржал колченогий.- Девок захочешь найти - нипочем не сыщешь! Все сбегли...

Карбас ткнулся в берег возле связки бревен, полувытащенных на песок.

- Ты, Федос, с Чернавки их, что ли, вчера приплавил? - спрашивает колченогий, вылезая из карбаса и оценивающе оглядывая связку.- Мне бы тоже надо. А то все хожу там, смотрю, да руки никак не доходят...

- С Чернавки,- подтверждает моторист, вынося на берег рюкзаки и авоськи.- Сегодня с Колькой пилить начнем. Мне еще крыльцо делать, ступеньки менять - погнили...

- Так я пошел! Поставишь его на квартиру? - колченогий приостановился и мотнул головой в мою сторону.

- Сведу, не бойся...

Колченогий с приехавшим дедком, который всю дорогу промолчал, уходят по берегу, а я, прихватив рюкзак и одну из сеток Тетерина, поднимаюсь на песчаный откос.

С моря Пялица казалась большим селом. Здесь, вблизи, впечатление иное.

Маленькие, неказистые дома стоят поодаль друг от друга, их разделяют пустыри с кучами мусора и развалами печин от когда-то бывших на этих местах построек. От старого порядка улицы сохранился только дальний от моря ряд, а ближе почти все уже снесено. На некоторых домах окна заколочены досками, в них никто не живет. Даже мостки перед домами, эта непременная особенность северных сел, спасающие от грязи и слякоти пешехода, сохранились далеко не везде. Всюду валяется почерневшая щепа, тряпки, консервные банки.

На фоне еще не проснувшейся серо-коричневой тундры, расстилающейся окрест, первое впечатление от Пялицы далеко не блестящее.

Пока я осматриваюсь, Тетерин успел куда-то сходить и теперь возвращается ко мне.

- Не пускает бабушка. Говорит, устала от гостей, хочу одна пожить,- произносит он немного виновато.- Пошли ко мне! Чего стоять-то здесь?

Дом Тетериных я приметил издали. Оштукатуренный, покрашенный голубой и белой масляной краской, с палисадником и высоким шестом антенны, он выделяется из ряда других пялицких домов своей свежестью и добротностью. Из разговора с Тетериным выходило, что в Пялице теперь колхозников, включая пенсионеров, чуть ли не меньше, чем стороннего и обслуживающего персонала: продавщица в

магазине, работники гидрометеостанции, на рыбопункте семь человек, учительница в школе - на четыре первых класса еще осталось девять школьников, хотя школу грозят этой осенью закрыть,- киномеханик, завклубом. Старшие школьники, начиная с пятого класса, на весь учебный год уезжают в интернат, в Кузомень, и после школы, как правило, в село уже не возвращаются.

Сами Тетерины монополизировали средства связи. Федос Васильевич работал связистом, его обязанностью было следить за телефонной линией на сорокакилометровом отрезке берега - на восток, до Пулоньги, где проходила граница района, и на запад, до Никодимского маяка, откуда начинались владения его чапомского коллеги. Алла Ефимовна, его жена, заведовала почтой; Николай, старший сын, которому осенью предстояло идти в армию, закончив интернат, был и связистом, и монтером, и радистом. Все это не просто дает семье Тетериных хороший заработок - он был еще и надежным в отличие от заработка в колхозе: с оплаченным больничным, с оплаченным отпуском, с полярными надбавками и более ранним выходом на пенсию - в пятьдесят пять, а не в шестьдесят лет, как у колхозников. Что же касается самой пенсии, тут никакого сравнения быть не могло - государственная пенсия была предметом зависти и несбыточных мечтаний всех колхозных жителей деревни...

Получалось, что работающие в сфере обслуги оказываются в куда более привилегированном положении, чем те, кого они обслуживают, имея и больший досуг, и большие возможности дать образование детям, не связывая их будущее с колхозом и деревенской жизнью...

Поднявшись на крыльцо с просевшими ступеньками, мы оказываемся в сенях, которые в средней полосе могли называться верандой. На Севере здесь держат все, что не боится холода,- начиная от лыж, рыболовно-охотничьего снаряжения и кончая мешками с мукой, бочками с соленой рыбой и грибами. У Тетериных здесь выгорожена застекленная часть, где в спальных мешках из оленьих шкур спали младшие члены семьи. Собственно сени служили связью передней избы с задней - дом был двойным,- где, как пояснил хозяин, сейчас жила его теща, приехавшая погостить к дочери и внукам.

Нас ждали. В низкой теплой комнате, занимавшей большую часть переднего сруба, пахло смолистыми дровами и свежим хлебом, который хозяйка доставала из печи. Когда мы вошли, Алла Ефимовна только мельком поздоровалась. Здесь, на Берегу, не принято проявлять особое любопытство к приезжему: гость в дом - бог в дом, вот и ладно... На столе уже тоненько пел самовар,

освещая комнату золотистым луженым светом, рядом с ним стояла большая сковорода с жареной кумжей. Пока я снимаю сапоги и стаскиваю задубевший от воды плащ, хозяин успевает нарезать свежий хлеб и высыпать в хлебницу сушки, привезенные с "Соловков".

- Не знаешь, собирался из наших кто на Пулоньгу? - спрашивает он жену, присаживаясь к столу и наливая чай.- Ему вон в Сосновку надо...

- А что им на Пулоньге делать сейчас? - отвечает она несколько раздраженно.- Чай, сено еще не вы росло!

- Н-да... К Тарабарину тебе сходить надо,- задумчиво произносит Тетерин, прихлебнув из блюдечка горя чий чай. И в ответ на мой недоуменный взгляд поясняет: - Тарабарин у нас в Пялице рыбопунктом заведует. Мужик хороший Николай Феоктистыч, ничего не скажешь. Четыре рыбака да семь обработчиков с ним - вот и вся наша рыбацкая Пялица! Говорили, сейгод факторию и открывать не станут. Да вот оставили на лето, а там кто знает... Пекарню закрыли. У Клавки в магазине сейчас одна водка да сахар остались, теперь вроде школу грозят закрыть... Ты ешь давай, ешь! Заколел на воде-то... Тоня у нас только одна, на Большой Кумжевой, так они туда каждый день ходят. Ну а если попросить - и до Пулоньги подбросят, там уж недалеко...

- В Пулоньге тоже колхоз есть? Двадцать километров не расстояние, тут и пешком можно. Коли село есть, там и переночевать можно, а там, глядишь, и оказия подвернется...

Спрашиваю я на всякий случай, поскольку на новой, только что купленной мной в Москве карте Мурманской области Пулоньга, стоящая в устье реки того же названия, отмечена таким же кружком, как и Пялица.

- Гляди не гляди - все равно ничего не выглядишь!-Тетерин усмехнулся и громко раскусил сушку.- Было село, да только все вышло! Лет двенадцать, как их уже нет, так, Алла? К нам, в Пялицу, перевезли колхоз, одна только избушка и стоит...

- Тоневая? Рыбаки сидят?

- Нет, Флерова, связиста ихнего. У меня избушка на Чернавке, в сторону Чапомы, самый дальний участок. Если что случится, так и заночевать можно. А у него самый дальний участок на Пулоньге, с той, ихней стороны. Тоней там у нас давно уже нет...

- Зачем же перевозили? - спрашиваю я чуть дрогнувшим голосом, потому что в памяти сразу же всплывает посещение Порьей Губы: пустая деревня, недоумевающие и молящие глаза старух, мелюзга, держащаяся за бабкины юбки...- Слабый колхоз был? Работы не было?

- Почему слабый? Наш колхоз тоже не из слабых был, покрепче чапомского, а - закрыли. В Пулоньге раньше неплохо жили. Туда в реку семужка хорошая идет, крупнее нашей, пожалуй. Свезли - и все! Кому-то понадобилось место очистить, теперь там только печи в песке стоят, дома-то уже все, почитай, разобрали, да еще ледник от фактории остался...

- Теперь и здесь, считай, пулоньгских никого уже нет,- вмешивается в разговор Алла Ефимовна.- Все уехали! Человек ведь таков: его раз с места стронешь, а потом он уже и прирасти нигде не может, покатился и покатился дальше...

- Здравствуйте!

Дверь распахнулась, и через порог в избу шагнул высокий, почти под потолок, широкоплечий парень.

- Колька наш,- поясняет хозяйка, и при этом лицо ее сразу мягчает, осветившись немного горделивой улыбкой, хотя и так, с первого взгляда можно было понять, что это их сын, так похож на отца Николай - статью, повадками, голубыми глазами, широким добрым лицом в светлых веснушках. Он неловко топчется возле порога, будто хочет что-то сказать, приглаживая рыжеватую шевелюру, густую, всю в мелких завитках, как у отца, потом ополаскивает под умывальником лицо, вытирает его висящим тут же полотенцем и садится за стол.

- Ну что, как сбегал? - спрашивает Тетерин.

- Нормально.- Николай взял вилку и потыкал в розовое мясо кумжи на сковородке.- Гуся уронил да пару уток...

- Главный добытчик наш! - не скрывая гордости, произносит Алла Ефимовна.- Жених, да только без невесты..

Николай заливается краской.

- Что стыдишься, ровно девка? Верно говорю, нет девок в Пялице, все поуезжали. А ведь цела деревня была! Да и чего им делать здесь? И Колька из армии не придет, тоже уедет...

- Не уеду, вернусь,- пробормотал тот, еще ниже склоняясь над сковородкой.

- Уедешь! Да и нам, видно, не долго теперь жить,- обращается ко мне хозяйка.- Раньше колхоз у нас не из плохих был, народ работящий. А потом понадобилось кому-то в районе все объединять - Пулоньгу с Пялицей, Пялицу с Чапомой. Объединили! Доры угнали, сети взяли. Мы, лонись, коровник построили новый, трактор купили - у них трактора не было,- все взяли! А там, слышь, болеют коровы сейгод! Вон, Майку на работу вызывают, а куда она за тридцать-то два километра побежит, свой дом бросит? Детишки у ней маленькие, бабка больная... Да хоть и одна была - кому охота в чужих жить? Ни за что она, Майка, не поедет!

- Тут это верно, сплоховали,- примирительно соглашается Федос.- Все там у них, в Чапоме: и правление, и сельсовет. Вишь, Чаваньгу с Тетрином тоже объединили, так там хоть разделение вышло: в Чаваньге председатель, в Тетрино сельсовет. А у нас здесь ничего не осталось. Ну да сам поглядишь...

Днем погода наладилась. Восточный ветер согнал туман, очистилось небо, и все вокруг заиграло красками. Ослепительно сверкает синяя вода, снежные откосы. И тундра оказалась не серо-коричневой, а бурой, красноватой, с желтыми кочками и ярко-зелеными шапками мха. Лето все не наступает, даже лист на кустарнике не проклюнулся, и, хотя на маленьких огородиках возле домов картошку посадили с ростками, вся она успела померзнуть и погнить, а пересаживать, как мне объяснили, уже не имеет смысла - зацвести не успеет...

В отличие от других сел Терского берега, Пялица не жмется у воды, не сбегается в тесный кружок на мысу. Она раскинулась широко и вольготно на высокой ровной террасе, отступя от моря к тыльному склону, даже перебросилась несколькими домами на тот берег реки, через которую над пеной порогов на ржавых тросах подвешен ненадежный, раскачивающийся под ветром мостик.

Человека, знакомого с Русским Севером, с его замечательным деревянным строительством, с "двужильными" огромными домами - со светелками, сенями, взвозами, поветями, нижним зимним этажом, скотным двором, забранным в одну связь и под одну крышу, с узорочьем карнизов, причелин, балясин, водосливов и наличников, с расписными очельями, дверями, заборками и многими другими хитростями крестьянского искусства, - возьмет невольная оторопь при первом взгляде на здешние поморские деревни. Дома невзрачные, неказистые, приземистые, одноэтажные, с низкими потолками, с куцым двором, где едва поместится корова да пяток овец... И лишь постепенно, приглядываясь к жизни и быту поморов, понимаешь, что это не от безвкусицы, не от нежелания красоты, а от строгой заданности жизни, где все подчинено одному - выжить. Здесь нет обилия леса, из которого можно строить хоромы; здесь любое узорочье на теле дома - зацепка дождю и ветру, от которого пойдет дерево гнить. И хозяева в первую очередь думают о невыдуваемом тепле, о надежной защите от мороза и сырости, которые так и норовят проскользнуть за помором в нешироко распахнутую дверь избы.

И все же, даже привыкнув к обычному малолюдью поморских сел, странно идти по этой совершенно пустой, залитой солнцем деревне.

Время близится к полдню. После раннего завтрака у Тетериных сразу же по приезде я ухитрился еще поспать три часа в спальном мешке, брошенном на пол в сенях, где было прохладнее, чем в комнате, и легче дышалось. Теперь, по моим расчетам, деревня должна была жить полнокровной жизнью. Но единственными ее обитателями пока остаются собаки, мелькающие между домами, и несколько овец, тесной стайкой старательно выщипывающие первые зеленые былинки. Правда, кое-где над трубами вьются легкие дымки, свидетельствуя о какой-то жизни, а с берега из-под обрыва доносится пулеметный треск бензопилы: Тетерины, как видно, пилят приплавленные бревна.

Тарабарина я нахожу возле рыбопункта. Худощавый, невысокого роста, подвижный мужчина в полушубке и подвернутой кверху ушанке копается в моторе, разобранном на досках у причала. Как и все северяне, он выглядит значительно старше своих лет: серое обтянутое лицо в морщинах, на скулах и возле глаз сеточка склеротического румянца. И только глаза не по-северному хитры, вприщур. Остановив работу, он обтер замасленные руки о полушубок и поздоровался.

- Вот, едрит его в корень, барахлит! - жалуется он на мотор.- Утром пошли на Кумжевую, а он не хотит заводиться, да и все тут! Ладно, мы сейчас ему свечу вставим!..

Пока Тарабарин возится с мотором, я излагаю свою просьбу. Он понимающе кивает головой, хмыкает, продувает какие-то трубочки, протирает и сгибает контакты у свечей. Потом опять хмыкает, на этот раз удовлетворенно, ставит все на место, дергает ремень на холостом ходу, и мотор заходится оглушительным ревом.

Тарабарин выпрямляется.

- Все. Ну, едрит тебя в корень, лиса такая! Давай занесем его, а потом на почту к Алле сходим, я Каневу позвоню. Они тут с Бабьего к нам собирались. А если не поедут, до Пулоньги я тебя подброшу - там они за тобой придут...

По крутому сходу мы втаскиваем мотор в факторию.

Везде на Терском берегу эти рыбопункты одинаковы. Вероятно, их строили еще в тридцатых годах и с тех пор не перестраивали. Причал, обширное светлое помещение разделочного цеха с длинными деревянными столами и лавками, в пазах которых проступают мелкие кристаллики соли, желоба для стока воды, бочки с солью, овальные деревянные чаны, в которых моют и засаливают семгу. В глубине помещения вход в ледник. Тарабарин ведет меня внутрь, и я вижу стены, сложенные из голубоватых, мерцающих в полутьме крупных брикетов льда,

чаны поменьше для засолки и - пустоту. Только один из чанов прикрыт брезентом. Когда Тарабарин его приподнимает, среди еще не успевших растаять кусков льда, пересыпанных солью, я вижу десятка два крупных рыбин.

- Вот и весь наш улов пока,- горестно говорит Тарабарин.- Меженка уже должна идти, план у нас горит, а вынимаем из сети по три-четыре штуки в день, да и то закрой. Не знаешь?

Я покачал головой.

- Семга из моря в реки идет, икру метать. А сей час холодно, Горло забито льдом, ей не пройти. Вообще-то она прет в реку до ледостава, там в реке, бывает, и зимует, а по весне выходит. Вот это и будет по-нашему закрой,- закрытая она там была... А что с нее толку? За зиму отощала, не нагулялась...

- При такой весне можно было бы взять больше?

- Чего же нельзя? Можно. Поставь невода и бери. Я здесь уже лет двадцать, так эту семгу мы центнерами брали, едрит ее в корень! Зато водоемов знаешь было сколько? И на всех народ сидел, ловил. А сейчас - один. В прошлом году два было: на втором Матвей Петрович сидел, пенсионер. Не знаешь такого? Сходи, побеседуй, говоркой старик... Вон его дом, за рекой. Один сидел! В бригаде четыре человека положено, а он один - и то план выполнял!

- Что же, в этом году стар стал, приболел?

- Не разрешили ему одному,- сразу как-то тускнеет Тарабарин.- Говорят, контроль за рыбаком должен быть. Не только, значит, чтобы он ловил, но и чтоб его, значит, ловили... Да все равно. Я думал, сейгод и меня отсюда переведут, никого не осталось... Так как, пойдем Каневу звонить?

По дороге на почту Тарабарин рассказывает мне о семге.

Кое-что я уже знаю, другое для меня внове. Например, что норвежцы вроде бы нащупали в океане пути движения семги назад, в родные реки, и теперь ставят сети по тридцать и больше километров, перехватывая ее прямо в море. Сети семга с собой, понятно, не приносит, но вот крючки иностранных марок в ней часто находят при обработке. В последнем я усомнился. Не в крючках, конечно, а в том, что крючки эти были направлены именно против нашей, советской семги. Скорее всего это были крючки от так называемых ярусов, многомильных снастей на треску, палтуса и прочую рыбу, которую в случае ее мелкоты семга могла сама снимать с крючка, а при случае и попутаться в ярусах...

Гораздо больше меня интересует обычный прибрежный лов, на котором испокон века стояла Пялица. Или рыбы стало меньше?

Но Тарабарин утверждает, что рыбы сейчас, наоборот, гораздо больше, чем прежде. Она свободно идет в реки, ее некому ловить, а то, что ловится, составляет весьма небольшую часть от действительного ее количества.

Не знаю, насколько он прав, но логика в его рассуждениях есть.

Семгу ловят ставными неводами на морском берегу или на реке, перегораживая ее "забором" из сети, как на Варзуге. Тоня, или водоем,- участок берега с примыкающим к нему морем. Здесь стоят тоневая изба, сушила для сетей, карбасы, амбарчик, якоря, которыми растягивают и крепят гундери, на которых, в свою очередь, крепят сети, ледник для сохранения пойманной рыбы. От берега в море идет сетевая стенка, а на конце ее - ставные невода, верхний подбор которых поддерживают на плаву пенопластовые поплавки. Семга идет над дном, встречает на своем пути стенку, пытается ее обойти и попадает в невод. Тут ее и надо скорее взять, пока она не нашла выхода или же не прыгнула через верхний край сети. Рыбаки подплывают на карбасах, перебирают сеть, загоняя рыбу в один из углов невода, и потом почти разом вываливают ее в лодку.

Вот тут и начинается "действо".

Далеко не сразу удалось мне понять то ни с чем не сравнимое отношение к семге у старых поморов, которое нет-нет прорвется в разговоре за столом, но до конца открывается только на тоне, когда вот так трясут сети, переваливая очередной улов в карбас. На дне его бьются сверкающие тела, пальцы стараются ухватить ускользающих рыб, взлетают и падают с глухим ударом колотушки-кротилки, а глаза рыбаков светятся неприкрытым ликованием.

Столкнувшись с этим впервые, я отметил только азарт жестокости и был, безусловно, неправ.

Нигде больше нельзя увидеть пьянящий восторг, который охватывает рыбаков именно на ловле семги. Серебряным потоком льется через борт в лодку беломорская селедочка - нежный, теперь уже редкий деликатес; падают темные, шипастые и раздутые пинагоры; дергают на крючок треску и навагу так, что только успевай снимать, но ни азарта, ни восторга в таком лове не увидишь. Вероятно, иначе и быть не может. Семга - не деликатес. Семга на севере - основа жизни. Она начинает идти в реки, едва те освобождаются весной ото льда, подходит с моря вместе с теплом и солнцем, идет с небольшими перерывами все лето и осень, пока не остановят ее морозы и мелкая шуга, забивающая семге большие розовые жабры. С приходом семги начинается путина, тепло, радостная летняя работа; вместе с ней

приходит на север изобилие и сытость, отступают болезни, голод и холод...

И все же такое нехитрое вроде бы дело в действительности было сложным, тяжелым, а порой и опасным. "Сидеть на тоне" далеко не просто. В любую погоду, будь то вёдро или ветер, дождь со снегом или волна, рыбак от четырех до восьми раз в сутки выезжает на карбасе, проверяя и опорожняя сеть. Ну а если надвигается шторм, тут надо успеть сети снять и вывезти на берег, иначе их забьет грязь, порвет, заметет песком, а то и вовсе унесет в море... И все это - в пляшущей на волнах лодке, в ледяной приполярной воде, когда заколевают руки и спина уже не в силах разогнуться!

Ревматизм, радикулит, острейший остеохондроз, эндартериит и атеросклероз, расширение и закупорка вен, острые сердечные заболевания - вот далеко не полный список обязательных профессиональных болезней поморов, из которых редкий успевает дожить до пенсии, а еще реже - попользоваться этой малостью с десяток лет...

- Тут все с молоком матери впитывать надо,- подводит своеобразный итог своему рассказу Тарабарин.- Сила и здоровье - это одно. А другое - опыт и знания должны быть, их с детства только получают! Я полжизни с рыбаками прожил, вроде бы все то же знаю, что и они, а посади меня сейчас бригадиром новую тоню ставить, снасть заводить - не потяну. Сделать сделаю, как положено, даже улов будет, а вот чтобы с гарантией - ни за что не получится! Этим жить надо. Тут за каждым рыбаком поколения стоят...

Действительно, сколько нужно терпения, знаний, труда, сил и опыта, чутья, наконец, чтобы найти на морском дне место, где только и можно ставить сеть, правильно развернуть ее, сообразуясь с ходом рыбы, поставить так, чтобы сети не замыло песком, не затянуло тиной - в грязную сеть никакая рыба не зайдет...

Отсюда и "арифметика", как выразился заведующий факторией. На каждую тоню надобно четыре человека, людей знающих. Чтобы они подменять друг друга могли и так все лето ловить. Ведь надо и домой отлучаться, и продукты завезти, смены установить, чтобы отдых был - не может человек все двадцать четыре часа у окна сидеть и следить за сетями, а в промежутке веслами махать! Пялицкие на пулоньгских тонях сидеть не могут -мест не знают, да и далеко. Когда объединили с Чапомой -и на своих сидеть стало некому, вот рыба свободно и идет вдоль берега, некому ее брать...

Нет людей - нет рыбы. А людей с места тронули, уже не

вернуть!

Тарабарин говорит о своем деле с увлечением. У него глаза даже как-то заискрились, когда он рассказывал мне о семге, о ее повадках, о том, как она "правой ноздрей" ищет в море струйку родной реки, в которой родилась и в которой только и будет метать икру, поскольку заходит в реку именно справа... Наверное, на Зимнем берегу точно так же уверяют, что хеморецепторы у семги расположены в левой ноздре - там-то ей приходится заходить с левой стороны! Но за всем тем я понимаю, что передо мной не просто "сборщик рыбы", а человек, увлеченный своей работой, прикипевший сердцем к этому краю, тревоги и горести которого для него совсем не безразличны.

На почте все происходит неожиданно легко и быстро. Сосновка отозвалась сразу на вызов Аллы Ефимовны, к телефону подошел Канев и подтвердил, что завтра в Пялицу отправится карбас с Бабьего ручья, пастухи пойдут. Меня они возьмут на обратном пути, так что никакой проблемы нет.

Остается ждать, и, поблагодарив Тарабарина, я отправляюсь бродить по окрестностям села.

3.

Море по-прежнему пустое и холодное. Наступила куйпога, как здесь называют отлив. Вдоль берега обнажились песчаные корги, над ними с криком кружатся чайки, высматривая поживу, а от самого берега в море протянулись узкие длинные мережки, облепленные тиной. В такую снасть семга не зайдет, разве только мелкие, серовато-желтые камбалки с белым брюхом - подспорье для хозяек, которые сейчас по колено в воде проверяют нехитрые ловушки.

И я снова поворачиваю к Тетериным...

Пялица - маленькое, уже поверженное, доживающее последние годы - а может, месяцы? может, дни? - село. Уже обескровленное, наполовину вырубленное. Каким оно было раньше, когда в нем кипела жизнь? С какими мыслями, с какими надеждами здесь жили люди, ставившие добротные, прочные, теплые дома, в которых любили, рожали, растили детей, откуда уходили, чтобы обязательно вернуться?

Ничего этого я никогда не узнаю.

В 1913 году в Пялице стояла церковь, 34 дома и жило 310 человек, у которых в хозяйстве было 73 коровы, 130 овец, 460 оленей, 35 карбасов и 90 лодок. В 1938 г. здесь уже был рыболовецкий колхоз "Прибой", но людей стало на треть меньше - всего 194 человека. А сейчас - не больше тридцати человек. Грустная статистика! Но разве она виновата?

Передо мною настоящее, которое уже давно стало прошлым. Археологический факт современности, который я пытаюсь понять.

Прошлое понимать гораздо легче, чем настоящее. Прошлое - это всегда только схема, скелет, с которого снят покров индивидуальности. Скелеты людей, у которых при жизни нельзя было найти ни одной общей черты, удивительно похожи друг на друга. И все же мне не по себе, когда я разговариваю со здешними жителями, живущими в преддверии неизбежного отъезда. Они говорят о том, что было, о своей прошлой жизни, как о чьей-то другой, потому что между ней и теперешней пролегла глубокая пропасть, края которой уже никогда не сойдутся. Даже если произойдет чудо, ничто не вернется "на круги своя".

Страшнее всего, что сознание этого их не возмущает. Тот факт, что жизнь расколота надвое, их теперь вроде бы никак не трогает. И это не бесчувственность, не непонимание.

Это - смирение.

Вместе со смирением приходит безразличие. Ко всему. Даже к самому себе. Остается единственный импульс: продержаться.

Как-нибудь. Продержаться... до чего?

Мне было бы, наверное, легче, если бы они возмущались, требовали вернуть колхоз, просили о помощи, смотрели на меня такими же глазами, как старухи в Порьей Губе. Это стало бы свидетельством их жизнеспособности, сил, желания переиначить случившееся. А вот так, смириться, жирным крестом равнодушно перечеркнуть жизнь свою и своих близких, прошлое своего рода и своей земли... Наверное, чтобы такое понять, надо самому пройти через это шаг за шагом - от борьбы к надежде и от надежды к смирению. Впрочем, мне трудно понять потому, что сам я жил совсем иной жизнью - вернее, в иной жизни. Та, в которой жили они, была настолько трудна и тяжела, что, возможно, выработала в людях не смирение, как представляется мне, а такое вот сверхъестественное терпение. И за ним вовсе не отчаяние, а глубокая мудрость человека, привыкшего не лезть на рожон, не переделывать зиму в лето, а следовать природе, воспринимая и этот поворот событий, разрушающий до основания столетиями возводимый порядок, как очередное стихийное бедствие, человеку неподвластное.

Может быть, и так.

Весь этот разброд в мыслях и какое-то тяжелое, гнетущее чувство, которое может быть просто следствием акклиматизации - весна в высоких широтах не шутка! - я ощутил после разговора с Устиновыми.

За реку к Матвею Петровичу, о котором говорил Тарабарин, я не пошел: подвесной мост был еще не доделан, перебредать быструю полноводную Пялицу в коротких сапогах было делом немыслимым, и старший Тетерин, начавший ремонтировать крыльцо, посоветовал мне вместо этого заглянуть к Устинову. По его словам, Григорий Алексеевич был всю жизнь рыбаком, знал здесь все и вся, после объединения с Чапомой вышел на пенсию и уехал в Кировск, откуда приезжал в Пялицу только на лето.

Сейчас он был здесь, прилетев с одним из первых рейсовых самолетов, рискнувших приземлиться на еще не совсем просохшей летной площадке за гидрометеостанцией и футбольным полем на краю береговой террасы. Дом его стоял напротив тетеринского.

Поднявшись по ветхим ступенькам на высокое крыльцо, я толкнул дверь в сени, огляделся и постучал.

- Входи, входи! - раздался из-за двери женский голос.

В светлой низкой избе было просторно и пустовато. Полная немолодая женщина стояла возле печи с ухватом в руках.

- Дома ли Григорий Алексеевич? - спрашиваю я, поздоровавшись.

- Дома, дома. Куда ему деться! Вон, спать повалился только что,- кивает она на кровать и, когда я делаю движение к двери, останавливает:- Куда же вы? Слышь, Григорий, вставай, гости пришли!

С кровати, неторопливо повернувшись, поднялся пожилой мужчина, щуплый, с заспанными глазами и заметной плешью. Он зевнул, потянулся, пожал мне руку и пригласил сесть.

- Делать-то больше нечего, вот и спишь,- оправдывался он, прикрывая рукой зевок.- Да и погода нелетная. Ты бы, Фатина, самовар нам поставила, что ли...- обратился он к жене и тоже пересел к столу.

Разговор тянется вяло. На мои вопросы Устинов отвечает односложно, словно бы еще не проснувшись или с неохотой ввиду явной бесполезности воспоминаний: да, ловили здесь много всего, разную рыбу - и кумжу, и селедку, и сигов, и навагу, и пинагора, не говоря уже о семге, семга всегда шла хорошо. Если не считать Пулоньги и Сосновки, к ним, пялицким, первым она подходила из океана, потому-то здесь и тони уловистые. Перед войной много зарабатывали на зверобойном промысле. Зверь был и здесь, под самой деревней, и дальше. Охотники собирались в Сосновке и в Поное... Неплохо зарабатывали на оленях: подряжались с ними в извоз ходить, по экспедициям, транспорта другого не было, а теперь это стало никому не нужным, все самолеты да вертолеты, ну и людей нет...

Веселее пошло, когда Фатина Григорьевна поставила на стол самовар.

- Мужиков было вдоволь, весело работали,- вспоминает о прежних временах Устинов.- Как пойдут косить по Пялице, по Кумжевой, ряд за рядом, только ножи сверкают... А водоемы - через полтора, через два километра каждый. И одни мужчины сидели, женщин не брали. А сейчас никого не стало! Раньше человек с армии вышел - в колхоз едет, было к чему ехать. А теперь к чему?

- Как же так получилось, Григорий Алексеевич? - допытываюсь я у него.

- Как получилось? Да все так, считай, с войны пошло. Мужиков-то всех поубивали, бабы остались с ребятишками - по пять, по шесть. Много ль наработаешь? Отцы не пришли... Ну, а молодежь сейчас учиться не хочет. Раньше четыре класса кончали и дома оставались, на селе, а теперь десять классов кончил и дальше пошел. Если в армию ушел - все, больше не вертается. Вот и нет людей! А нет людей - и водоемов нет, некого посадить. Раньше как? Летом, основное, на тоне живешь, основное - это тоня, семга. Обеспечил себя на год - живешь. Зимой на торосы

уедешь, на морзверя. План колхозу выручали и себе зарабатывали. Рыбка своя - у нас тут всю зиму навага, лови только. Куропатки опять же... Картошка своя - это сейгод только неурожай будет. Мясо свое, молоко свое, чего еще надо? У хозяина если коровы нет, он на трудодни получает, покупать не надо. Деньги на хлеб там, на чай, на сахар шли. Мережки под берегом стоят, удим рыбку, когда река упрется. Так что люди вывёртывались! Которые побольше зарабатывали, те получше жили, а у кого заработок послабже, те, конечно, хуже. Ну и колхоз старался, чтобы таким помочь: там водоем хороший даст или на заработки куда направит пойти, в производство, на ледоколы...

Устинов слегка оживился. То ли от воспоминаний, то ли от выпитого чая, лысина его заблестела от пота, он расстегнул ворот рубахи, руки забегали по столу, и сам он стал как бы моложе. Нехитрый рассказ о напряженном труде, не оставлявшем минуты на отдых, оценка жизни, масштабом которой была возможность заработка, обеспечивающего саму эту жизнь,- жить, чтобы зарабатывать, зарабатывать, чтобы выжить,- не допускал мысли о каком-либо ином укладе с праздниками, бездельем, увеселительными поездками... Безделье может быть только вынужденным, как несчастье,- по болезни или когда падет непогода, и это не в радость, а в самую тяжелую душевную маету, потому как пропущенное уже не наверстать...

- Можно, можно жить было,- подтверждает молчавшая все это время Фатина Григорьевна.- Кабы люди на водоемах были, ни за что бы хозяйство в развал не пошло. И кому понадобилось нас укрупнять? Словно на материке, где все рядом, дороги построить можно, пашня везде есть...

- Кому? Известно кому: наш предрика перед областным начальством выслужиться захотел! - поворачивается к ней Устинов.- Ведь как было? Приехал председатель райисполкома, еще кого-то с собой привез из района, то ли начальника милиции, то ли прокурора. Собрали общее собрание: давай объединяйся, давай руку поднимай! А кто голосовал? Настасья, да Агнея, да Бушмарев - пенсионеры все. Другие говорят: не надо. А их не послушали. Людей-то не было - кто на покосе, кто на водоемах сидит... Ну и соединились! Коров угнали, лошадей угнали. Сеновал новый на сорок тонн только что выстроили - он и сейчас пустой стоит, гараж под трактор... Все впустую! Сколько водоемов было, считай: Чернавка, Пялицкое устье, Кокора - три? Синий камень, Быстрица, Скакун - ну, Насониха! - шесть? Погорелое, Большая Кумжевая - вот тебе восемь водоемов. А все снасти в Чапому увезли. Сейчас на Большой Кумжевой, считай, два портка в воду спущено, и подменить в случае чего нечем. Они на Истопке

нашими сетями третью тонну долавливают, а у нас еще два центнера только...

- Так что, выходит, зря объединялись? - пробую подвести итог.

- Да как ты через тридцать два километра объединен будешь? - рассердился Устинов.- Дороги нет, все морем али самолетом. Вот и говорят те, что остались: а это уже не наше, не пойду!

- Майка вот ехать не хочет, а ее требуют,- вставляет Фатина Григорьевна, и я понимаю, что положение неизвестной мне Майки интересует и волнует сейчас всех жителей Пялицы.- Коров-то о прошлом годе угнали. Я на ферме дояркой семнадцать лет работала. Ревила, когда угоняли-то! И в Кировск не поехала бы ни в жисть, а только ему, вон, лечиться надо, да и заработков никаких не стало. А пенсия - колхозная, на нее не проживешь. Вот мне пятьдесят два года, на Севере у нас вольнонаемные женщины с пятидесяти на пенсию идут и обеспечены, а я на нее все еще вкалываю! У сестры в Кировске на двенадцати метрах живем. А какая у меня теперь пенсия выйдет? Да если бы пенсия хорошая была, разве ж я от своего дома куда поехала?

- Это точно, что пенсия,- соглашается с женой Григорий Алексеевич.- Что рыбак? Он на тоне сидит, на водоеме. Так у него из последних лет какая пенсия? Силы не те, что в молодости...

- И не в этом еще дело,- круто сворачивает разговор Фатина Григорьевна.- А в том, скажи прямо, что кроме рыбы никакого дохода у нас теперь нет. Зверя не бьют, а что ты здесь вырастишь, никуда не денешь. Много ли молока в колхозе надо? А остальное куда? Телятам сливаешь! На самолете в Умбу не повезешь, триста верст... А картошку или мясо куда денешь? Падет погода, поморозишь да сгноишь. Дорог-то у нас нет. Вон, до Кузомени, до Варзуги из Умбы дорога есть, так и то они не знают, что со своими сливками да яйцами делать. Из Варзуги в Кузомень молоко возят, а из Кузомени в Варзугу - яйца. А колхоз теперь у нас один, тоже объединили! Так все впустую производство и идет, между собой крутимся...

- Может, все дело в председателе? - пробую я направить разговор в интересующее меня русло.- Не оборотистый, скажем, замены требует. Вот в Сосновке, слышал я...

- Конешно, от руководителя многое зависит,- соглашается Устинов.- Слабого поставишь, так он тебе все производство развалит. Пробовали! Кого только не избирали: и своих, и из района к нам привозили, кто там проштрафится... Да разве такие-то нужны? А что до Сосновки, то там другой разговор: у них нацменский район, льготы у них там...

- Были льготы, а теперь нет,- отозвалась от печки Фатина

Григорьевна.- У них, слышь, олени доход дают.

- Ты не путай, процент остался,- поправляет ее муж.- А олени - это точно, с оленей живут.

- И молодежь, значит, повернуть нельзя? - делаю я последнюю попытку услышать от своих собеседников хоть какой-то положительный ответ в оценке создавшегося положения.

- А что здесь ей делать, молодежи? - вдруг уди вился Устинов.- Она теперь фертом ходит, ей на все наплевать! Полетых не стало,- в годах, значит. Полетой пойдет, за ним смотреть не надо, он к работе привычен. Старики раньше косили, так он косой под кустом не достанет - руками вырвет. Веточка стоит - он и веточку вырвет, чтобы в другой раз не мешала. А молодежь? Вокруг куста выкосит, а под кустом - черт с ним, не надо, это все колхозное! А колхозное, значит, чье? Не наше разве? На тоне, бывало, сидишь, каждый трепок прибираешь. Летом тихо - снастенка послабже постоит; к осени погода падет - покрепче ставишь. А теперь только и слышишь: давай новое! Чуть порвалось - под ноги, в утиль... Грамотные больно пошли, руки свои берегут, вот что!

- Ну, тоже, ты не скажи, разная молодежь есть, - вступается за молодых его жена.- Это мы свой век на тоне просидели да в коровнике. И не видали ничего, сейчас, на старости лет, пенсию зарабатываем. А молодежь пожить еще хочет. Да ты сиди, сиди, не ершись! Правду тебе говорю! К чему она сюда поедет? За нами старье прибирать? Вот сделают совхоз или в гослов передадут - тогда дело другое...

- А чем же в гослове лучше? - интересуюсь я, поскольку уже не раз слышал от рыбаков здесь, на Берегу, о бригадах гослова, как о какой-то мечте - сладкой, маловероятной, но иногда все же достижимой, если выпадет такой фарт.

- Во-первых,- начинает загибать пальцы Устинов,- там тебе зарплата ежемесячная, твердый оклад, гадать не надо - получишь что али шиш. Во-вторых, снасть всю необходимую дают и спецодежду, а это значит - не свою трепать! В-третьих, пенсия настоящая, не колхозная, да и снабжение не то...

Он долго загибает пальцы, начинает считать сначала, и все равно выходит, что при теперешнем положении никак нельзя оставаться здесь рыболовецким колхозам, надо их ликвидировать, потому как при гослове будет куда лучше...

Вот и вышел я после разговора с Устиновым в некоторой душевной растерянности. Что здесь делать и можно ли что-то сделать? Или надо признать, что мой приятель, способствовавший разорению Пялицы, прав? И не только рыболовецкие колхозы, насчитывающие от силы сорок лет, но и поморские села, стоящие

на этих берегах и четыре, и шесть веков, должны теперь сгинуть, исчезнуть, уйти "в город"? А ведь вопрос вовсе не в том, кто и как будет этот самый "город" кормить. Вопрос совсем в другом - что свяжет человека с землей, с природой, от которых его и так уже оторвала современная цивилизация? И то, что деревня сейчас предстает перед нами в самом неприглядном своем виде - в развале, в пьянстве, в бессмысленной, преступно низко оплачиваемой работе, от результатов которой зависит не только существование народа и государства, потому что от железок и химии еще никто сыт не был, но и само здоровье нации,- явление не только не закономерное, но, прямо сказать, искусственно созданное, временное, которое требует своего скорейшего исправления...

Я уверен, что через пять-десять лет снова потянутся люди из городов в село, поняв все выгоды трудной и в то же время многократно, окупающей себя работы на земле. Но к чему им будет возвращаться? К каким пепелищам? Труднее всего начинать сызнова, когда перед глазами как предупреждение высятся развалины надежд твоих предшественников. Вот почему надо так бережно относиться к наследию прошлого, в том числе и к деревне российской, сохранив все, что еще возможно из стоящего на земле - дома, поля, дороги, тропинки, по которым я хожу вокруг Пялицы...

Дороги долговечнее людей. Римскими дорогами до сих пор пользуются и в Италии, и во Франции, и в Северной Африке... Спустя полсотни лет находишь в лесу дорогу, все еще соединяющую давно уже не существующие деревни. Вот и здесь - люди почти совсем ушли, а тропинки, выбитые их ногами и ногами их предшественников, еще ведут тебя по кругу их былых забот - к заброшенным полям, к зарастающим покосам, ветвятся причудливой сетью вокруг деревни, ведут к былым коровникам, к новому сеновалу, к гаражу, на летное поле, на берег...

Приглядываясь к ним, пройдя из конца в конец, по этим тропам при желании можно прочитать всю историю Пялицы - так много требовалось настойчивых человеческих ног, изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение утаптывающих мириады песчинок, срывающих с камня медлительный цепкий лишайник, чтобы тропа оказалась вбитой так глубоко, не зарастая полярной березкой и ивой, не разрушаясь упорными здешними ветрами...

Обойдя с востока село, я выхожу к реке, к порогам.

Здесь, балансируя на камнях, ребятишки ловят форель. Они забрасывают в водовороты небольшие блесенки, раскручивая их над головой, и быстро-быстро выбирают назад. Иногда форель хватает приманку, и на берег с ликованием выбрасывают

сильную, коричневую со спины и пятнистую по бокам рыбку, хищную и увертливую.

Рядом со мной останавливается Коля Тетерин с рюкзаком и ружьем за плечами.

- Как, повезет вас Тарабарин?

Я говорю, что в Пялицу завтра должен прийти карбас от пастухов с Бабьего ручья за каким-то делом и на обратном пути они захватят меня с собой в Сосновку. Николай кивает.

- Значит, Володька Канев приедет, брат председателев,- утвердительно, как о давно известном, говорит он.- Володька в пастухах ходит, стало быть, на Бабьем сейчас. У них в Сосновке водки нет, всю выпили за зиму, а у нас прошлый год завезли, да пить некому, они и гонят карбас... А я в лес собрался! Хотите, вместе пойдем?

В лес идти я не готов, но проводить Николая вверх по реке соглашаюсь. Перевесив ружье на другое плечо, он идет впереди широким и легким шагом, чуть враскачку, каким ходят бывалые охотники.

- Значит, все-таки уедете отсюда? - спрашиваю я, вспомнив утренний разговор.

- Придется,- Николай не останавливается.- Делать здесь нечего. Так бы я не уехал никогда. Нравится мне здесь, куда лучше, чем в городе. Да ведь все один! Раньше и в Пялице ребята были, но ушли в армию, а назад не вернулись, поразъехались кто куда... Работы здесь настоящей нет: монтер - это не работа. Вот радистом я бы остался, механиком, если бы колхоз был. А так что? Я лес люблю, рыбу ловить, охотиться... Так ведь это баловство одно, не работа!

-А в рыбаки? - спрашиваю я, припомнив, как усмехнулся в карбасе его отец, когда я предположил, что он тоже рыбак.

- Нет.- Николай произносит это с такой же чуть насмешливой интонацией, как Тетерин-старший.- В такой колхоз, как наш, я не пойду. Без толку это! Вот если бы здесь хозяйство было по-настоящему поставлено, свое производство, морские суда, можно было учиться, перспектива была, тогда бы и задумываться не стал, а так... Нет, не пойду!

Он замолчал.

Мы идем по берегу Пялицы, поднявшейся от полой воды, сбегающей в нее бесчисленными ручьями из окружающих болот, невидимых озер, разбросанных по тундре, из далеких лесов, откуда она берет свое начало. Два месяца назад я проводил весну в Подмосковье, а теперь снова нагнал ее у Полярного круга. И это удивительно хорошо.

О красотах Севера написано много и совсем не случайно. Не

боясь впасть в сентиментальность, я скажу, что в этих ярких красках пестрой галечной отмели, в темно-синей воде, отороченной воздушной опушкой нежной пены на перекатах, в кирпично-красных глинистых обрывах, почти черных рядом с зеленовато-голубыми пластами тающего снега, в лилово-красном дыме оживающего под солнцем краснотала, наконец, в самом воздухе, в котором приезжему человеку на первых порах не хватает для дыхания кислорода, есть что-то неуловимое, что обновляет тебя, заставляя чувствовать каждую мышцу своего тела, чувствовать себя не слабым и вялым, а молодым и сильным. Север зовет на борьбу, словно бы на единоборство, и, раз почувствовав, человек тянется к этому, как к вечной молодости. Все это я знаю, снова и снова переживал, приезжая, и мне понятно нежелание Николая расставаться с этим краем, в котором он вырос,- нежелание, которое я встречал у всех без исключения северян.

- Вот объясните мне,- снова заговорил Николай.- Живем мы здесь у реки, у моря, так? А вот ловить рыбу не имеем права. Я не про кумжу говорю, не про форель - про семгу. Конечно же, все ловят - тайком, чтобы другой не увидел. Как можно здесь прожить без семги? Рыбаки на тоне могут взять и сварить себе уху. А вот если кто-нибудь увидит у них соленую семгу - уже штраф, уголовное дело. Разве ж это справедливо? И если, допустим, я поймал семгу, я уже знаю, что я вор, я должен прятаться ото всех, чтобы меня никто не увидел... А купить - нельзя. Я понимаю, она только у вас в Москве или в Ленинграде продается, ну а нам-то как? Почему нам нельзя есть ту рыбу, что мы ловим? Почему обязательно надо ее воровать? И у кого? Выходит, у себя же? Вот ведь что обидно!

Николай затронул самый больной вопрос для всех поморов. Не мог понять этого и я, какие бы доводы - государственные, экологические, экономические и прочие - мне ни приводили, потому что все они оказывались так или иначе аморальны. И никак не мог понять, кто же и когда в нашей стране "победившего социализма" решился запретить людям есть то, что они сами же и добывают? Такого не было никогда на Руси в самые темные и в самые тяжелые времена ее истории, при крепостном праве и при татарском иге, потому что пища, рожденная землей и морем, принадлежит всем, как воздух и солнце.

Самым расхожим соображением было то, что семга - рыба редкая и нужен ограничительный запрет, чтобы она совсем не исчезла. Но Николай перебивает меня:

- Я знаю, так все говорят: сохранить семгу, идущую на нерест. Поговорите с рыбаками, они вам расскажут, сколько этой семги

раньше в реке ловили, сколько тоней на берегу стояло, и не убывала она. Зато как только вышел запрет удочками ловить в реке, щука развелась. А одна щука столько малька семги съест, сколько никогда вся Пялица за десять лет не выловит! Ведь раньше щуки больше семги в реке вылавливали, вот и чистая река была. А если так останется, то семга и совсем исчезнет - щука ее выбьет и лесосплав прогонит...

Возразить было нечего. В Умбе меня пытались уверить, что, дескать, если оставить рыбаков без надзора и запретов, то они по своему неразумию, перевыполняя план, в один-два года уничтожат всю семгу и в море, и в реках.

Доводы эти мне казались малоубедительными. Народ никогда не бывает ни глуп, ни преступен, тем более такой, как этот, сумевший стать добрым хозяином здесь, на рубеже Полярного круга, и за девять веков не только не разрушить окружающую среду, но и внести в нее свое, хозяйственное начало... Правда, это не касалось последних десятилетий, но тут уже действовали постановления, выходящие из-под пера очередных глуповских градоначальников.

Единственным доводом в пользу сплошного запрета была картина, которую я сам видел во время путешествия по Варзуге с районным рыбинспектором.

Умба и Варзуга - две главных реки Терского берега. По Умбе давно сплавляют лес, рыбы там все меньше, а Варзуга теперь для лесосплава закрыта. В ее низовьях находится знаменитая тоня Колониха, поставлен сетевой забор, в отличие от прежних заборов перегородивший реку целиком, не оставляя никакой щелочки для прохода рыбы. Чтобы часть ее все же прошла на нерест, в один день вынимают всю набивающуюся в мотню семгу, а на следующий - всю пропускают. Во всяком случае, так полагается делать, но соблюдается это далеко не всегда: и план горит, и есть людям хочется!

На Варзуге, как и на Умбе, имеется рыбная инспекция, зорко следящая за односельчанами и приезжими. Но, к сожалению, по Варзуге идет сквозной байдарочный маршрут для туристов. Высадившись в Кировске или в Апатитах, туристы проходят на байдарках систему центральных озер, спускаются по тихой, словно бы неживой Пане, входят в Варзугу и скатываются по ней до моря. Недавно этот маршрут был утвержден в качестве "всесоюзного", и надо сказать, что в летние месяцы поезда, идущие в Мурманск, ежедневно доставляют несколько десятков туристов, проходящих речную систему из конца в конец за полторы-две недели.

Что ж, спору нет, верховья Варзуги удивительно красивы.

Кипящие, растянувшиеся на один-два километра пороги, стиснутые отвесными скалами, сменяются спокойными, широкими и глубокими плесами в оправе бесконечных сосновых боров, иссеченных сетью оленьих троп. Выйдешь на берег - и тебя охватывает смолистый отсвет сосновых стволов и невозмутимое безмолвие тайги, тянущейся на север и исчезающей где-то в тундрах... Но идут на байдарках сотни и тысячи туристов, а следом за ними по реке плывет семга с распоротым брюхом - туристы хотят красной икры, сама семга им уже надоела...

- Ну, за такое расстреливать надо,- жестко говорит Николай, и на его скулах ходят желваки. Для него, человека, привыкшего считать семгу на штуки, вести счет всему в окружающей его природе, чтобы не нару шить достигнутого равновесия, сама мысль о чем-то подобном представляется чудовищной.- Это же хулиганы! Лови и охоться, если ты голоден, никто слова не скажет. А кто так развлекается - разве он человек? Вот в том-то все и дело! Если бы нам разрешили, как прежде, ловить для себя, на еду, мы бы сами и охраняли реку, куда лучше, чем рыбнадзор. Свое же и охраняли бы! А так - чье оно? Говорят: ваше, колхозное. А взять - нельзя... Глядите, глядите!

На яме ниже переката я успеваю заметить блеснувшее серебряное тело и услышать громкий всплеск. Тяжело качаясь, по течению расходились круги.

- Силища какая...- приглушив голос, произносит Николай.

В этот момент он и сам преобразился: мгновенно напрягшиеся мускулы распускались, и на лице вместе с полуулыбкой проступала почти детская восторженность, что удалось подсмотреть этот, почти всегда удивительный миг...

4.

Хожу по Пялице, знакомлюсь с ее обитателями, а сам памятью невольно обращаюсь к другим селам Терского берега, да и всего Поморья, где довелось побывать. И в первую очередь - к Варзуге, поразившей меня своей красотой и необычностью. Впрочем, вспоминать Варзугу есть много причин. И я не удивляюсь, когда вечером, за столом у Тетериных, разговор незаметно сворачивает на это село, откуда родом Алла Ефимовна.

Самым ярким впечатлением от Варзуги остался у меня, конечно же, варзугский хор - действительно деревенский хор, сохранивший древние распевы, присущие только варзужанам, свой репертуар, а главное, оставшийся "самодеятельным": его участницы так же работали на полях, на фермах, так же, как остальные, выполняли всю трудную крестьянскую работу. А если и выезжали, то редко и не дальше Мурманска.

Я был одним из первых, кому посчастливилось записать хор и сделать о нем несколько передач по Всесоюзному радио - пластинка с записью этих же песен, подготовленная стараниями Д. М. Балашова, писателя и этнографа, который составил полный свод песен и сказок Терского берега в двух томах, вышла на год или два позднее...

Хор был примечателен еще и тем, что доносил до слушателя и зрителя не реставрированную, не подкрашенную гримом и фантазией декоратора музыкальную и художественную культуру Берега - подлинную народную культуру одного из глубинных уголков России, сохранившую традиции очень давних времен. До сих пор помню ни с чем не сравнимое ощущение, когда впервые увидел певиц, идущих по улицам древнего села в ярких старинных костюмах с расшитыми серебром и золотом повойниками на головах. Они шли, постукивая каблучками сапожков по деревянным мосткам, собираясь на спевку в доме Александры Капитоновны Заборщиковой, одной из организаторов этого хора. Входили степенно, чинно рассаживались по лавкам.

Уже вечерело. Чисто вымытые желтые стены избы были залиты медово-красным закатным светом. За окнами пронзительно синела река, изумрудной зеленью после дождя горели зеленые склоны холмов, окружавших село, а напротив, на правом, высоком берегу реки, высилась гордость варзужан, церковь Успения - стройная шатровая красавица, построенная в середине XVII века, в которой накануне торжественно был открыт первый народный музей древнерусского искусства.

Церковь Успения была всемирно известным памятником

деревянной архитектуры Русского Севера. И хотя в тридцатых годах нашего века приехавшие из уезда "безбожники" успели порушить колокольню, прежде чем их повязали сбежавшиеся с тоней мужики, сам храм они отстояли - и тогда, и совсем недавно, когда, под предлогом "спасения" уцелевших памятников архитектуры, повсеместно начали свозить со своих исконных мест дома, церкви, амбары, мельницы, разрушая исторически сложившиеся ансамбли и пейзажи, в полном смысле слова лишая народ его культурного наследия. Так называемые "музеи под открытым небом" стали кладбищами красоты, воспитывавшей поколения сельских жителей ежедневно, ежеминутно там, где они и были поставлены. Поветрие дошло и до Мурманска, а поскольку церковь Успения, один из четырех оставшихся в Варзуге храмов, оказалась единственным памятником деревянного зодчества в области, так как собор в Коле благополучно сгорел, то решено было ее разобрать и перевезти в Мурманск.

И снова "мир" встал стеной, постановив, что не отпустит из своего села памятник своим дедам и прадедам, чьими стараниями он был не только поставлен в XVII, но и реставрирован в XIX веке и чьи имена перечислены в памятной надписи, хранящейся на стропилах шатра под маковкой...

И вечер, и река, и панорама села - все настраивало на особый лад. Собравшиеся сосредоточенно молчали, точно прислушивались к тишине, из которой должен был прийти к ним какой-то главный, определяющий звук, и вдруг запели - медленно, протяжно.

Начинала одна, к ней пристраивались другие голоса, находили свое место в общей слитности звука. Песня ширилась, набирала силу; словно дека скрипки, начинало резонировать сухое дерево стен; и вдруг, совершенно явственно, стирая слова величальной песни, в слитной мелодии для меня зазвучали перезвоны колоколов. Это было поразительно. Ударяли большие колокола; колокола поменьше выводили мелодию; ее украшали, развивали и обрамляли переборы маленьких колоколов и колокольчиков, расцвечивали, плели затейливое кружево звуков, и тут-то снова вступали главные, ведущие, чтобы наполнить силой и протяженностью взявшую разбег песню...

Не поручусь за точность, но тогда мне показалось, что эти величальные песни, входившие обязательной частью в свадебный обряд, сохранились варзужанами с самых давних, по-видимому еще новгородских, времен. Иначе как случилось, что в противоположность песням московской Руси, где жениха принято величать "князем", здесь неизменно звучало слово "боярин"? Князья в Новгороде, как известно, были временными, жестко

ограниченными в своих правах и обязанностях, почему и не было у новгородцев к князьям того раболепного почтения, которое так укрепилось на московской Руси с татарским игом...

Теперь, отправляясь в Сосновку, я собирался навестить Варзугу на обратном пути и захватил с собой пакет с фотографиями хора, чтобы передать певицам. - А мы их перешлем, давайте! - предлагает Алла Ефимовна.- Тут же все наши: вот это стоят племянницы мои, это - невестка, а вот эти - сестры двоюродные... И сама Александра Капитоновна теткой мне приходится...

Терский берег, как я мог заметить, несмотря на своеобычность говора каждого селения, пронизан прочными нитями родства, знакомства, различных "свойств", приятельств, являя собой как бы одну большую семью, только расселенную по разным домам, отстоящим друг от друга на тридцать, на шестьдесят, а то и на двести с лишним километров. Здесь помнят родство по третьему и четвертому "колену". Стоит в разговоре упомянуть чье-либо имя, и твой собеседник если не припоминал происхождение этого человека, не знал его в лицо, то обязательно называл кого-нибудь, кому тот приходился родней или приятелем.

Но в Варзуге был не только хор. В Варзуге находился наиболее крепкий рыболовецкий колхоз Берега - "Всходы коммунизма".

На следующий день после выступления хора мы сидели с председателем колхоза Александром Ивановичем Заборщиковым в правлении. Разговор наш в известной мере и послужил для меня толчком в попытке понять "болезнь" Берега, поскольку даже Варзуга, представлившаяся поначалу процветающим хозяйством с налаженной экономикой и крепким коллективом, при внимательном рассмотрении являла те же симптомы разрушения, что и остальные села, разве что не столь бросающиеся в глаза.

Разговор начался с того, что я порадовался за Варзугу, на улицах которой встречалось много молодежи. Но Заборщиков поспешил меня разочаровать.

- Это уже не наши,- кивнул он в окно на проходивших мимо правления ребят.- В гости приехали. Тянет их город! Да и так подумать: что мы предложить им можем? На тоне сидеть? В Атлантику идти рыбачить? Есть у нас два сейнера, океанским ловом занимаемся, да только большую часть дохода ремонт съедает: изношенные суда нам продали, списывать их надо было... Вот выйдут сейчас из ремонта - и снова в океан. А толку что? И заработок там вроде бы неплохой, а заинтересованности у ребят нет. Силой гонишь! Семейные совсем не идут. Вот и

выходит, что большая часть команды - вольнонаемные. И здесь доход мимо колхоза идет...- Заборщиков вздохнул.- А тут сидим на Колонихе, возле забора. Это наша главная тоня, речная, с нее колхозу основной прибыток. Из морских - только две остались. На Катаринской Степан Конев сидит да за Кузоменью к Индере бригада - вот и все. Нет людей! Раньше ведь на каждом километре тоня была, а то и чаще. Сам, наверное, видел...

Мы помолчали. Я вспоминал низкий песчаный берег, протянувшийся километров на десять от устья Варзуги, красную пустыню, которая наступает на Кузомень, остатки тоневых избушек, чернеющий на берегу частокол шестов, на которых когда-то сушились сети, завалы белых, оглаженных морем бревен в песке, ржавые якоря, остатки воротов...

Еще в самую первую поездку по Терскому берегу с председателем райисполкома в глаза мне бросились следы удивительной обжитости этих мест, так контрастирующие с первым романтическим впечатлением нетронутости и первозданности. Впрочем, так ли уж они контрастировали? Здесь глаз не встречал битого кирпича, ржавых консервных банок, клочков бумаги, железного лома и мазутных пятен - всего того, с чем в наших более населенных местах мы вынуждены мириться, как с неизбежным и трудноискоренимым злом.

Здесь еще не ощущалось угнетающего противостояния цивилизации природе. Былая обжитость и наступившая дряхлость Берега сказывались в другом. Они представали то в виде тоневых изб, перед которыми в море были выметаны сети, лежали на песке лодки, якоря, бегали собаки, то приметами заброшенных тоневых участков - а таких было много больше,- когда от избы чернело одно основание, рядом стояла покосившаяся, выбеленная дождями и солнцем сетевка, догнивали полузасыпанные песком старые карбасы, белели остатки ворота, которым вытягивали на берег в случае шторма тяжелые рыбацкие доры...

И все же даже в оставленном не чувствовалось равнодушия и заброшенности, того унылого запаха запустения, который тоскливо охватывает тебя в полуразрушенных домах, лишенных хозяев и смысла своего существования - того, что я впервые ощутил в Пялице. Не потому ли и в Кузомени, стоявшей на краю песчаной пустыни, старое, серебристо-серое дерево построек, расцвеченное черными, красными, зелеными и золотыми брызгами лишайника, не показалось мне чем-то чужеродным среди песка и вычищенного ветрами, выбеленного морской солью плавника, отмечавшего границы штормового своеволия волн?

После красных, прикрытых вереском скал, каменистых осыпей, песчаных пустынь и тундры долина Варзуги, в которой

пряталось от ветров село, в первый момент представилось мне земным раем. Среди ярко-зеленых полей и лугов тянулась ультрамариновая синь реки, синели наливавшиеся соком огромные кочаны капусты, а в речной пойме бродили упитанные коровы.

По сельскому хозяйству - по урожаям, надоям молока - Варзуга неизменно занимала одно из первых мест в районе. С этими показателями варзужане не раз выезжали на Выставку достижений народного хозяйства в Москву, получали почетные грамоты, серебряные и бронзовые медали. Прекрасное по жирности молоко, удивительные по аромату и вкусу сливки... Если при этом вспомнить, что Варзуга находится всего в тридцати километрах от Полярного круга, то надои по четыре с лишним тысячи килограммов молока или урожай картофеля до двухсот пятидесяти центнеров с гектара могут показаться фантастикой.

Но выяснилось, что ни председатель, ни другие варзужане никакого восторга перед этими показателями не испытывают. Почему? Заборщиков мне объяснил:

- Мы и больше можем получать, только для чего?

Ведь каждый труд должен приносить доход, верно? А у нас? Кому это богатство пойдет? Колхозникам? Допустим, корова есть не у каждого, да теперь и все меньше их держат. Огороды - у всякого свои. Вот и получается, что все произведенное в оборот внутри колхоза не пустишь, а вывозить - некуда. За сто сорок километров в райцентр не повезешь, да еще по нашей дороге, сам знаешь, какая она... Куда молоко девать? Телятам сливаем. То же самое и с овощами. В прошлом году убытка от них мы получили на тридцать семь тысяч рублей: урожай был хорошим, вывезти не смогли, хранить негде, вот и померзло все. Дорогу настоящую строить? Так она и в пятьдесят лет не окупится. Государству невыгодно,, а нам - не под силу. Вот и остается - летом море, а зимой самолет, да и то когда погода летная. Сельское хозяйство нам только убыток приносит...

- Почему бы его вам не сократить? - спросил я и по тому, как на меня глянул председатель, почувствовал, что сморозил глупость или непристойность.

- Да кто же нам разрешит? Району сверху спускают план - сколько чего посеять, сколько чего убрать... Чтобы его выполнить, все это мы должны сделать. Но в плане этом не сказано, что собранное еще надо вывезти и реализовать. Что будет с собранным - никого, кроме нас, не касается. С нас ведь не реальные молоко, мясо и картофель берут, а всего только цифру, ради которой мы надрываемся, вот в чем дело! А какими силами мы ее получаем, во что это соревнование нам обходится - никому

и дела нет. Нет, о том, чтобы сократить свое подсобное хозяйство, мы и думать забыли!

- В кабинет вошла Евстолия Васильевна Гурьева, парторг колхоза, одна из запевал варзугского хора. Она и в полеводстве работала, и молочной фермой заведовала, а в молодости, как мне рассказывали, наравне с парнями несколько лет подряд ходила в Атлантику на колхозных судах. В Варзуге ее любили и уважали за принципиальность, веселую энергию и редкий организаторский талант.

- Ну что, мужики, до чего договорились? - спрашивает она, крепко, по-мужски, пожимая нам руки. - Да вот видишь, Евстолия Васильевна, товарищ сельским хозяйством интересуется, сократить его предлагает,- серьезно произнес председатель.- Только вот по шее нам с тобой дадут, верно? Это уж доход точный, можно не сомневаться!..

- А я тебе что говорю, Александр Петрович? Послушать журналистов, как они пишут,- все легко пойдет! - Она рассмеялась весело и заразительно, но тут же посерьезнела.- Пробовали, просили, доказывали - все впустую! Словно и не с живыми людьми говоришь, а с портретами. Сейчас вот меженка идет, ловить надо, рук не хватает на берегу, а мы с завтрашнего дня рыбаков с тоней снимаем на покос,- на одних бабах далеко не уедешь... Стало быть, опять одна Колониха ловить будет, а все, что накосим, в прямой убыток пойдет...

Я поинтересовался, есть ли возможность развивать какие-либо промыслы, которые сейчас в такой моде и могли бы дать приработок деревне, чтобы рыбакам заниматься одной рыбой, не отвлекаясь на сельское хозяйство.

- Есть, - быстро ответила Гурьева, поняв мой вопрос по-своему.- И летом, и зимой на озерах ловить рыбу можно. Раньше так и ловили, а теперь почему-то озерную рыбу у нас перестали принимать, не нужна она стала. А ведь рыба-то хорошая: сиг, щука, кумжа, окунь, сорожка... Всегда селедку ловили, помногу, а теперь она вдруг калянусной оказалась, тоже нельзя...

- ...?!

- Калянус - рачок такой маленький,- пояснил Заборщиков.- Им селедка беломорская питается. Если она сытая, наелась калануса, а ты ее поймаешь и солить станешь, то у нее иногда брюшко лопается,- а это под ГОСТ не подходит, видишь ты! Наловишь, привезешь - и выбрасывай... И добро бы вред от калануса этого был, а то просто некондиция... Что же, ее голодную искать? Вот у той качество верно, хуже. А после говорят - перевелась беломорская селедочка, не ловится... Ловится, да только у нас ее не берут! Ну а какой еще у нас промысел может

быть?

- Вот в Чапоме песцы иногда хороший доход дают,- подсказывает Гурьева.- Звероферма у них. Так опять же руки рабочие нужны и корм доставать надо. Они у моря, а к нам еще почти тридцать верст по песку везти!..

- Раньше, я слышал, у Варзуги и олени были? - осторожно осведомился я у собеседников.

- Олени есть у нас...

- Олени что! Это на востоке с оленями хорошо, тундра там,- перебивает Гурьеву председатель.- Раньше у Кузомени, Варзуги, Оленицы и Кашкаранцев вместе оленей больше тысячи голов было, а теперь они только у нас в колхозе - сто сорок голов. И то не впрок - пастбищ настоящих мало, леса у нас вокруг...

- Мало ягеля, а тот, что есть, для своих коров копаем, сена-то не хватает на все колхозное стадо, ягелем прикармливаем зимой...

- У нас олень только на внутриколхозных работах, на перевозках,- на мясо держать невыгодно,- продолжает Заборщиков.- Для рыболовецких колхозов Терского берега цены на оленину установлены ниже, чем, скажем, в Саамском районе. Там выгодно оленей разводить, а у нас нет, у нас пока не выгодно. Да и как ты их сдавать станешь? В Мурманск стадо гнать через весь полуостров или в Саамский район?

- Так-то народ у нас пока неплохо живет,- Гурьева вернулась к разговору, который мы вели с ней накануне.- А что уезжают - так это не только у нас, это по всей стране в города потянулись. И клуб у нас есть, и самодеятельность, а все равно молодежи скучно. Перспектив нет! Рыбак, полевод, животновод - вот и весь выбор. Ну и, конечно, никакого благоустройства: село есть село. Даже хуже стало. После того как нас с Кузоменью соединили, в Варзуге остался медпункт, а больница - в Кузомени. В медпункте только фельдшер, акушерки по штату не положено. А село-то большое! Приходится везти роженицу за двадцать километров по нашим-то дорогам! В дороге и рожают. Вот бы того, кто такие правила придумывает, к нам рожать привезти...

Поздоровавшись, в кабинет вошел невысокий мужчина в телогрейке, вытертой меховой шапке и подвернутых резиновых сапогах. Это был Чунин, знакомый уже мне бригадир с Колонихи. Сел, вытащил из кармана пачку "Беломора", закурил.

- Ну, как там у тебя, Андрей Семеныч, дела? - спросил его Заборщиков.- Идет рыба?

- Мало.- Чунин помолчал, словно набираясь сил, и - как отрубил:- Ты мне вот что, Александр Иванович, скажи: завезут к нам керосин или нет? С собой таскаем, кто из села идет. И к тебе,

Евстолия Васильевна, вопрос: почему кино не крутят? Два раза показали, а теперь механик отказывается.

- Разберусь,- пообещала Гурьева.- А как косят мужики?

- Что, косят? Накосили почти план. Оселков нет...

- Я звонил уже в район, обещают прислать,- несколько торопливо проговорил Заборщиков, словно чувствуя за собой вину.- Да вот Кожин говорит, что в сельпо еще два ящика стоят. Почему не берете?

- А что их брать? Сыпятся они, не держат. У нас тоже ящик стоит, да хоть не бери...

- Позвоню еще, напомню...

- И дай команду, чтобы на Колониху хлеб возили. А то стыд - у попутных одалживаем или своих посылать приходится...

Я слушал этот разговор и думал, что в нашей городской московской жизни с ее налаженной службой быта, которой все мы недовольны, с ее многочисленными магазинами, в общем-то бесперебойным снабжением, с почти круглосуточной работой транспорта, множеством всего остального, что образует и поддерживает четкий пульс города, нам и в голову не может прийти, от каких "мелочей", казалось бы и внимания не заслуживающих, не то что разговора, зависит жизнь и работа колхозника, если и разгибающего когда спину, то потому лишь, что она готова переломиться от ежедневной, ежеминутной работы. Нет керосина - нет света в избах; нет оселков - все, встал покос, когда каждая минута на счету: не дай бог, вывернет погода на дождь, и все труды прахом пойдут! Нет хлеба - на рыбе одной долго не протянешь...

- А газеты носят? - поинтересовалась Гурьева.

- Это каждый день приносят, не обижаемся. И радио у всех есть, обеспечили приемниками рыбаков.- Он снова помолчал и уже не требовательно, а с каким-то глубоким, словно давно затаенным укором прибавил: - А на Устье вчера опять только первым сортом семгу приняли...

- Это почему же? - забеспокоился председатель, и по его беспокойству, по тому, как напряглась мгновенно Гурьева, я понял, что вот это-то и привело сюда Чунина, поскольку было для всех самым важным.

Чунин помолчал, рассматривая то ли пол, то ли свои сапоги, и все так же, не поднимая глаз, произнес:

- Током бьем. Говорят, портится она от этого, кровоизлияния у нее в брюхе происходят. Вот мужики и не рады, что ток поставили!

- Что ж они раньше-то молчали? - Председатель поерзал на стуле, словно ему стало неудобно на нем сидеть.

- И раньше бывало, говорили тебе, Александр Иванович,- не глядя на председателя, жестко произнес Чунин, словно припечатывая и тем как бы заканчивая бесполезный и неприятный разговор, от которого он не имел права уклониться. И - взглянул на меня.- Ты как семгу есть будешь? - спросил он на правах старого знакомого.- По чешуе ее в Москве покупаешь или по вкусу?

- А я ее в Москве и не вижу, Семеныч! То ли она в Москва-реку не идет, то ли не на той тоне в столице сижу! - в тон ему ответил я.- Мы ее больше по картинкам знаем, да по телевидению иногда показывают, чтобы не забывали, какая она есть...

Разговор этот был не первым, и возникал он всякий раз, как только я оказывался среди рыбаков. Дело заключалось в том, что при приемке семги на рыбопунктах рыбаков обдирали, что называется, как липку, и все потому, что ловят семгу - какая в сеть придет, а принимают "соответственно утвержденных стандартов".

А стандарт таков.

Первым сортом - два рубля двадцать копеек за килограмм - идет крупная семга, у которой нет внешних повреждений, не сбита ни одна чешуйка. Поэтому каждую крупную рыбину приемщик осматривает особенно придирчиво, и так же внимательно, хотя и понимая всю свою беспомощность, стоят и смотрят на процесс оценки рыбаки. Если сбито десяток чешуек на спине или обнаруживаются шрамы на теле, поскольку и тюлени, и белухи не прочь полакомиться семгой, да и мало ли желающих еще найдется в океане,- такая семга идет уже вторым сортом, в полтора раза дешевле - 1 рубль 76 копеек за килограмм, хотя гастрономические качества рыбы от этого нисколько не страдают. Мелкая семга принимается у рыбаков по 1 рублю 12 копеек, а "нестандартная" - с 15-процентной скидкой от третьего сорта.

Вот почему рыбаки, поднимая сеть, стараются не только не упустить, но и не повредить семгу. Отсюда и быстрота, и спешка, похожая на азарт, потому что от рыбака требуется мастерство и сноровка одним точным ударом деревянной "кротилки" оглушить рыбу, чтобы она не билась в карбасе, не ранила себя и не сбивала чешую.

Теперь на Колонихе, несмотря на сопротивление рыбаков, ввели забой рыбы током. Прежде чем поднять "тайник", в который набивается рыба, путь которой вверх по реке перегорожен сетевым забором, на три-четыре минуты включают ток, идущий от пластины к пластине, расположенным по обеим сторонам "тайника", и рыба засыпает. Однако приемщики на рыбопункте и здесь обнаруживают дефекты: на внутренней стороне брюшка

выступают полоски небольших кровоподтеков, из-за которых сортность семги еще снижается.

Но на этом метаморфозы семги не кончаются.

Семгу с рыбозасолочных пунктов после разделки и засолки сдают уже не по экстерьеру, а по качеству засолки, которая зависит от мастера. При этом прежний высший сорт может стать вторым, что, надо сказать, никогда не происходит, а третий - высшим, что, наоборот, происходит всегда, если не случается чего-то сверхъестественного. Разница от этой пересортицы остается, естественно, в графе прибылей рыбоприемных пунктов, причем почти полностью за счет труда рыбаков, сказываясь не на выполнении плана, а на их прямых заработках. Вот на это они и жаловались.

- Тут уж не наша власть,- горько усмехнулся председатель колхоза.- Хорошо еще, что вообще нам хоть что-то за семгу платят. А ведь было время,- помнишь, Семеныч? - когда нам эту семгу соленой треской отоваривали. Скажем, сдаем мы тонну семги, а нам за нее - центнер соленой трески, которую мы вместо заработка рыбакам раздаем... Так что хотя и спорим на приемке, а - сдаем. Куда денешься?

- Было такое,- подтверждает Чунин.

- Вы вот подсобными промыслами интересовались,- обращается ко мне Гурьева, словно желая замять неприятный и бесполезный разговор.- Так вроде бы никаких особых у нас нет: охотятся зимой некоторые, медведей стреляют, мясо сдают в сельпо. Там белку, куницу, лису или росомаху подстрелят, только это все случайно... Одно время куропаток ловили, сдавали - хороший промысел был! И вот еще что припомнила: Варзуга-то наша жемчужная, испокон века славилась своим жемчугом. Я в Мурманске в музее была, там написано, что варзужане на одном только жемчуге до революции пятнадцать - двадцать тысяч зарабатывали ежегодно. Так это ведь еще в тех деньгах, в царских! На нынешние перевести - в десять раз можно увеличить, не ошибешься... Да ведь и твой отец, наверное, еще за жемчугом ходил, так ли? - поворачивается она к Заборщикову.

- Ходил,- соглашается тот.- В деревне и сейчас старики живы, которые жемчуг промышляли... Вон хоть Ивана Ивановича Заборщикова взять - тот еще перед первой войной собирал жемчуг. И в реке, говорят, сейчас он развелся, много его стало, а куда сдавать? Спроса нет.

- Это верно, что спрос,- подтвердил Чунин.- Был бы спрос, так и теперь бы занимались. Бывало, мальчишки мы, у деревни ракушки собирали: откроешь ее, а там зернышко лежит. А теперь куда? Если и найдешь, ребятишкам отдашь или выкинешь... Не

нужен он теперь, что ли?

- Вот тебе и промысел,- подводит итог Гурьева.- Вернуть бы его - и людям хорошо, и колхозу. Капиталовложений не надо, только собирай. А ежели еще разводить его, как у японцев? Тогда, может, и ребята оставаться бы в селе стали, и Варзуга бы наша иной была...

И она задумчиво посмотрела в окно.

За окном видна была синяя широкая река, рыжие песчаные обрывы противоположного берега, замшелые срубы старых домов, яркая до неправдоподобия зелень короткой травы возле изб. За полем, на косогоре, куда убегала дорога, уже начинался лес, окружавший село со всех сторон.

Везде в Варзуге - ив чисто подметенных проулках, и в ровном порядке старых домов, и в тщательно выполотых, обихоженных полях, и в том, как отстояли варзужане, не дали снести главную гордость села, вековечный памятник мастерства и высокого вкуса их предков - церковь Успения,- чувствовал я привычку к основательности, к упорному труду, потому что именно труд был неизменной основой здешней жизни. Труд на полях, в лесу, на покосе, летом - в море, зимой - на торосах... И хотя временами он оказывался тяжек и неподъемен, хотя часто - слишком часто! - видели они, что не получают за него ничего, что их обсчитывают и обделяют,- жизнь свою они не мыслили без труда. И, может, поэтому так переживали, что молодежь, оторванная от дома, учившаяся в интернате, равнодушно, а то и с презрением относится к тому, чем наполнена их жизнь.

Люди эти любили свою землю, свое море; любили за красоту и неподатливость человеку, у которого в этом вечном преодолении природы и самого себя вырабатывался такой же упорный, такой же крепкий и основательный характер, заставляющий делать на совесть все, за что бы человек ни взялся...

И, вспоминая о Варзуге здесь, в Пялице, я подумал, что такие древние центры Севера, каким было это старинное красивое село, по сравнению с другими селами - с той же Пялицей, Кузрекой, Порьей Губой - с течением времени обрели особый "запас прочности", помогающий им сопротивляться процессам, которые подтачивают и уничтожают Берег, хотя на всем его пространстве проявляются они в общем-то одинаково.

5.

Утром, когда я еще только умывался, появился Тарабарин. Несмотря на ранний час, вид у него был уже достаточно оживленный.

- Ну как, отдохнули? - приветствует он меня.- Давайте завтракайте и собирайтесь - пришли с Бабьего, скоро назад...

- Ты не торопись-ко, ешь получше, холодно на море-то,- останавливает меня Алла Ефимовна.- Все равно раньше обеда никуда не поедут, а то и позже: вишь, погода какая? Да и прилив сейчас идет. Покуда полная вода не встанет и обратно не тронется - никуда не поедут. На восток с отливом идти надо, встречь его только бензин жечь... Да они сейчас еще набрались, отсыпаться будут. Всю ночь шли, как их еще хватило-то!

Действительно, спешить не пришлось. День был серый, туманный, с мелким дождиком, временами покрывающим непросыхающие лужи мелкой рябью. По сведениям, которые изредка приносили младшие сыновья Тетериных, приехавшие сначала пили чай, а потом повалились спать у Петра Самохвалова, помощника Тарабарина - высокого, стройного моториста с отчаянными, немного фатоватыми глазами рубахи-парня. Потом, ближе к полудню, проснувшись, они отправились в магазин, после чего опять пили чай...

В предчувствии долгого, а главное - холодного пути я тоже успел подремать, пообедать у Тетериных, соскучиться в ожидании, когда уже за полдень прибежал сын Самохвалова и сказал, чтобы я шел к рыбопункту.

На причале было пусто. В карбасе стояли ящик водки, два мешка с мукой, мешок с солью. На мешках, закутавшись в тулуп, сидел мальчишка лет двенадцати, тоскливо поглядывая из-под приспущенного очелья ушанки на пустой берег.

Я поинтересовался, где же остальные? - Не знаю,- еле слышно ответил тот.- В деревне...

Подошел Тарабарин, удивился, что никого нет, и тоже ушел. Я остался сидеть на причале. Прячась за пустыми бочками от пронизывающего ветра с моря, разглядываю теперь уже вроде бы до мелочей знакомый пейзаж - залив, пороги, красно-зеленые скалы, серую свинцовую воду,- временами ругая себя за то, что потащился на север, не дождавшись лета.

Проходит еще с полчаса, и над обрывом показывается процессия. Впереди, чуть покачиваясь, идет невысокий коренастый парень лет двадцати трех - двадцати пяти, с широкими скулами, острым носом и подбородком, хитрыми, чуть

раскосыми карими глазами. В руке он нес рюкзак, в котором побрякивали бутылки. Подойдя, представляется: "Володька". Это и есть младший брат председателя, о котором говорил Коля Тетерин.

Следом, поддерживаемый с одной стороны Тарабариным, а с другой Петром Самохваловым, спустился пожилой мужчина в новом черном полушубке и такой же черной шапке-ушанке, надвинутой несколько набекрень. Лицо его, загорелое и изрезанное морщинами, непроницаемо спокойно, а припухшие веки, прикрывавшие черные с лиловым, как у оленей, отливом глаза, выдающие саамское происхождение, делают его похожим на изваяние из старой красноватой бронзы.

Он молча проходит мимо меня, с трудом залезает в карбас и начинает пробираться через мешки на корму.

- Может, все-таки не поедешь, Иван Андреевич? - спрашивает его Самохвалов с заботливым беспокойством.- Отоспишься, а завтра с утра... Володька мне подмигивает: - Согрелся наш Иван Андреич... Иван Андреевич все так же молча добирается до кормы, усаживается там, на секунду открывает глаза и, когда Самохвалов повторяет вопрос, разражается длинной речью, постепенно распаляясь, так что в конце из неясного сначала бормотания выделяется:

- ...Ты, Петя, не бойся, ничего... С Иваном Андреичем ничего не будет, верно я говорю, Володька? За Ивана Андреича не бойся! Придем в аккурат на Бабий... А ты кто такой? - вдруг совершенно трезво спрашивает он меня, широко открыв при этом глаза, видя, что я тоже сажусь в карбас.- У тебя права есть к нам ехать? Я тебя с собой не возьму, если у тебя прав нет!

- Вот чумовой! - искренне восхищается Тарабарин и подталкивает меня.- Садитесь в карбас, проспится он, едрит его в корень! - А кто он такой?

- Я ж говорю - чумовой... Телышев Иван Андреич, в Сосновке "красным чумом" заведует... Это вроде нашего клуба или "красного уголка" по-саамски. Выпил малость... Они всю ночь с Бабьего шли, да еще против течения, вот и устал немного.

- Нет, а ты кто? - продолжает приставать ко мне "чумовой".- Вот я - лопарь, Володька - он коми, ижемец. Сейчас сядем и уедем. А ты кто такой? Я тебя не видел вчера...

- Не видел, так еще увидишь... Садись, Иван Андреич! - Володька сильно толкает приподнявшегося было Телышева, и тот покорно падает на кормовую банку, привалившись к румпелю.- Ты, может, спать ляжешь, а я поведу?

- Ложись спать, Володька, ложись, все в аккурате будет! - снова покорно забормотал Телышев.- Ну и ты садись, коли залез,-

милостиво разрешил он мне.- Разберемся с тобой на месте...

- Петя,- обращается Тарабарин к Самохвалову.- Ты мотор вынеси. Мы их за корги выведем, а то уже отлив пошел, как бы на камни не сели. Слышь, Иван Андреич? Сейчас мы перед вами пойдем, держи точно следом!

- А не опасно с таким выезжать? - спрашиваю я Тарабарина, потому что вид пьяного саама на руле в этот промозглый день вызывает у меня кое-какие опасения.

Тот рассмеялся.

- Ничего, все в порядке будет! На море свежий воздух промоет, едрит его в корень! Не беспокойтесь...

Если утром иногда нет-нет да ощущалось где-то близко солнце, теперь все окончательно засерело. С моря неслись клочья холодного тумана, заставляя кутаться в плащ и натягивать на себя все, что только было под рукой.

Пока Телышев неуклюже возился на корме с мотором, Володя Канев бросил на дно карбаса овчинный тулуп, подсунул под него хлорвиниловую пленку так, чтобы сверху она образовала подобие пузыря, и стал устраиваться ко сну, предварительно освободив место и мне. Мальчишка, который ожидал их, прикорнул на мешках, накрывшись с головой брезентом. Как выяснилось, Володе он приходился племянником - сын его брата Павла, тоже пастуха.

Всего их четыре брата Каневых. Старший, Георгий Андреевич, последние семь лет работает председателем колхоза, так что "новость" его заступления на эту должность была весьма запоздавшей. Павел - пастух, как и Владимир; четвертый брат, Петр, следовавший за Георгием по старшинству и бывший до него председателем колхоза в Сосновке, теперь перебрался в Краснощелье, в центр Саамского района. Все они потомственные пастухи, воспитанные отцом, знаменитым Андреем Каневым, знают оленя и тундру лучше, чем кто-либо другой в этих местах, и с конца прошлого века, когда их семья перебралась с Печоры на Кольский полуостров, являют собой своеобразное ядро оленеводства в Сосновке - сначала оленеводства частного, а потом - колхозного.

Все это урывками мне успевает сказать Володя, пока укладываемся спать.

- Нравится вам ваша работа? - спрашиваю я его.

- Чего? - Вопрос его так удивил, что он даже перестал укладываться, и я понял, что сморозил какую-то несусветную чушь.

- Вы ведь пастухом работаете? Вот я и хотел спросить - интересная у вас работа.

- Это бывает! - Володя хмыкнул как-то неопределенно.- Вы укройтесь получше, холодно на воде-то...

Тарабарин с Самохваловым кружились на полубрамке рядом, когда Телышев наконец завел мотор, и мы следом за ними медленно двинулись в море между уже обнажавшихся корг и камней. Тарабарин вывел нас с полмили от берега, где начиналась достаточная глубина, объехал вокруг и, пожелав удачи, отправился назад. Мы остаемся одни.

Справа, сзади и впереди у нас море. Слева, сквозь пленку, которой я накрыт, с трудом просматривается серый туманный берег. Холодно и промозгло. Поверх полушубка Телышев успел натянуть клеенчатую малицу апельсинового цвета и теперь сидит неподвижно с полузакрытыми глазами и незажженной папиросой, приклеившейся к отвисшей губе. Кажется, он ничего не видит, ничего не замечает, опершись о румпель и, таким образом, закрепив его намертво своим телом.

Под днищем журчит вода, монотонно шлепает волна в скулу карбаса, по накрывающей меня пленке за борт и на дно сбегают соленые ледяные ручейки. Пленку рвет ветер, ее приходится все время придерживать, и пальцы от холода быстро немеют.

Путешествие кажется нескончаемым. Серый, затянутый туманом берег тянется пустынно и однообразно, постепенно понижаясь. Затем опять идут высокие холмы, песчаные бугры, обрывы, прорезанные узкими щелями впадавших в море ручьев. Кое-где у самой воды чернели старые тоневые избы. Только одна из них была жилой. Из трубы у нее шел дымок, от берега в море тянулись белые поплавки выметанных сетей, в которые мы чуть было не врезались, и я понял, что это и есть Большая Кумжевая, о которой несколько раз вспоминали накануне.

За Большой Кумжевой потянулись длинные песчаные раздувы - огромные пространства песка, наступавшие на тундру, как настоящая пустыня.

Глядя на них, я вспомнил о другой песчаной пустыне на Терском берегу, возле Кузомени, между Варзугой и морем, по которой, решив сократить путь, я шел и шел в прошлом году, возвращаясь от геологов, и мысли потихоньку скользнули по другому руслу, занимавшему меня своей неопределенностью.

С геологами, работавшими на аметистах, я познакомился во время первой поездки в Варзугу,- с теми самыми, которые этой зимой посоветовали мне отправиться в Сосновку. Их лагерь находился между Кузоменью и Кашкаранцами, на самом берегу моря, возле знаменитой скалы Корабль, которая, как уверяли поморы, издали удивительно похожа на судно, потерпевшее аварию. Может быть, я не совсем хорошо представлял себе

попавшее на камни судно, или изменился рисунок скалы, но ничего корабельного я не заметил в ней ни в первый, ни в последующие разы, когда мне приходилось подъезжать или подходить к этому месту, все равно, с востока или с запада.

Красный терский песчаник, залегающий под морскими и речными отложениями почти на всем пространстве Берега, здесь разбит множеством мелких и крупных трещин, по которым в отдаленные геологические эпохи не раз и не два поднимались холодные и горячие растворы. Они застывали, кристаллизовались, становились минералами, которые нарастали друг на друге, образуя причудливые сочетания, заполняли трещины, и теперь весь этот район представляет своего рода минералогический музей, где главное место принадлежит аметистам - разновидности кварца, окрашенного солями алюминия в фиолетовый цвет.

Впрочем, такое определение будет весьма условным. Эрик Ховила, начальник геологической партии треста "Самоцветы", который уже несколько лет ведет изучение этого месторождения, рассказал мне, что здесь они насчитали девяносто шесть разновидностей аметистов - от бесцветных, чуть зеленоватых кристаллов, через различные оттенки лилового, дымчатого, до черного мориона, так называемого "дымчатого топаза", на самом деле ничего общего с действительным топазом не имеющего.

Месторождение это уникальное, другого такого нет во всем мире, но для ювелирной промышленности особой ценности не представляет. На мысе Корабль кристаллы мелкие. Они образуют щетки и в огранку не могут пойти еще и потому, что красящее вещество распределено не по всему кристаллу равномерно, как это положено, а слоями, в виде тонких пленок.

Вместе с аметистами здесь встречаются желтые кубики барита, баритовые "розы" - удивительно красивые сочетания кристаллов, похожие на цветок,- многоцветные полосатые флюориты, ромбики кальцита, чистейшей воды иголочки горного хрусталя.

Как объяснил мне геолог, выходы этих минералов есть и на других участках берега, только не в таком количестве и не столь удобно для разработок. Между тем подобные месторождения могли стать основой для развития камнерезного промысла на Терском берегу. Пластины пресс-папье, наборы кристаллов для коллекций, пепельницы и письменные приборы с прожилками этих минералов, играющих всеми цветами радуги, безусловно, имели бы широкий спрос. Обрабатывать терский песчаник не трудно, инструменты здесь требуются простые, вполне доступные для маленьких артелей, которые могли бы стать очагами

развития художественной промышленности в поморских селах. Новое интересное ремесло позволило бы остановить отход молодежи в города, дать приработок колхозникам на время долгой зимы. Если же вспомнить, что на Терском берегу, кроме аметистов, есть выходы прекрасного ярко-зеленого поделочного камня амазонита, жилы таинственно мерцающего беломорскита, а в районе Умбы залегают зеленые, насыщенные гранатами породы, точно так же прекрасно поддающиеся обработке, то будущее камнеобрабатывающее производство окажется обеспечено сырьем на много лет...

Странно только, почему мысль об этом никому не приходила в голову раньше? Потому ли, что на Руси до XVIII века, до появления саксонских и богемских мастеров горного дела, вообще не было развито камнеобрабатывающей ювелирной промышленности, если не считать царских алмазников?

Или потому, что об этих богатствах никто не знал?

Но аметисты бросались в глаза всем, кто хоть раз прошелся по Берегу. Об их существовании на мысе Корабль знал здесь каждый помор, равно как знали и о других местах выхода этих минералов.

Или, действительно, чтобы подобный промысел появился в более чем традиционном хозяйстве поморов, которое было рассчитано исключительно на получение продуктов жизнеобеспечения и никогда - на предметы роскоши, требовалось настойчивое вмешательство извне, привнесение уже готового опыта с навыками, инструментами, налаженными путями сбыта? Ведь и обработка жемчуга, и жемчужное шитье не получили распространения в Варзуге и вообще на Берегу: поморы добывали жемчуг, но предпочитали продавать его необработанным.

Об этом стоило подумать. Ведь и все остальное - семгу, прочую рыбу, оленей, морзверя и другие продукты промысла - поморы предпочитали продавать сырьем, отказываясь от первичной обработки и теряя на этом, в конечном счете, весьма крупные суммы.

Впрочем, аметисты кто-то разрабатывал, и довольно успешно.

Когда я был на мысе Корабль, геологи показали мне обширные шурфы и траншеи, обнаруженные ими в лесу, дальше от берега моря. По тому, как они были засыпаны песком и отвалами, по старым пням сосен и можжевельника можно было видеть, что разработки здесь вели давно, не меньше двух-трех сотен лет назад. Добытчиков интересовали не щетки мелких, хотя и густо окрашенных кристаллов аметиста, а крупные, бледно-лиловые или зеленоватые, цвета прозрачного бутылочного стекла кристаллы кварца. В архиве Соловецкого монастыря, которому

принадлежали некогда эти земли, никаких упоминаний о горном деле на Терском берегу не сохранилось. Скорее всего, добыча шла в XVII веке: вставки из очень похожих камней геологи обнаружили на окладах икон и служебных книг как раз того времени.

Судя по остаткам штолен, разработки велись с размахом, во вскрышных работах участвовали, по-видимому, десятки человек, как можно полагать, здешних крестьян, и все же, несмотря на уже заведенное дело - камни-то надо было обрабатывать! - оно не дало никаких побегов, не привилось...

А с чего начинать сейчас? Вероятно, со школ, с уроков труда, чтобы заинтересовать молодежь.

Пялице это, во всяком случае, уже не под силу, а вот для Варзуги и Кузомени могло бы открыть интересную перспективу.

...Тарабарин не ошибся: путь наш, как и все имевшиеся на нем корги, мысы, отдельные камни, Телышев знал, оказывается, не хуже, чем собственный дом. По-моему, первые полтора часа он вел карбас вообще не открывая глаз, и только дважды мы царапнули днищем песок. Потом холод с моря расшевелил и его. Он начал ежиться, ерзать на банке, закурил. Прежде сонный его взгляд стал осмысленным и острым. Мне показалось, он даже улыбнулся, приметив, как я ворочаюсь под тулупом и пленкой. Володя Канев спал рядом мертвым сном. Лишь однажды, словно услыхав звонок какого-то невидимого будильника, он приподнялся, взглянул на берег и, проговорив: "Пулоньга уже...", снова улегся на полушубок.

Отвернув угол пленки, я увидел низкие берега, пустынное устье реки, маленькую избушку на конце длинной песчаной косы, а чуть поодаль - остатки фактории, за которыми начинались высокие гряды песчаных дюн.

После Пулоньги берег изменился. Сначала слева поднялись высокие обрывы, почти сплошь затянутые снегом, по которому, словно свежие раны, тянулись следы глинистых потоков и зияли полумесяцы оползней. Потом глинистые холмы как-то разом кончились, и из-под них появились скалы.

Далеко оторвавшись от низких каменистых мысов, из моря поднимались скальные островки и просто отдельные глыбы, окруженные пеной прибоя. Кое-где, оставленные приливом, на них лежали огромные толстые льдины, издалека похожие на гигантских белых медведей.

Мы шли уже шестой час, видимость стала совсем плохой, со стороны моря дул резкий, холодный ветер, напоминавший о близости сплошных ледяных полей, скрытых туманом.

- Подходим, скоро Бабий! - толкнул меня в бок Канев.

Он успел основательно выспаться, хмель у него давно прошел, и по всему было видно, что крепкому парню такое путешествие по холодному морю в два конца - дело обычное.

- Ну как. Иван Андреич, живой? Может, сменить тебя? - прокричал он Телышеву на корму. Тот отрицательно качнул головой и махнул рукой в сторону берега, где виднелись длинная изгородь и какие-то навесы.

- Старый загон для оленей,- поясняет мне Канев.- Сюда они выходят...

Зашевелился и Володин племянник под брезентом.

Для меня, как для каждого горожанина, олени - и домашние, стадные, и дикие, еще живущие в сосновых борах вдоль рек Терского берега,- поначалу были окружены ореолом если не романтики, то, во всяком случае, экзотики. Встречи с ними оказывались чрезвычайно редки. Небольшие, отбившиеся от стада группы в пять-шесть оленей пугливо бросались при встрече в сторону или паслись на дальних высоких холмах, зорко оглядывая прилегающую местность.

Зато их следы попадались на каждом шагу. В первую очередь в глаза бросались тропы - более узкие и глубокие, чем те, что выбиты ногами человека. Они пересекали водоразделы почти под прямым углом по отношению к человеческим тропам. И везде - на берегу моря, в лесу, на каменистых, поросших ягелем и лишайником увалах, на сухих тундрах - то там, то здесь я примечал погрызенные лисами оленьи рога и остатки скелетов, оставшихся от пиршеств медведей и росомах.

- А сейчас где? - Кричать приходится в ухо, чтобы перекрыть ветер и стук мотора.- Олени, говорю, где сейчас?

- В лесу. Холодно, вот и нет их. А уже пора! Каждый день выходим, смотрим тропу.

- А кто с оленями?

Он не понял вопроса, и я переспрашиваю, кто сейчас пасет оленей в лесу. Володя удивился:

- А чего их сейчас пасти? Сами ходят. Все равно ничего с ними не сделается, никуда в другую сторону не уйдут, только на берег, вот сюда... Они по своим тропам ходят. А мы все здесь, вторую неделю ждем их выход...

Он объясняет, что в июне, когда обычно устанавливаются теплые дни, не то что этим летом, пастухам нечего делать возле стада. Отёл прошел, "пыжи", как называют новорожденных, уже встали на ноги, окрепли, и пастухи уходят на берег моря, чтобы ждать оленей на местах их постоянного выхода.

Вместе с теплом поднимаются комары, мошка, овода, и олени сами бегут из леса на берег, где ветер хоть немного сдувает гнус.

Правда, стадо при этом рвется на части, и главная забота пастухов - не упустить по пути к морю оленей в стороны - на другие реки, в леса, в другой район. Вот почему каждый день кто-либо из них выходит за двадцать-тридцать километров от берега и "смотрит тропу" - появились ли следы оленей и куда они ведут...

- Так что сейчас для вас отдых, можете отсыпаться? - расспрашиваю я.

- Зачем отдых? - опять удивляется Володя.- У нас работы всегда хватает. Сейчас сани делаем к осени, упряжь чиним, ремонтируем загоны - выбраковывать оленей будем, клеймить. Для колхоза на зиму надо дрова заготовить, отсюда плавим.- Он показал на груды выброшенного морем леса, лежащего внавал на скалах берега на всем протяжении нашего пути.- А сенокос начнется, опять же мы пойдем косить для колхоза - по Пулоньге, Погорелой, по Бабьей реке...

- Ну, в этом году какой сенокос? - усомнился я, вспомнив невеселые разговоры в Пялице.- Тепла нет, вон сколько еще снега!

- Может, и не встанет трава,- соглашается Володя.- Мы у себя в колхозе и смесь сеяли, и картошку садили, а все погнило. Нет лета! Вот и олень на берег не идет, некому его из леса гнать... И с рыбой то же самое. Бригады выехали, а все зря. Вчера звонили в колхоз, даже якорей поднять не могут, лед на берег прет. У нас ведь в эту сторону тоней нет, все водоемы на север, к Поною. "Боровский" пройти не может, без продуктов сидим. Муку с самолета сбрасывали, да и та вся уже вышла, хорошо в Пялице оказалась, везем. Ну, вот и пришли!

Я приподнялся. За семь часов хода, иззябнув и окоченев, я столько думал об этом Бабьем ручье, где нас ждет теплая, жарко натопленная избушка, в которой можно отогреться и отоспаться, что не терпелось ее увидеть. Даже все мысли, связанные с поездкой в Сосновку, сейчас вытеснились этим простым и нетерпеливым ожиданием.

"Земля обетованная" выглядела сурово. Карбас заворачивал в неглубокий залив, где из воды торчали камни и скалы. Плотным и толстым слоем лежит по обрывам снег, сбегая круто к воде. На камнях, обсохшие по отливу, зеленеют большие ноздреватые льдины, загнанные сюда ветром и течением. Телышев, разом оживший, привстал, всматриваясь вперед, и поворачивал карбас на малом ходу то вправо, то влево, лавируя среди известных ему подводных камней. И я не сразу разглядел предмет наших семичасовых вожделений - маленькую, похожую на конуру избушку, приткнувшуюся на скале между камнями и снегом.

- Успели,- удовлетворенно произносит Володя.- Еще минут на

двадцать опоздать - ни за что бы не войти...

Телышев направляет карбас к полузаваленной снегом расщелине, в глубине которой шумит ручей. Здесь стоит еще один такой же карбас. Вдоль тропинки, выбитой в крутом снежном откосе, протянут канат, цепляясь за который можно подняться на берег.

От избушки навстречу уже шли пастухи.

- Идите, без вас разгрузим,- легонько тронул меня за плечо Володя, когда я взялся за один из мешков с мукой.

Вокруг маленькой избушки сидят и лежат собаки, привязанные поодиночке к столбам и кольям, желтеет свежая щепа, только что напиленные и частично уже наколотые дрова. Под навесом у одной из стен белеют свежие полозья для саней.

Оставив рюкзак в сенях на ворохе оленьих шкур, я толкнул дверь и вошел внутрь.

Избушка была маленькой, прокопченной, как банька, густо наполненной едким дымом печки, перемешанным с табачным дымом. Два крохотных оконца смотрят в разные стороны - на море и на тундру. Вдоль стен два деревянных топчана, покрытые оленьими шкурами, достаточно широкие, чтобы на каждом из них могло уместиться по два человека. Между ними - столик с кружками, пачками сахара и печенья, а рядом - деревянные, добротно сколоченные лавки.

Возле двери грудой висят ватники, куртки, брезентовые и клеенчатые оранжевые плащи, лежат резиновые сапоги. Под закопченным потолком на еловом шесте и толстых проволоках, протянутых от стены до стены, сохли толстые шерстяные носки и суконные портянки. На одном из подоконников в коричневой пластмассовой коробка - переносный телефон, подключенный к линии. Все здесь являло обстановку вечного похода, бивуачного жилья, где у каждого с собой только самое необходимое для работы и для жизни, а остальное- в каком-то ином пространстве и времени.

Все это точно в таком же наборе я встречал в тоневых избах на берегах Белого моря, разве что на Летнем, Онежском да на Карельском берегах не было оленьих шкур. Все стояло на одних и тех же местах, но только сейчас меня поражает мысль о некоем универсальном минимуме вещей, необходимом человеку, чтобы выжить, и этим самым как бы лишающем его индивидуальности. Каждый из пастухов, безусловно, индивидуален, думаю я, вероятно, и отношения между живущими здесь людьми непростые, однако, когда потребности жизни сводятся к такому вот минимуму, оказывается, что всем нужно одно и то же - пища, тепло, возможность сна. И лишь когда все это есть, когда

жизненный минимум обеспечен, просыпается индивидуальность и требует к себе внимания.

Дальше я не додумал, потому что дверь в избушку распахнулась и в сопровождении пастухов вошел Володя Канев, неся ящик с водкой.

- А для нас взял? - спрашивал его здоровый мужик с крупным, разбойного вида лицом, широкоплечий, с охотничьим ножом у пояса, в красной клетчатой рубашке, несмотря на холод, расстегнутой почти до пупа.

- Взял, взял! - усмехался Володя, осторожно ставя ящик под один из топчанов. Он скинул с плеча рюкзак и вынул из него три бутылки.- Знакомьтесь,- кивнул он мне на "разбойника",- это вот брат мой, Пашка, а это - наш бригадир, Елисеев Ростислав Матвеевич...

Елисеев, черный, худой, горбоносый, несколько заикающийся и оттого растягивающий слова, выглядел моложе всех, исключая Володю. Он казался сумрачен и немногословен, однако по поведению остальных чувствовалось, что бригадир пользуется безусловным авторитетом и уважением.

В ответ на рекомендацию он сдержанно улыбнулся, потряс мне руку, но ничего не сказал.

Третьим пастухом был дед Харлампий Кузьмич Терентьев, тоже худой, весь пегий, с черной, давно небритой щетиной на щеках. Вообще пастухи были как на подбор - высокие, статные, сильные, отличавшиеся от остального, в целом низкорослого населения Берега.

- Флеров, Сашка,- представляется еще один вошедший, носатый, долговязый, нескладный, с какими-то разными глазами, косящими из-под клочкастых бровей.- Связист...

- А Вася Ваганов где? - спрашивает Телышев, входя последним и негнущимися пальцами расстегивая ворот малицы.

По ручью пошел тропу смотреть,- не глядя на вошедшего, резко бросает Павел Канев.- Сашка,- обращается он к Флерову,- чай давай на стол, замерз ли люди, не видишь, что ли?

Там рыба осталась, наловили сегодня форельки,- отзывается вместо связиста дед Терентьев.- Согрею сейчас...

Вы извините, что я вас так встретил,- подошел ко мне Телышев.- Пошутить хотел...

Здесь, в избушке, голос у него оказывается тихим, каким-то грустным и неуверенным, да и сам он словно съежился и стал меньше ростом. Я только рукой махнул - что об этом говорить...

- Садись, грейся, Андрей! Как тебя по отцу-то? Ну, коли просто, то и нас просто зови! В первый раз к нам едешь? Посмотри. Понравится - в пастухи возьмем, верно, дед

Харлампий, что скажешь? - Павел Канев хохотнул, резко и грубо закрутив матерщину.- Видишь, без мяса сидим, олень не вышел, форель одна. Ты ведь пишешь? Так и пиши: накормили меня на Бабьем ручье форелью...

- Чего пристаешь к человеку, Павел? - протянул Елисеев.- Сколько тебе говорю: перестань лаяться. Вы напишите лучше, какой он у нас матерщинник...

Действительно, в северных деревнях, особенно в поморских, бранное слово не любят и до сих пор относятся с осуждением к сквернословящему - осуждением не столько внешним, сколько внутренним, полагая, что грязная брань унижает достоинство того, кто ее произносит. Но Павел Канев, как видно, был сделан уже из другого теста, а главное, как я выяснил потом, на его характере и поведении сказалась жизнь в городе и на рыбацком флоте.

- Сиди! - огрызается он на упрек Елисеева. - Не бабы здесь. А и были бы бабы - так они теперь лучше мужиков умеют...

- Сегодня я угощаю! - Флеров развязно выставляет на стол бутылку, которую ему привез Володя Канев.- Наливай, бригадир, за встречу!

На столе появляются свежий хлеб, который мы захватили с собой из Пялицы, кружки, миски, большая кастрюля с разварившейся форелью. Володя ополоснул над ведром в углу алюминиевые ложки и вытер их одним из более чистых полотенец, что висели над топчанами. Рядом с первой появляется вторая бутылка, которую выставил от себя Павел. Пока бригадир разливает водку по кружкам, в избушке воцаряется молчание - каждый следит за светлой струей, бегущей с журчанием из горлышка, предвкушая мгновение, когда эта не слишком приятно пахнущая жидкость согреет застывшее на море тело и по ногам и рукам разольется мягкая жаркая истома.

- Ну, со знакомством! Будь здоров!

Павел опрокидывает кружку, и все следуют его примеру. Отказался только Телышев, заявив, что пить не станет, болен.

- Ну и не пей, чумовая твоя душа,- с брезгливым презрением замечает Павел, который, как я успел за метить, относился к "чумовому" подчеркнуто враждебно.- Тебя бы хоть и вообще не было...

- Вот видите, что говорят? - грустно обращается ко мне Телышев.- Я должен с ними беседы проводить, а они не хотят. Ничем не интересуются...

- А что ты хорошего сказать можешь? - накинулся на него Павел.- Сами газеты читаем, радио слышим. Соврешь только! Ты вот скажи, Андрей,- извини, запросто я к тебе,- будем мы воевать

с этими самыми? А то...- он запустил крепкое ругательство,- лезут они к нам, так их, мать-перемать!..

От такого оборота я несколько теряюсь. Но, судя по вниманию, которое читается во всех без исключения глазах, по мгновенной тишине, заставляющей замолчать даже Флерова, начавшего явственно пьянеть, я понимаю, что этих пастухов, неделями, а то и месяцами не видящих своего дома, затерянного на пустынном северном берегу, события большого мира волнуют ничуть не меньше, чем их собственные дела. А появление среди них свежего человека, пришедшего словно бы из другого измерения, по вековечной северной традиции обязывает к рассказу о новостях, которые он несет с собой.

Я отвечаю как могу и что знаю, но за одним вопросом следует второй, отголоски войн на другой стороне земного шара вызывают предположения и суждения, порой наивные, но бесхитростные и прямолинейные, и временами кажется, что и Дальний, и Ближний Восток одинаково близки - ну, может быть, чуть дальше Кандалакши, но где-то здесь, рядом. От дел международных разговор сворачивает на колхозные дела, на тяжело начавшийся год, на доходность хозяйств и, конечно же, на вопрос о пенсиях колхозникам и расширении льгот тем, кто живет в условиях Крайнего Севера не временно, по договору, зная, что рано или поздно уедет назад, на материк, а постоянно, связанный с этой суровой и все же родной для него землей плотной чередой поколений.

Последний вопрос и оказывается самым болезненным, самым острым для северян, от него зависит их настоящее и совсем близкое будущее. Я сам хотел бы знать на него ответ и рад, что Телышев, несмотря на протесты Павла Канева, приходит ко мне на помощь, подсказывая то, чего я не могу знать, и отвечая на мои вопросы, касавшиеся их жизни и хозяйства.

Теперь уже я своими вопросами направляю беседу, расспрашивая пастухов об их работе, о жизни в колхозе, о пастьбе оленей и о том, почему именно теперь колхоз стал поправлять свои дела.

- Как не лучше - лучше стали жить, это уж точно,- растягивая слова, объясняет мне Елисеев.- Стадом живем, и от стада основной доход наш. Хорошо сейчас принимать олешков стали, не то что прежде, живым весом сдаем Раньше только мясо одно, а теперь все идет. Осенью, как выбракуем, разделим стадо, даем в Мурманск телеграмму, а оттуда судно прямо к забойному пункту приходит. И расценки стали теперь хорошие... Вот сколько ты, Павел Андреевич, за прошлый год заработал? Пожалуй, что до трехсот в месяц будет...

- Будет, а то и больше,- соглашается с бригадиром Павел.

- Тут видишь какое дело,- продолжает объяснять Елисеев.- Мы с головы получаем за вахту,- когда пасем, доли у нас по вахтам,- плюс районный коэффициент сорок процентов, да отгонный такой же, да еще десять процентов полярного. А когда забиваем и разделываем, это уж сколько каждый заработает,- мы тогда вроде и не пастухи в колхозе, а рабочими комбината считаемся... Ничего не скажешь, колхозу доход хороший идет! А точно - тебе наш председатель скажет, сколько там чего...

- Много ли пастухов в колхозе? - спрашиваю я, пытаясь выяснить для себя возможности развития этой еще малопонятной для меня отрасли хозяйства.

- Бригада - пять человек. Да больше нам и не требуется!

- И на сколько оленей?

- Ну, это мы осенью только узнаем, когда подсчет произведем! Как ни паси, а теряются они ежегодно, то росомахи давят, то с дикими уходят... Должно быть около трех тысяч, а сдавать по плану нам больше пяти сот - сорок тонн, если по плану... Конечно, три тысячи - не так уж и много, а вот увеличить - не получается, не в наших возможностях...

- Пастбищ мало,- вмешивается Павел.- Осенние есть, а зимних нет, вот и держим оленей только до зимы, а там забиваем. И еще скажу: нет народа. Кому охота жить вот так, как мы живем? По месяцу бани не видишь, гоняешься за оленями пешком по тундре, спишь под кустом, как собака. Хуже собак стали, мать их... Где сейчас стадо? А хрен его знает! Сиди и жди, а оно, может, в другой район ушло...

- Это верно,- подтверждает бригадир.- Транспорта у нас нет, да и удобств никаких. Если бы вертолет, домики передвижные... Писали о них в газетах, что будто бы сконструировали для оленеводов, а где они? Пойди достань! Избушка и та не наша, Флеров ее хозяин...

- Моя изба! - вдруг пьяно зарычал Флеров, задремавший во время разговора, и поднял голову.- Сам строил! Кого хочу - того пускаю! Захочу - и вас всех выгоню. Флеров хозяин здесь!

- Заткнись, телефон! Я тебе покажу … хозяин … Спать иди!

Павел толкнул Флерова на топчан, и тот затих

- Верно это, что с людьми плохо,- как ни в чем не бывало продолжает бригадир, вертя в руках пустую кружку.- Вот дед Терентьев: ему бы на печи лежать, а он по тундре бегать должен. Отпусти его на покой, а кого на его место взять? Сколько ни плати, в пастухи к оленю не каждый пойдет.

- Молодежь не хочет оставаться теперь,- тихо говорит Телышев.- Вон Володьку в армию не взяли, он и остался. А

которые сейчас восемь классов кончили - тех к оленю подойти не заставишь, боятся...

Признаться, для меня это неожиданность. Ведь в Сосновке, как я полагал, как раз добились того, чтобы молодежь оставалась в родном селе. Как же так?

- Это точно,- подтверждает Елисеев.- Тут привычка с детства нужна. А теперь даже саамы не знают, с какого конца быка запрягать.

- А если бы приезжал народ с материка? - спрашиваю я, вспомнив раздающиеся в последнее время голоса о том, что в деревню надо посылать людей из городов, чтобы полностью обновить сельское население. Сам я в этот путь, как и в любой другой, связанный с принуждением человека, а не с полной свободой выбора образа и места жизни, не верил. Может быть, потому, что видел, во что превратили цветущий некогда Крым бесчисленные волны послевоенных переселенцев, катившихся, как саранча, оставляя после себя руины на месте некогда процветавших деревень и садов, и далее исчезавших в неизвестности, когда были съедены подъемные и разрушено все, что поддавалось разрушению...

Но пастухи с ходу отметают такую возможность.

- Нет, тут с детства надо... Не выйдет, куда им, приезжим! - говорят все разом.- Вон Вася Ваганов из Вологды приехал, уже год с нами ходит, пастухом хочет быть, а не получается... Ни пастухом, ни рыбаком - тут только на ферму да в полеводство или по какой другой работе...

- Не видит Вася тропу,- поясняет Елисеев.- Уж мы и учим его, да все парню трудно. А старается! Вот вы найдете тропу? След найдете? Надо на ягеле увидеть, на мхах, на траве. Олени ивняк поедают, мнут. Тоже определить надо, в какую сторону они пошли. Приезжему ни за что не найти, а мы видим, определяем...

- Грибная пора - олень знаешь как за грибом бегает?! С собакой не угонишь! - Павел Канев сжал здоровые ручищи и посмотрел на свои кулаки.- Ты их, так-перетак, взять не возьмешь! А упряжь: какая зимняя, какая летняя, с кем какого оленя запрячь - знаешь ты это? То-то... У каждого оленя свой нрав, а пастух каждого знать должен. Мы еще пацанами без портков бегали, когда отец нас уже стадо пасти заставлял, и то маешься. Нет, приезжий тут не поможет! А своих, кроме нас, нет никого. Ах ты... твою мать! Ложи, говорю! Душу из тебя выну!

Поднялся переполох, загремела ругань. Оказывается, пока мы обсуждали дела оленеводов, Флеров наполовину проснувшийся, вытащил бутылку из ящика, купленного для колхозного магазина, и уже успел к ней присосаться. Павел полез на Флерова, Елисеев

их разнимал.

Володя Канев, больше молчавший, пока говорили старшие, потянул меня за рукав:

- Пойдемте спать. Ну их к богу, всю ночь теперь провозятся с этим Флеровым. Человек как человек, а только выпьет - все, начнет бузить, такая уж у них вся фамилия... У меня шкуры в сенях: накроемся - и тепло, и воздух чистый...

- Я тоже с вами пойду, Володька,- присоединяется к нам Телышев. Вид у него усталый и грустный.- Обидят меня еще здесь, такой народ, право...

Пока Володя с Телышевым разбирали в сенях вещи и стелили шкуры, я вышел на берег.

Было уже за полночь, наступил полный отлив. Там, где мы прошли на карбасе, поднимаются темные гряды скал, облепленные гроздьями рыжих водорослей. Под обрывом, под снежной крышей, в расщелине клокочет Бабий ручей. Серо, холодно и тихо. Пустыня. Холодная, безразличная, в которой, казалось, нет и не может быть места для человека. Камень, снег, ледяная вода, полярная ива, лишайники, мох. И только здесь, на скале, нависшей над морем,- люди, собаки, тепло, телефон...

От избушки по берегу ручья начинается едва заметная тропка, теряющаяся в прошлогодней траве и мхах. По ней сегодня в тундру ушел неведомый мне Вася Ваганов, приехавший на этот холодный и голый полуночный берег из зеленых вологодских лесов, от просторных цветущих лугов, теплых озер и речек, словно повторяя тот же путь, которым во время оно от деревень и заимок двигались на север первопроходцы, открывая, осваивая, обживая эту скудную землю, чтобы назвать ее своей,- предки вот этих, на первый взгляд суровых и грубых, а на самом деле сердечных и гостеприимных людей, сидевших со мной за одним столом, учивших Ваганова премудростям своей пастушеской науки. Где он сейчас? Идет по тундре, высматривая почти невидимый след оленей, или спит в спальном мешке под какой-нибудь скалой? Почему ему захотелось стать пастухом? Что толкнуло, что потянуло на север от удобств цивилизации? Много ли таких, кто сможет прийти на смену жителям редеющих поморских сел, чтобы подхватить эстафету поколений, чтобы не оголилась снова без человека земля? Знать бы...

Когда я возвращался, дверь избушки распахнулась, и оттуда выкатился кубарем Флеров. Собаки подняли отчаянный лай. Следом за связистом из двери выскочил разъяренный, матерящийся Павел Канев. В руках у него была палатка.

- Черт с ним, пусть подавится своей избой! Не буду в его вонючей конуре спать!

Остервенело лягнув ногой поднимавшегося было с земли связиста, Павел взбежал на бугор и начал ставить палатку.

- Ты ящик-то возьми, вылакает он.- На пороге появился бригадир со злополучным ящиком водки в руках.- Не нам это, в село просили, в магазин, а он уже выкрал одну...

- Ох, этот Сашка! - вздыхает Телышев, укладываясь вместе с нами в сенях.- Зачем, Володька, покупал ты ему?

- Просил же! - оправдывается тот.- Что, жалко мне, что ли? Человек все же... Как вам, удобно? спросил он меня, помолчав.

Но я уже проваливаюсь в сон.

6.

- Ну как, понравилась вам наша Сосновка?

Рука у Георгия Андреевича Канева, председателя колхоза, крупная, мягкая, такая же, как у его брата Павла, но за этой мягкостью чувствуется уверенность и сила. А так только по комплекции., по каким-то неуловимым чертам лица можно сказать, что они братья. Если Павел резок, груб, беспокоен, всегда в движении, то Георгий мягок, нетороплив, и глаза его светятся приветом и вниманием к собеседнику.

Знающие семью Каневых люди говорили мне, что Петр и Павел пошли характером в отца, а Георгий и младший Володя - в мать.

Сосновка мне определенно понравилась. Крепкие, чистые дома стоят на береговой террасе свободно, в три ряда, с широким прогоном улицы между ними Поражает именно чистота - крашеные наличники, вымытые, выскобленные крылечки с половичками, идеально подметенная улица. Ни окурка, ни щепочки, ни тряпки, ни консервной банки порожней, ни битого бутылочного стекла, напасти всего Терского берега, где стеклянную тару не принимают и ее бьют из озорства, потому что где и для чего хранить многолетний стеклянный груз?

- Так у нас всегда заведено было,- подтверждает Канев.- Сейчас травы еще нет, не выросла. А в детстве мы прямо на улице в прятки играли: бросишься в траву - не видно...

Мы идем с ним осматривать небольшое хозяйство колхоза, которое помещается здесь же, рядом с селом.

- Старое село Сосновка? - спрашиваю я у председателя.

- Кто же его знает? - Канев неторопливо повел головой, словно оглядываясь в поисках ответа.- Когда мы с отцом приехали, здесь домов меньше стояло. Да и название... Сосновка - наверное, сосны были. А когда их свели? Об этом никто и не помнит...

- Разве вы не здешние?

- Нет, мы с Печоры, ижемцы. Здесь в районе таких, как мы, много. Отец еще мальчишкой с дедом нашим пришел на оленях сюда,- по льду шли, через Кандалакшу... А так-то большинство здесь с Терского берега - Сурядовы, Турковы, Логиновы. Из саамов осталось три семьи только... Телышева Ивана Андреевича вы уже знаете. Коренные сосновские - Матрехины и Даниловы. У Ростислава Елисеева отец из Чапомы. Ванюта - приезжий, ненец. Вася Ваганов - из Вологды. Так что наша Сосновка интернациональная в полном смысле слова. Народ хороший,

дружный, работящий, ничего не скажешь, да и зарабатывать теперь стали неплохо. Как на денежную оплату в колхозе перешли, так сразу перелом в жизни наметился. Людей только вот мало! Ребята если в армию служить уйдут, домой уже не возвращаются. А девушек вообще нет - они после интерната, после десятого класса, сразу в город уходят...

- Я уже знаю, что мои надежды обнаружить в Сосновке что-то новое по сравнению с остальными хозяйствами Берега оказались напрасными. Здесь все так же, как и в других поморских селах,- небольшое производство, жизнь, построенная на самообеспечении, горстка людей, производящая какой-то продукт, требуемый с них планом, спускаемым свыше, а в результате - полная зависимость от завоза с "материка" всего, начиная от консервов и кончая орудиями труда и одеждой...

Чтобы поддержать разговор, я делаю попытку усомниться:

- Как же так, Георгий Андреевич? Вот Ростислав Елисеев после армии вернулся в колхоз, ваш брат Володя остался... Мне говорили, что недавно еще кто-то из молодых к вам переехал из Чапомы. Значит, у вас лучше?

- Так это Володя Логинов, племянник мой! - улыбается Канев.- Он не сам переехал. Жена его,- она приезжая, заведовала клубом,- перешла к нам в клуб работать, вот он с ней и приехал.

- Можно его повидать?

- Сейчас его нет, в рыбаках, на водоеме сидит... Володька наш в армии вообще не был. Да и Ростислав почти не служил - жена у него уже была, ребенок. А больше из молодых нет никого! Да что молодые: на всю Сосновку работоспособных - тридцать четыре человека, причем из них в обслуживании работают четырнадцать - ветеринар, фельдшер, киномеханик, три уборщицы, учительница, заведующая клубом, председатель сельсовета, связистов двое, два завмага, хлебопекарня... Значит, на колхоз приходится всего двадцать человек, из них пять - в пастухах...

Жесткий расчет, ничего не скажешь.

Сосновка стоит в глубине широкого залива, где в него впадает река Сосновка. Так здесь всегда и селились: если есть река - значит, есть рыба, есть хоть немного по реке покосов и земли для пахоты.

В нескольких милях от берега лежит высокий каменный остров Сосновец, над которым поднимается толстая башня старого маяка. За островом куда ни глянь - белым-бело: подогнало лед. Теперь уже не отдельные льдины, а куски поля, оторвавшись, плывут по салме - проливу между островом и материком. Там, дальше, где под холодным полярным солнцем сверкает сплошное ледяное поле, чернеют точки, от которых

поднимается густой черный дым,- ледоколы из Мурманска и Архангельска которую неделю обкалывают лед вокруг затертых пароходов.

Канев перехватывает мой взгляд, задержавшийся на ледяном поле.

- Шесть рейсов "Воровского" не было, на последних консервах сидим, а оленей нам весной не разрешают забивать. Вот как бывает: свои олени, сами выращиваем и пасем, а есть - не смей! Конечно, забили бы, как же людям без мяса сидеть, да только где олени? Комар еще не вывелся, холодно, вот они и держатся в лесу, а нам даже поехать искать их не на чем. Сами знаете, у нас здесь ни техники, ни дорог, по тундре только на оленях, да вот оленей-то и нет! Еще хорошо, самолет теперь нет-нет да прилетит. А до этого, пока поле не оттаяло да обсохло, месяца полтора вообще от всего мира отрезаны были. Связь только по телефону да по рации. Почту и продукты нам сбрасывали, а взять что от нас - только разве вертолетом. У нас ведь не как на материке - собрался и поехал. Бывает, осенью по три-четыре недели рейса ждешь. Правда, если недалеко, в соседний район или еще куда-нибудь, можно и на оленях, да только привычки у людей не стало, предпочитают дома сидеть, чем путем добираться. Условия... А эти условия на нашей работе тоже сказываются, вот почему и людей у нас мало осталось. Видите, два двенадцатиквартирных барака стоят? Лет десять назад полностью заселены были, а теперь только четыре семьи, да и на деревне домов пять свободных...

- Раньше ведь жили?

- Раньше чего только не было! Раньше каждый для себя жил, каждый свой промысел находил и обеспечен был. А теперь мы занять людей не можем, некуда нам расширять производство. Больше оленей заводить? А на большее у нас пастбищ нет, заведем - и всю кормовую базу уничтожим. Рыба? Рыбы сколько хочешь, здесь народ нужен, только опять на летний период, два-три месяца. А зимой чем человека занять? Зимы-то у нас долгие, а заработка нет. Прежде мы морзверя добывали, в извозы на оленях ходили. Но зверобойный промысел для нас теперь закрыт, на морзверя разрешено охотиться только архангельским колхозам. Ну а насчет подсобных, как говорят, промыслов, то...

Канев останавливается и показывает за реку, где виднеются какие-то ветхие строения.

- Звероферму завели, когда еще брат председателем был. Ну и что? Тоже ничего хорошего нам не принесла. Песец голубой, шкурки у нас по двадцать рублей покупали, а расходы - намного больше. Кормить нечем, надо корм завозить... Одни убытки! Вот и

пришлось отказаться, закрыть звероферму...

За разговором мы незаметно прошли село и двинулись по дороге среди свежей пахоты, на которой еще не пробился ни один зеленый росток. Канев молчит, я тоже не задаю вопросов, понимая, что эти поля сейчас одно из самых больных мест для председателя, который при всем желании не властен над погодными условиями. За полями, на пригорке, находится колхозный коровник. И снаружи, и внутри все чисто, навоз без остатка вывезен перед пахотой на поле, внутри тепло и светло, и за всем этим чувствуешь заботливые хозяйские руки. Надо думать, здесь и кормов заготовлено вдоволь: несмотря на позднюю весну, скот выглядит упитанным и ухоженным. Его, правда, немного - семь дойных коров, бык да несколько телят, которых по осени забьют.

- Наверное, можно было бы увеличить стадо? - задаю я трафаретный вопрос, осматривая просторное помещение, способное вместить по меньшей мере вдвое большее количество скота. Канев покачал головой.

- Можно-то можно, да зачем? Я понимаю, вам трудно понять нас, северян. Действительно, помещение есть, кормами тоже можно обеспечить, покосы у нас хорошие, ничего не скажешь, только невыгодно это нам. Раньше у нас тридцать коров было - и сплошные убытки от фермы: куда молоко девать? Внутренние потребности у нас небольшие, затраты труда - велики, рабочих рук мало. Вот и получалось, что продукт мы производим, а потребить его некуда, хоть в море сливай!

Он замолчал.

- И какой же нашли выход? - спрашиваю я Канева, поскольку проблема мне уже знакома и все другие председатели оказались бессильны с ней справиться.- Неужели в районе разрешили сократить поголовье? Пошли вам навстречу?

- Что вы! - Он откровенно улыбнулся, как будто увидел что-то забавное в моем вопросе.- Столько лет бились - все впустую! Брательник помог, спасибо ему, на себя все взял! Был он тогда - до меня - председателем колхоза. Собрал общее собрание, объяснил положение и поставил на голосование. А в уставе нашем записано, что основной закон для колхозного производства - решение общего собрания, против него и район ничего сделать не может. Тут только решительность нужна. Общее собрание и решило - а мы специально всех до единого колхозников собрали: раз ферма приносит убыток, оставить семь коров и одного быка для внутриколхозных нужд, а остальных ликвидировать. И ликвидировали! Конечно, брательника сразу из председателей сняли, хотели из партии выгнать, потом "строгача"

влепили, но главное-то он сделал, колхоз спас. Вот так эта ферма и стала приносить доход... Да вы сами посмотрите,- показал он на пашню,- ведь все это полеводство не для нас, а для коров: овес, овес с горохом. Смесь силосуем, а чистый овес на сено, так себя полностью обеспечиваем. Вот и все наше хозяйство. У пастухов на Бабьем ручье вы были, остались теперь только рыбаки. Но к ним сейчас не добраться,- самая близкая тоня у нас сейчас Снежница, до нее километров семьдесят будет. Когда-то и там два дома стояло - четыре бригады, тринадцать человек... От семги доход колхозу хороший, хотя год на год и не приходится. Да только олени верней! - рассмеялся Канев.- Я сам старый пастух, я за оленей!.. На обратном пути в село я спросил Канева о швейной мастерской. Мне о ней рассказывали те же геологи как об одном из весьма выгодных подсобных промыслов, если учесть, каким спросом пользуются изделия из кожи и меха, украшенные национальным саамским орнаментом. Правда, сведения моих друзей были не слишком свежие, за несколько лет они изрядно устарели. Между тем само по себе производство оригинальных предметов национальной культуры, имеющих практическое применение в отличие от широко распространившегося сейчас производства безделушек, поименованных "сувенирами", было бы серьезным шагом в создании действительного промысла на пользу и мастеров, и общества, чего я пока не видел нигде, кроме как на Кавказе и в республиках Средней Азии. Канев в ответ лишь рукой махнул.

- Была такая мастерская, только ее давно уже нет. Мастериц не осталось, да ведь и сбыта, кроме нас самих, нет, а теперь нет и материала. Шили у нас пимики, полупимики, тапочки, пимы, тоборки, шапки из пыжа. Так ведь для этого много шкур нужно. А мы не мясо только - всего оленя отдаем, со шкурой, живым весом. Даже головы. Раньше рога оставались да желудочный тракт. А теперь все подчистую берут: рога, наверное, на сувениры, а кишки, говорят, на валюту продаем, для медицины.

- Но разве вам не выгоднее сдавать на комбинат уже чистое мясо? - возражаю я.- А все остальное или самим перерабатывать, или специальный договор заключить с какой-нибудь фирмой, например с той же "Северянкой" в Архангельске, благо от вас до Архангельска рукой подать, не то что в Мурманск везти, да и самим намного выгоднее было бы?

- Не знаю,- помолчав, отзывается Канев.- Может быть, и выгоднее было бы, да только комбинат живым весом берет... Это если бы мы могли выбирать, кому сдавать и по каким расценкам,- тогда другое дело. А так есть план, нам его спускают сверху, расценки тоже там устанавливают, и мы обязаны этот план

выполнить точно и в срок. А выгодно нам или не выгод но - никто не спрашивает. Попробуешь заикнуться - на тебя накричат: твое, дескать, дело в срок план выполнять, вот и давай! Так что особого стимула к раз витию производства у нас нет. А потом, откуда нам знать, что мы можем делать? Мы же простые пастухи, приставлены к оленям, так что, если поглядеть, то и олени получаются вроде бы не наши: забивать не имеем права, сдавать, кому хотим и по какой цене - тоже не можем... Вот если бы колхоз мог держать специалистов - по связям, по обработке, по снабжению - тогда, конечно, другое дело. Тогда, может быть, и Сосновка была бы не маленькой, и коров держали бы больше. Тут надо по-современному подойти, провести научно-техническую революцию, применяясь к нашим условиям. А пока мы только по старинке работаем и говорим слава богу, что получается...

- В Сосновке я прожил почти неделю. Добраться сюда оказалось проще, чем отсюда выбраться. Тем более, что я хочу попасть не только в Пялицу, но и в Чапому. Волей случая я добрался до Сосновки удивительно быстро, поскольку никакого сообщения между ней и селами Терского берега, как я уже сказал, нет. Если следовать установленным маршрутам "грузопассажирских перевозок", то, чтобы попасть из одного района в другой, всякий раз следовало добираться сначала до областного центра - все равно, в Мурманск или в Архангельск.

Поэтому я опять положился на волю случая, тем более что, как выяснилось, в Сосновке, кроме меня, еще три человека ожидали оказии в Пялицу.

Все это время я жил у Малафеевских, в маленьком домике, стоявшем на самом обрыве над рекой. Жили они втроем - ветеринарный фельдшер Яков Иванович, коренастый, с темно-коричневым от вечного загара, изборожденным морщинами широким лицом, его жена, тетя Поля, и кот Мурик - огромный, раскормленный на рыбе и оленьем мясе котище, янтарноглазый, с жесткой остью коричневой шерсти. В Сосновке старики вырастили несколько дочерей, но все они разъехались по стране кто куда. Сами Малафеевские тоже были приезжими, из-под Вологды, как Ваганов, с которым я так и не увиделся, и пялицкий Тетерин. Они тоже собирались уезжать, тем более что Якову Ивановичу давно уже вышла пенсия. Однако всякий раз колхоз или районное начальство упрашивали старого специалиста еще немного поработать, поскольку смены ему никак не находилось.

О жизни оленя, трудностях оленеводства в здешних краях больше всего я узнавал в вечерних разговорах с хозяином, который целые дни пропадал в одном из магазинов: из Сосновки уезжал завмаг, шла ревизия, а Малафеевский был председателем

ревизионной комиссии.

Сложностей в оленеводстве, как выяснилось, было много, и пока ни о каком правильном современном ведении его здесь и речи быть не могло.

- Три беды главных у оленеводов здесь, три проблемы,- начинал вечерний разговор Яков Иванович, снимая с мясистого носа очки и закладывая ими очередной номер журнала "Ветеринария", который он читал и перечитывал от корки до корки все свободное время.- Первая проблема - пастбища. Вторая проблема - забой оленей, условия забоя. Третья - свищ. И все они друг с другом связаны...

- Проблема пастбищ в том, что увеличить поголовье оленей нельзя? - показывал я свою осведомленность.

- Да ведь как на это посмотреть,- возражал тут же ветфельдшер.- С одной стороны - нельзя, а если по-умному подойти, то и можно. Если говорить серьезно, на каждые триста голов оленей должен быть один пастух. Еще лучше - два. Тогда за оленями следить легче, но главное, пастбище лучше используется. У нас ведь они не сплошные, лоскутные. Тут тебе ягельный участок, тут участок с зеленой массой, и участки все небольшие. По ним олень быстро пройдет и не потопчет. А наше стадо в три тысячи голов сразу десять километров фронтом обходит! Весь ягель собьет, а когда он потом вырастет? Прирост ягеля - два миллиметра в хороший год. Вот и считай. А мы, когда у нас ферма была и всякие несуразные планы на крупный рогатый скот давали, по двадцать пять гектаров ягеля для коров выкапывали, сена не хватало! Вот и жди пятнадцать-двадцать лет. Подорвали свою же кормовую базу! А сеять ягель нельзя. Пробовали ученые, да ничего не получается. Конечно, оленя подкармливать можно, в наших условиях прямо и нужно, да как? Он и комбикорма будет есть, и хлеб, и овес. А мы только солью подкармливаем. Почему? А вот посчитай: если на одного оленя один килограмм подкормки в сутки, то на три тысячи голов - это уже три тонны сразу. На месяц - девяносто тонн. Откуда их взять? Как завезти? Сами на консервах сидим. Да и неизвестно, как эта подкормка скажется на генетике оленя, на восприимчивости его к болезням, на качестве мяса и шкуры. Животное-то, считай, дикое! Тут не просто биологию оленя изучать надо, его биохимию и все такое; тут, скорее, надо изучать его экологию, у природы поучиться, посмотреть, какие есть у нее ресурсы, чтобы их можно было использовать. А пока это еще никто не делает, относятся к оленю так же, скажем, как к крупному рогатому скоту... А это же нельзя! Тут все по-другому. Скот - он и есть скот, а дикое животное - нежное, оно и ест не все, с выбором, у него и режим

свой, и календарь свой. Если глубже глянуть, то ведь не мы оленя пасем, а он нас пасет. Мы только сберегаем его, ведет он нас сам, как обычных коров его туда-сюда не погонишь... Вот ведь какая штука!

Рассказывая об оленях, Яков Иванович всякий раз волновался. Чувствовалось, что мысли эти, бесчисленное количество раз передуманные, не давали ему покоя и на старости лет, потому что во всем этом и заключена была его жизнь. Забываясь, он повторялся, снова обращаясь к одному и тому же.

Тогда я осторожно напоминал:

- А в чем же проблема забоя, Яков Иванович?

- В несуразице нашей, в той старинке, которой держимся, а она при наших масштабах и планах уже невозможна,- негодовал старик.- Мы как? Гон пройдет у оленя, заморозков ждем, забиваем, только когда морозы падут. Происходит так потому, во-первых, что по чернотропу оленей еще не соберешь, а если и соберешь, забивать станешь, то куда туши девать? Холодильников ведь у нас нет. Опоздает судно - мясо почернеет, шкуры погниют, как в позапрошлом году было... На открытом воздухе у нас все! А тут, если всерьез говорить, сначала нужно техническую базу под вести, забойный цех на берегу оборудовать с холодильником, предусмотреть утилизацию отходов, чтобы ничего не пропадало, быт пастухов благоустроить - передвижные домики там, рации, вертолет хотя бы один, чтобы все по графику было, в свое время. Ведь чем больше забой оттягиваешь, морозов ждешь, тем ниже качество оленя, больше свища...

- Ну, кожный овод,- пояснял ветеринар.- Он развивается в организме оленя, потом буравит сосуды, под кожу лезет. Если олень слабый, тощий, личинка быстро к нему под кожу проникает, а если олень здоровый, упитанный - медленнее. Ведь и здорового человека болезнь труднее берет! Как только личинка кожного овода попала под кожу - все, шкура уже дырявая, на замшу не годится. А если и не успеет продырявить, все равно раковины в шкуре образуются. Такая муха проклятая, никак от нее не избавиться! Есть, правда, отпугивающие препараты, да толку от них мало... Вот,- внезапно вдохновляется Яков Иванович,- писали в журнале недавно, что разработан такой препарат - байтекс. Один укол - и девяносто процентов личинок погибает в теле, не дойдя до стадии свища. Специально пастухов колхозных собирал и читал им об этом препарате. Они мне говорят - взять нужно на вооружение. Конечно, надо взять, а где? Написал я в редакцию журнала, мол, подскажите, а оттуда через несколько месяцев ответ пришел: "Импортный препарат байтекс на снабжении отсутствует". Что ж, самим нам его за границей

заказывать? Мы бы заказали, да никто у нас этот заказ не примет. То-то и оно! Значит, иного средства пока нет, как оленя упитанным держать. Вот и получается замкнутый круг, поскольку и пастбища худые, и подкармливать нельзя. Так и выходит, что хоть и "нечерноземные" мы, только наше Нечерноземье от вашего, российского, еще слишком далеко находится, очередь до нас не дошла, да и когда дойдет? И то сказать - техника нам особая нужна, тонкая техника, научная...

Из окон домика Малафеевских видны черно-красные с малахитовыми потеками скалы над камнями и отмелями реки, льдины, неторопливо дрейфующие по салме то в одну, то в другую сторону, болотистая, поросшая кое-где кустарником, все никак не просыпающаяся тундра, а над ней, за рекой - высокие песчаные холмы с кривой полярной березой. По утрам на лужах еще лежит крепкий ледок. Иногда, обычно к середине дня, проглядывает солнце, все начинает сверкать, лучиться красками, даже жаворонка однажды услышал над тундрой, но это сверкание теперь не обманывает.

За солнцем, за красками я вижу теперь трудную, на пределе сил человека, приполярную жизнь, в которой нет здесь ни отдыха, ни просвета. Вот и думаешь: а что же получал человек взамен, кроме относительной независимости, "свободы жить и умирать", когда забирался в эти края, цеплялся за холодные скалы и тундру, уходя из более благодатных мест? Романтика романтикой, и красоты хороши, но должен же что-то еще получать человек от работы, должны быть в ней и праздники, и радость, и отдых, наконец!

А - нет ничего. Порой и смысла нет. Как был бессмыслен труд сосновцев, пока Петр Канев не взял на себя грех "за мир", как говорили раньше,- сократил поголовье никому не нужного скота, "съедающего" человеческий труд, а вместе с ним и смысл жизни, так же, как и посейчас съедают его все эти существующие только для отчетности района фермы в других селах Берега. Интернат, конечно, отрывает подростка от родного дома, от колхоза, от земли, от традиционного труда на земле. Но не готовит ли его к этому в гораздо большей степени сизифов труд родителей, на который он, выкинутый из колеи повседневности, может взглянуть как бы со стороны и оценить его по достоинству? Что уж тут произносить высокие слова о долге, о традициях, о верности родительскому делу!

Уход из дома - всегда трагедия для человека. Массовое бегство из деревни - это молчаливый, подсознательный протест против прежних условий труда, против устаревших производственных отношений. Стало быть, здесь прав

председатель райисполкома.

Только понимает ли он, что земля не может остаться пустой? Что рано или поздно на место ушедших придут другие, новые, которые первым делом возьмутся за перестройку деревни, так и брошенную когда-то на .полдороге, уже не прося вышестоящее начальство о снисхождении, а требуя, ставя его перед свершившимся фактом?

Рассказы старого ветфельдшера о проблемах оленеводства оборачивались для меня неожиданными выводами и ассоциациями. Получалось, что люди пытаются перестроить образ жизни полудикого животного на свой лад, согласно своим понятиям и своему хозяйству. В результате животные стали хиреть, вымирать и грозили совсем исчезнуть, как исчезали их пастбища, которые они же сами и вынуждены были вытаптывать, подчиняясь неразумным приказам человека. Заданные извне условия существования оказывались гибельны для полудикого животного, каким был лапландский олень.

Впрочем, укрупнение стад, содержание их на ограниченной территории, их "окультуривание" сказалось не только на оленях.

Если Малафеевский рассказывал мне о сегодняшнем дне колхозного оленеводства, то о его прошлом я слышал от Телышева, к которому ежедневно заходил попить чаю, возвращаясь из прогулок в окрестностях Сосновки. Дом "чумового" стоял в центре деревни, там, где еще недавно, по словам старожилов, можно было видеть остатки старой лопарской вежи.

После возвращения из Пялицы Иван Андреевич жаловался на простуду, к пастухам на Бабий ручей не вернулся и сидел дома. Его жена, председатель местного сельского Совета, вместе с детьми была в отъезде.

Основное отличие между оседлым русским населением, жившим вот уже семь или восемь веков на берегах Кольского полуострова, и саамами-лопарями, населявшими полуостров с незапамятных времен, насколько я мог понять, заключалось в отношении к окружающему миру. Если обобщить, русское население по мере сил активно перестраивало окружающую среду. Для этого люди строили дома, заводили скот, который осуществлял как бы первичную переработку естественных продуктов, запасали на зиму сено, создавая "консервы" и таким образом продлевая для скота короткий летний сезон, вспахивая и засеивая землю... Другими словами, поморы выступали в качестве не только потребителей, но и производителей, будучи "природообразующей силой", по определению В.И. Вернадского. Наоборот, саамы-лопари за несколько тысячелетий настолько

вписались в существующую систему природы, потребляя только то, что можно было взять от нее без ущерба, что существовали, не нарушая уже сложившейся экосистемы в целом. Они следовали ритмам оленьих миграций и не заводили стада более двух-трех сотен голов, сохраняя тот оптимальный вариант, о котором говорил Малафеевский.

Укрупнение стад вместе с перевозом в районный центр разбросанных саамских погостов коренным образом изменило жизнь "оленного народа". Молодежь, получавшая среднее образование в интернате, оторванная от кочевого образа жизни, уже не считала себя саамами, поскольку ее ничто не связывало ни с культурой, ни с бытом предков.

Телышев, по его словам, был одним из первых колхозников в Сосновке. В середине тридцатых годов его и еще двух подростков-саамов направили учиться в Ленинград, в Институт народов Севера. Сверстники Телышева закончили институт, вышли из него учителями, а у него во время учебы открылся туберкулез, традиционная болезнь "детей природы", попадающих в крупный город, и ему пришлось вернуться.

- Председателем сельсовета был в Ловозере, комсомольцем, потом на войну пошел,- перечисляет он свои заслуги тихим, немного грустным голосом.- Потом сюда вернулся. Я ведь здесь уполномоченным работал, налоги с колхозников собирал, всегда собирал досрочно, за это даже медаль "За трудовую доблесть" получил. Потом другого назначили... Я и почту носил, и рыбачил. А вот не любят меня здесь люди, все обидеть норовят... Пастухи - они грубые. Вон Павел, сами видели, весь в отца пошел...

Так, постепенно, стала мне приоткрываться еще одна загадка - причины неприязненного отношения в Сосновке к Телышеву, в самые тяжелые для людей послевоенные годы "собиравшего" - да еще досрочно! - налоги с многодетных семей, отцы которых в большинстве своем не вернулись с фронта. А какие были тогда налоги в деревне, я хорошо знал. Северный, пустой крестьянский двор обязан был поставить энное количество молока, масла, яиц, мяса, шерсти, кож, картофеля, зерна и всего прочего государству. Только позднее, уже в пятидесятых годах, налоги стали исчисляться в денежной сумме, а не в обязательных натуральных поставках, что было уже чуть легче...

Ну, а с Каневыми у Телышева-активиста, надо думать, были свои, достаточно давние счеты.

Отец нынешних Каневых в истории Сосновки был одной из крупнейших по здешним масштабам фигур. По рассказам Телышева, колхозное сосновское стадо возникло из слияния двух крупных стад - Андрея Канева и Якова Матрехина. Вклад

остальных колхозников был небольшим - полтора-два десятка оленей у каждого. До прихода Канева все эти олени были на вольном выпасе, после отела разбредались, и по осени каждый шел искать своих оленей по району. Канев же первым в этих краях начал собирать и пасти оленей большим стадом, как их пасут в Большеземельской тундре.

Фактически Андрей Канев и подготовил базу для создания колхоза в Сосновке. Он подряжался за плату пасти частных оленей, и поголовье начало быстро расти: олени не разбредались, их меньше погибало от волков и росомах, к тому же всегда было известно, где они находятся. Таким Канев, крупнейший оленевод, и остался до самой смерти - бессменный старший пастух, создатель и охранитель колхозного стада. Фигура это была колоритная: грубый, резкий, смелый, знающий оленей и тундру лучше своей деревни, он требовал от пастухов безоговорочной дисциплины. Из-за строгости отца Георгий, теперешний председатель, еще мальчишкой потерял ногу: застудил, а отец не позволил уйти из стада... Сколько же сил потратил активист-комсомолец Телышев, тогда еще совсем юный паренек, чтобы скомпрометировать старого Канева, представить его кулаком, эксплуататором, пробравшимся к колхозному стаду! И сколько это стоило нервов, душевного спокойствия всей семье Каневых и самому старшему пастуху, который из-за этого не мог позволить себе ни одного из своих многочисленных сыновей послать учиться - все они остались у него пастухами...

- ...У моего деда, Ильи Семеновича, только один олень и был,- рассказывает тихо Телышев.- Никак до двух довести не мог! Такой бедный был... А сейчас бы на нескольких упряжках ездил!

- Почему же у него олени не держались? - спрашиваю я.- Может быть, пил много?

- Пил - это точно,- соглашается Иван Андреевич.- Никак не мог больше оленей держать...

- А у вас сейчас оленей много?

- Три,- совсем конфузливо произносит Телышев.- Вон у Володьки - двадцать. Вообще-то по Сосновке личных оленей сотни полторы наберется: ездовые, подвезти дрова, сено... Ну, и мясо тоже! Теперь нас, саамов, мало совсем осталось, да и те русскими записываться стали, как льготы отменили. Какие теперь саамы? Здесь скоро не только саамов - и колхоза не будет, переведут в Краснощелье.

- Почему так? - удивляюсь я.- Колхоз вроде бы не из плохих, хозяйство доходное, крепкое, и люди есть...

- Пока есть, а вообще-то не осталось никого. Вот Лумбовки уже нет, Варзина нет, Пялки, Йоканьги... Всех в Ловозеро свозят, в

райцентр. Недавно Ивановку в Ловозеро свезли, коренной саамский погост был, Чалмн-Варрэ назывался, древний погост. Теперь йоканьгского диалекта нет, вымер весь, да и других саамских диалектов тоже не стало...

- А что в Ловозере? Почему всех туда свозят?

Телышев в раздумье покачал головой.

- Там хорошо, большой поселок стал, районный центр саамский и большой колхоз оленеводческий. У них одних оленей больше десяти тысяч, десятилетка, больница, бытовой комбинат, дома каменные начали строить, к ним охотно едут. А на берегу, считай, уже никого нет!..

7.

Из ледового плена Сосновки я вырвался, так и не дождавшись выхода оленей на берег. Небольшое стадо голов в пятнадцать, "лоскут", как говорили пастухи, я встретил в полутора километрах от деревни, но близко они меня не подпустили, так что в целом олени Сосновки остались для меня некоей тайной, о которой я вроде бы все знал, но увидеть ее так и не удостоился. А вот "оказия", как ни невероятно, подвернулась. Маленький самолетик, забросивший в Сосновку каких-то геологов, на обратном пути прихватил всех нас, стремившихся в Пялицу. Ну, а от Пялицы до Чапомы было уже рукой подать, всего тридцать два километра по берегу.

- В Чапоме ты с Володей Устиновым поговори, наш он, пялицкий, заместитель председателя колхоза. Сам-то председатель у них вчера улетел в Мурманск, на совещание, едрит его в корень... И к Василию Диомидовичу Котлову зайди обязательно, он у них бухгалтер бессменный, всю жизнь в колхозе, все знает, голова! А будешь назад собираться - мне позвони. Они тебя до Истопки подкинут, а там я за тобой подойду... Так наставлял меня Тарабарин перед отлетом в Чапому.

Маленький Ан-12, прибывший на этот раз в Пялицу в положенный ему расписанием день, затарахтел, взвыл, пробежал с десяток метров по неровному полю, подпрыгнул - и вот уже внизу понеслись в сторону дома, река, побежал под нами на восток берег, мелькнуло устье Чернавки с крохотной свежесрубленной избушкой Тетерина, потянулся далеко в море мыс, над которым черно-белым полосатым рогом поднялся Никодимский маяк, и я не успел опомниться, как кончилась сначала тундра, потом лесотундра, мелькнула внизу полоса реки и мы опустились на песчаную поляну, как видно совсем недавно расчищенную среди настоящего леса, оправдывающего название берега.

Потому что вовсе не от Терека он, а от шведского "тре" - "лес", и первоначально должен был звучать как "Треский". Но чужестранное, неведомо как попавшее слово обкаталось на русский манер, переосмыслилось, и берег стал "Терским"...

Может быть, и треска стала "треской" оттого, что начали ее ловить новгородцы именно в этих краях? В Чапоме я остановился у Логиновых, и не только потому, что их дом, сравнительно новый и совсем недавно покрашенный, был одним из самых просторных и удобных домов села. Во-первых, Федора Осиповича

Логинова рекомендовали мне веете же геологи, жившие у него и успевшие подружиться. Во-вторых, он был коренным чапомлянином, работал и рыбаком, и оленным пастухом, причем у самого Андрея Канева, на дочери которого, Анастасии Андреевне, был женат, так что приходился свойственником нынешним братьям Каневым, с которыми я познакомился на Бабьем и в Сосновке. В-третьих,- и это было самым важным,- Федор Осипович много где побывал, работал на судах, в экспедициях и знал весь этот край и его хозяйство досконально. Он был уже на пенсии, но каждое лето "сидел" на тоне. Вот и теперь он ловил на Стрельне, в десяти километрах на запад от Чапомы, откуда пришел домой как раз в день моего приезда.

Крупный, краснолицый, по-медвежьи сложенный, он маялся радикулитом, который разошелся у него от воды и холода.

- Промашку я допустил,- объясняет он мне, рассказывая о своей нелегкой жизни.- Дружки мои, с которыми я в море ходил, все давно уже капитанами стали. И меня наш капитан хотел учиться послать, а я ни в какую. Причина тому была. Отец мой на море погиб, а перед смертью все учил меня: "Федор, земли держись! Не ходи в море..." Тогда на шняках ходили, на елах, не то, что теперь. Послушал отца, а выходит, дураком был! Всю жизнь протрубил, а пенсия, уже с прибавкой, всего только сорок пять рублей выходит. Вот и сижу теперь на тоне, на жизнь зарабатываю. Я - пенсионер, второй - с одной ногой, на войне оторвало, а бригадир... Ну, тот мужик цельный. Однако как сено - бригадир на покос, а мы снасть таскаем... Володя Устинов, еще сравнительно молодой мужчина, о котором говорил Тарабарин и который привел меня к Логинову, сидел рядом и кивал головой. Я хотел в тот же вечер поговорить с ним, но он попросил перенести разговоры на следующий день - сейчас недосуг, дела есть. Да и о всей здешней жизни Федор Осипович лучше рассказать может, все знает, какие здесь секреты?

Честно говоря, я подумал, что Устинову просто не хочется говорить о колхозных делах, вот и отговаривается недосугом. Но вечером, выйдя на берег, увидел, что заместитель председателя вместе с другими мужиками заливает смолой и забивает жестью дыры в старой доре. С ремонтом они провозились до двенадцати ночи, но кончить его так и не успели...

Нового Логинов мне, по существу, ничего не открыл. У всех колхозов на Берегу были одни и те же проблемы, одни и те же беды, одни и те же нелегкие условия существования. И одна и та же растущая тревога за собственное будущее и за будущее детей и внуков. Как и другие терчане, Федор Осипович считал, что объединение колхозов, разбросанных по берегу на большом

расстоянии друг от друга, ничего хорошего для дела и для людей не принесло: это стало насильственным ускорением развала всего хозяйства, направленным на то, чтобы окончательно снести с Берега старые поморские села.

Сама по себе идея была вроде бы правильной: объединить разрозненные силы, поставить производство на широкую ногу, то есть двинуть дальше идею колхоза, которая начиналась с объединения рыбаков. Забыли начисто лишь об одном - о природных условиях, которые уже давно не позволяли селам расти дальше, беспредельно увеличивая количество жителей. Прежние маленькие хозяйства с максимальной отдачей уже использовали все имеющиеся в округе природные ресурсы. Объединившись, собрав воедино живой и мертвый инвентарь, они оказывались без необходимой земли и без достаточной кормовой базы.

Здесь происходило то же самое, что с оленями, о чем рассказывал мне в Сосновке Малафеевский. Маленькие стада могли с выгодой для себя и без ущерба для природы использовать практически бесконечное время имеющиеся мелкоконтурные пастбища. Но стоило только эти же стада объединить, как их выпас можно было приравнять к нашествию саранчи, не столько поедающей, сколько вытаптывающей, выбивающей без пользы свою же кормовую базу...

К такому же результату приводило и увеличение поголовья на молочно-товарной ферме. Если не говорить о чистом убытке, связанном с заготовкой кормов, с полеводством, с отсутствием сбыта молока и мяса, укрупненное стадо оказывалось на голодном пайке. Вот и здесь, после объединения Пялицы и Чапомы, скот, переведенный в Чапому, приходилось забивать, сокращая общее поголовье до прежнего количества, которое было в Чапоме. В Пялице же теперь зарастают старые покосы, выгоны и поля. Да и пялицкие колхозники оказались не у дел, потому что жилья не хватает, а многие категорически отказались переезжать в чужую деревню - уехали прямо в город, уже насовсем...

Действительно, не в пример Сосновке, в Чапоме было тесно. Старые, обычные для Берега дома с высокими чердаками для сушки сетей, большинство которых уже лишилось своих дворов, сгрудились, сбежались на узком мысу между рекой и морем, занимая все пригодное для жизни пространство. Не случайно в прежние времена именно из Чапомы, как можно судить по фамилиям и родственным связям жителей, отток людей шел в Пялицу, Пулоньгу и в Сосновку...

За селом, между высокими песчано-глинистыми обрывами, на которых начинались леса и перелески, просматривалась зеленая

долина реки с прямоугольниками небольших полей на незатопляемой пойме. Чувствовалось, что здесь уже значительно теплее, чем в той же Пялице, открытой всем ветрам на высокой морской террасе берега. От тесноты в деревне казалось и больше людей,- впрочем, как я узнал, их было больше, чем даже в Сосновке. Но и здесь, как в большинстве поморских сел, основную массу жителей составляли два неработоспособных поколения: или зеленая ребятня, по четвертый класс включительно, или люди глубоко пожилые, их деды и бабки. Работоспособных колхозников, сверстников того же Володи Устинова, оказывалось крайне мало.

- Первый подрыв наш - война,- говорил мне по этому поводу Федор Осипович Логинов, положив на стол большие красные руки.- До войны все мы здесь хорошо жили. Олень и рыба - больше ничем не занимались, и людей было много. Всего всем хватало - и работы, и заработка. Почему я о войне говорю? Да потому что на войне, считай, больше половины Терского берега положили, да не каких-нибудь, а самых что ни есть лучших, самых работящих мужиков, на которых весь Берег держался. Замены-то им не было! Все на бабах да на ребятишках, вот и подрыв тебе полный. А тут с укрупнением этим и последние мужики, кто побойчей да пооборотистей, в город побежали. Умный ведь понимает: если его из родной деревни согнали, то уж в чужой всяко достанут, а жизнь назад не повернешь, заново по ней не проедешь, сейчас каждый о пенсии своей уже думает... Ты вот у Георгия был сейчас, как там Володя наш, видел его?

Я удивился, потому что о своей поездке в Сосновку еще никому в Чапоме не рассказывал. О Володе же мог сказать, что он на тоне и повидать его мне так и не пришлось.

Логинов только улыбнулся в ответ на мое удивление, отчего его большое красное лицо, в котором было что-то ненецкое, засветилось от удовольствия, а глаза под набрякшими веками почти совсем исчезли.

- Тут все всё знают! Новый человек появился - о нем уже весь Берег говорит. Вот и о тебе все известно: и что у Малафеевских ты жил - хороший человек Яков Иванович, ничего не скажешь,- и как на Бабьем вы ночевали и Флеров Сашка бутылку утащил... А Володька мой, значит, на водоем уехал уже? Плохо там: у них лед, и у нас ничего не идет. Одна грязь сеть забивает! Сейгод не знаю, выполним план или нет. Только на Истопку и надежда. Ни у нас на Стрельне, ни у них на Большой Кумжевой рыбы нет... И так хитрим, и так прикидываем, невода меняем, заново ставим - нет ничего!

- Значит, не просто сидите и ждете рыбу - тоже надо уловки

знать, на одном и том же месте по-разному пробовать?

- А что просто делать? - удивился старый рыбак.- Семга - это тебе не озерный лов. Там тоже не просто - завел и черпай. А тут все надо знать - где и как снасть ставить, какую, с каким подходом. Неправильно что сделал - придет рыба, поскучает и уйдет!

Вся наука от старых идет. И хоть знаешь, где что и как ставили, все равно сначала на карбасе проедешь, дно посмотришь, не замыл ли песок... Нет, тут не только опыт большой нужен, тут всю жизнь учись!

На следующее утро мне тоже не удалось поговорить с Устиновым. До последнего времени в реке держалась высокая вода, на ферму за реку приходилось добираться на лодке, а теперь паводок спадал на глазах, и надо было ставить обычный переход на деревянных опорах, укрепленных растянутыми стальными тросами. Котлов, колхозный бухгалтер, до обеда тоже был занят, и Елизавета Ивановна Хромцова, председатель местного сельского Совета, молодая, красивая и энергичная женщина, попавшая в Чапому с Зимнего берега - противоположного берега Белого моря - пригласила меня посмотреть их песцовое хозяйство, расположенное за деревней выше по реке. Это и был тот единственный подсобный промысел, которым занялись было рыболовецкие колхозы Берега, но остался он теперь только в Чапоме.

Звероферма выглядела весьма непривлекательно, запах зверя, несвежего мяса и гниющей рыбы ощущался далеко на подходе. Она занимала небольшой огороженный участок, где в низких и узких клетках-шедах, поднятых довольно высоко над землей, бегали, суетились, лаяли тощие, голодные зверьки с грязной, свалявшейся шерстью, которая к зиме должна была превратиться в красивый пушистый мех.

По словам Хромцовой, звероферма давала хотя и небольшой, но верный ежегодный доход, если не случалось перебоя в подвозе кормов, поскольку своими кормами для песцов колхоз не располагал.

Я бродил по Чапоме, выходил на берег, ходил с Хромцовой на звероферму, на реку, где ладили переход, все время ощущая какую-то необычность окружающего меня мира, и только потом догадался: в отличие от Сосновки, не говоря уже о Пялице, Чапома жила! Отовсюду доносились звуки топоров, мотоциклетный треск бензопил, временами поревывал трактор, привезенный из Пялицы - как мне говорили, в этом объединении колхозов он тоже сыграл не последнюю роль,- из устья реки и с моря временами доносились звуки карбасных моторов. На бугре

над рекой ремонтировали школу, подводили новое крыльцо. Не без гордости за свое хозяйство председатель сельсовета показала мне сельский клуб и волейбольную площадку перед ним... После обеда усталый Володя Устинов зашел за мной к Логиновым. В правлении колхоза нас ожидал Котлов - пожилой, невысокий и худощавый мужчина с узким лицом, лысеющий, с умными серовато-зелеными узкими глазами за толстыми стеклами очков. Котлов беспрестанно курил. Разговаривая, он вытаскивал очередную сигарету из алюминиевого портсигара, разламывал ее пополам и вставлял в красноватый плексигласовый мундштук, какие были в обиходе первые послевоенные годы.

- У нас, считай, три основные отрасли в хозяйстве,- неторопливо раскрывал он передо мной то, чем живет Чапома.- Звероводство, оленеводство и рыбодобыча. От звероводства прибыль колхозу небольшая, но без убытков. В последние годы оленеводство поднялось за счет сдачи мяса комбинату, вместе с сосновскими сдаем. Ну, а рыбодобыча - как когда, год на год не приходится. В прошлом году было хорошо с рыбой, а в позапрошлом...- Он приостановился и вытащил из стола бумаги.- Ошибся я! И в позапрошлый год рыба дала нам чистого дохода...- он поиграл на счетах,- четыре тысячи рублей. В прошлом году - двадцать тысяч. По оленеводству в позапрошлом году - почти сорок тысяч дохода, а в прошлом - пятнадцать. А звероводство - когда две, когда три тысячи. В комнату, поздоровавшись, вошел Федор Осипович Логинов и тоже присел к столу.

- Пастбищ у нас для оленей мало,- сказал Устинов.

- Отдали Саамскому району. От Пулоньги до Бабьей наши пастбища были,- вмешивается Логинов.- Я там еще пас. Отобрать надо назад!

- Пастбища у нас главным образом отельные, в лесу,- продолжает рассказывать Котлов, не обращая внимания на реплику.- Летних мало. А как весна, как почуяли олени, никакими силами их там не удержишь, в лесу-то...

- Да и пастухов теперь постоянных нет,- опять ввернул к месту Логинов, и тут словно что-то сдвинулось.

- А откуда их взять?

- Кто захочет работать теперь?

Людей надо и собак надо! - заговорили все разом, словно последние слова ударили их по больному месту.- Главное - люди, а уж человек и собаку найдет, и все остальное...

- Собака пастуху нужна хорошая, чтобы и тебя, и оленей знала,- поясняет Федор Осипович.- Видел когда-нибудь, как собака у стада работает? Доведется в Ловозере побывать или в Краснощелье - посмотри! Собака своя у каждого ижемца была. А

теперь как получается? Сегодня я с собакой хожу, завтра другой придет - вот она и не знает, кто у нее хозяин! Тесть мой, Андрей Канев, на десять дён с собакой своей уходил километров за семьдесять-сто, потому как на нее лучше, чем на брата, положиться мог...

- Это верно. Да и обуви нет теперь, резина одна...

- А резина - нога преет, закупорка вен от нее!

- Раньше тоборки сошьешь, смольной водой просмолишь... Так он, пастух, их с ног не снимает, спит в них!

- В тоборках-то легко бегать!

- Сейчас ни тоборков, ни смольной воды нет. Смолокуренные заводы ее на землю спускают. А нам бы сюда - одна бочка на весь год пастухам хватит!

Говорили все разом, перебивая, дополняя друг друга, подсказывая, и чувствовалось, что вот так же горячо проходят у них в этой комнате с большими светлыми окнами колхозные собрания, на которых обсуждается их сегодняшняя жизнь. Только от оживленности обсуждений этих ничего вроде бы не менялось.

- Не знаешь, в Сосновку-то привезли смольную воду? - обращается ко мне Логинов.- В Краснощелье, в Ивановке гонят, частным порядком...

Я отвечаю, что в Сосновке, насколько мне известно, еще только собираются посылать за смольной водой в Краснощелье, а Ивановки, по слухам, уже нет, перевезли ее в то же Краснощелье.

- Кончилась, стало быть, Ивановка? Надо и нам в Краснощелье кого послать! Выгнали бы литров пять десят смольной воды, и так-то прекрасно! Человек ведь дороже всего, чем, понимаешь, деньги...- со вздохом подытоживает Логинов.

- Значит, на одной рыбе колхоз не смог бы существовать? - переспрашиваю я Котлова, потому что это один из главных вопросов, от решения которого, как мне кажется, зависит судьба Берега. Рыбаки говорили, что колхозы могли и должны были быть специализированными исключительно на рыбе. Наоборот, районные власти утверждали, что рыба кончается, поэтому надо изыскивать другие статьи дохода, а то и просто закрывать рыболовецкие колхозы.

Котлов степенно помолчал, подумал, вставил в плексигласовый мундштук еще одну половинку сигареты, закурил, затянулся, поглядел, как бы примериваясь, в окно и только после этого сказал:

- Людей нет, вот в чем беда. После объединения у нас должно быть шестьдесят - семьдесят человек. А на работу - хорошо как полтора десятка наберется: до Пялицы тридцать два километра, до Стрельны - десять... Да ведь и тех, что на тонях сидят, на

сенокос да на полеводство снимаем!

- А если бы не снимать? Если бы рыбаки только рыбой занимались? - продолжал я выпытывать у своих собеседников.

- А теперь, конешно, был бы десять раз колхоз-миллионер. Рыба идет, в неводах скачет, а подошел сенокос - невода вытаскивай и айда косить! - ответил вместо Котлова Логинов.- Рыбы-то меньше не стало, это людей нет, а рыба сейчас - ого-го! Реки-то все открыты, считай, не ловят на реках. Да и снасти стоят дальше в море, чем раньше. Мало старики ловили! На моих памятях, вспоминаешь это, самое хорошее девяносто пудов ловили, полторы тонны, а сейчас пять-шесть тонн - это мало...

- Рыба есть, людей нет, вот и мало тоней,- подтверждает Володя Устинов.- Некого ставить.

- Сейчас у нас четыре тони, с Кумжевой вместе. А раньше тридцать было, на моих памятях уже... Давай считать, Василь Диомидыч,- предлагает Логинов Котлову.- Подсказывай, что забуду. Горкина, Востра, Межно,- начал он загибать пальцы.- Новинки...

- Заструга,- подсказал Котлов.

- Заструга - пять. Чапомка, Ручьи, Лудка, Смоляниха, Кислоха, Тонкое...

- Барышиха, Никодимский нос,- добавляет Устинов.

- Двенадцать. Фалиха, Нос, Ягодиха, Захребетное, Клетка, Истопка, Тальцы, Вторые Тальцы, Великая изба, Чернавка, Ерзовка...

- Сам ты на Стрельне сидишь,- проговорил Котлов.

- Двадцать четыре, да там свои - у Стрельны и Пялицы,- почти сорок выйдет! Посади на всех участках - это знаешь какой улов будет! Да ежели не отрывать людей…

- В отрыве все дело! Вот тут за километр тоня. А сенокос! Придут, покосят, не успеют поесть - обратно. А грязь - надо невод сменить, рыба только в чистый пойдет. Пока меняют, пока чистят - опять надо бежать косить. Вот почему еще больных половина...

- Мог бы специализированным колхоз быть, если все с умом организовать: летом - на море, зимой - на озерах,- теперь уже утвердительно произносит колхозный бухгалтер.- А все эти подсобные промыслы, о которых сейчас говорят, вроде заплаток только. Одну ставишь, другую, а штаны все равно худые. Новыми их таким путем не сделать... У нас основное что держит? Животноводство, молочно-товарная ферма. Раз есть животноводство, с ним и полеводство связано, и заготовка кормов, и на поля удобрения вывозить. А рабочей силы, кроме рыбаков, нет...

Так все возвращалось на круги своя. Обстоятельные,

хозяйственные поморы, знавшие возможности своей природы, стремившиеся к рентабельности своего хозяйства, к наибольшей отдаче от вложенного в него труда, оказывались единодушны в протесте против бесполезного производства, продукты которого предназначались исключительно для украшения соответствующих рубрик районных сводок. Одно тянуло другое: молочно-товарная ферма требовала косцов на сенокос, полеводческой бригады, возчиков, и это в то время, когда ее конечный продукт, вобравший в себя все косвенные и прямые затраты, не находил сбыта из-за расстояний и бездорожья.

- Вот, смотрите,- продолжал Котлов, откладывая какие-то цифры на счетах,- что получается с этим сельским хозяйством только по двум предыдущим годам. Лов мы хотя полностью и не закрываем, но активным он уже не будет. Это раз. Теперь с коровами. У нас их больше тридцати, и молодняк еще. Ну, молодняк мы на мясо сдадим! В позапрошлом году чистых - только чистых! - подчеркнул он,- вложений в ферму - 17 912 рублей; получили - 12 100, чистый убыток - 5812 рублей. В прошлом году: вложили- 18 093, получили - 15 374, убыток - 2719 рублей. Это по коровам только. По молодняку в позапрошлом году убыток - 2758 рублей, в прошлом году прибыль 912 рублей - вовремя у нас приняли мясо. А в полеводстве...- он снова поиграл на счетах.- В позапрошлом году от картошки прибыль 5 рублей, от капусты - 220 рублей. В прошлом году от картошки убыток 1121 рубль, от капусты убыток 517 рублей. Всего от сельского хозяйства убыток в позапрошлом году 8345 рублей, а в прошлом 3445 рублей. А на урожай не пожалуешься, хороший урожай. Да только для нас он чем лучше, тем хуже - реализовать не можем и списываем в убыток. Вот тебе и весь баланс! А сколько еще на семге теряем, когда рыбаков снимаем с тоней в путину? Уже который раз ставим перед районом вопрос, чтобы ликвидировать ферму как убыточную,- и люди просят, и постановления выносили...

Повторялась сосновская история, о которой рассказывал мне Канев. Но когда я напомнил о ней моим собеседникам как выход из создавшегося положения, они только покачали головами.

- Был бы наш председатель такой, как Петр Канев, то же самое сделал бы,- ответил за всех Логинов.- Да только Петр, известно, отчаянный, а тут кому хочется голову подставлять? И опять же с сельским хозяйством у них там не так строго, район-то саамским считается, все внимание на оленеводство как национальный вид... Вот мы все и надеемся: может, в районе нашем наконец разберутся, что негоже впустую людской труд и колхозное богатство переводить, пойдут нам навстречу? А сами

мы - нет, пока поперек пути пойти не решаемся...

- В Уставе нашем как написано? - Устинов достает из шкафа папку с Уставом.- Вот, параграф четвертый: "На общественных землях артель организует сельскохозяйственное производство, а также животноводческие и другие фермы по плану, утвержденному общим собранием, с целью..." - он сделал паузу,- "с целью увеличения доходов артели и наиболее полного трудоустройства членов артели, не занятых на добыче рыбы". Вот. И еще: "Колхозники, работающие на рыбном промысле, привлекаются к работе в подсобном сельском хозяйстве артели лишь тогда, когда они по условиям рыбного промысла свободны от своей основной работы". Вот основной наш законодательный документ. А от нас все время требуют его нарушения, объясняя это пользой для государства. А какая для государства будет польза, если все колхозы разорятся,- не знаю. Тут не польза, тут самый страшный вред всему народному хозяйству, который нашими же руками заставляют районные власти делать! Видишь все это - душа болит, а тебя в спину: не рассуждай, делай, мать твою так...

Степенные, спокойные мои собеседники оживляются. Разговор коснулся их самого больного места, и не только потому, что политика районного начальства оказывалась нацелена на развал их общего, колхозного дела, от которого зависела судьба каждого из них, судьба их близких, судьба самого Терского берега, но и потому, что они никак не могут понять, почему, из каких соображений их, свято чтущих каждую строку закона, заставляют этот самый закон нарушать?

А может быть, и нет во всем этом злого умысла? - думаю я, слушая собравшихся. Может быть, все эти распоряжения идут от простого невежества руководства, как правило, откуда-то присланного, не имеющего своих здесь "корней", далеко и высоко сидящего от всего того, что они именуют "народом"? А это не народ, это - "человеки", каждый из которых имеет свою судьбу, свой характер, свой взгляд на мир и свои соображения по поводу того, как сделать жизнь лучше - для него и для всех таких же, как он. Ведь вот и я на первых порах, хотя и был у меня кое-какой опыт в сельском хозяйстве, не мог поверить, что в здешних условиях высокие надои и столь же высокие урожаи не полезны, а губительны для рыболовецких хозяйств. Впрочем, районное-то руководство не так уж высоко и далеко сидит от терских рыбаков, оно-то обязано знать положение вещей...

И тут мне вспомнился рассказ о Чапоме в книге Станислава Панкратова, где он с восторгом рассказывал о встрече с Ларисой Николаевной Веретенниковой, заведовавшей здесь полеводством.

Панкратов пешком прошел по всему Терскому берегу, не мог не знать истинного положения вещей, и все же он писал, как замечательно, что здесь, возле Полярного круга, сейчас развивается сельское хозяйство, которое дает столь высокие урожаи, что Веретенникову наградили медалью "За трудовую доблесть". Панкратов был своим, мурманским, и все же он искренне верил, что именно в развитии мясо-молочного дела и полеводства - будущее поморских сел. Значит, тоже не вгляделся, поверил лозунгам и плакатам, завезенным в Заполярье откуда-то с юга или из средней полосы России?

Я поинтересовался, где сейчас Веретенникова.

- Ушла она с полеводства, на клубную работу ушла,- говорит Хромцова, до того молчавшая.- Разве серьезный человек сможет видеть, как его труд на помойке гибнет?

- Лариса человек совестливый,- подтверждает Логинов.- Ее в газетах хвалят, а она ревет: зачем, говорит, маялась я, если никому ни вывезти, ни продать, ни так отдать? Лучше в клуб пойду, все дело полезное...

И снова, как то не раз случалось, разговор свернул на уход молодежи из села в город,- то основное, от чего зависело будущее всего Терского берега и каждого его селения.

Здесь было много причин: поздний по сравнению с вольнонаемным выход колхозника на пенсию, сама пенсия, ничтожная по размерам, которая ничем не компенсировалась, невозможность здесь, на Севере, существования сколько-нибудь весомого личного хозяйства, которое играет определяющую роль в южных районах страны, наконец, в высшей степени тяжелые условия работы, чрезвычайно низко оплачиваемые. На колхозников не распространяется трудовое законодательство, у них нет профсоюза, нет оплаченного отпуска - вообще нет ничего, кроме работы, за которую по большей части они получают мизерную оплату.

Когда цифры годового дохода колхоза "Волна", названные Котловым, я разделил на общее количество колхозников, то получил такие ничтожные суммы, что мне стало не по себе. На что их хватит? Хлеб, молоко, чай, сахар, соль... И это - за круглый год работы, без отдыха, в тяжелейших условиях?

А все остальное, что нужно для жизни? Из чего оно?

Да можно ли что-то требовать от этих людей, каждый день совершающих подвиг своей работой и жизнью?!

Правда, у колхоза была еще одна статья дохода - судно на океанском лове, как и у варзужан. Но команда на судне была целиком вольнонаемной, так что собственно колхозники от этого ничего не имели. А пай от улова, который поступал на

банковский счет колхозу, опять-таки представлял собой не "живые" деньги, которые можно было пустить в оборот, а уходил на покрытие долгов государству и откладывался на календарный ремонт этого самого судна.

И, конечно же, уходу молодежи в город способствовал пример отцов, желавших для детей более осмысленной и обеспеченной жизни, чем их собственная, замкнутая в безвыходный круг "пастух - рыбак - пастух". Ни для рыбака, сидящего на тоне, ни для оленного пастуха, ни для работника фермы не требовалось среднее образование - только навыки, передаваемые из поколения в поколение. Зачем тогда учиться? Но уже выучившись, хотелось идти дальше, применить полученные в школе знания в жизни...

Так условия жизни и работы в колхозе вставали в противоречие с требованиями, которые предъявляла молодому человеку современная жизнь, и с возможностями, которые она перед ним открывала. Каждый из здешних подростков рассуждал примерно так, как Николай Тетерин. Да, они с удовольствием вернулись бы в родное село - после интерната, после армии, после училища или института,- если бы для них нашлась соответствующая работа, требующая не только физической силы, но и знаний.

Другими словами - если была бы перспектива их духовного роста.

Поэтому тот же Федор Осипович Логинов на вопрос, почему, по его мнению, уходят из села молодые, с прямолинейной резкостью отвечает:

- А чего им держаться-то? Я своему младшему сказал: пока я жив - учись! Я спину гнул? Гнул. В рыбаках гнул, в пастухах гнул, а много ли пенсии получил? Тридцать шесть рублей - и все. А те, кто из полеводства, так и по двенадцать рублей в месяц получают. Теперь еще ты за меня гнуть будешь? Нет! Пока жив - не позволю!..

- Видишь ты, на Севере, что ни говори, работа с холодом связана, с сыростью, в лесу, в тундре, на воде,- мягко подтверждает правоту Логинова Котлов.- На юге, скажем, колхозники до восьмидесяти, до девяноста лет живут, а здесь мы недолговечны: шестьдесят-шестьдесят пять лет и - фьюить! Солнце-то один месяц в году видишь!

Это редкий экземпляр до семидесяти доживет!- подхватывает Федор Осипович - После войны сколько мужиков ни пришло, а до пятидесяти все перемерли, никто до пенсии не дожил... Вот рыбозавод, там, может, и хуже -по командировкам гоняют, с сыростью связано, с холодом - на льду да в леднике, так-то прекрасно!. А они заинтересованы: у них и зарплата высокая, и

климатические, и коэффициент есть, пенсия не в пример лучше, каждый год отпуска - Да и до пятидесяти пяти работать мужикам, не до шестидесяти Вот бы у нас гослов сделали -совсем по-другому бы все стало!

- Как же! И преимущества все, и снастью обеспечат... Опять же плавсредства государственные, специалисты обслуживают, ремонтируют, каждому спец одежда, снабжение специальное…

В словах Котлова прозвучала застарелая и, надо сказать, имеющая основания зависть колхозных рыбаков к работникам государственной рыбной промышленности: работа одна и та же, но там все права и преимущества, а здесь - ничего, кроме вечного чувства собственной неполноценности,..,

- Дели в колхозе нет,- помолчав, сказал Устинов.- Строили в этом году орудия лова, ну, невода, там, стенки, крылья... Надо было семнадцать единиц, а хватило дели только на девять. И сейчас в Мурманске на собрании уполномоченных говорили, что нет семужной дели...

Так и сказали? - забеспокоился Логинов - Плохо совсем.

Так и сказали. Председатель звонил, обещал, что искать будет. А где? Даже в "Мурмансельди" нет. "Всходам коммунизма" сороковка нужна, у них семга меньше, в реке ловят, так и сороковки не найти. Нет, тут выход один: ликвидировать колхозы на берегу, государственное предприятие сделать, чтобы рыбак себя человеком тоже мог почувствовать! Тогда и народ из села не поедет, и добычи будет больше, и развернуться можно, заинтересованность в работе появится...

- Кто ж сам отсюда уйдет? Нужда гонит Сердце болит, а гонит.

- Я слышал, Оленицу и Кашкаранцы в гослов передали,- заметил Устинов.

- А что у них там осталось? Никого нет, спохватились!

- И у нас спохватятся, когда уже никого не будет, тоже гослов сделают!

- Да, ничего от Терского берега не остается,- протянул Логинов.- А сколько народа-то раньше было, господи, мать честная! Помнишь, Василь Диомидович, когда колхозы-то организовывали? И народ-то какой крепкий был. А сейчас хорошо до пенсии дотянет - и нет его... Поди, мы с тобой самые старые в Чапоме стали?

- Пустеет, пустеет Берег,- соглашается Котлов.- Одна только Умба растет, все к себе тянет...

- Ну, я пойду,- поднялся Володя Устинов.- Ждут там. Вы уж как-нибудь без меня...

8.

Из Чапомы я ушел на третий день, уже в десятом часу летней ночи. Тарабарину позвонить постеснялся, а просить Устинова или больного Логинова подбросить до Истопки - язык не повернулся. Внуки Федора Осиповича перевезли меня на дощанике за реку, к фактории. Отсюда до черно-белой башни Никодимского маяка, поднимавшейся километрах в десяти от села, просматривалось все лукоморье.

Отлив уже начался. Откатываясь, волны обнажали твердую полосу сбитого песка.

Ни день, ни ночь. Наступало свойственное только Северу то сумеречное состояние природы, когда трудно определять расстояния и каждый куст, каждый камень, столб, стоящий на берегу, казалось, излучают слабый мерцающий собственный свет.

Безлюдный берег с обветшавшими, завалившимися тоневыми избами, с кустами ивы и можжевельника, с бормочущим морем за эти дни стал знаком и привычен.

По дюнам, указывая далеко вперед направление тропы, бежит вереница столбов, неся провода с голосами людей. Свежие, заготовленные связистами столбы лежат вдоль тропинки. Из-под ног, отчаянно кудахтая, взлетают пестрые куропатки. На тропу из кустов вышел пышный желтый лис, еще не успевший сбросить зимнюю шубу, постоял, пристально посмотрел на меня, понюхал воздух и, убедившись, что я безоружен, не спеша двинулся вверх по склону, в тундру.

И наконец, я знал, что впереди, за Никодимским маяком, как раз на полпути между Чапомой и Пялицей, когда захочется присесть и перевести дыхание, стоит еще живая тоня - Истопка.

И сердце кольнула мысль: ведь Берег никогда не был пустым!

От села до села - двадцать, сорок, пятьдесят километров, но между ними дозором всегда стояли тоневые избы. Пусть никто в них не жил. Все равно в каждой избе лежали заготовленные дрова, береста, спички, чай, сахар, соль, немного крупы, мука, обязательно стояла кадушка с той самой соленой рыбой, которую теперь не имеют права держать у себя рыбаки. Придут охотники. Льды выбросят промышленников. Это может случиться с каждым - с тобой, твоим отцом, сыном, братом, свойственником, просто с человеком. И Берег всегда готов был прийти на помощь людям: через километр, через два, не реже.

И зная это, человек находил силы, чтобы выжить.

Этот полуночный, мерцающий призрачным светом Берег был Берегом Жизни. За девять последних веков таким его сделали люди. Не потому ли так горько было для них теперь с ним расставаться?

Мне вспомнился рассказ, услышанный в Сосновке.

Произошло это недавно, глубокой осенью, когда волна у берега крошит припай, на тундре белеет первый снежок и шторма гуляют по простору Студеного моря. Одним из таких штормов возле берега разбило самоходную баржу с солдатами. Случилось это, если не ошибаюсь, между Бабьей рекой и Пулоньгой, именно возле берега, потому что все двадцать восемь человек, находившиеся на борту, смогли выбраться на сушу. Они погибли не в море, а на берегу, от холода и голода, потому что на всем протяжении своего пути, сколько мог пройти и проползти каждый, они не нашли ни одного пристанища, в котором могли бы отогреться и передохнуть...

Берег Жизни оказался для них берегом Смерти. А еще недавно на том пути, на который у них хватило сил, стояли семь тоневых изб, готовых принять, обогреть, поддержать человека...

Я шагаю по убитому водой и ветром песку, прислушиваюсь к шипению отбегающих волн, к посвисту ветра в проводах и пытаюсь собрать воедино свои впечатления, отложившиеся не только в памяти, но и где-то в глубине подсознания,- собрать, чтобы постараться представить себе возможное решение проблем, которые я увидел за эти дни.

Странная складывается картина! Казалось бы, все здесь есть: неослабная тяга человека к труду, желание выполнить его как можно лучше, на совесть, не спустя рукава. И результат труда оказывается высок, все равно, в чем бы он ни выражался - в высоких ли надоях, отмечаемых грамотами, премиями и медалями, в столь же высоких для этих широт урожаях, в уловах, в том неуклонном снижении себестоимости пойманной рыбы, которой здесь добивались с уже списанными сетями, с половинным количеством рабочей силы... Во всем, что я видел, был слаженный, дружный, а главное - осознанный труд, ощущение своей словно бы обязанности перед страной, которая со страниц газет, в передачах Всесоюзного радио призывала поморов на этот труд и результатов которого от них ждала.

Больше того, во всем, что здесь делали, о чем бы ни говорили, даже сетуя на недостатки, чувствовалась неистребимая любовь к своей земле, к делу, неколебимое чувство коллектива, которым так отличался всегда северный русский человек, упорно, столетие за столетием обживавший, осваивавший этот суровый край.

Каждый и все вместе, они старались делать свое дело как лучше. Но в этом совместном делании, в той форме коллективного труда, которая была проверена веками, пошла, зазмеилась сначала одна, потом другая трещина, и оказалось, что все эти титанические - без преувеличения - усилия все чаще

приводят к холостому ходу огромного общественного механизма. Началось все не изнутри, как то бывает обычно, а снаружи, когда, не разобравшись, что причина, а что следствие, совершенно сторонние, лишь поставленные фортуной в начальники люди попытались в приказном порядке вмешаться в тот слаженный механизм здешней жизни, какой она еще была три-четыре десятка лет назад.

Пожалуй, только теперь, после разговоров с рыбаками и пастухами, я мог оценить удивительную гармонию здешней природы, проявлявшуюся в постоянстве неведомо когда сложившегося стереотипа, столь явного у рыбы, морского зверя, перелетных птиц, оленей и всех тех животных, кто с удивительной регулярностью и точностью совершал то близкие, то далекие путешествия, возвращаясь в одни и те же места. Здесь не могло быть сбоев, пропусков, нарушения ритма. Каждая часть сложнейшей системы природы определяла существование другой, а все вместе они находились в экологическом равновесии: отёл оленей, цветение тундры, вывод птенцов, нерест и миграция рыб, созревание грибов и ягод...

Наблюдая это ежегодное действо, можно было прийти к мысли, что единственным видом, от которого ничего не зависело, но который сам зависел от всех, ко всем приспосабливался, был человек. Он мог существовать здесь не иначе как подчиняясь законам и ритмам природы, следуя ее циклам - не только в прошлом, но и теперь, когда оказывался вооружен техникой, знаниями, комфортом цивилизации. Как бы он ни пытался строить свою жизнь, географическая среда неизменно вносила в его планы свои поправки, и волей-неволей современный человек вынужден был возвращаться на пути, которые проложили его предшественники, куда более беззащитные перед лицом природы.

Не так ли произошло и с жизнью поморов? Сельское хозяйство в поморских селах было всегда. У каждого был свой огород, свои овцы, корова - все, что нужно для того, чтобы обеспечить семью. Но не больше, потому что остальное некуда было сбывать. "Товарное производство" - на продажу ограничивалось рыбной ловлей и оленеводством. Здесь было все рассчитано - и рабочие руки, и необходимое время, и силы, потребные для удачного промысла.

Насильственно навязанное рыболовецким колхозам в середине тридцатых годов сельское хозяйство у Полярного круга уже тогда ввергло колхозы в неоплатные долги государству, зато позволило местным руководителям торжественно рапортовать о "перестройке климата", отступающего "перед мужеством советских людей". Важны были не действительные результаты, а

показатели - "показуха", которая с тех давних пор легла проклятием на поморскую деревню, как огненный змей, прилетающий по ночам и иссушающий людей. Появилась соответствующая графа в отчетности, и кто бы теперь взял на себя смелость ее упразднить? Кто из районных руководителей осмелится заявить, что в отданном ему "на береженье" районе не следует производить мяса и молока? О том, что по природным условиям вывоз и реализация этих продуктов невозможны? Да и никто не стал бы его слушать. Главное - произвели!

Так возникла устойчивая кризисная ситуация, обернувшаяся двойным убытком - по затраченному труду и по уничтоженному исходному материалу.

Чтобы это понять, не требовалось особых знаний: чтобы не было убытков, следовало привести возможности хозяйств в соответствие с потребностями.

А возможности оказывались фантастическими, причем именно у колхозов. Не случайно все медали и грамоты ВДНХ получали рыболовецкие колхозы Мурманской области, а не государственные хозяйства. Наверное, выходило так потому, что в колхозах работали не пришлые люди. Они знали и любили свою землю, привыкли трудиться на совесть, с верой в полезность того дела, которое идет на пользу всего общества, а не только для них одних. Как можно было не помочь им? Как было не снять с них лишнюю, бесполезную нагрузку? А между тем все волевые директивы, исходившие сверху - объединение, расширение молочно-товарных ферм, развитие полеводства,- не просто подрывали благосостояние здешних хозяйств: они подрывали доверие людей, веру в разумность и нужность своего труда, подрывали доверие к основному принципу - "каждому по труду". Но труд не оправдывал себя и потому оказывался бессмысленным в своем общественном выражении....

Так все упиралось в нежелание местных руководителей порвать с "показухой" и прийти на помощь гибнущему селу. Правда, мне еще не довелось встретить ни одного руководителя, высокого или низкого ранга, который бы вот так, без жесткого и категорического нажима сверху, признался бы в допущенных им - а не его предшественником! - ошибках. Но это был уже другой вопрос. Здесь радовала возможность самого решения проблемы.

Гораздо хуже было с другим, с тем, о чем говорили опять-таки все, хотя с гораздо меньшей определенностью и не предлагая никаких рецептов исправления.

Это - проблема молодежи.

Если суть предыдущего вопроса заключалась в том, что возможности колхозного производства вступили в противоречие с

реальностью, то здесь именно традиционное хозяйство, на котором зиждилось благосостояние и смысл существования поморских сел, оказалось в вопиющем противоречии с требованиями современности. Конфликт возникал внутри системы, и тут уже не могло быть никаких компромиссных решений. Традиционные формы рыболовства и оленеводства не нуждаются в знаниях, которые молодежь получала в школе. В современном поморском селе, как оно есть, нет места ни для одной из множества современных профессий, требующих специалистов, то есть людей со средним или высшим специальным образованием. Вот почему оказывался прав старик Устинов, ответивший мне на вопрос о молодежи вопросом же: "А что ей здесь, молодежи, делать?"

В современной деревне?

А разве та деревня, которую мы видим, в большинстве своем может быть названа современной? Исходить надо не из того, что в ней живут наши современники, а из того, как живут, чем занимаются. Если подойти с этих позиций, то окажется, что та деревня, которую мы видим перед собой, отстала от развития общества на много десятков лет, и не сама по себе, а потому, что поставлена в такие условия. Все эти десятилетия, фактически, разница между городом и северной деревней не сокращалась, а увеличивалась, проявляясь буквально во всем, начиная с технической оснащенности и кончая бытом.

Мощный, все усиливающийся отток молодежи из деревни в город - естественное следствие создавшегося положения, которое никто до сих пор не подумал исправить.

А ведь и пути "исправления" известны!

Тут сами рыбаки подсказывают, что надо сделать, чтобы сначала задержать этот, казалось бы, необратимый процесс, а потом и обратить его понемногу, повернуть именно в ту сторону, которая требуется. В первую очередь - сделать все эти трудоемкие, тяжелые работы престижными и высокооплачиваемыми, чтобы "длинный рубль" можно было заработать здесь же, рядом с родительским домом, а не отправляясь за ним в города. Во-вторых, признать, что колхозная форма хозяйства как переходная от единоличного хозяйства к общенародному, государственному изжила себя, и охватить все села Берега системой гослова. Шаг этот сразу позволит освободиться от тягот сельского хозяйства, обеспечит стабильную производственную базу, снабжение, резко повысит заработок, уладит вопрос с пенсионным обеспечением, а главное - изменит сразу социальный статус рыбака-промысловика, который до сих пор считается крестьянином, человеком как бы второго сорта по

сравнению с точно таким же рыбаком на государственном судне или на тоне, который является уже рабочим.

Столь же важно и другое. Теперешнее поморское село, поневоле сохраняющее не только оболочку, но и внутреннюю структуру традиционной жизни, превратится в поселок рыбаков, который с неизбежностью потребует своего преобразования. Он должен быть насыщен культурно-бытовым обслуживанием, связью, транспортом, медицинским и научным персоналом; у него должны быть своя электростанция, клуб с киноустановкой, со своей школой, с телекомплексом и со всем остальным, что необходимо для современной жизни, что отвлекает молодежь в города.

Значит, и вопрос с молодежью можно решить?

Ввести современность в быт - это и значит решить проблему. Не просто, но хорошо. Во всяком случае, надежно и с перспективой. Для этого надо только изменить облик села и социальный статус проживающих в нем людей.

И вот тут мои мысли принимают несколько иное направление.

Казалось бы, все хорошо. Но разве не к этому стремится современное районное начальство, правда с одной существенной оговоркой: сначала полностью обезлюдить Берег, а потом его возрождать путем постройки типовых сезонных поселков? И так ли уж правы рыбаки, ратующие за роспуск колхозов и создание на их основе бригад гослова?

Что именно в колхозе их не устраивает? Коллективная форма управления? Принцип распределения доходов? Ни то, ни другое, а третье: бесправие. Зависимость колхоза от множества вышестоящих организаций, присваивающих львиную долю колхозного дохода и спускающих вниз категорические указания: делай то-то, не делай этого, что дали - тем и будь доволен... Это во-первых. А во-вторых - не устраивает жизнь в деревне, которая была остановлена в конце двадцатых годов и покатилась потихонечку вниз, в прошлое... Колхозные рыбаки недовольны, что их все еще считают крестьянством чуть ли не дореволюционным, с которым они если и имеют что-либо общее, так это то, что являют собой экономическую и биологическую основу любого государства, любого народа. Они недовольны оплатой их труда, причем совершенно справедливо, потому что нельзя назвать нормальным положение, когда предметы ширпотреба, себестоимость которых исчисляется копейками, благодаря совершенству технологии производства, в десятки раз превышают лимитированный природой высококачественный продукт морского лова и оленеводства - продукт, добавлю,

валютный, то есть соотносимый с золотым эквивалентом, чего не скажешь о нашем ширпотребе...

Так, может быть, начать с того, чтобы последовательно провести в расценках основной принцип социализма - "каждому по труду", чтобы поднять на должную высоту самый тяжелый, какой только есть, и самый необходимый труд на земле? Ликвидировать не колхозы, а то множество грабящих колхозника - и общество! - инстанций, которые мешают прямому контакту хозяйства с государством, производителя - с потребителем? Почему кто-то, а не колхоз должен обрабатывать выловленную колхозниками рыбу? Почему они сами не имеют права это делать?

Да и так ли изжила себя колхозная форма хозяйства, как представляют себе рыбаки и усиленно уверяющее их в этом начальство? Может быть, дело обстоит как раз наоборот?

Ведь колхоз - это единственная у нас демократическая форма решения всех хозяйственных вопросов, когда в управлении участвует каждый член коллектива. Общее собрание колхозников - вот главный орган колхозного самоуправления, позволяющий вести оперативную финансовую политику, менять направления хозяйственной деятельности,"менять структуру хозяйства... Все это на бумаге? Всякая действительная инициатива глушится сейчас же сверху? Нельзя даже сократить поголовье без согласия района? Но разве использование микроскопа в качестве молотка указывает на то, что микроскоп себя изжил, а не на что-то другое?

И если в практике управления народным хозяйством нарушения законности в отношении колхозов стали, к сожалению, нормой, это вовсе не означает, что плоха колхозная система. Это значит, что никуда не годится система управления, не дающая развития подлинно коллективистским, передовым формам управления жизнью и хозяйством. Потому что именно колхозы, а не совхозы и госхозы, как это ни покажется странным, несут в себе зародыши социалистического общества.

Об этом писал, это подчеркивал, на это указывал В.И. Ленин. В кооперации он видел отнюдь не способ приобщения единоличника к коллективному труду - это с успехом делается на любом предприятии, на стройках, в исправительно-трудовых лагерях и тому подобных организациях,- а в приобщении коллектива к управлению экономикой государства, к коллективному управлению.

В деревне это было проще всего сделать. И - нужнее. Вопреки распространенному представлению о "косности", "инертности", "традиционности", крестьянин, постоянно связанный с природой, с окружающей средой, со множеством сезонных циклов и ритмов,

с полным циклом производственного процесса - от подготовки земли до получения конечного переработанного продукта, гораздо смекалистее, умнее и инициативнее рабочего, изо дня в день выполняющего определенные операции и не задумывающегося о конечном результате общего труда, в котором он принимает участие. Рабочий живет сегодняшним днем, зная, что завтра будет делать то же, что и сегодня.

В отличие от рабочего, колхозник в своей деятельности не может не интересоваться и не представлять себе всю разнообразную деятельность коллектива, частью которого он является, потому что от успеха или неуспеха каждого - будь то в поле, на ферме, в мастерских, на рыбачьей тоне - зависит и его конечный результат, его завтрашний день, благополучие его семьи. В отличие от рабочего, он чувствует свою ответственность не за личное только, но за все общее дело, к которому при всем желании не может оставаться равнодушен, хотя именно к этому равнодушию его толкает нынешняя система "управления колхозами".

Разве колхозник или председатель колхоза виноват, что вместо того, чтобы на общем собрании утверждать планы колхозной деятельности в соответствии с природными и климатическими условиями, с возможностью реализации, с ценообразованием, наконец, с возможностью самого хозяйства, он получает "свой" план сверху, в директивном порядке, составленный неизвестно кем и никаких реальных оснований не имеющий?

Но в таком случае все то, что рыбаки ждут от гослова, они могли бы получить и в собственном хозяйстве, взяв в свои руки действительное управление своей жизнью и своей судьбой. От них самих, в конечном счете, зависит сделать село современным, добившись рентабельности хозяйства, вложив необходимые средства и в строительство микроэлектростанций на реках, и в благоустройство поселка, и в развитие самых различных промыслов - от сбора жемчуга, выращивания семги до развития прибрежного лова и занятия мари-культурами, входящими сейчас в моду за рубежом. И для всего этого потребуются опять же свои специалисты!

А разве не назрел пересмотр всего оленеводческого хозяйства этих мест, о чем мне с таким энтузиазмом объяснял Малафеевский в Сосновке? Разве, поставленный на современной основе, он не потребует биологов, ветеринаров, экологов и прочих специалистов, вооруженных самой современной аппаратурой и техникой? Наконец, не случайно раздаются голоса, требующие обратить внимание на то, что сам Терский берег

представляет собой уникальный природный объект, подлежащий безусловной охране и изучению, как заповедник,- его недра, хранящие множество ископаемых, драгоценных и полудрагоценных камней, его озера и реки, его леса, тундры и побережья с неповторимыми животными и растительными сообществами... Вот почему все чаще поднимаются голоса, требующие, чтобы Терский берег был наконец закрыт для туристов, стал естественным заповедником, в котором местные жители могли быть первыми его охранителями, наблюдателями, обходчиками, а затем и специалистами-исследователями...

И тут мне послышался отрезвляющий голос старого колхозного бухгалтера, наверное, передумавшего все это не один десяток раз.

- Обо всем этом хорошо нам с вами здесь за столом говорить,- сказал Котлов.- Вот и Владимир Яковлевич Устинов на колхозный Устав ссылается. А что толку? На бумаге - одно, на деле - совсем другое. Ведь в чем загвоздка-то главная? В том, что ни у колхоза, ни у колхозника голоса нет. Право голоса они имеют, да, сколько бы ни кричали, никто их слушать не будет! И планы у нас не наши планы, и продукция вся не наша, обязаны мы ее отдать, и деньги, что в банке лежат, тоже только числятся нашими. А попробуй их взять, потратить на что-либо дельное, людям помочь, дома построить или еще что... Да просто заплатить за работу по совести, а не по расценкам! Никто не позволит. Почему? Да потому, что деньги эти - как бы условные, видимой реальности не имеют, могут только со счета на счет переходить... Вот тебе и весь сказ! Так что по нам лучше бы уж прямо закрыли все колхозы, тем более что в них давно уже нет ничего коллективного - все на долги государству ушло, давным-давно никаких "делимых" фондов нет. Да и кто когда позволит колхозному собранию самостоятельные решения принимать, когда без нас председателей снимают и назначают? Простой сетевой дели для колхоза нет, чтобы рыбу ловить, а купить ее - нельзя! Кто же продаст колхозам необходимые стройматериалы, машины, горючее, аппаратуру и прочие нужные вещи? Никто - все по Госснабу идет...

Что я мог ответить на это? Только одно: что это прямое нарушение закона, и, стало быть, начинать надо с него - с приведения норм жизни в соответствие с законом. В том числе и с самым главным законом нашей страны - с ее Конституцией, в которой все это предусмотрено.

Но старый бухгалтер только безнадежно махнул рукой...

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ,
1983 год.
Стрелков, "Севрыба" и другие

1.

По коридору топот стада носорогов. Стонут половицы, прогибаются балки, брызгами разлетаются ступени. Ходит ходуном только что построенная двухэтажная гостиница под пудовыми шагами земных тяжеловесов. Вниз... вверх... Лестница рушится вдребезги, но всякий раз я убеждаюсь, что ни с ней, ни с домом пока еще ничего не случилось. Потому что будят меня не хозяева африканских болот, а немолодые парни, поздней ночью возвращающиеся с работы - из такого же здания напротив, которое они сейчас конопатят и обшивают изнутри фанерой, или из цеха, строящегося на берегу. Причина грохота и шума - гнилые балки, на которые легло междуэтажное перекрытие, мокрые от позапрошлогодних дождей и прошлогоднего снега брусья - старые брусья ветхих, разобранных домов Мурманска, которые привезли сюда, за тридевять земель, чтобы выстроить гостиницу.

Не для туристов: Терский берег теперь для них закрыт. И не для шабашников, которые сейчас в ней живут и ее доделывают. Для колхозников. Точнее - для колхозных охотников, которые будут собираться здесь ранней весной на зверобойный промысел, за последние десятилетия полностью перешедший в руки архангельских колхозов.

И, просыпаясь в очередной раз от грохота сапог по коридору, я не перестаю удивляться, что судьба снова привела меня в Чапому. В ту Чапому, о которой я столько писал и вспоминал, полагая, что уже никогда на рубчатый песок здешнего отлива не лягут отпечатки моих резиновых сапог и с высокого угора не откроется вдруг древнее поморское село на наволоке, охваченном с трех сторон сверкающим ультрамарином реки и моря..

Все получилось иначе. Далекий "завтрашний" день, о котором я когда-то думал, вдруг оказался днем сегодняшним со всеми его заботами и сомнениями. И, конечно же, надеждами.

Тогда, в конце шестидесятых начале семидесятых годов, попадая на Терский берег то с борта парусной шхуны, то с "Соловков", совершавших регулярные рейсы между Архангельском и Кандалакшей, живя подолгу в селах, мне удалось узнать и увидеть многое.

Стоило закрыть один колхоз, как жизнь на большом пространстве берега останавливалась. В самом селе по инерции она еще тащилась: работали движки, освещая дома, не сразу закрывался магазин, на почту поступали газеты, письма, пенсионные переводы, но уже не было правления колхоза и сельсовета, за любыми справками надо было куда-то лететь или

плыть, распускала учеников школа, закрывались клуб и медпункт. На улице и за околицей постепенно затихал перезвон коровьих ботал, блеяние овец и визг поросят: в один из дней ферму переводили в другое село, а там, за неимением места и кормов, лишнее - "чужое" - стадо пускали осенью под нож. Опустевшие здания ветшали. Если их не перевозили сразу, то постепенно разбирали на дрова, поскольку заготавливать дрова в лесу или из плавника уже не хватало рук.

Прежние колхозники, кто помоложе и поздоровее, особенно если у них были дети, не найдя себе жилья и работы на новом месте, отправлялись в города, искать свою судьбу.

- И что самое удивительное, все это происходило отнюдь не в тяжелые для российской деревни годы,- говорил мне знакомый журналист, не раз бывавший на Севере и с пристальным вниманием вглядывавшийся в происходившие там процессы.- Для рыболовецких колхозов Белого моря шестидесятые годы были временем подъема. Посмотри сам. Давно позади осталось безлюдье послевоенных лет, подросло молодое поколение, колхозы встали на ноги, как раз к этому времени обзавелись океанскими судами, семга шла к берегу валом, год от года росли банковские счета колхозов, развивались подсобные промыслы вроде той же песцовой фермы, которую ты застал в Чапоме, акклиматизировалась в северных водах горбуша...

- ...которую у колхозников отказывались принимать на рыбопунктах!

- И это было,- согласился он.- Но - принимали. А главное - поморские села обстраивались. Кое-где стали возникать даже собственные маленькие гидроэлектростанции, появились свои механизаторы, в каждом селе работали свои плотницкие бригады, еще шили карбасы и доры...

Все это я знал и сам. Знал, потому что целью моих поездок, в конечном счете, была эта самая жизнь, которую я разглядывал со всех сторон и которая только малой частью своей нашла отражение в моих статьях, очерках и книгах о Севере. Я мог добавить, что здесь всегда было вдосталь жилья, чтобы принять и расселить множество пришлых, как, скажем, в тяжкие годы войны, когда на Терском берегу спасались сотни эвакуированных семей. Здесь никогда не голодали - ловилась разнообразная рыба, у каждого были овцы и олени, был огородный овощ, картофель, на зиму солили и сушили грибы, запасали впрок ягоды, охотились на зайцев и куропаток.

Наконец, под ногами была родная земля, на которой эти люди родились и выросли, с которой были связаны невидимой пуповиной куда крепче и теснее, чем, скажем, в той же средней

полосе России.

"Пуповина" эта и помогла мне многое понять.

Найденные на прибрежных дюнах древние очаги сезонных стойбищ первобытных охотников и рыболовов, промышлявших в летнее время семгу на тех же местах, где стояли теперь тоневые избушки поморов, позволили взглянуть на жизнь и быт поморских сел сквозь призму экологии. И тогда оказалось, что за "примитивностью" хозяйства и "невежеством" рыбаков скрывается удивительно гармоничная, выверенная на опыте многих поколений система использования окружающей среды, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено.

Чтобы выжить в условиях Севера, человек должен был разумно пользоваться окружающим миром, "брать разумно", как однажды мне скажет коренной помор, вернувшийся из города в родное село, чтобы попытаться возродить его к новой жизни, используя старый опыт и отброшенные было природохозяйственные начала. Здесь, за Полярным кругом, больше, чем где бы то ни было, возможность существования человека определялась разумностью его поведения. Ресурсов для жизни было много, следовало только брать их так, как берут грибы, чтобы грибница не оскудела и на следующий год принесла еще больший урожай.

Прежнее хозяйство поморов не было хищническим. На учете был каждый расчищенный для пашни участок земли; каждая лужайка, пригодная для покоса, ежегодно очищалась от набросанного весенним половодьем мусора и молодых побегов краснотала. Здесь знали, что "урожайные" годы, когда семга с моря валом валит в реку и в выметанные сети, неизбежно сменятся пустыми годами, когда можно только кое-как в течение всего лета наскрести необходимый запас на зиму, поэтому прибрежный лов надо восполнять морским и озерным...

Теперь ситуация резко изменилась. Природные ритмы не учитывались при планировании сверху, колхоз загодя оказывался в пролове, хозяйство было лишено маневренности, терпело ненужные убытки, и человек терял интерес к своей работе.

Казалось, выход был найден, когда рыболовецким колхозам, испокон века занимавшимся только прибрежным ловом, открыли путь в океан. Обновлялся государственный рыболовный флот, суда становились крупнее, мощнее, старые продавали колхозам и тут же включали их в общую флотилию.

Но все оказалось не так просто и хорошо, как представлялось поначалу.

Да, океанские уловы давали такую прибыль, о которой прежде поморские хозяйства не смели и мечтать. Но стоило судну

стать на ремонт, как прибыль оборачивалась явным и год от года растущим убытком. И не только финансовым. В какой-то момент начали понимать, что убытком оказывался и отток человеческих рук на суда - рук наиболее эффективных, необходимых в хозяйстве, которые часто потом уже не возвращались в родное село.

Была еще причина, подрывавшая коренное хозяйство поморов, с которой я постоянно сталкивался в своих поездках по Северу,- собственно сельское хозяйство. То самое сельское хозяйство, на котором зиждилось благополучие обычных колхозов на "материке".

Отсутствие каких-либо дорог, связь с районным центром только морем или по воздуху лишала колхоз возможности реализовать свою продукцию. Гнила картошка и капуста; молоком поили телят, обрат из-под сливок шел коровам... Чем выше были надои и привесы, тем большие убытки терпел колхоз. Однако сократить стадо до нужного минимума районные власти не разрешали, поскольку колхозное поголовье скота входило в общее поголовье скота по району, фигурировало в отчетах и сводках, создавая видимость процветающего сельского хозяйства за Полярным кругом... Был ли выход из этого положения и какой? Стратегия экономики укладывалась в четыре действия арифметики. В первую очередь следовало сохранить живыми старые поморские села - те форпосты колонизации Севера, которые отмечают своим существованием восемьсот лет напряженного человеческого труда многих и многих поколений. Пока стояло село и на своем месте стоял дом, люди возвращались хотя бы на время отпуска, присматривались, что и как делается, не стало ли лучше, помогали колхозу и на тоне посидеть, и сено заготовить, и дрова... Выброшенные обстоятельствами жизни, они все еще выжидали, не рвали оставшуюся связь с Берегом. Но стоило порушить дом, тронуть его с места, как приезжать оказывалось некуда и незачем...

Обо всем этом я писал. И о причинах, и о последствиях. О настроении людей, готовых биться за право жить на своей земле, в отчем доме, о тех огромных резервах края, которые могут стать основой его возрождения. О необходимости для районного и областного руководства нового, экологического подхода к решению встающих перед ним хозяйственных и социальных задач, о том, что далеко не быстро и не сразу может произойти поворот, о котором я пишу: требуется и терпение, и понимание обстановки...

Между тем вести, доходившие из Чапомы, подтверждали самые грустные прогнозы.

Количество тоневых участков сокращалось вместе с уходившими из жизни стариками-пенсионерами. Пески метут по печинам Пулоньги, сожгли последний сарай, напоминавший о когда-то бывшей Сальнице, в богатой Стрельне осталось два или три дома, повалилась Пялица, в которой теперь ни почты, ни магазина - только ГМС и приемный пункт, да и тот собираются закрыть; пески засыпают Кузомень - одно из самых крупных сел на берегу, где были школа, интернат, больница и много всего другого... Как видно, последние дни доживала Сосновка. На глазах пустело Тетрино. Держались только три села, ставшие центрами "объединенных" колхозов: Варзуга с ее знаменитым народным хором и главной семужьей рекой полуострова, Чаваньга, гордившаяся некогда первой гидроэлектростанцией на маленькой речке, питавшей село и пилораму, да Чапома, не вобравшая, а как бы пропустившая через себя три последовательно "объединявшихся" с нею колхоза - пялицкий, стрельнинский и пулоньгский, от которых не осталось и следа...

И вот - крутой поворот памяти, и сквозь оглушительный треск вертолета я снова слышу голос Александра Петровича Стрелкова, бессменного председателя колхоза "Волна" в Чапоме:

- Как, узнаешь Берег? Не забыл? Видишь, кусок дороги новой, при тебе не было. Там вон тоня ожила: сети в море выметаны, дымок из трубы, карбасы у берега - значит, рыбаки сидят! А сколько лет на ней никого не было!.. Ты по крышам, по крышам сёла наши примечай. Светлая - стало быть, новый дом поставлен. Зашевелился Берег, еще как зашевелился-то! Все, о чем когда-то с тобой говорили, теперь в дело пошло... Вон, гляди, Стрельна моя, узнал? Не стали рушить до конца, сохранили. Теперь год-другой - и снова в рост пойдет! А Чапому, пожалуй, и не узнаешь: расстроилась она, ребят много подросло, а те, что в армии, тоже домой теперь возвращаются...

Навалившись грудью на дополнительный бак с горючим, я тогда слушал и не слышал своего давнего знакомого, до рези в глазах вглядываясь в проплывавшую за иллюминатором такую знакомую и такую волнующую панораму Терского берега - того Полуночного Берега, о котором столько писал и думал.

Бог ты мой, десять лет! Десять лет, как я не был здесь. А если прибавить еще три года, после первого моего посещения Чапомы? Те годы, когда я стал здесь чувствовать себя действительно своим, поняв, что приняли меня поморы в свою большую семью, а дом Логиновых стал вроде бы и моим домом, тоже со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями... Сколько всего передумано, переговорено, перевидано, сколько сотен километров пройдено по людским и звериным тропам!

Разве я могу забыть, как вязнут ноги в красных пустынях Кузомени, как стынут в ледяной воде, заколевая, руки, перебирающие ставной невод? Разве забыть тропы, взбегающие на каменистые теребки среди морошковых болот, ведущие от берега в глубь полуострова, на лесные озера?

- Видишь? - толкая меня в плечо, продолжал Стрелков.- Чапома-то наша, а? Вон сколько всего за одно лето построили! На угоре посадочная площадка для вертолетов будет, рядом - склад горюче-смазочных материалов поставим, на берегу - главный цех, вон и стены его уже обозначились... Водопровод сейчас должны протянуть с озера - в цех, в столовую, в клуб, по селу пустим... Дома будем строить, дома! Помнишь, сколько голову ломали, как жизнь рыбаков повернуть? Вот она, на глазах поворачивается...

Внизу взгляду открывалась Чапома, знакомая и незнакомая одновременно. Те же изгибы берега, тот же узкий наволок, на котором всегда теснились ее дома. Но теперь я мог приметить, что дома эти начинают раздвигать прежние границы села: они шагнули вверх по угору, пошли по реке, да и строительство цехов, о которых говорил Стрелков, показывало направление движения застройки в совсем непривычную сторону - по берегу моря.

Пока вертолет дважды прошелся над селом и рекой, давая возможность осмотреться, я пытался угадать знакомые дома, узнать потянувшихся к посадочной площадке чапомлян. Всюду бросались в глаза новые для здешних мест признаки жизни. От самоходной баржи, приткнувшейся на мелководье, трактористы тащили на берег какие-то грузы; на песке громоздились штабеля бочек и стройматериалов, а рядом ярко и весело взблескивала под полярным солнцем сталь топоров в руках плотников, работавших над новеньким срубом...

"Неужели все, что думалось за эти годы, о чем мечталось, начинает теперь воплощаться? - спрашивал я себя, пока летел над знакомыми устьями рек, над бело-желтыми песчаными лукоморьями, примечая белый пунктир пенопластовых поплавков выметанных в море сетей.- Сдвиги, конечно, видны, отчетливые сдвиги, но каков будет конечный результат? Хватит ли на все это сил и терпения?"

В вертолете с нами были представители объединений, входивших в "Севрыбу", гигантское промысловое предприятие, работающее на всех морях и океанах северного полушария,- руководители и плановики, которым, казалось бы, не должно быть дела до маленькой Чапомы, затерявшейся на побережье Белого моря так, что не на каждой карте ее увидишь.

А началось для меня все с письма, адресованного даже не мне, а моему однофамильцу, корреспонденту "Литературной

газеты", много и долго занимавшемуся делами архангельских рыболовецких колхозов. Писал бывший председатель колхоза "Северный полюс", теперь заместитель председателя мурманского рыбакколхозсоюза.

Причин для письма было три. Первая - их давнее знакомство. Вторая заключалась в том, что, привыкнув встречать его имя на страницах "Литературной газеты", ему приписали и мою статью о Терском береге, которая появилась там год назад. Третья была самой главной: новое руководство "Севрыбы" вместе с обкомом партии обратило наконец внимание на положение рыболовецких колхозов. Импульсом послужила Продовольственная программа, на которую тогда возлагали большие надежды, хотя, как вскоре выяснилось, программа намечала задачи, но никак не обеспечивала пути их решения. И в этом отношении план, принятый советом директоров "Севрыбы", оказывался ее прямым развитием и дополнением.

Пытаясь найти основу дальнейшей жизни поморских сел, когда-то, следом за рыбаками и в соответствии с примерным Уставом колхоза, я предлагал вернуть колхозное животноводство и полеводство на подобающие им места действительного подсобного хозяйства, призванного обеспечить исключительно внутренние нужды колхозников. Сами колхозники должны были определять, сколько содержать коров, что сеять и сеять ли вообще, сколько заготавливать сена на зиму. Тогда каждый бы знал, что его труд оправдан, приносит доход, а не убыток.

Мурманчане подошли к вопросу с другой стороны. Они предложили снести призрачную, но четко определенную финансовыми инструкциями стенку, разделяющую "город" и "деревню", государственную собственность и колхозную, с тем, чтобы развернуть межхозяйственную кооперацию между промышленными предприятиями "Севрыбы" и рыболовецкими колхозами.

За первым письмом последовало другое. Меня звали приехать на Терский берег, чтобы участвовать в необычном эксперименте. Перспективы открывались заманчивые. Слово, звучавшее все эти годы гласом вопиющего, обещало обернуться делом, которого я добивался уже давно. Но где гарантия, что все это всерьез и надолго? Что это не очередная кампания, которых на своем веку повидали мы все предостаточно? Что еще год-два и все это не канет в океанскую глубину и даже кругов не увидишь на безмятежной глади моря? И снова - горечь разочарований?

Звонки из Мурманска между тем следовали один за другим. В них проступала настойчивость, заставляющая поверить в серьезные намерения мурманчан. Меня звали, соглашались

ждать, напоминали, когда истекал очередной срок, и наконец, дождавшись, когда пройдет на Севере запаздывавшая, как обычно, весна, а лето выплеснется светом круглосуточного полярного солнца, после многих лет я опять прилетел в Мурманск.

Первые ощущения - знакомая, влажная жара Заполярья. Снова скалы, болота, озера. Рядом со взлетной полосой нового аэродрома - ковры легкой белой пушицы; по отвалам, у низкорослого сосняка - густая кипень розового иван-чая... Гитерман, председатель мурманского рыбакколхозсоюза, создатель базы колхозного флота,- невысокий, темноглазый, с большим, открытым лицом, с мягким голосом, наполненным просящими, убеждающими интонациями, который, как скоро я мог заметить, может наполниться металлом, так и не меняя своей тональности. Егоров, его заместитель,- худощавый, подтянутый, спортивного вида. Он тоже не молод. Суховатый, резкой, как говорят в этих краях, он своей властностью, категоричностью суждений и подчеркнутым щегольством ярко-оранжевой рубашки под неизменным темным костюмом напоминает несколько киногероя, которому "все по плечу". Две полярности, два единомышленника. Оба работали раньше в системе архангельского рыбакколхозсоюза. Гитерман возглавлял базу колхозного флота здесь же, под Мурманском, по образцу которой теперь создана и база флота мурманских рыболовецких колхозов.

Разговор завязался еще в машине, которая неслась по новой полупустой автостраде между сопок, словно бы без перехода вынырнула на улицы нового, красочного, только еще строящегося Мурманска, продолжался в кабинете Гитермана, а потом и в номере гостиницы, из окна которого открывался вид на Кольский залив, толчею судов под незакатным полярным солнцем и уходящие вдаль плавные гряды холмов.

- В стране у нас сейчас практикуется три вида взаимодействия промышленных предприятий с колхозами,- объяснял Егоров сложившуюся ситуацию, которая, как я и предполагал, оказалась совсем не так проста, как то представлялось по письмам.- Во-первых, есть отношения шефские. Это чистой воды благотворительность, неизбежно порождающая у колхозников иждивенческие настроения и даже требования. В этом случае предприятия оказывают колхозам разного рода помощь безвозмездно, из своего кармана, не получая взамен ни денег, ни продуктов, а иногда даже и просто го "спасибо". Есть другой вид - подсобные хозяйства предприятий. Они являются собственностью предприятий - так сказать, "аграрный цех" завода. На них работают нанятые заводом рабочие и специалисты, а все издержки покрываются за счет прибылей самого завода. Третья

форма - агропромышленные объединения. В этом случае группа предприятий и колхозов, родственных по профилю, работает, так сказать, на долевых началах...

- Ни то, ни другое, ни третье в данном случае нам не подходило,- вставил Гитерман и, видя мой недоуменный взгляд, пояснил:

- Нам нужна была именно кооперация. Другими словами, нужно было, чтобы предприятия вкладывали свои средства в сельское хозяйство рыболовецких колхозов.

- Но для чего? Разве не проще идти по пути специализации? - все же поинтересовался тогда я.- Каждый занимается своим делом. Предприятие, скажем, та же судоверфь, строит и ремонтирует суда, колхозы ловят рыбу, а сельским хозяйством занимается третий специалист...

- Так-то оно так,- нехотя согласился Егоров.- Но здесь мы зажаты в рамки действительности. Продовольственная программа потребовала создания при каждом промышленном предприятии подсобного сельского хозяйства, которого у них нет. Нет ни земли, ни скота, ни помещений, ни специалистов, ни просто свободных рук. Денег на это в общем-то тоже нет, но они будут, то есть банк позволит их теперь тратить на эти цели. Но в какую копеечку влетит каждый килограмм полученного таким образом мяса и молока! Между тем все необходимое - помещения, скот, специалисты, оборудование - есть в рыболовецких колхозах. Им по большей части это не только не нужно, но, как вы сами писали, приносит чистый убыток. Вот мы и решили: не проще ли скооперироваться? Предприятия будут вкладывать в уже налаженное сельское хозяйство колхозов средства для развития производственной базы и для строительства новой жизни, а колхоз будет увеличивать производство продуктов животноводства и земледелия, которые у него будет(закупать и вывозить его промышленный партнер. На средства предприятия колхоз будет строить жилье, клубы, школы, больницы, благоустраивать села...

- Другими словами,- перебил Гитерман,- сельское хозяйство в рыболовецких колхозах будет как бы общим подсобным хозяйством партнеров - современным, высокодоходным, а главное - будет служить рычагом дальнейших социальных преобразований. Вместо того чтобы брать людей из села, мы будем помогать ему самому расти. Ему и Берегу!

Задумано было красиво, ничего не скажешь. Одним выстрелом вроде бы и впрямь удавалось убить двух достаточно крупных "зайцев". И все же я чувствовал, что за всем за этим что-то стоит, ибо зачем столь настойчиво звать писателя, если все и

так складывалось хорошо?

Вопрос был поставлен ребром, и ответ на него был краток и ясен: нужна гласность. Нужна поддержка в центральной прессе. Как обычно, хорошее дело при первых же шагах споткнулось на инструкции для Стройбанка, согласно которой промышленные предприятия имеют право финансировать только... собственные подсобные хозяйства! Стало быть, пока действует эта давным-давно отжившая и тем не менее властная бумажка, скрепленная когда-то чьей-то ответственной подписью, ни о какой действительной кооперации и речи быть не может. С точки зрения порядка, инструкция оставалась вроде бы правильной: зачем, в самом деле, финансировать какого-то "чужака"? Впрочем, какой же "чужак" может быть в нашей стране? Ведь не за границу деньги идут, даже не в союзную республику...

Но мне объяснили и это.

- Мы, как и вы сейчас, забыли о двух формах собственности,- поставил все на свои места Гитерман.- Колхоз - сам по себе, государство - само по себе...

- Но ведь это же фактически давно не так! - воз мутился я.- Давно нет уже "делимых" фондов в колхозе, уходящий из села колхозник ничего из колхоза не получает, поскольку и он в колхоз приносит только самого себя. Сколько об этом уже написано было!

- Все это так,- согласился председатель рыбакколхозсоюза.- И все же существующую границу не переступить. Нужно новое законодательство, пересмотр множества устаревших положений, которые как цепями опутывают каждый наш шаг. Но эти цепи мы сбросить - увы! - не в силах.

- Простите, Юлий Ефимович, что-то я здесь не понимаю,- не сдавался я.- Ведь несмотря на это, в колхозах идет строительство, и продукты сельского хозяйства промышленные предприятия покупают у колхозов. Как же так?

- Вот так. И они покупают, и мы строим. Другого выхода нет. Это нужно всем, как жизнь. Но какой ценой это делается? Колхозы продают продукты предприятиям дешевле, чем принимали бы у них заготовительные организации. Вы хотите сказать, что у них все равно никто не принимал и не принимает? Правильно, так оно и есть. Но, с другой стороны, почему из-за нерасторопности соответствующих организаций колхозы должны терпеть убытки? Здесь, на мой взгляд, колхозы терпят не только финансовый, но и моральный убыток. Ведь важен принцип, согласно которому каждый колхозник должен наверняка знать, что его труд и труд его товарищей будет оплачен сполна.

- Ну, а как же предприятия строят? Ведь сами же вы сказали,

что банк отказался финансировать!

- Верно, отказался. Но строить надо? Надо. Стало быть, следовало искать какой-то выход, чтобы спасти идею. Банк отказался финансировать капиталовложения предприятий в подсобное хозяйство колхозов. Он не отказывался финансировать капиталовложения в подсобное хозяйство самих предприятий. Поэтому предприятия "Севрыбы" выкупили у колхозов производственные помещения, скот, наняли специалистов... Конечно, все осталось на своих местах. Но так называемые "партнеры" колхозов получили юридическую возможность перестраивать, расширять, обновлять свои "аграрные цеха"... чтобы передать их тотчас же в аренду тем же колхозам, на земле которых они находятся! Вам смешно? А нам горько, потому что расходуются лишние средства, время, отодвигается конечный результат. И все же дело сдвинулось с мертвой точки, пошло. И люди поверили нам, что это всерьез...

Я тоже поверил тогда в то, что это - всерьез и надолго. Особенно когда попал в кабинет начальника "Севрыбы" - просторный, светлый, с видом на порт и Кольский залив, где противоположную сторону занимает огромная карта Мирового океана, весь земной шар в прямолинейной развертке, на которой непонятные для меня знаки отмечают какие-то зоны, указывают океанские отмели и впадины - голубую ниву советского рыболовного флота.

Но самое большое впечатление оставляет сам хозяин кабинета: высокий, мослатый, на первый взгляд какой-то неуклюжий, и только потом понимаешь, что это от силы, клокочущей в нем энергии, постоянно работающего мозга, перемалывающего одновременно десяток вопросов ежеминутно.

Каргин выше меня на голову, стрижен под ноль, отчего резче выступают шишки на черепе и крупные черты лица - в профиле, как ни странно, улавливается что-то птичье, он похож на взъерошенного драчливого цыпленка-гиганта. У него порой неприятный резкий голос, но все это уже через несколько минут отступает на задний план, и оказываешься под обаянием точности и силы мысли капитана огромной морской державы, состоящей из флотов и объединений-концернов, обеспечивающих слаженную и бесперебойную работу десяткам тысяч людей. Он, Михаил Иванович Картин, несет ответственность за все, начиная от жизни и здоровья каждого работающего у него человека и кончая стратегией лова и нашей океанской дипломатией, где выступает напрямую в переговорах с министрами и такими же капитанами промышленности заинтересованных стран. Каргин - представитель крупнейшего продовольственного цеха страны.

Сюда, на его широкий письменный стол, каждое утро ложится стопка радиограмм от всех флотилий с отчетом за прошедшие сутки, и он должен принять наиболее точное, единственно правильное решение, чтобы суда не оказались в пролове, чтобы не пропадала, не портилась рыба, не болтались без дела моряки в океане. Вот тогда я и почувствовал, что в этом голубом здании с колоннами, стоящем на площади старого Мурманска, растянувшегося теперь чуть ли не до Колы, бьется сердце "Севрыбы", работает ее мозговой центр, к которому подключены и маленькие рыболовецкие колхозы Терского берега.

К Картину я шел подготовленным. От Гитермана и Егорова я уже знал историю возникновения плана кооперации. Несветов, начальник отдела колхозов "Севрыбы", успел рассказать мне о положении на местах, о сложных "партнерских" отношениях колхозов с предприятиями, так что я не думал здесь услышать ничего нового. И все же именно общение с Каргиным, от которого, как я понял тогда, исходила вся страстность и энергия, весь тот мощный напор, заставивший покачнуться устаревшие ведомственные инструкции, окончательно убедило меня в реальности свершающегося поворота.

Начальник "Севрыбы" пересказывал мне идею кооперации, ее необходимость, но я понимал, что говорит он не об экономическом механизме партнерства. В его ломком, иногда взвивающемся голосе ощущалась неприкрытая боль за поморов, за живущие на последнем напряжении поморские села, которые он впервые объехал и облетел, увидев все своими глазами. Там, на местах, он познакомился с каждым председателем, отметил плюсы и минусы хозяйств, определив наметанным глазом не только имеющиеся, но и готовые вот-вот открыться бреши. Он говорил о том, что стимулировать хозяйство надо не только повышая закупочные цены, но, главное, снижая их за счет снижения себестоимости.

Поднять заинтересованность колхозников можно не увеличением суммы денег, которая лежит на колхозном счету в банке мертвым грузом, а только их реальным оборотом. Деньги без лимитов - цемента, дерева, металла, механизмов, электроэнергии, горючего, продуктов и товаров широкого потребления - ничего не стоят. Это фикция. Деревне нужна не помощь шефов, развращающая человека, который привыкает рассчитывать на чью-то постоянную поддержку, а сотрудничество, проверяемое качеством и количеством продукта, в конечном счете - качеством труда.

Каргин говорил о том же, о чем думал и я, уходя из Чапомы по берегу четырнадцать лет назад: о новом дне старых поморских

сел, о той огромной социальной революции, которую должна нести перестройка хозяйственной структуры края - то, что обещает межхозяйственная кооперация, разрушая последние барьеры, оставшиеся как память от давным-давно исчезнувшего нэпа...

Потом был стремительный полет на Терский берег - с Гитерманом, Егоровым, партнерами колхозов, со Стрелковым. Тень от вертолета бежала по бесконечным пространствам болотистых тундр, скользила по свинцовым разливам огромных озер. Ленты новых дорог, связавшие между собой населенные пункты, тянулись между прямоугольниками возделанных полей, изумрудная зелень которых была окаймлена неизбежным розовым бордюром кипрея. Я увидел поднявшиеся за это время современные кварталы Умбы на том месте, где мой знакомый предрика торжественно закладывал маленькую поселковую баню, которую уже успели снести, и еще раз подивился, как время меняет масштабы наших представлений и оценок.

И, наконец, возникла Чапома...

Тогда, вернувшись в Мурманск, я сказал, что напишу обо всем этом - о планах, трудностях, о том, во имя чего все это делается. Обещание я сдержал. Статья в "Литературной газете" помогла решить вопрос о закупочных ценах. Теперь колхозы могли продавать продукты сельского хозяйства своим партнерам по тем же ценам, по которым у них должны были бы принимать государственные заготовительные организации. Вот почему еще год спустя я оказался в уже построенной чапомской гостинице для зверобоев: я хотел увидеть, что получилось из широких планов мурманчан, какие новые "рифы" стоят на путях у капитанов поморских сел. То, чего мы добились совместными усилиями, было совсем немного. Это было самым началом, но с чего-то надо было начинать?

2.

- Начать-то начали, слов нет, кооперация вещь хорошая, даже прекрасная, я за нее двумя руками теперь держаться буду, да только, видишь ты, дело какое: колхоз вроде бы как в стороне остается, не кооперация при нем, а он при кооперации, понимаешь? С одной стороны - мы вроде бы хозяева, для нас все делается, нам во благо, а если с другой стороны посмотреть, то все как бы помимо нас идет: нам, нам, а ни проконтролировать эту самую стройку, ни повлиять на нее мы не можем... Вот ведь тут незадача какая!

Стрелков, коренастый, широкоплечий, чуть косолапит на ходу, как все здешние жители, выработавшие шаг на кочкастой тундре и на прибрежном песке. И мне, отвыкшему от здешнего грунта, невольно приходится поспешать за вообще-то неспешащим председателем колхоза "Волна".

Впрочем, как это неспешащим? У председателя колхоза дел всегда невпроворот: всем он нужен, всегда к нему есть вопросы и просьбы, телефон не переставая трезвонит, надо сводки в район давать, думать о косовице, которая никак не ладится из-за на редкость переменчивой погоды. Скоро лето на осень повернет, падут холодные дожди да туманы, сено на вольном воздухе не просушишь, и пойдет оно гнить в зародах, даже если удастся его с сеногноя поднять.

А здесь еще стройка - самое главное, что только есть сейчас в жизни колхоза. Все надежды возложены на это первое крупное дело межхозяйственной кооперации.

- Ну, так что же она, кооперация? - спрашиваю я замолчавшего председателя, вырвавшегося в это утро из круговерти неотложных дел, чтобы пройти со мной по строительству.

- Что кооперация? Мы ведь тоже не сразу на нее пошли. Посмотрели да подождали, посчитали, как и что будет... Дело-то известное! Сколько всяких планов нам предлагали, какие златые горы за прошедшие годы сулили, как хозяйство трясли - а все пшиком выходило. Одни слова! Приедет начальство, наобещает всего... Ты ему о том, что болит, а оно знай только глазом косит: скоро ли к ухе да к закуске позовешь? Нам рыбки нашей не жалко, хоть и на счет ее ловим, лишь бы дело было. А тут - прости-прощай, да и был таков! А когда ты к нему в Мурманск приедешь, он уже и думать о тебе позабыл...

- А теперь как?

- Теперь - дело другое. Когда сам Каргин по селам поехал, тут

уж поверить пришлось. Сколько живу, первый раз "Севрыба" о колхозниках своих на берегу вспомнила! И наши партнеры, грех обижаться, четко работают: и трубы там, и емкости, и кабель корабельный, и арматура вся, какая нужно... Ты вот посмотри, как за один год Чапома переменилась...

Стрелкова на ходу перехватывает электрик, высокий белобрысый парень. Похоже, сын кого-то из Немчиновых, они в роду все высокие да белобрысые, и наверняка я видел его среди оравы ребятни в свои прежние наезды. Теперь они успели вырасти, измениться, повзрослеть, и мне их уже не узнать. Пока электрик обсуждает с председателем свой вопрос - что-то о распределительном щите, о каких-то лампах, за которыми надо лететь то ли в область, то ли в район,- я могу еще раз осмотреться и признать, что Чапома действительно изменилась.

Впрочем, какая Чапома?

Старая, которую я помнил? Она осталась такой, какой и была,- чистенькой, зеленой, плотно сбитой на невысоком песчаном наволоке между изгибом реки и морем. Вся она стоит словно бы на зеленом стриженом газоне, не уступающем английскому, потому что траву здесь не топчут, ходят по деревянным мосткам, и ее регулярно и методично стригут чапомские овцы, прилежанием своим схожие с английскими садовниками. За пряслами изгородей - густая темно-зеленая ботва картофеля, который обещает хорошо уродиться, несмотря на запоздавшую и в этот год весну.

Новые дома, построенные на месте старых, уже успели потерять белизну первозданного сруба. Их посеребрили дожди, ветра и метели, и разве что приглядевшись отличишь постройку от других, стоящих уже с полвека на этой земле, а теперь подновленных голубой или зеленой масляной краской.

В Чапоме не увидишь ни заколоченных досками дверей, ни забитых окон, и, сколько бы Стрелков ни кивал на заботу рыбакколхозсоюза, я понимаю, что это очередной дипломатический ход. Тут целиком его заслуга - бессменного на протяжении пятнадцати с лишним лет председателя, который ухитрился и село сохранить, и колхоз по миру не пустить, даже молодежь придержать. Со стороны такое о нем и не подумаешь. Неприметный мужик, смешной даже, пожалуй. По-моему, он и крикнуть-то на человека не может, не нужно это ему, а вот поди ж ты - умеет и подход найти, и поговорить, и критику выслушать, и покаяться тут же на очередном пленуме райкома. Но твердо знает при этом Стрелков, что в ответе за людей и за колхоз он один, с людьми ему жить и для них. Ну а что критикуют - нельзя без этого, видишь, нельзя! Каждый свое ремесло показать должен.

Один, видишь, хозяйство ведет, а другой его учит. Тоже разделение труда...

Новая, строящаяся Чапома - на угоре, за песчаной дорогой, пересекающей наволок от моря к реке. По ней только и разрешено движение механического транспорта. Раньше в Чапоме был единственный трактор с прицепной тележкой, перевезенный из Пялицы. Всю остальную работу исполняли летом на лошадях, зимой на оленях: в лес - по дрова, за сеном; на летное поле - за почтой и багажом редких пассажиров.

Теперь над Чапомой висит перестук двигателей. Свои же колхозные парни, выучившиеся на трактористов-механизаторов, с азартом рвут траками и протекторами тонкий слой дерна, едва наросший на суглинках угора за пять или семь тысяч лет. Год назад здесь еще была зеленая лужайка, на которой ребята гоняли мяч, поодаль стояли традиционные качели, без которых северное село - не село. Сейчас я вижу две наспех сделанные вертолетные площадки с уложенными, но еще не закрепленными гофрированными и перфорированными стальными листами. Дальше, за небольшим болотцем, поднимается каркас будущего гаража и ремонтной мастерской. Ближе к поселку друг против друга стоят двухэтажное общежитие для охотников на морзверя и обработчиков и гостиница, в которой я живу вместе с шабашниками. Вокруг все разъезжено, размешено в глину, засыпано битым стеклом, ржавеющими консервными банками... Стоит остов новенького, но уже полностью "раздетого" трактора, горы закаменевших, разодранных мешков с цементом, штабеля целых, но больше битых облицовочных плиток, листы ржавого железа, обрывки тросов, лужи мазута или соляра, пропитавшие вокруг себя землю...

Издержки производства? Будущее Чапомы? Нет, обыкновенная бесхозяйственность, которую так странно мне видеть здесь, на Терском берегу, где до сих пор метут не только полы в домах, но и саму улицу, причем куда старательнее, чем в наших городах: свою ведь землю метут, самим по ней ходить!

- Так о чем я? - Стрелков разрешил все вопросы с электриком и снова вернулся ко мне.- Дел, понимаешь, ну вот никак не успеваю все переделать за день. И ладно бы от дела бегал, так нет! Вечером ляжешь, думаешь: это не сделал, с этим не поговорил, а надо. И ведь сколько лет уж стараюсь, все себе дисциплину придумываю, а они, дела эти, все лезут на тебя и лезут...

- О Чапоме, Петрович... Дел все равно не переделать, а я вот смотрю и не узнаю чапомлян. Не были вроде раньше терчане такими. Сколько помню, что в избе, что в колхозе, что на улице -

один порядок!

- Это не мы, Леонидыч, не мы! - Председатель явно огорчен, что я мог такое подумать на его односельчан.- Ведь кабы властен я был над этой стройкой, разве ж бы так она велась? Я тебе про что и говорить стал: хорошее начало, слов нет, и перспектива хорошая, а как все делается? Ты меня правильно пойми - не хозяин я здесь опять, а, как бы сказать, прохожий: хожу и жду, когда мне все передадут, тогда и караул кричать буду. И сейчас кричу! - спохватился он, словно побоявшись, что я его могу понять как-то превратно.- Да слышат меня, а все успокаивают: знаем, дескать, Петрович, ты не волнуйся, все в порядке будет, потом доделаем! А в каком порядке? Думаешь, этих шабашников я нанимал? Или, может быть, лес выбирал, из которого эти дома строят?

Он переводит дыхание, как будто ждет, чтобы я его опроверг, и, не дождавшись, обрушивается:

- Мое дело бухгалтерское - только со счета на счет деньги загодя переводить, да и то их без моего спроса берут, всем теперь рыбакколхозсоюз распоряжается...

В Стрелкове говорит азарт и обида. День сейчас распогодился, серый влажный туман сошел, ветра еще кет, стоит парная жара, и, достав из кармана широкий цветастый платок, председатель вытирает красно-коричневые от полярного загара лоб и шею.

- Ну да, как будто я тебя не знаю! Зачем строить самому, коли за тебя все сделают и готовеньким при несут, верно ведь? - раззадориваю я его, но он не обижается.

- Не думал, не думал я, Леонидыч, что ты такой. Ну зачем так говоришь? Да я бы этих шабашников, будь моя воля, на выстрел бы не подпустил, не то что им деньги платить! Знаешь, какие у меня шабашники были? Четыре года каждое лето приезжали, из Минска, настоящие мастера. И в колхозе они как свои были, и они к колхозу как к родному относились, на совесть строили, проверять не надо... Приезжают на четыре месяца, в отпуска. У них все рассчитано было: кто когда в отпуск идет, кто кого здесь подменяет... И как споро работали! В шесть утра уже на стройке, а спать ложатся не раньше двенадцати, вот как! Контору новую - это они построили, дом жилой и второй дом...

- Вот их бы и взял, раз они такие мастера! Сам говоришь - и организация, и порядок, и не рвачи... И где ты только теперешних бичей набрал? Глядеть на них и то совестно, а уж о работе я не говорю...

- Известно, где бичей ловят,- в Мурманске. Да только опять не я! В прошлом году мои минчане, когда узнали о кооперации,

посоветовались и сказали, что готовы взять весь подряд, большую бригаду по всем специальностям соберут за зиму. Я и обрадовался: свои люди, проверенные, работают как для себя... А Мурманск не разрешил! Какие у них соображения были, не знаю, только все это дело отдали межколхозному производственному объединению, есть такое в Мурманске, еще один хомут на нашу шею. У них там материалы все, они людей набирают... Ну а толку что? Текучка. Приедут-уедут, долго не задерживаются. Вот и эти тоже. Что им, жить здесь? Смотрю, щели в стене в кулак, а он фанерой изнутри обивает. Говорю ему: "Что ж ты делаешь?" А он отвечает: "Ничего, снаружи тоже фанеру набьем, видно не будет..." - "Совесть у тебя есть?" - спрашиваю. А он в ответ: "Ты меня нанимал? Ты мне деньги платишь? Мне в Мурманске расчет идет, а ты ходи себе и помалкивай в тряпочку..." Вот ведь дела какие! Да ты сам посмотри...

На первом этаже здания общежития, куда мы с ним подошли, уже кончили конопатить. Сейчас обшивают комнаты изнутри листами фанеры, ведут электропроводку. Лампочки, выключатели, электроотопление - все новенькое, добротное, чувствуется во всем рука промразведки, партнера колхоза по кооперации. Теперь только покрасить... Но Стрелков хочет показать мне, что под фанерой. Действительно, большинство балок гнилые. Они так напитались водой, что нажатием пальцев выдавливаешь из них влагу. По балкам и брусьям расползлась белая плесень...

Стрелков показывает на потолок, прогнувшийся под собственной тяжестью:

- Ну, как я сюда людей селить буду, если он уже сейчас прогиб дает? Ведь рухнуть может! Я уже про сил, пусть хоть подпорки ставят, перегородят комнаты надвое, а иначе и принимать не буду...

Точно, не выдержит. Это и я, не строитель, могу подтвердить. Ну, а что потом? Сразу же после приемки тем же старьем латать? Мне понятна озабоченность и досада Стрелкова, потому что все это огромное хозяйство должно перейти на баланс колхоза, и на его плечи сразу же падет "вечный ремонт", который того и гляди начнет съедать прибыль, ожидаемую от зверобойки.

- Что же, никто строителей не контролирует, так, что ли?

- Как не контролирует! Есть заместитель председателя рыбакколхозсоюза по строительству. Приезжает, смотрит, да много ли за свой приезд увидит? А мы от всего отстранены, у нас даже права голоса нет, все за нас решают, как за детей малых. Я председатель, а до конца месяца знать не буду, сколько у нас со счета денег снято. А если бы платили мы - половины денег им бы

не дали, право слово! Разве ж это работа?

- Почему же своего зама по строительству не заведешь, чтобы следил?

Взгляд Стрелкова тускнеет, в голосе появляются горькие нотки.

- Не так просто, видишь ты, завести. Я бы все за вел - и замов, и строителей своих, и специалистов. А куда я их поселю? Вот ведь беда наша! В колхоз пишут, просятся отовсюду. Я бы проблему кадров разом решил, а жилого фонда нет. Весь его извели за эти годы, пока села сселяли да колхозы объединяли. Ведь ничего не строили! И как я со стороны возьму, когда мне своих размещать надо, скученность такая стала, что просто некуда. Вот в одной семье четыре парня здоровых. Мне их отпускать на сторону не резон, да они и сами пока не хотят уходить. Однако оженятся - значит, четыре дома или четыре квартиры надо, чтобы было куда расселить. Иначе сами пойдут по свету место себе искать. И таких больших семей у меня две. А другие? Первый дом со всеми удобствами мне минчане построили - котелок для отопления, водопровод будет... А пойдет он не колхозникам - приезжим специалистам! Вот ты насчет заместителей. Нужны они, сам не справляюсь. Зам по строительству вроде бы будет, в Мурманске договорился. Нужен по мелиорации, по зверобойке... Теперь и свой юрист в колхозе должен быть, такая жизнь пошла. Механика нужно, инженера. Насчет механика я тоже кое-что придумал, будет у меня инженер-механик, ваш, московский: сейчас в Арктике на судне ходит, но договоренность уже есть...

Изменилась за эти годы ситуация, ничего не скажешь. Где те разговоры, что мы вели в Чапоме четырнадцать лет назад? Тогда думали о том, чтобы только удержаться, сохранить живым село, не упустить подрастающее поколение полностью в город.

- Своих бы ребят направил учиться, а? В ту же анапскую школу, где и сам был. Их вон у тебя сколько за эти годы подросло! И опять же послать можно колхозными стипендиатами, с доплатой, как, скажем, Тимченко делает со своими...

- Да я бы со всем своим великим удовольствием! Сколько уже с ними бьюсь, а они, паршивцы, учиться не хотят ни в какую. Говорю - хоть год проучись, чтобы знания у тебя были, с доплатой задержки не будет, учись! А они мне: лучше, Петрович, мы у тебя просто так работать в колхозе будем... Ну что ты с ними поделаешь?

Мы проходим мимо вертолетных площадок, которые надо укреплять и цементировать, по уже развороченному месиву болотца к гаражу, который неизвестно из каких соображений поставлен на самом угоре, где его будут продувать все ветра, в

стороне от деревни и фермы, в стороне от проезжей дороги к морю. Везде в глаза бросаются недоделки, везде все сделано кое-как, сшито на живую нитку. И я понимаю, как свербит и мучит моего спутника мысль, что отличное начинание, которое должно было перевернуть всю жизнь захиревшего было Терского берега, делается наспех и малопригодными средствами, способными только расхолодить колхозников и посеять обычное недоверие.

Им ведь со всем этим жить, им работать! Так почему бы и не дать им в руки строительство их же завтрашнего дня? Зачем делать и думать за них? - вот чего я никогда не мог понять. Только ли потому, что у них есть деньги, но нет так называемых "лимитов", а попросту говоря, строительных материалов, которые от гвоздя до леса и шифера распределяются исключительно в централизованном порядке и по предварительным - за год! - заказам специализированных организаций? Нужны ли эти "специализированные" организации, посредники между хозяйствами и государством, которые нашу экономику делают в высшей степени неэкономной? Груды ржавеющего железа, испорченного, такого драгоценного на Севере цемента, разбитых облицовочных плиток, стекла, гнилого бруса - вот плата за "посредничество"!

И ведь не только здесь - по всей стране так...

Вместе со Стрелковым мы выходим к берегу, где расположено главное строительство, сердце будущей производственной Чапомы - цех первичной обработки шкур морзверя, дизель-электростанция, склад горюче-смазочных материалов - все то, о чем он когда-то говорил, показывая мне контуры будущей Чапомы из вертолета.

Из-под емкостей, установленных уже на бетонные фундаменты, и штабеля железных бочек неожиданно выскакивают два зайца и зигзагами несутся в гору. Привыкли уже и к железу, и к шуму двигателей, и к тракторам, которые то и дело проезжают у кромки воды.

Последние десятилетия рыболовецкие колхозы Терского берега практически не участвовали в промысле гренландского тюленя. Почти целиком он отошел в руки колхозов Архангельской области. Причин было много: лежки тюленей ближе к Зимнему берегу, добираться туда трудно, не стало охотников, снаряжения, ездовых оленей. Стрелков рассказывал, что, когда в Чапоме была еще звероферма, а рыбакколхозсоюз отказался поставлять им корм - хоть коров забивай! - пришлось ему организовать бригаду охотников, вместе с ними выходить на припай, выслеживать зверя, отстреливать и волоком, на себе, не один километр тащить по торосам туши убитых животных.

Теперь архангельским охотникам придется потесниться - сборный пункт трех уцелевших терских колхозов будет в Чапоме. Отсюда вертолеты доставят охотников на лежки тюленей и сюда же переправят убитых животных. Поэтому и выбрана в партнеры колхозу Промразведка, в чьем ведении находится все зверобойное хозяйство Севера. Цех первичной обработки шкур строится тоже с дальним прицелом. Чистая прибыль за сезон должна быть не меньше одного миллиона рублей - столько, сколько будет стоить все строительство. Но кроме этого в руках чапомлян останется более двухсот тонн "бесплатного" тюленьего мяса, под которое можно снова заводить звероферму и строить большой холодильник.

Так вот и набираются новые профессии для чапомлян.

Но Гитерман и Каргин хотят добиться, чтобы в колхозах оставалось хотя бы два процента тюленьих шкур,- тогда появится цех выделки и пошивочная мастерская. Постоянное электричество уже изменило жизнь села. На очереди привозной газ в баллонах и телевидение. Новые планы, высокие доходы и новые профессии должны стать тем рычагом, который полностью переменит быт поморов. Вроде бы все хорошо. И только одна мысль не дает мне покоя: а при чем здесь, собственно, рыболовецкий колхоз? Промышленный поселок на месте села! Опять все за счет привоза, со стороны? Но мысли мои перебивает Стрелков. Что ж, ему виднее, ему здесь жить. И со зверобойной базой он все обдумал и, наверное, рассчитал даже, куда вложить первый доход...

- Жилье - вот больное наше место! - говорит он.- Во что бы то ни стало надо строить, и не такими шабашниками - право слово, шабашники и есть! - а бригадой на подряде, как были у нас минчане. Настоящие строители нужны. А производственное предприятие пусть только материал достает. Ведь почему я о минчанах все время говорю? Сколько, думаешь, один дом стоит, который нам предприятие строит? До двадцати пяти тысяч! Потому что - из бруса: из кругляка они не могут. А дом из кругляка, который нам нужен, всего в пять-шесть тысяч обходится! И стоит он дольше, потому как не гниет. Минчане - настоящие плотники, они из кругляка все строили, и материал этот нам нигде покупать не надо, свой лес есть. Выгода? Да еще какая - не в пять, а, коли посчитать на долговечность, то в десять раз! Было бы у меня жилье, первым делом бригаду плотников организовал, со стороны пригласил, лишь бы свои были...

Мы идем в цех, осматриваем душевую, где моются по вечерам шабашники. Стрелков озабочен самим цехом - сроки под угрозой срыва. Тут еще делать и делать. Надо устанавливать оборудование, поднимать станки, цементировать чаны, в которых

будут выдерживаться в рассоле шкуры тюленей. Насколько я понимаю из его объяснений, самих чанов еще нет, под них только вырыты котлованы в песке, где идет сварка поржавевших железных листов. Не готовы ни ферма, ни гараж, но главное - должен быть цех, без него ничего не будет - ни зверобойки, ни доходов. Вот и водопровод: рассчитали, что вода из озера пойдет самотеком. До цеха она дойдет, но уже гараж, ремонтная мастерская, гостиница и общежитие потребуют дополнительного подпора, они стоят выше.

И все же таким поворотом колхозных дел Стрелков доволен.

- Видишь ли, сельское хозяйство в наших условиях, как его ни поверни, все равно убыточно, пока полной переработки на месте не будет, так я теперь понимаю! Почему мы на ноги сейчас встали? Все наши убытки промразведка взяла на себя. Тонна груза по воз духу в Мурманск - это тысяча рублей накладного расхода. Вот и посчитай. Молоко мы им продаем шестьдесят копеек литр, за корма они нам платят, ферму взяли на свой баланс, с заготовкой сена помогают, их люди косить приезжают...

- Другими словами - полная благотворительность за государственный счет?

- А как ты думал? Если бы самим, так просто ложись и помирай, сам знаешь, как было!

- Ну а полеводство? - спрашиваю я его с равно душным видом.

- Что полеводство?

- Полеводство-то у вас осталось или партнеры то же в аренду взяли? Оно ведь вам прямой убыток, только для фермы и нужно. А так оно у вас руки с весны до осени занимает...

- А ведь и правда! - останавливается Стрелков, и я вижу мелькнувшую в его глазах растерянность и досаду.- Ты подумай, забыли о полеводстве, а оно действительно у нас только для фермы и содержится! Как же мы так? Они у нас еще в аренду двенадцать гектаров заброшенных земель в Пялице взяли, распахали, но не засеяли. Точно! Пусть забирают к едрене фене все полеводство, если ферму на себя отписали! А надо, так пусть наших и нанимают работать, к себе зачисляют полеводов, только не по колхозным расценкам, а по своей зарплате, чтобы с коэффициентом и всем прочим. Слышал я, у вас в средней полосе так делают? Правильно делают, если хозяйство убыточное. В полеводстве, как ни крути, заработки самые низкие, ничем ты их не повысишь, а тут выход прямой. Буду ставить вопрос перед "Севрыбой"...

И сразу, без перехода, начинает рассказывать мне о мелиорации. Оказывается, незадолго до моего приезда в Чапоме

побывали землеустроители и выявили больше ста гектаров земель, на которых можно разводить многолетние травы. Правда, вначале землю надо привести в божеский вид: расчистить, раскорчевать, освободить от валунов, кое-где сбросить ненужную воду... Удобных земель за Полярным кругом не встретить, везде надо прикладывать хозяйские руки. Но тут нужны не только руки, нужна и техника. Одному колхозу не справиться, надо на межколхозной основе создавать бригаду мелиораторов, потому что областные загружены заказами выше головы. На колхозные земли они и смотреть не хотят, а здесь опять-таки перспектива, и перспектива хорошая.

Тут же на ходу мы прикидываем выгоды от мелиорации. Многолетние травы - это та надежная основа, на которой только и может существовать в этих краях животноводство. Сейчас за "грубыми зелеными кормами", как называют сено, приходится отправлять чуть ли не специальные экспедиции. И всякий раз такое мероприятие оборачивается кошмаром и для косцов, и для колхозного руководства. Косить идут за сорок - пятьдесят километров по берегу или вверх по реке. Все, что лежит ближе десяти километров, за покос не считают: берут "семейным подрядом", мобилизуя в погожий день всех от мала до велика, захватывая гостей, отпускников, родственников и командированных.

Дальние покосы сложнее. Туда надо запасаться не только косами, брусками, палатками, одеждой и спальными принадлежностями. Нужна мазь от комара, нужно большое количество продуктов, в первую очередь сухари, потому как свежий хлеб за два дня сырости забусеет и зацветет; надо запасаться консервами, посудой и всем тем, без чего невозможно прожить две-три недели в лесу.

С многолетними травами совсем иное дело: посеять, скосить, убрать и сберечь корм на зиму - дело одной лишь техники...

Здесь Стрелков на сто процентов прав, и я с удовольствием отмечаю, как за эти годы изменился кругозор председателя. Он словно бы расправил плечи, поднял голову, постоянно примеривается и приценивается к возможностям, о которых раньше и не подумал бы. Прошло время, когда я пенял ему, что не догадались в колхозе поставить собственную маслобойку, чтобы перерабатывать молоко и сливки на масло, как то давно делают на Онежском берегу. Теперь он считает, что в условиях бездорожья и при наличии кормовой базы крупное стадо держать гораздо выгоднее, чем маленькое,- правда, если вывозить не сырье, как сейчас, и не полуфабрикат в виде сливок и творога, а такой готовый продукт, как масло и сыр.

Мысль о том, что в Чапоме можно делать сыр, поражает Стрелкова своей очевидностью и в то же время фантастичностью. Остановившись, он тотчас же начинает подсчитывать и соображать. Сливки идут на масло. Сейчас его вывозят в Мурманск и продают рабочим и служащим промразведки. Но так будет недолго, Стрелков это понимает. Как только государственные хозяйства под Мурманском окрепнут, в областном центре будет свое масло, и накидывать рубль на килограмм за его перевозку никто не станет. А вот при наличии стабильной кормовой базы колхозы Терского берега могли бы обеспечить снабжение маслом своего района, здесь затраты на перевозку будут куда меньше. Сейчас в колхозе остается обрат, из которого делается творог. Его много, не всегда удается продать в селе, а перевозка явно невыгодна. Если же творога будет много и из него делать сыр, то продукт этот вполне окупит воздушную транспортировку, не говоря уже о том, что и здесь его будут брать нарасхват - сыра в продаже практически не бывает...

- Это в ближайшее время проконсультировать надо,- говорит мне в заключение Стрелков.- Мы строим сейчас новую молочно-товарную ферму, и к ней уже предусмотрена специальная пристройка - цех обработки молочных продуктов. Вот если бы рядом еще и сырный цех сделать, тогда в этом направлении перспектива была бы полностью ясна: сколько будет, когда, при каких условиях и - никаких отходов! Просто безотходное производство!

За разговором о планах и перспективах мы доходим до конторы.

Стрелков лучше меня понимает, что планы планами, но до тех пор, когда их удастся воплотить, еще много воды утечет. Но он видит их реальность, он видит, за что биться, на что нацеливать людей, за что получать выговоры по партийной и прочим линиям, потому что без реальных, пусть даже труднодоступных целей жизнь теряет смысл, вращаясь в колесе повседневности. Так и бывало раньше. Мелкие ежедневные заботы, о которых ежеминутно напоминали сверху и письменно и устно, не давали поднять головы, лишали перспективы, и вся хозяйственная деятельность моделировалась известным Тришкой с его злополучным кафтаном, который между тем ветшал и сокращался.

Не случайно Пялица, поглотившая Пулоньгу, без остатка исчезла в Чапоме следом за Стрельной. Не случайно колхоз "Волна" давно распрощался со своим последним судном и остался ни с чем на берегу. Все эти решения противоречили экологической природе колхоза, и даже Стрелков, удивительно

заводной и энергичный Стрелков, который во всем и всегда успевал быть первым, заражая своим неподдельным энтузиазмом медлительных, но основательных односельчан,- на покосе, на тоне, в оленном стаде, на строительстве или ремонте, даже на полеводстве, когда, как рассказывал он сам, ему пришлось за два дня и три ночи освоить профессию тракториста, чтобы вспахать колхозные поля,- даже он готов был махнуть на все рукой.

- Видишь ли, дело какое,- говорит он мне, задержавшись на крыльце конторы,- полтора десятка лет я председатель, а слышал всегда только одно: "Давай!" Давай план, давай продукцию, давай показатели... И не я один - все так. А когда понукают, когда за тебя решают, что ты должен, а что не должен делать, хорошего ничего не получается. Тебе и оглянуться некогда, голову не поднять вперед посмотреть - туда ли ты идешь, куда надо? А может, ты уже по горло в болотине завяз и только руками машешь? И давать уже больше нечего, все кругом роздано, только что с себя последнее не снял. Вот и получалось, что жили не завтрашним днем, а вчерашним - за счет вчерашнего дня, им питаясь. Вот и бежали из колхоза все. Не хотели, а бежали, потому что мы, родители, своих детей гнали. А теперь, наоборот, звать надо, чтобы на место своих чужие не наехали! Вон у меня какая стопка писем с предложениями лежит. Правда, все рыбалкой хотят заниматься, на сельское хозяйство никто не просится, но я считаю, что это они просто догадаться не могут, что у нас, в Заполярье, земля порой лучше, чем в средней полосе, родит. Так что перелом произошел, это я тебе со всей уверенностью говорю...

И, напомнив мне, что к вечеру в правлении соберутся бывшие оленеводы, чтобы поговорить о возможности возрождения этой отрасли хозяйства, он уходит в контору...

3.

В Чапому я летел через Мурманск и на этот раз не спешил. Да, конечно, лучше увидеть своими глазами однажды, чем услышать десять раз. Но прежде чем смотреть, надо еще знать, что именно смотреть и зачем. Мне хотелось узнать, как оценивают обстановку на Берегу в обкоме, что думают теперь, по прошествии двух лет, в "Севрыбе", что нового могут рассказать в рыбакколхозсоюзе. Да и к районному начальству следовало заглянуть.

Перелистывая подшивки местных газет, разговаривая с руководителями района и области, я мог убедиться, что в районе главным делом считали лес. Его добыче, сплаву, обработке и прочим производственным операциям было посвящено все внимание местной газеты. Собственно Берег, протянувшийся на триста с лишним километров, с его рыболовецкими колхозами и поморскими селами, привлекал внимание периодической печати крайне редко, фигурируя разве что в сводках по надою молока и заготовке кормов, то есть фиктивными, ничего не определяющими и ничего не значащими величинами.

Нет слов, с той поры, когда я последний раз заходил в залив Малую Пирью на шхуне архангельской мореходки, районный центр изменился. Квартал девяностоквартирных жилых домов, новый Дом культуры, службы быта - все это выросло на самом выгодном с градостроительной и с эстетической точки зрения участке между двумя заливами. Не кривя душой, я расхваливал терчан за новую дорогу, связавшую теперь Умбу с Кандалакшей, построенную добротно, удивительно красиво и чисто, что было уже совсем непривычно в таком далеком, глухом краю, тем более что улицы самого поселка являли глазу, как и прежде, весьма безотрадное зрелище. Под стать дороге были и зеленые прямоугольники мелиорированных полей, открывавшиеся на подъезде к поселку.

И все же, как мне сказали в обкоме партии, Терский район оставался самым тревожным районом области, самым отсталым по всем показателям.

Ветшали села, почти не развивалась сеть дорог, а те, что были, требовали немедленного ремонта. В районе оказалось восемьдесят процентов всей пригодной для обработки земли, пастбищ и сенокосов Мурманской области, но сельское хозяйство хирело из-за невозможности вывоза продукции. В Умбе строили многоэтажные дома, которые могли вместить в себя все население Берега - как это и предполагало сделать районное

начальство,- но общий жилой фонд по району катастрофически сокращался, и все потому, что не было в хозяйствах плотников. Это было бы смешно, если бы не оборачивалось подчас подлинной трагедией.

В лесном, специализированном на лесе крае за последние десять лет не смогли собрать бригаду плотников, которые начали бы снова строить избы по селам, а вместе с тем и завершить брошенную на полдороге реставрацию единственного в области памятника мирового значения - деревянную церковь Успения в Варзуге, построенную в середине XVII века.

Я слушал и недоумевал. Неужто же русский человек, столь сроднившийся с основным плотницким инструментом за свою многовековую историю, что выражение "куда топор и соха ходили" стало формулой российского юридического документа, теперь уже не способен этот самый топор в руках держать и должен звать на помощь из города шабашников?! Куда же делись прежние умельцы? Или и впрямь "городская помощь" отучила сельского жителя от ответственности за свою собственную жизнь?

Но факты были налицо, и я мог понять областное руководство, занявшее по отношению к Терскому берегу своеобразную позицию, которую можно было определить как благосклонно-выжидательную. Как бы со стороны: кто кого? Поморы выдюжат или их обстоятельства сломят? Они понимали, как далеко зашло разрушение Берега, представляли суммы и средства, которые следовало бросить на его возрождение и которых, надо сказать, у них не было, а потому, благосклонно отнесясь к инициативе рыбакколхозсоюза и "Севрыбы", не торопили районную помощь, хотя и отказали району в дальнейшем сносе поморских сел...

Обо всем этом с достаточной прямотой мне сказал в Мурманске один из работников обкома, непосредственно курировавший деятельность "Севрыбы":

- Вопрос Терского берега - вопрос не столько экономический, сколько социальный. Берег обезлюдел. Мы все время забирали оттуда молодежь, способствовали ее оттоку - на производство, на рыболовный флот. Если оставить в стороне Умбу, то сейчас там живут люди, которые или не хотят с берега уходить, или им не куда уйти. Трудоспособных там очень небольшой процент. Три колхоза всего осталось.

- А ведь их было двенадцать, если не считать старую Умбу! - не удержался я.

- Верно, было,- согласился мой собеседник.- Много чего было, а теперь нет. Ни колхозов, ни людей. Они растеряли своих оленей, свои корабли, которые или погибли, или списаны за

негодностью, и теперь уже не могут самостоятельно наладить свое хозяйство, свою жизнь. Нужны кадры партийных руководителей и рабочие руки. Мы поддержали инициативу "Севрыбы", которая хорошо вписывается в Продовольственную программу,- возродить зверобойный промысел, поднять сельское хозяйство... На восстановление заброшенных сел у нас просто сил нет, сейчас поддержать бы оставшиеся колхозы. Построим дома - появятся люди; появятся люди - появятся дети, тогда мы снова начнем открывать школы, медпункты... Но для этого надо, чтобы колхозы стали рентабельны...

Я не мог согласиться с моим собеседником, что сначала надо подождать детей, а уж потом думать о строительстве детских садов и школ. Он считал, что из-за пяти детей нельзя держать школу и учителей в селе, даже если их и не пять, а пятнадцать: нерентабельно. Такой же точки зрения придерживался и областной отдел народного образования. Между тем, как утверждали все председатели колхозов, появление новых людей в колхозе,- а желающих было много, преимущественно из горожан,- упиралось не только в отсутствие жилья, но и в отсутствие яслей, детских садов, школ и медпунктов. Часто решающей оказывалась именно эта сторона вопроса. Люди соглашались год-другой пожить на квартире, пока не будет построен дом, но перспектива сразу отдать детей в интернат за сто, двести и более километров никого из них не устраивала.

Столь же острым был вопрос медицинского обслуживания.

Район, растянувшийся по берегу на триста с лишним километров, располагает лишь одной больницей самой последней категории, одной аптекой, поликлиникой и десятью фельдшерско-акушерскими пунктами, из которых восемь требуют немедленного ремонта.

Если раньше я полагал, что за проектом сселения Берега стоит недомыслие или желание показать свою власть над людьми, продолжив славные традиции глуповских градоначальников, то со временем понял, что все гораздо проще и - трагичнее. Подобные проекты порождены были чувством усталости и бессилия изменить существующий порядок вещей, желанием пойти по пути наименьшего сопротивления. Именно тогда я поверил рыбакам, что превращение их колхозов в бригады гослова не только остановит процесс ветшания поморского села, но и создаст предпосылки для его развития!

Но я не увидел другой опасности, которую интуитивно почувствовали руководители рыбакколхозсоюза в Мурманске,- разрушения при этом веками складывавшегося производственного коллектива, каким является рыболовецкий

колхоз, созданный, если выражаться научным языком, на основе семейно-соседской общины, собственно говоря и составляющей поморское село.

Сбрасывать этот фактор со счета никак нельзя. Он оказывается не только социологическим, но, в известной мере, экологическим фактором.

Природные условия Севера формировали не только характер помора, но и тот связанный множеством семейных, родственных, приятельских уз коллектив, предстающий перед приезжим человеком всего лишь "селом". Между тем семейно-родственные и соседские связи на Севере во многом определяли жизнь и работу каждого члена коллектива. Человек подсознательно ощущал свою ответственность не столько перед правлением колхоза или бригадиром, сколько перед своими близкими и дальними родственниками - родными, двоюродными и троюродными дядьями и тетками, "седьмой водой на киселе", которая тем не менее учитывалась в счетах деревенской жизни,- работавшими бок о бок, составлявшими правление колхоза и заинтересованными в конечном общем итоге работы. Хозяйство на Севере было в полном смысле коллективным. Из колхоза, а не из приусадебного участка, как в средней полосе России или на юге, черпал здесь человек основные средства своего существования.

Стоило упразднить колхоз, создать на его месте бригаду гослова, как все эти связи теряли свое значение. Каждый работал теперь на себя и за себя, получая твердую зарплату с индивидуальными надбавками и коэффициентами. Это и стало окончательным разрушением села.

Начальник отдела колхозов "Севрыбы" проиллюстрировал этот процесс на примере соседней Карелии, где пошли именно по такому пути:

- ...Мы их предупреждали, и все-таки в Карелии недавно упразднили сразу четыре колхоза, цельный куст деревень,- рассказывал он мне в Мурманске.- Создали вместо колхозов рыболовецкие бригады, совсем так, как когда-то вы предлагали,- кольнул он меня памятью о давней публикации.- А что получилось? Были там раньше почтовые отделения, поселковые Советы, школы, какая-то сельская интеллигенция, врачи... Во всяком случае, люди держались. Не стало колхоза - все начали уезжать. В результате осталась одна эта бригада и, конечно же, обязательный магазин с водкой! Через два года решили проанализировать - какой прибыток? Оказалось, вылов стал вдвое меньше, чем прежде. А ведь когда колхозы закрывали, золотые горы сулили! Ведь что такое гослов? Прошло две недели -

получай зарплату, все равно, выловил ты рыбу или нет. В колхозе каждый понимает: если он ничего не выловит, не только он - все остальные ничего не получат. На твердой же ставке можно прожить, работая кое-как. Нет стимула к увеличению труда. Конечно, в колхозе может и не нравиться, а только человеку все равно деться некуда, хочешь не хочешь - иди и вкалывай, заявление о расчете не подашь: тут у тебя дом, семья, родные... А в гослове не понравилось - и прости-прощай!..

В последних фразах Несветова было как бы второе дно, оно слышалось мне достаточно отчетливо, и лишь потом я понял, что меня насторожило. Начальник отдела колхозов рассматривал ситуацию не с точки зрения судеб людей, а с точки зрения удобства организации производства, борьбы с текучестью, которая в колхозе намного меньше, чем на любом государственном производстве, потому что человеку здесь "некуда деться": он скован по рукам и ногам родственными, семейными и прочими связями, и в этом отношении колхоз, обладающий по наследству всеми качествами сельской общины, оказывается в известном смысле "удобнее", чем раскрепощенный рабочий на производстве, которому, как истинному пролетариату, "терять нечего"...

Я пытаюсь максимально точнее записать слова моих собеседников не для того, чтобы поймать их на противоречиях, а чтобы для себя самого прояснить ситуацию. Может, и для них тоже. Для этого я и приехал в Мурманск; для этого собираюсь на Терский берег. У каждого из нас есть своя точка зрения, свои оценки, свой масштаб мышления, свои симпатии и антипатии. И еще - желания, которые не всегда согласуются с той реальностью, которая определяет нашу жизнь и деятельность.

Всякий раз, принимаясь распутывать очередную жизненную проблему, я ощущаю себя беспомощным простаком, барахтающимся в омуте фактов. Впрочем, мне кажется, что по отношению к Терскому берегу остальные, гораздо более опытные в житейских делах руководители районных и областных рангов находятся в сходном со мной положении. Разница только в том, что они лучше меня знают какую-то часть всего спектра вопросов и из этого исходят в своих действиях. Я же пытаюсь увидеть весь этот спектр, чтобы вычленить в нем главные, решающие звенья.

Когда-то, теперь уже в далеком для меня прошлом, я мог взглянуть на этот клубок проблем с точки зрения эколога, историка и - насколько получалось - современного помора. Это был взгляд снизу - взгляд личностный, частный, основывавшийся больше на последствиях, чем на породивших их причинах. Теперь, в Мурманске, в стенах ВРПО "Севрыба", я пытаюсь понять

структуру и деятельность того государственного механизма, шестеренками которого был захвачен и в какой-то мере переработан Терский берег с его селами, колхозами и жителями.

Вот и теперь, усевшись в кабинете Несветова на первом этаже здания "Севрыбы", где на окне рядом с бегониями и примулами стоит аквариум с маленькими, совсем не промысловыми рыбками, вероятно призванными напоминать хоть в какой-то степени о той морской стихии, которая определяет жизнь всего этого дома, я пытаюсь из рассказа хозяина кабинета выделить то главное, что может послужить для меня путеводной ниточкой поиска. То, что он говорит о колхозной базе флота, о централизованном управлении колхозными судами на промысле, ложится еще одним штришком в общую картину, в которой, но правде сказать, я не нахожу места для рыболовецких колхозов.

- ...Управлять современным флотом, тем более когда он работает за тысячи километров от родных берегов, председатели колхозов не в состоянии. Ведь колхозный флот - это не дедовские карбасы, ёлы, шняки, доры или даже шхуны. Это флот современный, со множеством сложнейших механизмов, с электроникой, автоматикой, акустической аппаратурой, морозильными установками и всем прочим. Вот поэтому, проанализировав ситуацию, мы собрали колхозный флот воедино, создав базу флота. Резко возросла эффективность. Почему? Во-первых, стало возможно управлять флотом быстро и точно. Сырьевая база океана теперь беднее, чем раньше, рыбу надо искать - оперативно и быстро, колхозы не в состоянии обладать всей информацией, она сходится сюда, в "Севрыбу", и отсюда должны исходить все команды, все оперативное управление флотами. Основная рыба лимитирована, ее выгоднее сейчас ловить малотоннажным флотом. Вот мы и маневрируем...

- Подождите, Виктор Абрамович,- прерываю я Несветова.- А вам не кажется, что таким образом полностью исключается идущая снизу инициатива? Другими словами, флот только числится на балансе у колхозов?

- Но колхоз не может проявить в управлении суда ми никакой инициативы!

- И все-таки флот - колхозный?

- Безусловно. Суда принадлежат колхозам, он посылает на них работать колхозников, получает прибыль, покрывает из нее необходимый ремонт...

- Другими словами, он выступает пайщиком "Севрыбы", получая за свои суда, свои орудия лова, за рабочую силу определенный процент общего дохода?

- Ну, в какой-то степени так. Именно для этого, как я уже

говорил, и была создана база флота. Если я сказал о преимуществах оперативного управления, то не менее важно и другое: с организацией базы флота, которая приняла на себя полное руководство флотом, ликвидирована текучесть кадров. Раньше, бывало, что ни рейс, то новый капитан и стармех на судне, а этого ни команда, ни машина не выдержит. Теперь капитан и стармех постоянные, да и команда тоже. Обычно зада ют один и тот же вопрос: так флот колхозный или на нем вольнонаемные плавают? Мы проанализировали и теперь уверенно отвечаем: колхозный флот. Рядовой состав - колхозники, а командный - вольнонаемные, но постоянные...

- А вот в "Ударнике" у Тимченко,- перебиваю я снова Несветова,- он сам мне сказал, на колхозных судах и специалисты - тоже колхозники, причем достигнуто это было системой доплат во время учебы...

- Ну, Тимченко - особая статья! - В голосе Несветова при упоминании Тимченко, о котором ходят легенды, звучит непонятное мне раздражение.

- Однако на Терском берегу, когда у них были суда, мне говорили, что и команда была из вольнонаемных,- не сдаюсь я.- Хотя бы уже потому, что им просто некого было посылать из колхоза, да и не хотели колхозники отрываться от земли, от дома, от привычной жизни. Сейчас, правда, судов у них уже нет, а в других колхозах на Мурманском берегу я еще не бывал...

- Обязательно поинтересуйтесь, когда поедете,- наставительно говорит мне Несветов.- Каждый матрос на колхозных судах имеет книжку колхозника, иначе ему просто не откроют визу...- И тут же он переходит к вопросу, с которого и завязался наш сегодняшний разговор.- Почему мы так поддерживаем рыбакколхозсоюз, казалось бы промежуточную организацию в наших взаимоотношениях с колхозами? Да потому, что рыбакколхозсоюз охраняет и опекает колхозы, выступает посредником между ними и промышленностью, государственными органами, отстаивает их интересы. Ремонт судов тоже не под силу одному колхозу, он возможен только в системе рыбакколхозсоюза, у которого есть своя база флота...

Мне нравится Несветов, точность и основательность его суждений, за которыми чувствуется знание материала, неподдельная заинтересованность в каждом эксперименте. Он подтянут, энергичен, пружинист, хотя излишне категоричен и резок, чем напоминает Егорова, но тут еще молодость, желание показать себя, готовность в любой момент сорваться с места. Поэтому он в постоянных разъездах - то на форелевом хозяйстве возле Кандалакши, то на Соловках, где уже давно

экспериментируют с морской капустой; то в Чупе, где впервые на Севере искусственно выращивают мидии, этот живой и чистый белок; то, наконец, в колхозах, чтобы проверить, как помогают хозяйствам их промышленные партнеры. У него властная, деловая хватка, стремление управлять людьми, добиваясь желаемого результата. Он показывает мне фотографии, только что отпечатанные после его возвращения с Соловецких островов, рассказывает о мидиевой ферме, но в этот момент раздается звонок Каргина, и мы идем на второй этаж, в кабинет начальника "Севрыбы", выяснять, что же остается рыболовецким колхозам, которые теперь лишены даже своего флота?

"Колхозный флот", которым распоряжается "Севрыба", и колхозы в старых поморских селах, которыми распоряжается... кто? Почему-то мне представляется, что именно здесь лежит разгадка сложившейся ситуации на Терском берегу, а может быть, и определение дальнейшего пути в решении проблемы Берега.

Несветов - за океанский лов. Но и на берегу, по его мнению, работы с лихвой хватит. В первую очередь, это прибрежный лов семги, беломорской селедки, наваги. Сюда же следует приплюсовать и озерный лов пресноводной рыбы - окуня, сига, щуки, кумжи,- за последние годы совсем заброшенный в связи с развитием океанического лова. А ведь на Терском берегу лежат большие озера, обильные рыбой, их можно облавливать в течение всего года. Со временем там можно наладить правильное рыбное хозяйство, поочистив водоемы от сорной и хищной рыбы и начав разводить наиболее ценные породы.

Это одно направление.

Второе, прямо связанное с морем - сбор водорослей и их заготовка. Сейчас этим занимаются одиночки-старатели, по большей части приезжие аквалангисты, за летний период зарабатывающие сравнительно крупные суммы. Насколько широко удастся распространить подводные плантации - бабушка еще надвое сказала, тем более если будет принято в высшей степени сомнительное решение соединить Соловецкие острова дамбами с материком, отгородив от общей акватории Белого моря весь Онежский залив. А ведь именно там лучшие условия для выращивания водорослей! Там держится большое стадо онежской трески, насчитывают два или три стада беломорской селедочки и много еще чего...

Но вот мидиевые фермы становятся уже реальностью, и колхозам они вполне доступны.

Несветова перебивает Каргин, который давно прислушивался к нашей беседе, одновременно разговаривая по двум телефонам. Он просит показать фотографии, на которых видны конструкции,

сплошь облепленные пока еще мелкими раковинами мидий. Их много, они свисают на шнурах, идущих от металлических рам, и, похоже, чувствуют себя так же хорошо, как на скалах, где я привык их встречать.

- Вот вам завтрашний день поморов - прямая работа в океане! - щелкает Каргин по фотографии пальцем.- Сейчас мы экспериментируем, первый опыт, о нем пока даже еще в министерстве не знают, но это то самое подводное хозяйство человечества, о возможности которого мы только сейчас начинаем догадываться...

- Начали субстрат поднимать, а там зубатки,- говорит Несветов, подавая очередную фотографию.

- Зубатка?! Так ведь это ее пища, потому она туда и лезет! - экспансивно реагирует на замечание начальник "Севрыбы".- Теперь надо думать, как от нее мидии оберегать. Такую плантацию надо гектарами делать. По самым скромным подсчетам, через четыре года мы можем получать с каждого гектара по 50 тонн вкусного и питательного белка! О питательности всем известно, о вкусе тоже не приходится спорить, не правда ли? - обращается он ко мне, намекая на состоявшуюся накануне экскурсию в экспериментальный цех рыбного порта, где среди различных "даров моря" фигурировали и мидии.- Сельское хозяйство в море вполне может конкурировать с земным, неизвестно еще, какое из них окажется важнее для человечества в его развитии...

Но морское сельское хозяйство все же принадлежит завтрашнему дню, который еще не наступил. Пока же приходится заниматься традиционным наземным, и разговор снова возвращается к Берегу. Все согласны, что межхозяйственная кооперация - дело нужное, выгодное, полезное, своевременное, но, как всякое новое дело, требует перестройки мышления всех участников, снизу и доверху.

Каргин с обидой говорит о том, что физически ощущает молчаливое сопротивление колхозников, не понимающих еще всей выгоды, которую несет им партнерство с промышленными предприятиями, винит в этом обычную крестьянскую косность и осторожность. Неразворотливы, по его мнению, и председатели, привыкшие решать вопросы в масштабе сиюминутных дел, не заглядывая далеко и не используя возможностей, которые теперь идут к ним в руки.

Возражать ему я не стал, памятуя, что и раньше в селах Терского берега натыкался на такую же осторожность, равнодушие и прямое нежелание колхозниками каких-либо новшеств, на которые они насмотрелись за свою жизнь и теперь

успокоились на уверенности, что "вот мы на пенсию выйдем - и ничего уже тут не останется". Правда, тогда я еще не был в преображаемой Чапоме и не говорил со Стрелковым, у которого было что ответить начальнику "Севрыбы"...

Постепенно выясняется, что и промышленные предприятия не готовы к совместной работе с колхозами. Ведь что ни говори, организация аграрного цеха, обеспечение его работы, вывоз продукции - дополнительные, отнюдь не нужные предприятию путы на руках, отвлекающие и средства, и рабочую силу от основной деятельности. Основа прогресса, как известно, четкое разделение труда в общественном производстве. Идея самообеспечивающих себя общин-фаланстеров была скомпрометирована еще в прошлом веке К. Марксом. Так не возвращаемся ли мы снова от научного социализма - к утопическому?

Несветов говорит, что его беспокоит положение с доставляемой в Мурманск продукцией колхозов. За примером ходить недалеко - на мурманскую судоверфь. Ее партнер по кооперации - колхоз "Северная звезда" в Белокаменке, напротив Мурманска, через залив. Та самая Белокаменка, куда в середине шестидесятых годов переселили жителей Порьей Губы с Терского берега. В отличие от терских колхозов, Белокаменка связана с городом асфальтом, каждый день от судоверфи туда и обратно курсирует катер с рабочими, строящими коровник, так что проблемы доставки здесь нет. Когда возникла идея кооперации, никто не сомневался, что стоит привезти на территорию судоверфи цистерну свежего, цельного, только что из-под коровы молока, как ее тут же расхватают рабочие. Цистерну привезли, но никто покупать молоко не стал. К этому времени молочные продукты - молоко и кефир - в городе уже не переводились. Так, спрашивается, зачем же ехать после работы через весь город с бидоном молока, пусть даже цельного, когда в ближайшем к дому магазине человек может купить "уголок", как называют здесь молоко в пакете?

Примерно то же самое произошло и в рыбном порту, который кооперируется со "Всходами коммунизма" в Варзуге.

В холодильнике порта лежат три тонны мяса. Рабочие мясо не берут, потому что и мясо появилось в магазинах: стало налаживаться снабжение, а кроме того, сказалась пора летних отпусков - населения в городе поубавилось. Неохотно берут и масло, которое делают в Варзуге, ссылаясь на то, что оно плохо отбито, много остается в нем воды...

Это, конечно, мелочи. Их пытаются учесть и исправить, но на месте прежних возникают новые сбои, о которых, оказывается,

тоже никто не подумал.

- Главное не в этом. От села, от деревни мы брали и брали все эти десятилетия, практически ничего не давая взамен, гребли обеими руками. Теперь надо платить долги - земле и людям, нашему обществу, у которого выбили из-под ног основу, землю. Земля всегда была и будет тем основанием, на котором только и может развиваться государство. Все эти "аграрные цеха" пред приятий - заплаты Тришкина кафтана. Предприятиям они только в обузу. Они нужны селу, потому что при нашем законодательстве, отставшем от жизни на сотню лет, это единственный легальный путь обратного пере хода средств из промышленности в сельское хозяйство, вот что это такое! И все это понимают, и все делают вид, что ничего этого на самом деле нет. Почему? Да потому, что по привычке ждут, когда наверху в боцманскую дудку свистнут всех на очередной аврал! От терских колхозов мы не продукцию получаем - мы им спаса тельный круг бросаем, чтобы они еще хоть немного про держались, пока настоящая помощь подойдет...

Картин переводит дыхание.

- Знаете, в чем суть проблемы с рыболовецкими колхозами? В том, что они ни в каких хозяйственных планах не учтены, как будто не на земле находятся, а в океанах плавают! У них не государственное, а только ведомственное подчинение. И знаете, чем это оборачивается? - Он наваливается грудью на письменный стол, упираясь в него обеими руками, как бегун перед выстрелом стартового пистолета.- Черт-те чем! В стране четыреста рыболовецких колхозов...- Каргин протягивает это слово с ударением на каждом слоге:- Че- ты-ре-ста! Если наши колхозы сложить в кучу, то по объему мяса и молока их продукция будет равна продукции сельскохозяйственного района средней полосы. А какую помощь они получают? Да никакую! У них нет лимитов на корма, на удобрения, на стройматериалы, на все про все... Мелиорация их земель не входит в план области. Председатель колхоза, у которого участки растянуты на пятьдесят и больше километров по берегу, не имеет права купить машину: ты рыбак, зачем тебе машина? Ты на карбасе давай... Да что это за издевательство? Неужели те, кто инструкции составлял, не знали, что люди на земле, а не на судне живут? Что дом на земле стоит и от земли идет вся работа?

- Во всех обычных колхозах во время уборки не лимитируется бензин,- поддерживает своего начальника Несветов.- В наших - лимитируется. А что получается? Скосить скосил, а вывезти не можешь. Дождь полил - он у нас два раза на дню к концу лета,- и все пропало. Почему терские колхозы не могли реализовать свою

продукцию до последнего времени? Да потому, что эта продукция ни в какой план не входит, никто не хочет у них принимать. Или вот пример. У Тимченко в Минькове мы строим свой забойный пункт и там же - цех переработки, колбасный цех. Думаете, от хорошей жизни? Ничего подобного. Раньше, худо-бедно, скот у нас принимал мясокомбинат. Теперь с реализацией Продовольственной программы в строй вступил большой свиноводческий комплекс. Это вы могли и по витринам магазинов заметить: везде есть свинина. И комбинат оказался забит, перестал у нас принимать, потому что наша продукция оказалась "внеплановой".

- Теперь посмотрите, что получается с этими "подсобными предприятиями",- снова вступает Каргин.- На развитие сельского хозяйства Мурманская область получила двести восемнадцать миллионов рублей только на эту пятилетку. Это не просто деньги - это еще и отток рабочих рук с производства. А результат? Это в моей родной Ростовской области, где палку в землю сунь - она заколосится, я понимаю, эти миллионы дадут отдачу. А здесь каждый гектар золотой, земля здесь с охотой только камни рожает, особенно вокруг Мурманска, куда все средства вбивают. А вот о Терском береге, куда действительно можно вкладывать, ни кто не подумал!..

Каргин распалился не на шутку. В самом деле, что делать с Терским берегом, где самые высокие надои, где лучший племенной скот? И все в рыболовецких хозяйствах, а не в госхозах, где оклады начальства, по сути дела только наблюдающего за работой специалистов, намного выше, чем оклады председателей колхозов и их заместителей. А ведь в распоряжении директора совхоза не только специалисты - у него и "лимиты", и строительные организации, и областная мелиорация, и автотранспорт, и персональная машина,- много чего дается ему, хотя условия его работы неизмеримо легче условий работы и жизни председателя рыболовецкого колхоза. Знаю я, как живут председатели - и Стрелков в Чапоме, и Заборщиков в Варзуге, и Коваленко в Териберке, и многие другие: по их домам никогда не скажешь, что это дом колхозного "головы", потому что на себя у него не остается времени, все уходит на людей и на хозяйство...

Но вот какая мысль невольно зарождается от упоминания Каргиным Ростовской области: а так ли уж надо добиваться самообеспечения сельскохозяйственными продуктами Заполярья? Кто считал, во сколько обходится здесь каждая своя картофелина, каждый килограмм мяса, молока, овощей? При этом важен не просто денежный эквивалент, но и качественная оценка. Может

быть, гораздо выгоднее - и полезнее! - потратить часть этих средств на производство всех этих продуктов в более южных районах с тем, чтобы другая часть покрыла транспортные расходы, как это можно видеть на примере Скандинавии и Канады?

Так, постепенно, в моем сознании начинают вырисовываться разные звенья одной причинно-следственной цепи, где каждое при внимательном рассмотрении оказывается если не главным, то таким же необходимым, как остальные. Конечно, можно было бы, вероятно, и пренебречь сельскохозяйственной продукцией рыболовецких колхозов - еще одним сельским районом, который не учтен ни в каких планах и сводках. Но дело ведь идет не о продуктах, а о людях, которые вкладывают свой труд, свою надежду в производство этих продуктов. Если они не находят сбыта, не реализуются, это значит, что люди работали впустую.

После сегодняшнего разговора со Стрелковым, после его забот и волнений о будущем Чапомы я с гораздо большим интересом перечитываю свои мурманские заметки, снова прослушиваю записанный на пленку напористый голос Каргина и чувствую, что все здесь намного труднее и сложнее, чем казалось мне поначалу. Вот и предстоящий разговор с бывшими колхозными пастухами, который мы решили провести сегодня вечером со Стрелковым, что покажет? А ведь оленеводство, по моим расчетам,- одна из основных экологических "опор" здешней жизни.

С такими мыслями я и прихожу под вечер в контору.

4.

Заполярье без оленей мне так же трудно представить, как без белых ночей. Человек и олень проходят рядом по этой земле с глубокой древности.

Олень вел человека путями сезонных миграций. Весной - из тундры к морю, осенью - с берега моря на берега лесных озер. Олень обеспечивал человека всем необходимым для жизни, был его пищей, одеждой, материалом для изготовления орудий труда и охоты, вез его вещи, его семью и его самого, помогал охотиться на диких оленей и в снежную зиму согревал его в тундре теплом своего тела. Олень был солнцем саамов, и Солнце в их глазах представало огромным оленем, заботящимся не только о своих меньших братьях на земле, но и о людях, чья жизнь в этих высоких широтах, образно говоря, держалась на ветвистых оленьих рогах.

В быт русских поморов олень вошел, по-видимому, сразу же, как только они появились в здешних местах. И богатство первых рыболовецких колхозов на Кольской земле заключалось не только в сетях, карбасах и промысловых шхунах, но в значительной мере и в оленях.

Особенно заметно это было на восточной части берега, где за Чапомой и дальше, в сторону Пялицы и Пулоньги, к горлу Белого моря лес исчезает, уступая холмистой тундре.

Река Пулоньга, по которой и теперь проходит граница районов - на запад Терского, на восток Саамского,- в прошлом служила разделительной чертой, к которой старались не приближаться сосновские пастухи, а в равной мере пялицкие и чапомские. После того как колхозы в Пялице и Пулоньге слили с Чапомой, в колхозе "Волна" одно время держали стадо оленей до двух тысяч голов. Во время своих приездов на Терский берег я встречал его то возле Чернавки, то у самой Пялицы, то на Большой Кумжевой. Поэтому теперь мне было странно слышать, что в Чапоме не осталось ни одного оленя.

Перевели? Сдали на мясо в тяжелый год?

Нет, все было гораздо проще: стадо потеряли.

Выяснить, как было дело, удалось не сразу. Говорили увертливо, с недомолвками, конфузились. В конце концов я понял, что произошло это в два приема. Сначала осенью на очередном марше оторвалось чуть меньше половины. Не замеченные пастухами, олени ушли в леса, к диким сородичам. На следующий год молодые, неопытные пастухи просто-напросто проспали стадо, которое тихо снялось и точно так же ушло в леса.

Собрать удалось не больше полусотни оленей, от которых теперь осталось два или три десятка.

На этом чапомское оленеводство закончило свое существование, пока вместе с идеей кооперации не всплыла вполне закономерная мысль возродить его на востоке Терского берега.

Мысль была естественной и в высшей степени разумной. Олени никогда не были убыточны. Необходимость оленеводства представлялась ясной каждому местному человеку, но особенно ратовал за нее Егоров, еще недавно возглавлявший на Канинском полуострове крупный рыболовецко-оленеводческий колхоз, а до этого - еще более крупный оленеводческий колхоз на Чукотке. Егоров начал воплощать идею решительно, энергично, с размахом, опираясь на свой богатый опыт, и неожиданно почувствовал скрытую, но единодушную оппозицию, причины которой были не ясны ни для кого из мурманского руководства.

Сам план в Мурманске не вызвал сомнений. Он был продуман и четок, как все, что говорил и делал заместитель председателя рыбакколхозсоюза. В Чаваньге, находившейся между Чапомой и Варзугой, было уже построено несколько домиков для будущих оленеводов. Их самих вместе с семьями, собаками, всем снаряжением и оленями решили завести на Терский берег из Канинской или Тиманской тундры, причем взять не коми, а ненцев, о которых Егоров был самого высокого мнения. Здесь в течение нескольких лет они должны были подготовить себе замену и поставить оленеводство на современную производственную ногу.

- На Терском берегу оленей давно разучились пасти,- с присущей ему категоричностью пояснил мне свой план Егоров.- Почти пять тысяч голов по Берегу растеряли, где ж это видано? А все потому, что умерли старики, которые от Канева и Мелентьева приняли навыки охранного выпаса, когда стадо ни на минуту не остается без надзора. А что теперь получилось? Оленей распустили, только два раза в год их собирали для кочевья, с ними не работали, не выбраковывали, не клеймили... Здесь все заново заводить надо, с другими людьми, а местных еще учить да учить!

Приехав в Чапому и едва только заикнувшись о планах Егорова, я обнаружил, что таким подходом к делу все поголовно обижены. И не только пренебрежением к их опыту. Главным было то, что оленеводство, как и кооперацию, им "спускали сверху", не очень-то спрашивая желания и мнения колхозников. А коли так, коли делают это из каких-то высших соображений, не спрашивая нас,- не наше это дело...

Обидеть помора можно легко, это я знал, как знал и то, что гораздо труднее потом загладить обиду. Но кроме психологического фактора, как оказалось, был еще фактор объективный, куда более серьезный.

Почему была выбрана для оленеводства именно Чаваньга? Понять это никто из поморов не мог, поскольку в Чаваньге никогда оленей не держали: на много километров вокруг Чаваньги не было даже маленького клочка оленных пастбищ. В километре-двух от берега моря начинались и тянулись на север бескрайние моховые болота, на западе начинались регулярные леса, а на востоке путь к исконным пастбищам, к ягельникам на кейвах и в тундре преграждали потоки трех рек - Стрельны, Югина и Чапомы. Вдоль них от моря и в глубь полуострова на десятки километров тянулись густые леса и ягельные боры, где обитали дикие олени и ушедшие к ним колхозные. Проходить со стадом через эти леса было все равно, что сразу пустить туда оленей и махнуть на них рукой.

Здесь опять сыграла роль начальственная неосведомленность, попытка подменить знание волюнтаризмом и нехитрый расчет: раз Чапоме дали зверобойку, то Чаваньге - оленей.

Между тем закладывать серьезную базу будущего оленеводства было бессмысленно даже в Чапоме, хотя она лежала гораздо дальше на восток, чем Чаваньга, и именно в Чапоме сохранились последние колхозные пастухи.

Начинать следовало в Пялице, вокруг которой расстилались оленьи пастбища и где всегда пасли объединенные чапомско-пялицкие стада. Кстати сказать, такое решение могло стать стимулом к возрождению этого села, на полном закрытии которого уже давно настаивали в районе. Четыре-пять домиков оленеводов, перенесенные из Чаваньги в Пялицу, поставленные среди еще уцелевших домов, чьи владельцы выбираются сюда лишь на лето, а осенью, из-за отсутствия связи с внешним миром, магазина, почты и медпункта вынуждены снова разъезжаться по городам, закрепили бы в старом поморском селе жизнь, позволили бы его прежним обитателям вернуться на родную землю, завести какое-никакое личное хозяйство. А затем - снова включиться в колхозную жизнь, помогая ей по мере сил где руками, а где мудрым советом...

Как выяснилось, Стрелков выступал за такое же решение вопроса, но в Мурманске его не послушали.

Мнение председателя колхоза "Волна" для меня было особенно важно. Он сам не раз бывал пастухом, как никто другой знал сложности этого на первый взгляд нехитрого дела, которое в действительности требовало от человека не только больших

физических сил, выносливости, смекалки, дисциплины, но еще множества практических знаний, начиная от общей биологии лапландского оленя, во многом отличающегося от своего большеземельского собрата, которого намеревается завести Егоров, и кончая знанием местности, на которой будут пасти этих оленей. Так возникла мысль - поговорить со старыми пастухами, посоветоваться с ними, чтобы, с одной стороны, как-то загладить нанесенную им ненароком обиду, а с другой - услышать мнение по-настоящему компетентных людей...

Их пришло значительно меньше, чем я рассчитывал, хотя Стрелков загодя обошел и пригласил всех. Одни оказались на покосе, далеко от дома, другие - на тонях; кто-то не захотел прийти, сказавшись больным, как Федор Осипович Логинов, в чьем доме я останавливался во время своих прошлых приездов и на которого теперь, по правде сказать, возлагал немалые надежды. Логинов знал на востоке Кольского полуострова каждый камень, каждый пригорок и распадок и в свое время много помог мне разобраться в здешней жизни. Он был давно на пенсии, маялся радикулитом, но тут болезнь была только отговоркой: Логинов был из тех, кто не верил в возрождение Берега...

Присев у окна, я смотрел, как они входили и рассаживались в кабинете председателя - Петр Иванович Немчинов, худой, горбоносый, жилистый, со впалыми щеками, в неизменных здесь резиновых сапогах и выгоревшей на полярном солнце, выбеленной дождями брезентовой куртке; другой Немчинов, Николай Васильевич,- белобрысый, полнеющий, несколько одутловатый, а потому более мягкий и улыбчивый, всегда застенчиво подающий при встрече руку с отсутствующими пальцами. Чуть позже, вызванный из соседней комнаты, пришел Владимир Яковлевич Устинов, теперь колхозный бухгалтер, который был и пастухом, и механиком, и заместителем председателя, и кем только еще не был.

Невольно вспомнилось, как четырнадцать лет назад мы так же собирались в конторе колхоза, чтобы обсудить не слишком веселые колхозные дела. Но вот нет Логинова, не будет уже никогда Василия. Диомидовича Котлова, которого заместил теперь Устинов... и как изменились мы все за эти годы! И мы, и жизнь. Только, в отличие от нас, как соглашаемся все мы, жизнь меняется вроде бы в лучшую сторону. Во всяком случае, вопрос о сельском хозяйстве, который мы когда-то обсуждали, получил свое разрешение, и теперь можно приниматься за другие...

И сразу выясняется, что не все так просто.

- Если делать так, как планирует рыбакколхозсоюз, то нечего

на это время тратить,- с присущей ему резкостью ставит все на свое место Устинов.- Нас они не спрашивают, мы вроде бы ни при чем, даже пастухов хотят откуда-то с Канина привезти, что ли... Вот пусть сами они и пасут!

- Ты, Яковлич, подожди, подожди,- останавливает его Стрелков.- Дело тут такое, серьезное, оби жаться сразу не надо. Леонидыч к нам гостем приехал, он же не представитель рыбакколхозсоюза! Просто мы тут решили собраться, поговорить, как и что. Они там пусть свои решения принимают, но когда дело до нас дойдет, спрашивать будут, мы тоже должны свое мнение иметь. Вот ведь тут как выходит! А тогда поздно будет собрание собирать да митинговать. Я тоже считаю, что поспешили они с этой Чаваньгой, обмишурились, прямо скажем,- никогда оленеводством там не занимались и заниматься не будут, потому что никакой кормовой базы нет. Дело в другом: браться нам за это дело, сможем его поднять или нет?

- А чего не браться? Олень выгоден, это проверено-перепроверено,- подает голос Петр Иванович Немчинов.- Затраты на него небольшие, чистая прибыль, и заработок пастуху хороший, такой же, как у рыбака, даже лучше, потому что более гарантирован. Только с Чаваньгой - нет, ничего не выйдет! Опять же, если со стороны приглашать пастухов, хорошего никто тебе не отпустит, он и сам не поедет, а плохого нам не надо...

- У них там, в Чаваньге, леса. Что же, всю территорию сеткой огораживать, весь лес? Да на это ни денег, ни сетки не хватит! - поддерживает его Николай Васильевич Немчинов, которого я, чтобы не путать, помечаю в своем блокноте как "Немчинов-второй", хотя он, как мне кажется, старше другого Немчинова.- Самое первое дело - на какую территорию рассчитывать? А от территории - и количество оленей, это каждому понятно. У нас пасли до Пулоньги, на восток территория есть, однако небольшая, больше двух тысяч оленей не прокормить, да и держать такое стадо тяжело и пастуху, и собакам. А потом - с чего начинать? У нас теперь, почитай, ничего уже не осталось - ни собак, ни упряжи, ни чумов... Все заново! А главное - где ты людей возьмешь? Надо, чтобы человек ответственный был, понимал, что такое пасти...

- Теперь молодежь какая? - снова подает голос Устинов.- Она восемь часов отработает, вахту отстояла - давай сменяй, больше стоять не буду! А так в стаде нельзя. Мало ли что случиться может!

- Раньше как работали мы все? Взял вахту - все, уже не бросаешь, по снегу бегаешь, не присядешь, нет! - вспоминает Немчинов-первый.- Не пришел сменщик через сутки - все равно

пасешь. Еще сутки прошли, смены нет - пасешь! А теперь уходят, бросают стадо... Как наших-то оленей потеряли? Так вот, не дождавшись смены, ушли, они и разбрелись...

Вот оно как на самом деле с оленями было! Да, такого раньше случиться не могло. Отсюда и конфузливость, и нежелание рассказывать - за молодых стыдно.

- Что ж, значит, надо "варягов" со стороны звать? - подогреваю я своих собеседников.

- "Варяги" не помогут...

- Откуда ему, "варягу" этому, нашу территорию знать?

- Он же чужой, чужой и есть...

- Даже если с Ловозера брать наставников...

- Вот в Ловозере пускай этим и занимаются, а нам зачем здесь все заново организовывать? - неожиданно поворачивает разговор Немчинов-второй.- У нас больше двух тысяч не выйдет. А если им надо поголовье оленей увеличивать, то пусть в Ловозерском районе и занимаются этим. Там на четыре-пять тысяч больше - никаких вопросов. А ведь здесь у нас ничего нет. Надо, чтобы пастухи были, чтобы упряжь была, важенок надо иметь ученых, быки чтобы были выучены в упряжке ходить. А иначе никакого результата не будет! Его, оленя, ни в табор не пригонишь, ни заарканишь, всему учить надо. Какой это вызвано необходимостью, чтобы в нашем районе организовать оленеводство?

- Ты, Николай Васильевич, не горячись,- примирительно говорит Стрелков.- Необходимости никакой нет, конечно, кроме как нам самим желательно стадо иметь снова. В Ловозере мы как раз все и достанем - одежду там, упряжь, сани, собак купим. В Краснощелье тоже собаки есть...

- Владимир Яковлевич, а у вас собака осталась? - спрашиваю я Устинова, вспомнив, как любовался я его работой на Большой Кумжевой, когда они, вопреки уверениям Егорова, клеймили и холостили летом оленей, и с каким старанием, с какой отчаянной готовностью маленький, невзрачный комок шерсти и хриплого лая по первому слову хозяина и взмаху его руки катился изо всех сил снова и снова по кочкастой тундре, заворачивая к берегу очередной оторвавшийся от стада "лоскут" оленей.

- Есть,- кивает он.

- Есть, как не быть, только на пенсию вышла, ста рая уже! - подхватывает, улыбаясь, Немчинов-вто рой.- Нет, тут как ни крути, а все равно места мало, тяжело будет...

- Да никогда и не выпасали здесь, все на восток! А как начали сюда жаться, в леса, вот и дошли, что только двадцать пять оленей осталось...

Это Устинов. Он - пялицкий. Он до сих пор переживает, как и другие пяльчане, за брошенное родное село, где у него еще стоит дом, который он отказывается продать или перевезти в Чапому. Он сдержан, немногословен, но чувствуется, как кипят в глубине страсти под обманчиво спокойной внешностью.

- До Пулоньги все равно стадо допускать нельзя, там они с сосновским стадом мешаться будут...

- Вот если бы Сосновку нам!

- В Сосновке и пастухи еще есть, наставниками могут быть настоящими!

- Каневых-то уже никого не осталось: Павел в Лопарской, там пасет, если на пенсию не ушел, двадцать седьмого года рождения он. А кроме них - Елисеевы, Ростислав да Альберт, Матрехин молодой...

- А где Володя Канев? - спрашиваю я, вспомнив носатого, как все Каневы, парня с плутоватыми глазами, с которым я шел морем из Пялицы в Сосновку. И Ростислава Елисеева помню. Он чем-то напоминает мне Немчинова - такой же худой и черный, такой же немногословный, но мне памятно уважение к нему бригады, многие из которой были старше его.

- Канев связистом работает сейчас,- отвечает Устинов.

Что ж, у меня есть что рассказать пастухам о возможностях будущего оленеводства, чего они еще не знают.

Неудача чаваньгского варианта бросилась Каргину в глаза, когда он облетал Берег и побывал в Сосновке. То, о чем они сейчас говорили - о желательности объединения с Сосновкой, как это было когда-то раньше, до образования национального Саамского района,- обсуждалось в обкоме. Принципиальное согласие на возможность такого воссоединения уже есть. Сосновка тоже не жилец, никаких национальных кадров там не осталось, все стада Саамского района сконцентрированы в центральной части полуострова, поэтому передача Сосновки колхозу "Волна" вполне возможна. Начав с оленеводства, там можно возродить прибрежный лов, поставить на промышленную основу сбор водорослей, возобновить строительство, привлекая новых людей, и все это станет еще одной выигрышной картой в общем возрождении Терского берега.

Рассказ мой принимается с интересом.

- Это другой оборот,- соглашается Николай Васильевич Немчинов.- Тут нам никаких "варягов" не надо, наставниками для молодежи сосновские пастухи будут, они нашу территорию знают не хуже нас, да и мы поможем. В ученики к ним из Варзуги и из Чаваньги пойдут...

- Раньше, когда два стада было, и мы, и сосновские боялись к

Пулоньге выходить,- поясняет мне Немчинов-первый.- Как два стада сольются - ничего не сделаешь, не управишь их. А тут, если стадо общее, пускай переливаются, в конечном счете, все наши. Мы один край держать станем у Чапомы и Пялицы, а другой, к Поною,- сосновские...

Теперь, когда вопрос с территорией, похоже, определился, разговор идет оживленнее. С наставниками тоже ясно - не потерпят поморы "варягов", да и какую помощь могут те оказать в здешних условиях?

- Тут ведь все на местности знать надо, где летние, где осенние пастбища, где весенние, а это только своими ногами узнать можно. На вертолете облететь - ничего не увидишь, вот дело-то какое,- говорит мне Стрелков.- Как приезжий человек пасти сможет? Олень капризный. Если ты осенью его на зимнее пастбище привел - беспременно уйдет...

- И любить свою работу надо,- наставительно говорит Немчинов-второй.- Помню, как дедко меня учил. Пройдем морем реку Пялицу, круг сделаем, месяц времени прошел, гриб появился, пошло время к гону, оленей что-то поменее стало в стаде... Дедко и говорит: давай пойдем так еще по разу! И снова на тропу, где мы прошли, по второму кругу идем. И вот, смотришь, отбившиеся сами к тебе выходят - где десять, где двадцать, а то и больше, обратно сливаются. У них гон начался, и ихний предводитель начинает их всех собирать. Вот и потерь никаких нет, если знаешь, как и куда вести оленя!

Озабоченность у собравшихся теперь вызывает другое: с кем из молодых начинать, кого готовить? С этого и вступил в разговор Немчинов-первый, и сейчас он снова возвращается к этой теме:

- Разрыв теперь между нами и детьми, в деле нашем разрыв,- ничего они делать не знают и не хотят, как в десятилетки пошли. Не потому, что ученье им ум отбило, а потому, что в колхозе их не стало. Четыре класса здесь - ив интернат, только на побывку приезжают, как чужие, ей-ей! Мы с детства у отца-матери на подмоге были: там на тоне сидишь, там в стаде помогаешь... Приехал отец на оленях - ты вокруг вертишься, помогаешь ему упряжь снять. Он чинит или делает что.- ты ему опять помогаешь, учишься. В школе у нас урок труда был, сетки учились вязать. Второй-третий класс вместе учились. Они нитки мотают, а четвертый уже вяжет! А тут он не знает, с какого конца лошадь запрячь, не то что оленя, к нему он и подойти боится!

- А что, Петрович, если на очередной сессии поселкового Совета поставить вопрос о такой специализации урока труда в школе? Мысль-то хорошая, надо навыки молодежи передавать,- говорит Устинов, обращаясь к Стрелкову, и тот согласно кивает,

подтверждая, что пусть сам Немчинов и поднимет этот вопрос, поскольку он - депутат.

- Упущено было село, промыслы, навыки эти,- говорит мне Стрелков.- Школу-то сельскую иначе надо было строить, чем, понимаешь, городскую, в соответствии с местными условиями, чтобы человека, значит, не только науке обучать, но и к самой жизни готовить... Сноровка в руках должна быть. А теперь как? До восемнадцати лет он учится, потом на два года в армию ушел, возвращается - ничего не умеет, разве что с железками работать, а на земле ему все сначала объясняй...

- И не научить его при всем желании! - с необычной категоричностью подхватывает Немчинов-второй.- Ну не может - и все! Был у нас Сашка Логинов, новый человек. И рассказываем ему, и показываем. Все понятно, а как до дела дойдет - никак не получается, потому что сноровки этой нет...

Важный, очень важный это вопрос, куда важнее, чем то же оленеводство. И мне понятно, почему так оживленно обмениваются сходными в общем-то мнениями колхозники, почему так волнует их, так задевает система здешнего образования, невольно отрывающая их детей не только от семьи, но и от дела, которое родители считают самым важным в своей жизни,- дела на своей земле. Это только со стороны показаться может, что работа на земле и на море особого ума и образования не требует...

Сложный это вопрос и - болезненный. Не только здесь, на Берегу,- на всем Крайнем Севере, в условиях редкого и редеющего населения, школьный вопрос стоит исключительно остро. От его решения зависит судьба всего края, потому что вместе с ним решается вопрос о преемственности поколений.

Что делается на Терском берегу, чтобы сохранить эту преемственность? Если судить по материалам районной газеты, которую я успел перелистать в Умбе,- ничего. Школьники ходили по маршруту "Пионеры - патриоты-интернационалисты", провели митинг "Европе - чистое небо", конкурсы политического плаката и рисунка, спортивные праздники. Правда, три ученические бригады в совхозе "Умбский" прошли практику вождения трактора, разбрасывали по полям удобрения, очистили сорок семь гектаров от камней... Производственная бригада при школе № 1 работала на полях колхоза "Всходы коммунизма". Последнее означало лишь то, что председатель этого колхоза, помещающегося в Варзуге, о котором я еще буду говорить, организовал бригаду из приезжавших на каникулы школьников. Школа здесь ни при чем...

- Ну, и у меня школьники работают,- говорит мне Стрелков.-

А что делать? Завтра вообще всех, от стара до мала, поднимем на покос. Не о таком воспитании речь идет! О постоянном, чтобы не чужим себя подросток в колхозе чувствовал, елки-моталки, чтобы знал он, чем колхоз живет и что ему нужно! После восьми классов возвращаются из интерната те, кто дальше учиться не хочет. Так ему почти все заново объяснять надо... А открыть свою школу - кто позволит, когда у нас детей до нормы не набрать? Не позволит никто - ни райисполком, ни облоно...

И тут мне приходит вполне логичная мысль.

- А если свою, колхозную?

- Вот я про то и говорю...

- Нет, Петрович, ты о государственной говоришь, а я о том, чтобы не государство учителям зарплату платило, а колхоз. Сколько у них учеников будет - это уж ваша забота, но зато гарантия, что все ребятишки в родительских домах будут жить, а не в интернате!

- А можно ли так?

- Кто разрешит?

- Так-то бы хорошо было!..

Оленеводы говорят вперебой, с удивлением и надеждой смотря на меня, как будто бы я несу им неожиданный подарок.

А я и сам не знаю - можно ли. Мысль эта только что пришла мне в голову, как результат всего виденного и слышанного. В самом деле, почему колхозу не завести свою школу? Учитель - тот же специалист, как, скажем, инженер-электрик, плотник, врач, экономист, радиоинженер, юрист. В "штатном расписании" не значится? Так когда оно, это "штатное расписание", составлено было! Тогда не только что телевидения, может, и радио не было, о подвесном моторе или транзисторе никто и слыхом не слыхал... И по лицам, по оживившемуся сразу разговору я чувствую, что найдено решение еще одной проблемы, может быть сейчас одной из самых главных. В конце концов, школа - всего лишь продолжение яслей и детского сада. А несколько дней назад, на очередном пленуме терского райкома, председатель колхоза "Всходы коммунизма" на свою просьбу открыть у них детский сад получил вполне резонный ответ: вам надо, вы и открывайте, мы-то тут при чем?

Может быть, и со школой так? И не нужно никаких интернатов в районном центре, и не будет изломанных детских судеб?

- От этих интернатов горе одно, чему они там между собой научаются,- говорит кто-то из присутствующих, кого я не знаю, потому что народу в кабинете уже набилось много. Все хотят послушать, принять участие в обсуждении, потому что вопросы и

заботы общие.- Возвращаются оттуда - и пьют, и курят, и всякое такое, что и сказать стыдно. Известное дело, баловство, не дома. Здесь бы порой и остереглись, а там - пойди догляди! А коли бы здесь при семье были, то никакого баловства и опять же при деле. Толк ли в том, что в районном центре болтаются? А хороший учитель всему научит и здесь, учебники-то одни. Только вот опять, кто поехать сюда согласится? Учителю дом или квартиру нужно, а мы и эту зверобойку незнамо когда увидим!

- Ну, сейгод дом для учителя не построим, а на будущий, коли решим, может, и осилим,- говорит Стрелков.- Вопрос, вишь, важный, лишь бы разрешение вышло, а там всем миром поднапрячься, о детях наших ведь речь идет..: Вот ведь как,- обращается он ко мне,- об оленях говорили, а поворот совсем иной получился, куда как интересный! Оно все здесь взаимоувязано, все здесь переплетено между собой, но главное, конечно, чтобы человек чувствовал, что он на земле стоит, на своей земле, на которой ему жить да жить еще, и чтобы его никто отсюда не срывал и работать не мешал. На земле, а не на море, как порой о нас думают. Дом-то у рыбака на берегу всегда был, сколько далеко бы он по морю ни бегал на своем карбасишке... Ну так как, мужики, значит, коли Сосновку нам дадут, то оленей заводить стоит? И наставников своих найдем? Ну, что молчите?

- А что говорить, Петрович, сам знаешь, что олешки в хозяйстве всегда нужны,- говорит Устинов и поднимается.- Я-то уже не ходок, а обучить обучу, лишь бы олени были.

Остальные согласно кивают. Потом встают, и кабинет понемногу пустеет. Стрелков распахивает окно, чтобы вытянуло табачный дым, висящий сизой волной над полом, и в комнату врывается чистый, пахнущий только что разрезанным огурцом ветер с шумом далекого наката на корге, глухим треском лодочного мотора, голосами людей и криками чаек.

Море белесо переливается, темнея у горизонта. Очистилось небо, и я догадываюсь, что, глядя на покачивающуюся в отдалении лодку с тремя фигурами, Петрович думает, как хорошо было бы сейчас вот так же махнуть подергать наважку у берега, о чем мы с ним говорили еще днем. Конечно, хорошо! Но председатель редко принадлежит себе, тем более что сегодня в Чапому прибыл будущий директор зверобойной базы, тоже остался недоволен строительством, и сейчас они вместе со Стрелковым и представителем промразведки засядут обсуждать навязший в зубах вопрос: как в этой ситуации и в сроки уложиться, и недоделки ликвидировать?

Трудная жизнь у председателя колхоза...

5.

К слову, о председателях.

Когда я спросил Юрия Андреевича Тимченко, председателя колхоза "Ударник", расположенного напротив Мурманска на берегу Кольского залива, как относятся к кооперации колхозники, что о ней говорят, то в ответ услышал следующее:

- Давайте начистоту. Если колхозники доверяют своему председателю и он что-то делает - они считают, что именно так делать и надо. Если завтра на собрании я скажу им - кооперация нам невыгодна, нам от нее следует отказаться,- все как один будут кричать: долой кооперацию, нам ее не надо! Понимаете? Это вовсе не значит, что они слепо делают то, что захочу я, Тимченко. Просто за все предыдущие годы они научились доверять мне, председателю, который плохо для колхоза не сделает. Да зачем вам говорить об этом со мной? Остановите любого колхозника, спросите... Обо всем, что делается в колхозе, я им докладываю. Для этого не обязательно собирать собрание. Об этом я говорю по утрам, на разнарядке. Особенно если их что-то живо интересует, разговоры об этом идут... Колхозники, как вы знаете, консерваторы, они очень осторожны при введении новшеств, долго прислушиваются и присматриваются. Вот и с кооперацией так же. Я тоже не кричал "ура", но и не кричал "караул", а внимательно следил, что получится, и самым последним из всех председателей ответил, что в общем-то наш колхоз за кооперацию, потому что мы все обсудили и продумали...

- А опасность, как вы считаете, была?

- Она и сейчас есть. Ведь мы таким образом можем незаметно скатиться до уровня подсобных хозяйств промышленных предприятий. Это зависит от многих факторов: от того, как будут к нам относиться предприятия, не станут ли они, вкладывая в колхоз деньги, диктовать политику развития хозяйства. Зависит это и от руководства, в том числе от руководства рыбакколхозсоюза и руководства "Севрыбы". Ну и, конечно же, от самого председателя колхоза! Колхоз послабее, председатель несамостоятельный - ну и пошло... У нас, я считаю, такой опасности пока нет. Колхоз крепкий, главное у него - океанский лов, свой причал, львиная доля дохода от моря идет, поэтому сельское хозяйство - учитывая еще местные условия - никогда не грозит стать главным направлением...

Как я уже сказал, приехав в Мурманск, я не спешил в Чапому. Прежде чем отправиться на Терский берег, я хотел увидеть другие

рыболовецкие колхозы. День в новом для тебя хозяйстве - знакомство более чем шапочное. И все же смысл в этом был. За день можно было составить общее представление о колхозе, представить, как все выглядит на месте, а главное - познакомиться с председателем, основной фигурой в колхозном производстве.

Слова Тимченко не были для меня откровением. За долгую разъездную жизнь я мог убедиться, что в конечном счете в колхозе все зависит от председателя. Не от колхозников, не от общего собрания, не от партийной организации, хотя все эти факторы нельзя сбрасывать со счета, а именно от личности председателя.

Председатель сильный, волевой, умный, расчетливый, самостоятельный в решениях, обладает широким кругозором, знает цену рублю и копейке, умеет рискнуть, при нужде найти четко ограниченную законом лазейку - ну, тогда колхоз даже в самых трудных условиях встает на ноги и дальше в гору идет! Нет ничего этого, робок человек, без воображения, уже заранее партийного взыскания боится - значит, или он, или колхоз не жилец... Вот почему, пытаясь разобраться в ситуации, я сравниваю два уровня руководства: руководство "Севрыбы" и председателей колхозов, на плечи которых ложилась вся тяжесть получения максимальной выгоды от межхозяйственной кооперации.

С партнерами колхозов, как я понял довольно быстро, разбираться особенно не приходилось. Они были частью "Севрыбы" и послушно следовали сигналам, исходившим от ее головного центра. Но колхозы, как я мог убедиться, оказывались столь же разными, как их председатели.

Начало знакомства было положено поездкой в Белокаменку на катере Мурманской судоверфи. Я был там и в первый свой приезд в Мурманск, но проездом и председателя не застал. Между тем Белокаменка, в которой находился колхоз "Северная звезда", интересовала меня давно: именно сюда весной 1966 года переселили жителей Порьей Губы, одного из древнейших сел Терского берега.

Белокаменка предстала предо мной россыпью довольно неприглядных старых домиков на две квартиры, поражающих глаз запущенностью и угадываемой внутри теснотой. Домики стояли на живописных взгорках, поросших высокой травой, полевыми цветами, столь редкими здесь, в Заполярье, небольшими березовыми рощицами, непохожими на обычное криволесье, но, конечно же, ни в какое сравнение с Порьей Губой, располагавшейся в одном из самых красивых мест Беломорья, все это идти не могло.

Председателя колхоза я догнал на полдороге к коровнику, который достраивала на деньги судоверфи бригада грузин-шабашников.

Геннадий Киприанович Подскочий оказался худым, невысоким человеком с одной рукой. Вряд ли бы я обратил на него внимание в толпе - таким он был неприметным и невыразительным со стороны, разве что приглядевшись отметил бы усталое и вместе с тем умное лицо человека, много повидавшего на своем веку - и хорошего, и плохого.

С порьегубцев, их судеб и начался у нас разговор. Подскочий знал об этом переселении, хотя произошло оно задолго до его прихода. Сейчас переселенцев осталось мало, всего несколько семей, не прижились они на новом месте: большинство довольно быстро перебралось в Мурманск, а те, что остались в колхозе, до сих пор вспоминают родное село и не прочь опять вернуться туда...

После такого вступления нам было проще говорить о колхозных делах и кооперации, к которой председатель относился настороженно, однако соглашался, что выгода от нее колхозу будет. Во всяком случае, надеялся он, не будет приносить сельское хозяйство убытков, которые сейчас покрываются доходами от океанского лова. Убыточным оказался и птичник на четыре тысячи голов: в последние годы в строй вступило несколько мощных птицефабрик, обеспечивших область куриным мясом и яйцами, и держать птицу при дорогом корме и еще более дорогом его завозе рыбакам стало невыгодно. Вот почему во всех колхозах были ликвидированы птицефермы - конкурировать с государством, которое не нуждалось в кооперации, колхозам было не под силу.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что флот тоже приносил колхозу не слишком большой доход. С каждым годом его все больше съедал ремонт судов и вызванные им простои. Последнее судно простояло у причала судоверфи - партнера колхоза по кооперации - пятнадцать месяцев. Сложный ремонт? Нет, партнеры объясняли затяжку нехваткой рабочих рук, которые были заняты на строительстве в том же самом колхозе... Вот и считай, что выгоднее: получить два-три десятка тысяч рублей за реализованное молоко или за это же время - сотни тысяч от работающего в море судна?! Выигрываем копейки, а теряем сотни тысяч...

- От сельского хозяйства убытки мы покрывали за счет флота,- повторил Подскочий.- А от флота по десятой пятилетке, я подсчитал, мы получили дохода только семьдесят восемь тысяч рублей. С этим, конечно, не развернешься... Полей у колхоза

мало, новые создавать трудно, прибрежного лова, как и у всех здешних колхозов на Мурманском берегу, у нас никогда не было. Можно было бы еще освоить гектаров пятьдесят земель, но нет рабочих рук, да и что с этих земель возьмешь? Пока флоты не объединили на базе, часть моряков еще жила в поселке, а сейчас все уже ушли. У нас как? Поработают на флоте года четыре, потом построят в Мурманске кооператив и уходят из колхоза. Остаются только те, кто учиться не хочет. А со стороны нам людей не взять - нет жилья...

В словах председателя чувствовалась какая-то обреченность, и я подумал тогда, что, возможно, именно Белокаменке грозит судьба переродиться в подсобное сельскохозяйственное предприятие Мурманской судоверфи, когда износится колхозный флот и изменится стратегия лова...

Совсем другая картина открылась мне в Ура-губе, где был колхоз "Энергия".

...Чем дальше я отъезжал от Мурманска на северо-запад, тем суровее становился пейзаж: каменистые сопки с редколесьем, болота, озерца, голые, почти ничем не поросшие скалы. Суровость усугублял пасмурный, туманный день. Тем большее удивление охватило меня на подъезде к поселку, когда по обе стороны дороги стали открываться обширные ровные пространства морских террас, на которых зеленели колхозные поля.

Егоров, сопровождавший меня в этой поездке, предупредил, что "Энергия" - один из самых больших и богатых рыболовецких колхозов в Мурманской области. У него восемь судов, свой причал, плавмастерская, коптильный завод, большой поселок... Действительно, то, что я увидел, выделялось своими масштабами и основательностью, напоминая - только в очень сильном уменьшении - знаменитый рыболовецкий колхоз "Сероглазка" возле Петропавловска-Камчатского. В "Энергии" строились многоэтажные дома, в центре поселка красовалась столовая-ресторан, вот-вот должны были сдать в эксплуатацию большой универмаг. Передо мной был современный, благоустраивающийся поселок, на фоне которого коровники МТФ и склад под корма, которые строил тралфлот, партнер по кооперации, выглядели случайной и не очень нужной деталью.

Здесь вся жизнь зависела от океанского лова, на него было нацелено все внимание, оттуда шел действительно большой доход, который колхоз направлял на строительство и ремонт жилого фонда... Но при чем здесь колхоз? - рвался у меня вопрос. Собственно колхоз и его поселок оказывались довеском, неизбежным обозом, обеспечивающим амортизацию и жизнедеятельность колхозного флота. Прибрежный лов занимал

ничтожное место в экономике: всего три тонны семги по плану, хотя уже выловили пять тонн. Сельским хозяйством здесь всегда занимались в расчете на областной центр, с которым колхоз связывала хорошая асфальтированная дорога. Так что, по признанию Егорова, стремившегося при каждом удобном случае указать мне благотворное влияние кооперации на жизнь колхоза, особой роли она здесь не сыграла.

Евгений Архипович Мошников, только что избранный председателем, ждал нас в конторе - невысокий молодой человек с приятным лицом, большими выразительными глазами и красивыми чувственными губами. До этого он был секретарем партийной организации колхоза. Охотно отвечал на вопросы, но сам был немногословен.

Особой нужды в этой встрече и беседе не было - то, что меня интересовало, было видно и так, а как проявит себя новый председатель, сказать можно было только через несколько лет: все, что открывалось нашим глазам, сделано было до него.

По словам Мошникова, трудности в жизни колхоза были заурядные, такие же, как и в других хозяйствах. Нет жилья - стало быть, нет необходимых рабочих рук. Люди в колхоз просятся отовсюду, со всей страны пишут, но приходится отказывать, пока не наладится строительство. Не хватает ни химических удобрений, ни навоза. Мясо закупает тралфлот, молоко - государство. Молодежь, как правило, в колхозе не остается и на флот не идет. Школьников много, с этого года в поселке будет десятилетка, но выпускники уходят в город. На судах есть еще коренные колхозники, но, как правило, они стараются остаться на берегу. Наемные обязаны вступать в колхоз, но они приезжие, так что, если посмотреть внимательно, на судах местных коренных колхозников практически не осталось...

- Другими словами, вступление в колхоз - всего лишь форма, обязательная для зачисления в судовую роль на колхозное судно?

Задавая этот вопрос Мошникову, я не мог не вспомнить утверждение Несветова, что на колхозных судах работают исключительно колхозники.

- Да, конечно. Ведь флот считается колхозным. Исключение делается только для комсостава и специалистов. А так о каких коренных жителях может идти речь? Здесь все приезжие, это не на Терском берегу, где села еще Великим Новгородом основаны, там чужаков по пальцам пересчитать можно. У нас - наоборот, приезжают работать за северный коэффициент и надбавки... Здесь и климат, и условия жизни - все свою роль играет!

Очень интересный факт. Не знаю еще, зачем он мне нужен, но за прежним, несколько аморфным словосочетанием -

"рыболовецкие колхозы", "колхозный флот" - я начинаю угадывать контуры чего-то совсем иного, весьма отличного по содержанию, использующего прежние термины словно бы по традиции. Не в этом ли несоответствии коренятся причины экономических и социальных конфликтов, которые мы пытаемся разрешить старыми средствами, не увидев другого конфликта - между старой, давно отжившей формой и новым содержанием?

Ура-губа только продемонстрировала этот факт с наибольшей выразительностью. Передо мной было мощное хозяйство, уже разделившееся на две части, связанные между собой поселком и службам: флот, существующий и работающий в системе "Севрыбы", однако числящийся на балансе в колхозе, матросы и командный состав которого были только формально колхозниками, и сельское производство, существующее при поселке, в котором еще находились несколько семей моряков.

Колхоз жил своей жизнью, судно - своей, потому как управлял им не председатель колхоза, не правление, а государственное всесоюзное объединение "Севрыба", в которое входил составной, очень маленькой частью рыбакколхозсоюз, представлявший семь оставшихся в живых из двадцати с лишним рыболовецких колхозов Мурманской области. Получалось, что не флот привязан к береговому хозяйству, а колхоз подвязан за ниточку к судам, бороздящим где-то Мировой океан, и существование его зависит от того, что и сколько попадет в кошелек судового невода.

Флот приносил доход. Часть его откладывали в обязательном порядке на очередной ремонт судна, другая часть шла на ремонт жилого фонда и строительство поселка, третья часть покрывала убытки сельскохозяйственного производства и шла на его расширение. Называть такой хозяйственный комплекс можно как угодно,- внутрихозяйственной кооперацией, агропромом - однако с действительно рыболовецкими колхозами Терского берега, да и всего Беломорья, здесь было мало общего...

"Ударник" в Минькино, напротив Мурманска, занимал как бы среднее положение между Белокаменкой и "Энергией", хотя по мощи своей вполне мог конкурировать с последним хозяйством. У колхоза тоже восемь океанских судов, свой причал с краном, который Тимченко предлагал строить на паях с другими колхозами, но те отказались, он построил его сам и теперь им же сдает в аренду. В "Ударнике" строится межколхозный забойный пункт, куда, может быть, придется возить скот не только из Белокаменки и Ура-губы, но даже из Варзуги, за полтысячи километров.

Здесь все в образцовом порядке, начиная с подъездной

дороги и кончая колхозным складом, где все разложено по полочкам, на своих местах, даже маркировано. Тимченко водит нас с Егоровым по теплым коровникам, знакомит с ветврачом, который окончил Ветеринарную академию колхозным стипендиатом, демонстрирует новое родильное отделение фермы. Новые склады, гаражи, магазин, здание правления, склад для кормов с пневмопокрытием... Но главное, что производит безусловное впечатление на свежего человека,- два ряда двухэтажных кирпичных коттеджей для колхозников, вытянувшиеся вдоль залива. Они двухквартирные, каждая квартира в двух уровнях. Проект председатель привез из Прибалтики, с которой у него крепкие деловые связи.

Поставив "Ударник" между "Энергией" и "Северной звездой", я не оговорился: не по "калибру" хозяйства поставил, а по реальной связи с землей. В отличие от Ура-губы, это именно колхоз, где большинство своих, местных, хотя на судах приходится использовать и "мурманских колхозников".

Сам Тимченко крупный, широкоплечий, с большими руками, большим открытым лицом. У него уверенный взгляд, в нем ощущаешь спокойное доброжелательство, интерес к делу и уверенность во всех своих поступках и суждениях, если он их решился высказать. Такие люди вызывают симпатию, чувствуешь сразу, что на них можно положиться в большом и в малом, но там, где запахло выгодой, надо держать ухо востро: Тимченко далеко не простачок, каким может показаться на первый взгляд, и в "Севрыбе" мне порассказали о том, как буквально из всего он ухитряется извлекать для колхоза пользу.

Например, из старых кошельковых неводов, которые он забирает даром где только можно, в том числе и у своих партнеров. Невода отработали свое, окупили себя десятки раз, были списаны и должны уйти в утиль или просто быть выброшены. Но в "Ударнике" пожилые колхозники шьют из них мешки под овощи для Арзамаса. Почему для Арзамаса? Им там нужно, вот они и предложили, а в результате колхоз получает до семи тысяч рублей прибыли от одного списанного невода...

Из всего - прибыль, но эта прибыль тотчас идет в дело.

У Тимченко принципы настоящего современного хозяина, что называется, без дураков. Но гораздо больше, чем даже его хозяйственный талант, меня заинтересовывает его отношение к людям, живущим и- работающим в колхозе.

Очень скоро я замечаю: о чем бы ни говорил председатель, он рассказывает не об экономическом, а о социальном опыте колхоза. Опыт этот стоит того, чтобы над ним задуматься, потому что в своем роде уникален, как уникален сам председатель.

Правда, нечто подобное я обнаружил позднее еще в одном колхозе - имени XXI съезда в Териберке, где председателем Коваленко, но сравнивать их нельзя, они разные.

Разговор с Тимченко начался с моего вопроса, достаточно провокационного: каким быть колхозу - узко специализированным или многоотраслевым?

- Знаете, я считаю, что колхоз должен быть много отраслевым,- не задумываясь ответил Тимченко, и я понял, что этот вопрос для него давно решен.- Конечно, председателю легче работать, если есть четкая направленность. Но что-то тебе не привезли, не смог достать - сиди и плачь! Возникают иждивенческие настроения, у многих председателей они уже есть. Значительно труднее работать, когда хозяйство многоотраслевое. Не хватает специалистов, сказывается то здесь, то там обычная наша неорганизованность...

- И все-таки - многоотраслевое?

- Да. К чему ведет узкая специализация? Вот, скажем, мы - рыболовецкий колхоз. Такие же колхозы есть в Прибалтике. Они категорически против сельского хозяйства. Но надо думать не только о хозяйстве, надо думать о человеке. Сегодня он плавает, а завтра здоровье подкачало: сердце, давление, почки и так далее... Что ему делать? Какую работу найти на берегу? А он - член колхоза.

- Для этого, вы считаете, и нужны побочные отрасли? Заранее рассчитывая на тех, кого море завтра спишет на берег?

- Не только для них. Когда пятьдесят лет назад организовывали наш колхоз, сельское хозяйство специально предусматривалось для вторых членов семьи...

- Простите, не понял?

- Это так в Уставе - жены, сестры, матери колхозника. Моряк в море, а "второй" член семьи работает на берегу. Таким образом семья не рвется, часть ее не уходит на заработки в город. Мне кажется, сделано было очень правильно. Я считаю, что чем больше будет разнообразных отраслей, тем меньше шансов, что они станут убыточными - всегда их можно расширить или сократить. А тем самым больше возможности человеку подобрать работу по вкусу и способностям. Да вы сами посмотрите у нас в хозяйстве: чем оно разнообразнее, тем устойчивее и гибче...

В "Ударнике" есть даже цех сувениров. Собственный колхозный цех, который показал мне Тимченко. Может быть, слово "цех" слишком громко звучит для маленького - три на три метра - помещения, в котором работает молодой художник. Он делает из гипса памятные отливки для гостей колхоза и для колхозников (дальше они пока не идут), готовится поступать в

художественное училище. Он - свой, миньковский. Кончил школу, но по здоровью ему нельзя было идти на флот, а по склонности и по способностям работы не находилось. И чтобы не отпускать его из колхоза в город, Тимченко с согласия правления открыл "сувенирный цех", положил парнишке зарплату, и теперь в Минькино растет свой художник, а при надобности оформляет стенды, витрины, пишет плакаты и прочее.

Это - начало. Как рассказал мне Тимченко, в перспективе у него развернуть подготовку кадров для колхоза уже со школы. Сделать это могут учителя, секретарь парторганизации, комсомольская организация колхоза, совет ветеранов, сам председатель, постоянно бывающий в школе. Суть замысла - помочь каждому молодому человеку найти себя в жизни с помощью родного колхоза, открыть возможность наилучшего применения своих физических и душевных сил... Это действительно высокая задача. Если Тимченко удастся в этом направлении сделать хотя бы первые шаги, можно будет с полным правом утверждать, что он приблизил наш завтрашний день.

И шаги эти в известной мере сделаны. Стоит вспомнить о колхозных стипендиатах, которые учатся в ГПТУ, в Высшей мореходной школе, в анапской школе председателей, в институтах Ленинграда. Тимченко сумел всех их привязать к родному колхозу, поселку, позволил ощутить заботу коллектива, вызвать чувство благодарности и уверенности в будущем дне - самое важное чувство для человека, где бы он ни жил и чем бы ни занимался! Вот почему так много в "Ударнике" молодежи по сравнению с той же "Энергией".

Она знает, что ей найдется место и на флоте, и на берегу, там, где она сможет работать с охотой. А когда подойдет предпенсионный возраст, как у их отцов и дедов, правление колхоза подыщет им соответствующую работу по силам, никого не оставит...

Теперь, справедливости ради, следует сказать и о Коваленко, председателе колхоза имени XXI съезда в Териберке.

Минькино, Белокаменка, даже Ура-губа,- все это "пригородные" колхозы, расположенные или в непосредственной близости от Мурманска, или связанные с городом хорошей автострадой. Териберка - на отшибе, к ней только недавно дорогу проложили, да и то официального открытия не было.

В отличие от трех остальных поселков, Териберка - одно из самых старых поморских стойбищ на Мурманском берегу. Она стоит на обширном песчаном наволоке в устье Териберки, которая впадает в широкий залив, открывающийся прямо на север, в Баренцево море и Ледовитый океан. На другой стороне

залива - Лодейное, такое же древнее становище поморов, куда сходились промышлявшие треску суда из Архангельска, с Зимнего берега, из Карелии, Онеги и куда пешком через весь полуостров приходили с Терского берега поморы, если не могли подрядиться на промысел дома. Здесь ремонтный завод рыбпрома, сетевязальный цех, большой поселок.

Териберка была когда-то районным центром. От всего ее былого великолепия остались несколько рядов двухэтажных деревянных домов, много маленьких обветшавших коттеджей, в самом ветхом из которых живет председатель, и большое хозяйство.

Коваленко - человек странный, можно сказать, своеобычный. С первого взгляда он почему-то кажется увальнем, может быть даже не слишком далеким человеком и уж совсем не энергичным, не умеющим ни дисциплину поддержать, ни собственный авторитет на должную высоту поставить. Одним штрихом не опишешь - ускользают, меняются черты лица, слегка сутулая и мешковатая фигура не привлекает к себе внимания, и глаза смотрят как-то слишком уж добро и вразнобой... Нет, сколько пытался, а не берусь за его портрет. Другое в нем - не внешнее, что не сразу открывается человеку, а открывшись, берет тебя в плен надолго и глубоко.

Я ощутил это еще по первому к нему приезду, тем более что случай был из ряда вон выходящий. Суть его долго рассказывать, да и незачем. Мы были на другой стороне залива, и тут произошло небольшое ЧП, непредвиденная накладка, как говорят в театре, настолько серьезная, что Коваленко пришлось позвонить на погранзаставу - это касалось их людей. Сам он себя вел в этой ситуации настолько безмятежно и мягко, что я даже усомнился - а есть ли у этого человека самолюбие? У него было все, но была еще и выдержка, и терпение, и полный контроль за обстановкой. Однако поразило меня не самообладание Коваленко, а то, что еще раньше пограничников возле нас оказалось два колхозных катерка из поселка. Молодые колхозники краем уха - на Севере все вести разносятся с мгновенной быстротой - услышали, что у председателя, уехавшего с гостями, что-то случилось, и мгновенно бросились на выручку. И так же незаметно, не задерживаясь, убедившись, что больше их помощь не нужна, отправились восвояси...

Не знаю, как для кого, но для меня этот факт высветил тот поразительный авторитет и настоящую любовь, которыми пользуется в колхозе председатель.

А ведь на самом деле он требователен, и дисциплина в его колхозе, пожалуй, самая строгая по сравнению с другими

хозяйствами. Да это и не может быть иначе.

Коваленко возглавляет крупнейший рыболовецкий колхоз в области, у него высокие показатели по всем статьям, он начал строительство современного жилого поселка, океанский промысел приносит хороший доход, но между тем председатель постоянно отыскивает новые и новые направления хозяйственной деятельности, связанные с берегом, чем тоже напоминает Тимченко. Он давно понял, что надо иметь собственную строительную бригаду, расширяет колхозное стадо, подумывает, не завести ли собственные шампиньоновые плантации в пустующей неподалеку штольне, а вместе с тем организовать ежегодный грибной промысел с последующим консервированием и сушкой, поскольку грибов в округе каждую осень хватит на десяток заготовительных организаций. В Териберке лучший универмаг, который я видел в колхозах, лучший книжный магазин, а у председателя в его ветхом коттедже, откуда он никак не соглашается переехать,- одна из обширнейших библиотек, которые мне пришлось встретить в этих широтах.

О Коваленко и Териберке надо писать отдельно. Они заслуживают этого. Сейчас же мне важно подчеркнуть, что все без исключения колхозники в Териберке, как и Коваленко,- приезжие. Коренных местных жителей нет, как нет, пожалуй, и сколько-нибудь значительного числа пенсионеров.

Самый старый колхозник - завкадрами колхоза Модест Михайлович Урпин, приехавший в Териберку в 1946 году; все остальные - гораздо моложе. Люди прибывают постоянно - в колхозе от бывшего райцентра остался большой жилой фонд, пусть ветхий, но еще пригодный для жилья. Вот и едет со всей страны, как правило, из городов, молодежь; едут семьями, с детьми, готовые работать и на ферме, и в полеводстве, чтобы потом пойти в море...

Каков же итог этого не совсем обычного обзора? В одной фразе его, пожалуй, трудно выразить, да и слишком категорично он может прозвучать. И все же впечатление такое, что рыболовецкие колхозы севера Мурманской области и колхозы Терского берега - разные производственные организации, разные социальные общности, и задачи перед ними тоже стоят разные, и проблемы они решают каждый - свои и каждый - по-своему.

Чем больше оборот средств, чем больше морской продукции дает хозяйство, чем больше его результат зависит от морских судов, на которых, как я мог убедиться, плавают вольнонаемные, только имеющие книжку колхозника, тем меньше в нем осталось от той соседско-родственной общины, которую мы подразумеваем, когда говорим о поморском да и любом другом

селе и находящемся там колхозе. Хорошо это или плохо - вопрос другой. Просто здесь все иначе. Производственный коллектив и отношения внутри него строятся совсем по иному принципу. Поэтому и возглавляют такие коллективы люди тоже не местные, а приезжие - Тимченко, Коваленко, Подскочий, Мошников,- нашедшие здесь и работу по призванию, и возможность наиболее полного приложения своих сил, наибольшей душевной отдачи.

От колхоза как такового сохранилась только структура управления людьми и финансами да мешающие в настоящее время его развитию ограничения в отношениях с государством. Во всем остальном эти хозяйства мало чем отличаются по своей вооруженности и методам производства от государственных промышленных предприятий. Беднее - да, но это уж не по своей вине, а по инструкции.

На Терском берегу - совсем иное. Там - все изначальное, идущее от веков и традиций, которых нет и не может быть в той же Териберке или Ура-губе, поскольку возникли эти поселки лишь в конце прошлого или начале нынешнего столетия, вместе с рождением теперешнего Мурманска, бывшего порта Александровск.

На Терском берегу приезжих - по пальцам пересчитать. Хозяйство стоит на земле, в него входит береговая полоса с тоневыми участками, леса, тундры, ручьи и реки, бесчисленные лесные озера с рыбой, олени и многое другое, чего нет на побережье Баренцева моря. И главное - все это преданиями, бывальщинами, памятью поколений связано в сознании живущих с их семьей, родом, прошлым. Не случайно, что у терских колхозов неизменной осталась и сама основа колхозного рыболовства - промысел семги у берега моря и в реках. Выход в океан на современных судах, создание своего флота под нажимом сверху были в общем-то лишь кратковременным эпизодом в жизни поморских сел на Берегу, но так и не получили дальнейшего развития.

Жизнь требовала ежечасно концентрации сил и внимания здесь, в родном селе, на обширных колхозных угодьях, куда неизменно стремилась душа колхозного рыбака. Вот почему конец колхозных судов у самих колхозников, насколько я знаю, вызвал даже вздох облегчения: спала с души еще одна забота, отрывающая от мыслей о доме! И если теперь, как мне говорил Каргин, терским колхозам снова дадут возможность приобрести суда - то есть обяжут их купить у "Севрыбы", чтобы пополнить колхозный флот той же "Севрыбы",- в океаны на них пойдут люди, лишь оформленные колхозниками. Да и отношения между судами и их владельцами будут исключительно денежные: столько-то

пришло на счет, столько-то списано со счета...

Не так ли с председателями?

Как ни слабы казались районному руководству свои, местные кадры - а они зачастую и были такими! - всякий раз при смене их на пришлую кандидатуру оказывалось, что свои все-таки лучше, вернее, и если не в силах двинуть хозяйство в гору, то, зная местные ресурсы и возможности, жизнь села и своих односельчан, они надежнее могут сохранить колхоз, не растерять его, не пойти на поводу скороспелых, далеко не всегда оправданных решений свыше...

Примеров можно привести достаточно. Да вот, пожалуйста. Пока мы со Стрелковым обсуждали вопрос об оленеводстве, в Чаваньге "с треском" снимали поставленных туда в прошлом году председателя и главного механика. Меньше чем за год они так завалили хозяйство, что теперь браться за колхоз пришлось самому Егорову, по чьей рекомендации они и были переведены сюда с флота. А причина все та же: оба оказались временщиками, чужими людьми в многовековом человеческом коллективе, который их не принял.

Ну и, наконец, была Варзуга, куда я заехал, направляясь в Чапому.

Я не знаю ни одного села в Поморье, которое могло бы сравниться красотой с Варзугой. О Варзуге написано много - и о реке, и о селе, о народном хоре варзужан, и об одной из действительных жемчужин русской деревянной архитектуры - церкви Успения, построенной в 1674 году лучшими храмоздателями Севера. Имена варзужан, обновлявших и реставрировавших свою деревянную красавицу в прошлом веке, сохранились в строительных надписях внутри церкви, под ее шатром. Правда, в этот мой приезд выяснилось, что славу прадедов варзужане не смогли поддержать. Как часто у нас бывает, центральные реставрационные мастерские в середине семидесятых годов уже нашего века бойко взялись за не так-то уж горящую реставрацию храма, сняли с него обшивку, предохранявшую сруб от дождей и гнили, и... бросили на полпути! Вот уже более десяти лет не могут найти ни в Варзуге, ни во всей Мурманской области не то что реставраторов - простых плотников, чтобы спасти от окончательной гибели начавшую гнить и протекать раздетую деревянную красавицу...

Но я, кажется, повторяюсь.

Долина реки у села, окрестные холмы, поля, острова на реке, зацветающие буйным разнотравьем перед косовицей,- все это производит на каждого приезжего человека неизгладимое впечатление какого-то сказочного оазиса среди суровой северной

природы. Да и сама река Варзуга, богатая речным жемчугом, являет собой сокровищницу Кольского полуострова. Она одна дает третью часть всей семги, которую ловят в области, и загадка ее семужного стада до сих пор волнует умы ихтиологов: куда оно уходит в море, на каких подводных пастбищах нагуливается? Если пути других семужных стад в мировом океане ихтиологи и океанологи в общих чертах представляют по крючкам иностранных марок, которые иногда находят в теле рыб, то варзугская семга до сих пор возвращается в родную реку никем не меченной.

Вот почему, обсуждая проблемы Терского берега в обкоме партии, я с радостью узнал, что вся Варзуга с ее притоками объявлена заказником и перед республиканским правительством поставлен вопрос о превращении ее в заповедник.

Когда-то здесь было два колхоза - в селе Варзуге, которое отстоит от моря на двадцать с лишним километров, и в Кузомени, одном из самых крупных сел Терского берега. В Кузомени, основанной новгородскими колонистами в начале XIII, а вероятнее всего, еще в конце XII века, было большое птицеводческое хозяйство, больница, школа-интернат, которые обслуживали весь берег от Оленицы до Пулоньги. В 60-е годы были свои суда, промышлявшие рыбу в Атлантике. Суда были и у Варзуги, которая сначала укрупнилась за счет Кузомени, а потом, как это произошло и с другими колхозами, начала все терять. Теперь в колхозе "Всходы коммунизма" нет ни судов, ни больницы, ни интерната, да и от самой Кузомени мало что осталось. Много домов стоят заколоченными, работоспособных всего двенадцать человек, и большое поморское село, о былом достатке и многолюдности которого свидетельствует огромное, на три холма растянувшееся кладбище, засыпают пески великой кузоменской пустыни...

От многочисленных когда-то тоневых участков на морском берегу, вправо и влево от устья Варзуги, где находится рыбоприемный пункт и стоят несколько домиков рыбообработчиков, осталось совсем немного. Тоневые избы ветшали, их разбирали на дрова, если была возможность - перевозили, и центр тяжести промысла неукоснительно перемещался на Колониху, главную тоню варзужан в том месте, где реку полностью перегородил сетевой забор. Колониха с ее семгой и была тем якорем, который удерживал колхозный корабль все эти бурные годы, когда ветшала Кузомень, сокращался и совсем прекратился океанский лов, а сельское хозяйство стало приносить все большие убытки.

И все же, как мне представляется, прочность "Всходов

коммунизма" определялась тем же, чем и прочность колхоза "Волна" в Чапоме: и там и тут председателями были свои, местные люди.

С теперешним председателем колхоза в Варзуге Петром Прокопьевичем Заборщиковым, из многочисленного, уже давно не считающегося родством клана Заборщиковых, меня познакомили в райкоме партии перед отъездом в Варзугу. Председатель приехал в Умбу на пленум райкома с парторгом и нагнал меня уже вечером следующего дня на первой колхозной тоне, где мы заночевали.

Встреча в райкоме была официальной, разговориться там не пришлось, так что настоящее знакомство произошло, когда мы вступили на земли колхоза. А начались они, надо сказать, с этой самой кузоменской пустыни, протянувшейся по берегу на десяток километров.

Красивы и страшны эти пески, разрушающие в своем неутомимом движении вот уже более столетия и без того тонкий слой почвы. Не остановить их - и они окончательно засыпят Кузомень, перекроют в нижнем течении Варзугу. Река здесь за последние годы катастрофически обмелела. Уже теперь стоит пойти осенью по реке шуге, забивающей семге жабры мелкими острыми иголками льда, как начинает гибнуть рыба, идущая из моря на свои нерестилища. Вот почему первым, о чем заговорил Заборщиков, было то, как остановить пески, создать на месте пустыни луга, новую кормовую базу для развития животноводства Варзуги - мясо-молочного и племенного скота, каким является, по существу, все колхозное стадо уже сейчас.

Сам варзужанин, Заборщиков вырос в родном селе, досконально знает и людей, и ресурсы здешних мест, что можно использовать и на что следует ориентироваться в дальнейшем. Юношей он работал в колхозной бригаде плотников - в каждом колхозе были свои плотники! - потом закончил спортивный техникум, преподавал в Умбе физкультуру, был директором детской спортивной школы. Казалось бы, все есть у человека - живое дело, и благоустроенность жизни... Ан нет!

- Выбор? Если бы у меня выбор был, я, может быть, и не работал бы сейчас председателем! А когда у тебя сердце болит за родное село, за то, что с ним, с рекой, со всем твоим краем происходит,- тогда уже выбора нет,- говорит он мне вечером, когда, побывав во всех бригадах колхоза, мы наконец приехали в Варзугу и добрались до конторы правления.- И начинал не председателем - инспектором рыбнадзора. Дом, который отец начал строить перед войной, еще стоит, брат мой в нем живет. Приезжал я сюда, знал, что здесь происходит, Видел, что в

рыбоохране работают люди не для того, чтобы спасать природу, а за бутылку: чужаки, не местные! Ну и решился. С женой посоветовался. Она благословила: если считаешь нужным - делай. Дело-то святое! С работы тоже отпускать не хотели, да я настоял. Сначала принял кузоменский участок, навел порядок. Те, что в Варзуге были, посмотрели да уехали. Тогда я рекомендовал на их место своего давнего сподвижника по спорту, тоже варзужанина, учились мы с ним вместе, выросли здесь. Он механизатор, музыкант, в Кандалакше работал. И тоже решился: бросил город, приехал. Потом меня выбрали секретарем партийной организации, четыре года работал; потом - председателем, когда прежний на пенсию уходил... Так вот все и получилось!

Спортивный, подтянутый, быстрый в движениях, легкий на ногу - не идет, а бежит танцуя,- ему не дашь его лет: так, тридцать пять, не больше... И каждого собеседника - я проверил это на себе и отметил в заметках корреспондентов, которые писали о Варзуге и Заборщикове,- он пленяет своим энтузиазмом, своим оптимизмом, своими проектами, которые - что греха таить! - так смущают районное начальство.

Я бы сказал, что он не столько председатель, сколько партийный организатор, "вожак", как говорили когда-то, поднимающий людей и нацеливающий их на прекрасные, нужные дела. Нет у него еще такой острой хозяйственной сметки, интуитивного, мгновенного расчета,, как у того же Тимченко, осторожности и умения прикинуться простачком, немного туповатым, как то умеет чапомский Стрелков. Но ведь и видеть горизонты тоже не каждому дано, тоже от бога! И нужно такое качество именно здесь, среди поморов, привыкших, в общем-то, жить сегодняшним днем и сегодняшними заботами, как их настраивает районное руководство, обещая за завтрашний день взыскивать именно завтра, а то и послезавтра, но не сегодня. А что там и кто там завтра будет?

Заборщиков знакомит меня со своим другом, рыбинспектором Валентином Евгеньевичем Мошниковым, который теперь взял под свой неподкупный контроль всю Варзугу. Этот невысокий крепыш в форменке, со шкиперской рыжеватой бородкой, "капитан", как я его про себя называю, и Заборщиков - два "прожектёра", по определению председателя райисполкома, два энтузиаста-идеалиста - твердо приняли как аксиому, что не хлебом единым жив и должен жить человек.

Есть в них какая-то наивность, идущая от идеализма героических комсомольских лет двадцатых и тридцатых годов, непонимаемая окружающими, которые пытаются отыскать хоть самомалейшую корысть в их поступках, чтобы сказать себе: "Ага,

вот оно что! Ну, тогда ладно..."

Нет, не даются своекорыстному пониманию эти люди, и мне интересно слушать их рассказы о том, чем богаты их родные места, какие промыслы можно наладить в Варзуге и Кузомени, как и на чем будет расти сельская интеллигенция, которой так остро не хватает в селе, а вместе с тем - как поднимать дальше хозяйство, чтобы "Всходы коммунизма" окрепли и наконец всколосились полноценным, литым зерном.

Их все беспокоит: развитие колхозного стада, проекты залужения кузоменских песков с помощью торфяной крошки, травосмеси и песчаного волосинца - жесткой высокой травы с колоском наверху, пронзающей своими разветвленными и длинными корнями песок. Они всерьез переживают и за гибнущую церковь Успения, которая сейчас высится перед нами на противоположном берегу реки, освещенная полуночным солнцем - с ободранной обшивкой, обнажившей начинающие гнить венцы основного сруба, с разоренным иконостасом, часть икон которого оказалась потеряна при реставрации в Москве, хотя именно при мне пятнадцать лет назад произошло здесь торжественное открытие первого колхозного музея древнерусского искусства, первого на всем Беломорье, да, наверное, и единственного...

Где он, этот музей? Не потому ли - беспокоятся друзья, не получающие ответа ни из Мурманска, ни от реставраторов,- глядя на это разрушение колхозного музея вышестоящими организациями, варзужане равнодушно машут рукой, уверяя, что вот-вот и самой Варзуги скоро не станет, свезут ее в Умбу или еще куда, никому до нее теперь нет дела...

Получается, что у "прожектёров" взгляд оказывается острее и тоньше, чем у тех, кто пытается навязать им свое мнение. И судьба Кузомени беспокоит их, потому что знают, испытали: можно стронуть человека, можно его перевезти, переселить, но когда потребуется вернуть его на прежнее место, ты хоть дом ему новый построй и подари - не пойдет он снова, не станет поднимать разоренное пепелище, потому что никогда не может зарасти рана, нанесенная в сердце небрежением к его земле...

И снова я обнаруживаю здесь то, что коренным образом отличает Берег и его людей от колхозников Мурманского побережья. Неисчезающее чувство привязанности к родной земле, ощущение себя ее частью, грубоватая нежность к отчему дому, которую поморы таят под внешним безразличием и характерным для них немногословием.

Вот и с межхозяйственной кооперацией так же, она тоже может служить своеобразным индикатором. В мурманских

колхозах к ней отнеслись с прохладцей, на производственный процесс она почти не повлияла: молоко и мясо там и так забирает Мурманск, полеводство и овощеводство развито слабо, основа жизни - океанский лов. Здесь, на Берегу, совсем иное дело. Здесь она открыла новую перспективу, родила новые надежды.

- С кооперацией у меня и единомышленники появились,- говорит, улыбаясь, Заборщиков.- То мы все вдвоем с Валентином, остальные только и ждут, когда все прахом пойдет, а теперь уже кое-кто призадумался. Кто поумней - те за кооперацию, они и детей готовы привлечь себе на подмогу, хотя бы потому, что в колхозе те найдут лучший заработок, лучшие условия труда, чем им предложит город. Таков единственно возможный путь перестройки наших сел. У рыбаков заработки летом хорошие? Значит, надо их зимним ловом еще увлечь! А вот о механизаторах думать надо. Оплата у них низкая, а ведь именно они должны стать основой развития всего нашего производства...

В Варзуге, как и везде, натыкаешься на порочный круг: нужны люди - нет жилья. Чтобы строить, нужны рабочие руки, а их не хватает даже на основное производство; чтобы были руки - нужно жилье. И детский сад. И школа, которую грозятся вот-вот закрыть. Так что же, всех детей сразу в Умбу? Кто тогда сюда поедет?

Заборщиков горячится, и за этой горячностью я ощущаю острую боль и его беспокойство за будущее Варзуги:

- Специально вчера на пленуме райкома выступал, говорил, что у людей должна быть уверенность в завтрашнем дне, что будет здесь жизнь. А то на бюро сказали, что школу закроют,- и люди сейчас же стали думать, куда им уезжать. Они уже не работники, им интересы хозяйства, как говорят теперь, "до лам почки"... А что мы можем сделать? Опровергать бюро? Поэтому большинство и к кооперации так относится, не верят в ее стабильность. Беда еще вот в чем. Договор мы с партнером заключили, продукцию определили, что строить - записали. Но никто не посчитал - а выгодно ли это? Сколько чего действительно нужно? Кто считал кормовую базу? Кто считал затраты труда? Кто считал обработку и реализацию продукции? Да никто! И я, председатель, не знаю, что у меня есть и как это выгод нее использовать. Может быть, свинарник, к примеру, выгоднее строить не на двести голов, а на сто восемьдесят, а коровник не на сто, а на все триста пятьдесят? А где забивать? К Тимченко в Минькино везти? Стало быть, в Умбе надо забойный пункт строить, но об этом никто не думает...

Заборщиков, первый из председателей, затронул один из главнейших вопросов производства, на который мне не могли ответить нигде - ни в хозяйствах, ни в рыбакколхозсоюзе, ни в

"Севрыбе". Что надо, в каком количестве, для чего, куда? Абсолютно неизвестно. А решения принимаются, берутся обязательства, определяются цифры... Сколько мы говорим в последнее время о культуре производства, о себестоимости и хозрасчете, о стратегии хозяйствования, однако все продолжаем делать по наитию, на авось, беря и ставя в графу важнейших, по сути дела государственных документов цифры, что называется, взятые "с потолка": вот так как-то подумалось почему-то...

Считать надо, считать! Все. Досконально. И - пересчитывать, чтобы не делать по многу раз без толку одну и ту же работу, не занимать людей ношением воды в решете и перевеиванием мякины.

И хочется подчеркнуть, что первым об этом заговорил не Тимченко, не Стрелков, а Заборщиков, "прожектёр", хорошо понимающий, что почем...

- И так - чуть ли не каждый вопрос. А ведь это не просто хозяйство, это межхозяйственная кооперация! - продолжает развивать свою мысль председатель.- Говорите, в холодильнике рыбного порта наше мясо лежит? И будет лежать, пока не придумают, как его продавать людям. Продовольственная программа - это очень здорово. Но едва мы взялись за ее воплощение, как оказалось, что все колхозное строительство у нас ни к черту не годно, все надо делать заново. Все! Сразу! Нам говорят: вот вы то-то не сделали... А можно ли делать новое дело с разваливающимся старьем? Со старыми производственными отношениями? Начинать надо с капитального строительства, с новых людей, с новых условий труда... А мы здесь крутимся по старинке. Что может сделать один председатель колхоза, хоть он разорвись? Да ничего! Во-первых, он не может быть специалистом по всем вопросам; во-вторых, его задача - быть организатором производства, а не консультантом по охране труда, пожарной безопасности, капитальному строительству, маломерному флоту, сельскому хозяйству и так далее...

С председателем и "капитаном" мы засиживаемся в тот вечер допоздна. Подсчитываем, что нужно "Всходам коммунизма" от партнеров, что - от государственных организаций, что - от района, который до сих пор остается в стороне от кооперации, полагая, что все это - дело "Севрыбы".

Определяя будущее колхоза, мы исчисляем имеющиеся кормовые угодья, перспективу поднятия заброшенных сенокосов возле Кузомени и на Кице, притоке Варзуги, на речных островах, возможности залужения и облесения "великой кузоменской пустыни", на краю которой в начале лета с помощью курсантов мореходки высадили тридцать тысяч саженцев сосны. Плюсуем

сюда развитие племенного дела, которое само просится в руки, увеличение поголовья табуна на вольном выпасе у моря, развитие всевозможных народных промыслов - поделочного камня, жемчужного шитья, выделку оленьих шкур, дальнейшее развитие озерного рыболовства и много всего другого, что может расцвести и пойти в рост только вот в таком старинном поморском селе, далеко пустившем свои корни в окружающие его колхозные земли. Все то, что в таких крупных промышленных и все же односторонне направленных хозяйствах, как "Энергия", "Ударник", имени XXI съезда, может возникнуть разве что для устроения судьбы одного-двух человек, но лежит в стороне от главной дороги их дальнейшего развития.

Вот и получается, что на Терском берегу не только все иное, но к нему и иной подход должен быть! А на самом деле?

6.

- ...Мы упустили народ, упустили коренного местного жителя, упустили главные наши промыслы - рыболовство и оленеводство. Сейчас первоочередная задача - как-то оставшийся народ закрепить, чтобы с ним начать новое строительство. Убедить его, что это всерьез и надолго. И тут главное для нас препятствие - психология местного населения, которое считает, что все это должен кто-то для них сделать. Все им построй, все им привези! Создай, короче говоря, все условия... А кто создаст условия? Они сами и должны эти условия создавать для своей жизни и работы. Такие иждивенческие настроения искоренять надо...

Михаил Александрович Шитарев, нынешний председатель исполкома Терского района, говорит это убежденно, выкладывая слова, как споро кладут кирпич мастера-каменщики. Он прилетел в Чапому следом за мной, сразу же после пленума райкома, чтобы посмотреть, как идет межколхозная стройка, раз ею заинтересовался московский писатель, как проходит косовица, много ли сделано, а заодно и по каким-то своим партийно-советским делам, которыми он озабочен больше, чем делами колхоза.

Шитарев поселился в соседнем со мной номере строящейся гостиницы, так же просыпается от топота "носорогов" и потому вполне может оценить качество работы шабашников и степень контроля со стороны подрядчика. Все, что здесь построено, его не радует. По его словам - а он все-таки инженер-механик,- ферма строится плохо, электростанция сляпана кое-как, и даже цех, основа основ будущего производства, уже сейчас требует серьезных исправлений и переделок.

Что же будет дальше?

Председатель райисполкома сердится на шабашников, на Стрелкова, который, по его словам, должен был добиться права контролировать эту стройку, на чапомлян, равнодушно проходящих мимо беспорядка и мусора на строительных площадках, мимо ржавеющих на берегу под открытым небом механизмов, мокнущих в реке вязок брусьев для жилых домиков, наконец, сердит на председателя Чапомского сельсовета, пенсионера-ветерана из Николаева, который за три года работы так и не нашел свое место в жизни села и колхоза, бесконечно конфликтует со Стрелковым по мелочам.

К сожалению, такие конфликты что-то в последнее время участились. Председателей сельских Советов, как я заметил, ставят не местных, и они плохо приживаются в селах.

- Видите ли,- поясняет мне Шитарев, когда я спрашиваю его об этом,- к сожалению, так оно и есть. Мы дожили до того, что при выдвижении человека на работу в сельский Совет вынуждены подходить к нему с меркой имеющегося у него образования, а не с меркой уровня его мышления. Высшее образование, партийный и комсомольский стаж какой-никакой - все, годен, иди работай! А потом оказывается, что чело веком движет любовь не к работе, а к власти. Все председатели сельсоветов хотят руководить: быть по-моему! А какой из тебя руководитель? Хочешь руководить - ну и иди в председатели колхоза, руководи, посмотри, что из этого получится... Так нет, пусть председатель свой воз тянет, а я его погонять, руководить им буду! Ну и получается, что председатель послушает-послушает, потом ему надоест, и он уже все специально наоборот начинает делать: дескать, ах, вы там решили?..

- Вот и в Варзуге мне говорили...

- Ив Варзуге тоже. Нужно было найти помещение под телевидение, которое у них уже этой зимой будет. А с жилым фондом у них сами знаете как. Заборщиков приглядел старую баню в Кузомени - давно стоит без дела, от интерната осталась. Разобрали и перевезли. А председатель сельсовета, молодая женщина, в амбицию: как так? Баня на балансе сельсовета! Она тысячу рублей стоит! Платите или давайте взамен сорок кубометров дров! И - с жалобой в район... Ей бы радоваться надо, что баня вместо дров еще служить будет, через год ее все равно списать бы пришлось. Она сама ее должна была предложить, потому что телевидение на Терском берегу сейчас - самый мощный козырь советской власти в борьбе за народ, за молодежь... А ей показалось, что ее власть умалили. Вот и конфликт!

- В чем же причина, Михаил Александрович? - Я нарочно задаю этот вопрос, потому что хочу именно от председателя райисполкома услышать подтверждение своим мыслям... или их опровержение. Но он отвечает то, что я и ожидал услышать...

- Председатель сельского Совета часто не понимает, для чего он существует. Задача сельского Совета, его председателя, как представителя советской власти на селе,- ор-га-ни-зо-вы-вать жизнь села, направлять ее в соответствии с хозяйственной деятельностью колхоза. Сельский Совет и его председатель должны быть помощниками колхоза, а не эдакой архитектурной надстройкой над ним, как им часто представляется. Да и как он может руководить, если за каждой щепкой, за каждой гайкой, за каждой копейкой должен обращаться к председателю колхоза?

Шитарев нравится мне своей открытостью, энергичностью,

тем, что не спорит, не пытается меня переубедить, хотя во многих оценках мы с ним не сходимся. Но и не соглашается. Дескать, оба мы мужики опытные, слов на ветер не бросаем, если что-то считаем, значит, есть на то основание, а уж кто окажется прав - потом увидим.

Конечно, подкупает в нем и этот критицизм, прямой взгляд на положение вещей, нетерпимость к бесхозяйственности, разболтанности, готовность принять вину на себя... Да только, если разобраться, кто виноват в том, что дела в Чапоме идут не так, как хотелось бы? Он, Шитарев, и виноват. Все то, о чем он мне говорит, вся его критика Стрелкова, строительства зверобойки, фермы, конфликты председателей сельских Советов с председателями колхозов - все это его епархия, его ведомство. Мог бы и раньше приехать, чтобы вмешаться, навести порядок. Так что все те положительные качества, которые так подкупают при первом общении, та прямота и резкость, с которой он обрушивается на недостатки, сильно смахивает на хорошо поставленную актерскую игру. Он не двуличен, ни в коем случае. Но эта прямота, эта критика - сиюминутны. Ведь это он заявлял, что осенью школа в Варзуге будет закрыта, потому что мало учеников; это он должен был предусмотреть возможность конфликта, выдвигая и утверждая кандидатуры на посты председателей сельских Советов...

Многое он мог бы сделать и не дожидаясь моего сюда приезда!

И все же он мне нравится, как нравился и его далекий предшественник на этом посту, с которым мы и рыбу ловили, и по селам ездили, и до хрипоты спорили о том, как относиться к поморским селам, пока наши пути не разошлись. Я не думаю, что оказаться у Шитарева в подчинении такая уж радость. В нем чувствуется жесткость и крепкая хватка. Если он сочтет нужным - а, пожалуй, он все, что решает, считает нужным,- то заставит человека выполнить свое решение. Но за всем тем мне кажется, что он доброжелателен к людям и терпелив. Два эти достоинства не часто встречаются у руководителей даже районного масштаба, и хочется надеяться, что нынешний председатель райисполкома при своем восхождении вверх не скоро растеряет эти столь нужные для его работы качества.

Впрочем, все это пока слова, "в деле" я его еще не видел...

Не случайно я интересуюсь мнением Шитарева о роли председателя сельского Совета. В своих поездках по стране я не раз убеждался, как часто возникает конфликтная ситуация "треугольника" - председатель колхоза, парторг, председатель сельсовета. Каждый - власть, но на производстве, как в армии,

должно существовать единоначалие. А кто верх возьмет?

В Чапоме все трое - работящие, хорошие люди. Но двое из них не могут понять, что идут пристяжными с председателем колхоза, на которого ложится и основная тяжесть работы, и главная ответственность за людей и хозяйство.

Пожалуй, в решении этой проблемы - один из самых острых вопросов современной хозяйственной перестройки, нуждающейся в том, чтобы партийные органы направляли и помогали руководителям хозяйств и предприятий, а не подменяли их, вторгаясь в экономику своими, часто скоропалительными и просто непродуманными советами. Советская власть - это устройство быта и правовые вопросы общества; партийные органы - идеологическая работа, а вместе они должны подкреплять и поддерживать развитие общества в целом, основанное на развитии его экономики.

Шитарев соглашается со мной и замечает, что Терский райком тоже вроде бы начал переориентироваться, хотя тяга к мелочной опеке председателей колхозов, к излишне частым звонкам, вызовам в район без особой на то нужды еще сохранилась.

- Думаю, что в ближайшее время мы стабилизируем руководство наших сельских Советов,- говорит он, продолжая развивать свою мысль.- В первую очередь - в Чапоме. Для Варзуги надо подобрать кандидатуру из местных. А сюда скоро приедет москвич, в море он сейчас, пошел помполитом. Был секретарем парторганизации, работал в системе местных Советов, а по специальности - инженер-механик. Он первый колхозу на помощь придет, а потому и колхоз ему навстречу пойдет, это их сблизит. Единственное условие поставил: не навек я в эту Чапому поеду! И я согласился: не навек, года на три-четыре. За это время и смену себе подготовит...

Что ж, если двое будут вместе, то о третьем и вопроса не встанет.

Секретарь партийной организации колхоза "Волна", Зоя Вениаминовна Хромцова, человек в колхозе незаменимый, авторитет у нее большой, я знаю ее столько же лет, сколько Стрелкова. На ней клуб, библиотека, она постоянно ведет пропагандистскую работу, и относятся к ней односельчане с неизменным уважением. Но в замкнутом коллективе, каким является небольшое поморское село, где ничего нельзя скрыть от односельчан, где все всё друг о друге знают, поневоле возникают срывы. Нужна какая-то встряска, и тут два сильных характера сходятся на миг, как клинки в сабельной сече.

Вот и нужен бывает порой третий, чтобы вовремя прозвучал

судейский свисток, разводящий зарвавшихся коренного и пристяжную...

Одно только мне не понравилось в словах Шитарева. Три-четыре года - срок небольшой. Опять чужой, опять временный человек, который на свое пребывание в Чапоме будет смотреть как на отдых в экзотической обстановке; опять это "варяг", поставленный сверху, очередная заплата на Тришкином кафтане... Нет, это не выход!

...Мы ходим по угору, где сегодня еле теплится стройка - большинство шабашников уехало вчера с пароходом,- спускаемся на берег к цеху, радуемся наконец-то установившейся хорошей погоде, по причине которой Чапома сегодня обезлюдела, выплеснувшись всеми семьями на косовицу, и прислушиваемся, не раздастся ли далекий гул самолета.

Терский берег сегодня открыт в любой конец - лети хоть в Чапому, хоть в Умбу, хоть в Чаваньгу, куда я вез из Варзуги, от Заборщикова, косы для Егорова, но из-за ветра с моря вынужден был сбросить их в Тетрино. Однако самолеты сюда идут из Мурманска, а между Берегом и Мурманском, по слухам, стоит грозовой фронт, срывающий все рейсы. Так здесь бывает часто. Летчики шутят - несовпадение погоды по фазе, а Шитарев сетует, что не отправился в Умбу на пароходе вместе с шабашниками, решив выгадать еще один день для Чапомы. Ну, теперь хорошо, если задержка обойдется двумя или тремя днями!

Председатель райисполкома рассказывает об утренней встрече.

Пошел на реку умываться,- в гостинице воды нет. Встретил молодую доярку, Аню Хромцову: оказывается, она уезжает учиться на мастера машинного доения. Похвалил. Сказал, чтобы домой возвращалась после учебы. А тут ее мать - мол, что ей здесь делать? Как что, работать! Вот и будет работать, когда здесь условия для жизни и для работы будут... Тьфу ты пропасть! И так везде: то пекаря им привези, то председателя сельсовета, то ясли, то детский сад...

- Видимо, мы сами - партийные и советские органы - настолько пошли у них на поводу, настолько привыкли делать им разного рода уступки, подачки, что теперь они с нами и разговаривать не хотят, если мы не с подарками к ним приезжаем, очередные льготы не привозим...

Шитарев подчеркивает голосом "им", "они", и я понимаю, что речь идет о поморах, об их "инертности", "иждивенчестве", о чем постоянно заводит разговор председатель райисполкома. Вот это уже зря, Михаил Александрович! Возмущение ваше искреннее, я вам верю, да только кто же сделал поморов такими? Кто их

приучал десятилетиями жить по указке сверху, по принципу "шаг вправо, шаг влево - стреляю..."? Кто довел их до такой мелочной опеки, что они сами себя дураками считать готовы? Долго, тяжело ломался поморский характер, и все же доломали его вконец. А когда потребовалась инициатива, когда подули другие ветры,- глядь, уже и поздно, не докличешься, от прежних окриков глухота укоренилась...

Даже Стрелков вчера пожаловался, когда оленеводы разошлись:

- Видишь ты, дело какое,- не решают они. Созовешь их на собрание, объяснишь вопрос - ясно ли? Ясно вроде... Ну, так высказывайтесь, говорите, что по этому делу думаете, как поступать будем? Сидят, молчат... Хоть ты что с ними делай, не хотят говорить! И откуда у них такое, никак не пойму! Побьешься, побьешься с ними, поставишь на голосование, что сам придумал, проголосуют все, пойдут к выходу, а между собой: председатель решил... Как председатель? Чего же вы молчали? Чего голосовали, ежели не согласны? Или так уж привыкли: что ни говори, раз сверху тебе указание спустили - ничего против не сделаешь... Я порой и сам за собой замечать стал: раньше бился, раньше мне все было надо, заводился на любое дело, а теперь иногда махнешь рукой - а, как ни то минует...

Тогда я посмеялся, что в этой инертности поморов сказывается традиционная дисциплина на рыбацком промысле в море, где все решало первое и последнее слово кормщика, атамана. Он думает, он ответ перед Богом и миром держит, ему подчинены жизни и "животы" ватаги... Но здесь, особенно с кооперацией, все куда сложнее. И чтобы объяснить Шитареву на примере, я рассказываю ему о встрече на Трухинской тоне вблизи Кузомени, где я ночевал, дожидаясь возвращения варзугского председателя с пленума райкома.

Бригадиром на тоне сидел Виктор Семенович Чунин. Я его смутно помнил по прежним моим приездам, лучше знал его брата, Андрея. Он же меня, конечно, давно позабыл - столько за эти годы проезжало через Варзугу и по Берегу стороннего люда, в том числе и пишущего, что упомнить всех было невозможно.

Рыба не шла. Белая летняя ночь уже посерела сумерками. Вокруг избы с радостным топотом временами проносился нагулявшийся, соскучившийся по человеку варзугский табун, который Заборщиков хотел поставить в основу племенного завода для всего здешнего края. Так что обстоятельства сами располагали к разговору. Кроме Чунина, в избе был еще один пожилой рыбак и двое парней, от двадцати до двадцати пяти лет, не мешавшиеся в беседу поначалу, но внимательно ее слушавшие.

Странно было вести разговор, который невольно отбросил меня на пятнадцать-шестнадцать лет назад - так все было похоже. Только говорил я с рыбаками не на этой, а на соседней тоне. Но так же сгущались сумерки, так же шумело и шипело на коргах уходящее на отлив море, так же кричали редкие чайки, только табунка не было. Ну и теперь в разговоре нет-нет да проскальзывало слово "кооперация".

Рыбаки соглашались, что сейгод неплохо шла селедка, сетовали, что не дали им перевыполнить план, взяли бы больше. А вот семга совсем не идет, одна надежда на осень, иначе весь колхоз в пролове окажется. Совсем сенокос замучил: отсюда приходится каждый день бегать на Варзугу за восемь-десять километров, на острова, потому как в колхозе совсем людей не стало, а те, которых присылает рыбный порт, косцы никакие, лучше бы их и совсем не было... Работоспособных в колхозе скоро совсем не останется. В Кузомени все позакрыто, а там свинарник строят. Кто же в нем работать станет? Вот и животноводство заставляют развивать, а ухаживать за коровами некому, молодежь не хочет и правильно делает, все теперь под откос давно уже идет... Правда, люди приезжают, хотят работать в колхозе, но не остаются - жилья нет. Покупать сборные дома за двадцать тысяч - так у кого такие деньги есть? Своими силами строить - нужны плотники, нужны рабочие руки, а тут каждый год одна и та же мука: тысячи кубометров дров надо на колхоз заготовить, все в лесу пропадаем... Колхоз рыболовецкий, он и должен заниматься только ловлей рыбы, а не всякой там кооперацией и сельским хозяйством...

- А чем плоха кооперация? - поинтересовался я у рыбаков.

- Она, может, сама по себе кооперация и не плоха - вроде и строить начали, и убытки наши предприятия на себя взяли, и закупают у нас продукцию... Так ведь это сейчас, когда в магазинах в Мурманске ничего нет! А потом? Вот стало мясо появляться, молоко, яйца - кому будет нужно отсюда возить, да еще с таки ми расходами? А мы схватились, обрадовались, бросились сельское хозяйство развивать... Разовьем - и опять себе в убыток? Нет, мы на это хозяйство насмотрелись за свою жизнь! С рыбой дело вернее, рыба всегда приносить доход будет, и кроме как нам ловить ее здесь некому...

Молодые парни, когда я обратился к ним, тоже поддержали рыбаков. По их словам, очень уж тяжело разрываться между рыбой и сенокосом: каждый день туда - обратно два десятка километров набегает, а между ними не лежишь - работаешь косой, сколько сил есть. Поэтому они тоже за то, чтобы колхоз был специализированный, исключительно рыболовецкий, а

сельское хозяйство так, в качестве подсобного, чтобы было в деревне всегда свое мясо, масло и молоко.

- Ну, а если одну рыбу оставить, эти тони по берегу да Колониху,- хватит средств, чтобы от одной семги колхоз поднять? Чтобы привлечь людей, построить дома, провести телевидение, держать школу-десятилетку, детский сад, провести водопровод? Да и самих вас удовлетворит жизнь и работа на такой тоне, на которой вы сейчас сидите,- без электричества, среди песков? Наконец, без дорог, так что даже в районный центр надо лететь или ждать отлива?..

Вопросами своими я расшевелил рыбаков. Оказалось, что теперешняя жизнь их не устраивает, им нужна "культура" - современные профессии, дороги, дома с удобствами, телевидение, дом культуры с кинозалом и кружками, спортивные секции... И все это, они считали, кто-то должен был для них сделать, как бы в компенсацию за то, что они не уехали из родного села, а согласились в нем остаться. Так сказать, "джентльменское соглашение": мы соглашаемся на работу в теперешних условиях, а вы нам эти условия изменяйте! На первый взгляд, логика в их рассуждениях была, только логика не хозяина, а слуги, раба, наемного рабочего, привыкшего трудиться "на дядю": мы вам - свой труд, а вы нам - оплату и условия. Молодые колхозники, окончившие десятилетку, не понимали, что "дяди" нет и, пока они не осознают, что сами они и есть хозяева этой земли, этих вод и лесов, этой рыбы, ничего в их жизни не изменится. По-прежнему кто-то сверху будет спускать нереальные планы, за них будут думать совсем не так, как им хотелось бы... И все потому, что они плохо представляют себе, как складывается бюджет колхоза, как распределяются деньги, что нужно для того, чтобы не они существовали для хозяйства, а само это хозяйство обеспечивало их жизнь, их быт, их культурные и материальные потребности...

Выражаясь языком политэкономии, сознанием своим эти молодые колхозники еще не доросли до товарно-денежных отношений со всеми привходящими сюда обстоятельствами. Они жили представлениями еще полунатурального хозяйства и обмена, рассматривая деньги не как регулятор общественного производства, а как некий дар божий, своего рода "паек", выдаваемый каждому для поддержания его сегодняшней жизни и определяемый оценкой по поведению, а не качеством и количеством произведенного продукта и вложенного в него труда.

В их сознании не выстраивалась причинно-следственная цепочка "труд - оплата - вложение средств - изменение облика и

содержания жизни", как то происходит у человека, определившего свое место в обществе, знающего, для чего он живет и трудится. Не дальняя перспектива - всего лишь удовлетворение сиюминутных желаний. Может быть, это было тоже следствием интернатской жизни, где от них требовали лишь дисциплину и успеваемость - все остальное приходило к ним как бы вознаграждением за послушание...

- Ну и что вы на это скажете? - спросил меня заинтересованно Шитарев, когда я рассказал ему о встрече на тоне и выразил удивление и тревогу по поводу подобной инфантильности молодых колхозников.

- Сказать можно многое, Михаил Александрович,- ответил я ему.- И о "моральной усталости" поморов, которым сельское хозяйство в печенку въелось за полсотни лет: не верят они в него. И о справедливых опасениях - а что будет, когда перестанут требовать с промышленных предприятий развитие сельскохозяйственной деятельности и призовут их заниматься своим прямым делом? И о том, как сейчас это направление в колхозах развивать, чтобы в любых условиях, при любых направлениях общей хозяйственной политики страны оно оставалось высокодоходным... Ведь вот вынуждены были по всей области колхозы птицефермы ликвидировать - какое уж тут развитие! Но главный мой вывод - что во всем этом вы же, районное руководство, и виноваты!

- Это почему же? - Председатель райисполкома несколько опешил.

- В первую очередь потому, что сами вы заняли роль наблюдателей по отношению к кооперации и подъему колхозов; критиковать критикуете, но не вмешиваетесь,- дескать, это не наше дело, пускай рыбакколхозсоюз и "Севрыба" с этим возятся! Разве не так?

- Ну, в какой-то степени...

- Вот-вот. Все всегда происходит "в какой-то степени", а между тем отражается на всем. Вы сейчас занимаете позицию, которую уже давно заняли колхозники: нам, дескать, сверху указания спускают, нашего мнения не спрашивают, а если спрашивают, то лишь для фор мы; того, что нам нужно, что просим,- не дают... Стало быть, все это не для нас, не наше! Так пусть и делают все это те, кто придумал, нам-то это уже ни к чему... Разве не так? А теперь давайте по смотрим, что получилось в результате такой позиции...

И я стал перечислять и приводить примеры, которых у меня много набралось за поездку.

Первое, что бросилось в глаза, когда по приглашению

"Севрыбы" я попытался разобраться в сложившейся на Терском берегу ситуации,- это отсутствие какой-либо развернутой кампании в областных и районных газетах - даже в ведомственных, рыбацких. За три первых года в них было опубликовано не более десятка статей и заметок, рассказывавших, что должны сделать предприятия "Севрыбы" для рыболовецких колхозов в течение пятилетки - то-то там-то построить, столько-то десятков и сотен тысяч рублей "вложить", накосить столько-то сена и получить такое-то количество продукции.

Ну, а для чего все это задумано?

Получалось, для этих самых цифр, которые надо "вложить", "получить", "освоить". Не для людей! Да к людям и не обращались - их просто ставили в известность, что то-то будет сделано, а для чего - догадывайтесь сами.

Не было ни лекций, ни статей, раскрывающих положение дел и суть планируемых преобразований, их экономический и социальный итог, касающийся всех без исключения жителей Мурманской области и уж, конечно, всего Терского района. Партийные и советские организации остались в стороне от начинания "Севрыбы" - и в стороне остались поморы, в интересах которых все и было задумано. Так что же с них спрашивать? Ведь вот и работники промышленных предприятий, приезжающие в колхоз на косовицу, совершенно уверены, что заготавливают сено не для своих подсобных коров, а оказывают благодеяние колхозу, который за это должен их на руках носить. Здесь, в Чапоме, не выполнив и половины работы, они вернулись в село и стали требовать у Стрелкова денег на обратный путь, питания, ночлега и еще чего-то. Командированные были очень удивлены, когда в разгаре буйной перебранки я вмешался и объяснил им, что никакие они не "шефы", что работают для своего предприятия и на себя, поэтому должны быть благодарны колхозу и лично его председателю, что тот выслушивает весь их выпендрёж, не отправляя по адресу, который указало для этого в телефонном разговоре их непосредственное начальство,- к такой-то матери пешком до Мурманска, если они пропили все полученные деньги, после чего все они будут уволены за прогул и пьянку...

Парни были растеряны и могли только смущенно пробормотать, что "они не знали".

Так что же спрашивать с колхозников?

- А с кого? - уже заинтересованно спросил Шитарев.

- С вас, с районных руководителей,- ответил я ему.- Есть ли у вас в газете рубрика "Каким ты хочешь видеть свой край?" Эта тема должна стать обязательной темой школьных сочинений,

пионерских сборов, комсомольских собраний и конференций, на которых перед ребятами выступали бы люди, создающие своей работой это самое будущее, рассказывающие не только что, но и почему они это делают, способные показать школьникам, что ждут от них. В любом, особенно в таком ответственном начинании необходима гласность. Вы хотите, чтобы молодежь осталась в селе? Но, закрывая в селах школы, переводя детей в интернат, даже в самые прекрасные условия, разве вы не обесцениваете этим труд их отцов и матерей, который начинает им представляться "грязным", "тяжелым", "бессмысленным"? А разве тема родного села, колхоза хоть раз прозвучала за пионерское лето в вашем районе? Разве идет в вашем районе борьба за умы и души людей? Разве вы пытаетесь переубедить тех же рыбаков? Пытаетесь - но только в приказном порядке, с ясно слышимым для них знакомым окриком "не рассуждать!". Вы - в том числе и вы сами, Михаил Александрович,- возлагаете перевоспитание матерей, той же Ани Хромцовой, отправляющей дочь в город, не на партийную организацию, а на того же председателя колхоза, хотя прекрасно знаете, что ни Стрелкову, ни Заборщикову нет времени заниматься воспитанием колхозников, дай им бог решить все хозяйственные вопросы. Тут уж вы сами путаете функцию председателя с функцией партийного вожака...

- Точно, оплошал! - радостно расхохотался Шитарев и сразу же посерьезнел.- Вы, конечно, правы, но и нас понять надо. Пока нам не будет команды сверху, из обкома...

- Значит, тоже иждивенческие настроения? Чтобы кто-то, какой-то дядя за вас подумал?

- Нет, это уже субординация, партийная дисциплина, без которой нам нельзя. Вперед батьки, как говорят, головой не рискуй!...

7.

Вечер, ничем здесь не отличающийся от полдня. Чапома тиха - никто еще не вернулся с покоса, благо вечернее солнце стоит высоко. Сижу в номере "носорожьей" гостиницы, пытаясь сформулировать свои впечатления за эти дни от Чапомы и от Берега. Только что заходил Стрелков, сообщил, что вроде бы из Мурманска должен быть самолет - не рейсовый, через Кировск на Умбу и дальше сюда по берегу, а грузовой, промразведки, прямо в Чапому, минуя сдвинувшийся к западу грозовой фронт. Он привезет новую бригаду косцов взамен уехавшей вчера на "Соловках" в Кандалакшу, а обратным рейсом возьмет творог, сливки и, в качестве сопровождения,- меня. Так что председателю райисполкома придется опять ночевать в Чапоме...

Итак, Берег.

Или - люди?

Проблема Берега - проблема его людей, а судьба каждого живущего здесь человека оказывается в зависимости от судьбы его села, его колхоза. Как на корабле. Только если такой корабль пойдет ко дну, много судеб человеческих он за собой потянет. Есть работа, есть гарантированность, есть все условия для жизни и перспектива впереди - значит, корабль на плаву, машины работают не вхолостую, пробоины ликвидированы, пустого балласта нет, на мачте поднят сигнал "иду с тралом"...

Вот с этих позиций и надо посмотреть - что изменилось? Что дала кооперация колхозам Берега? Или правы те, кто относится к ней с недоверием и холодком?

Начнем с основ, с той самой экологии хозяйства, к которой я шел все эти дни. Изменилась ли за это время природа края - его климат, качество и количество земельных угодий, растительный и животный мир? Нет, все осталось прежним. Стало быть, требования к хозяйству человека окружающая его природная среда предъявляет те же, что сто, тысячу и пять тысяч лет назад. По-прежнему природа дает возможность помору промышлять у берега морскую рыбу, в первую очередь семгу, заниматься озерным ловом, разводить оленей.

Это - оптимальные, главные здесь направления хозяйства, проверенные веками. Они требуют сравнительно небольших капиталовложений, не такого уж большого количества рабочих рук, позволяют полностью и с максимальной выгодой реализовать полученную продукцию в кратчайшие сроки и в любых погодных условиях. Больше того, цены на все продукты оленеводства, вплоть до рогов, как и на высокоценные породы рыб - семгу,

кумжу, сига, хариус, беломорскую селедку,- на внутригосударственном и мировом рынке неизменно растут, и здесь вопрос только в том, чтобы соответственно им росли и закупочные цены, остающиеся на безобразно низком уровне.

Ну и, конечно же, давно надо покончить с посредниками, стоящими между рыбаками и государством в виде множества промежуточных организаций, съедающих львиную долю колхозного дохода. Чтобы колхоз продавал государству не сырье, а уже готовый продукт, прямо поступающий в торговую сеть. Для этого надо только передать колхозам находящиеся на их же территории рыбопункты, открыть цеха переработки морской продукции, как то сделано в рыболовецких колхозах Прибалтики...

То же самое и с оленями.

А вот когда это будет, можно согласиться, пожалуй, со старыми рыбаками, что колхоз не только должен заниматься одной рыбой и оленями, но при подобной специализации может благоденствовать и развиваться, не испытывая нужды в подсобных промыслах и притоке рабочих рук со стороны.

Теперь - сельское хозяйство, не только развитие, но и само существование которого в здешних условиях абсурдно при отсутствии вывоза и реализации продукции.

С точки зрения хозяйственной экологии за прошедшие годы здесь тоже ничего не изменилось. Себестоимость сельскохозяйственных продуктов, как и везде на Севере, очень высока, а отсутствие транспорта, регулярного рынка сбыта, трудности доставки делают мясомолочное производство и овощеводство на Берегу по-прежнему в высшей степени нерентабельным делом.

Значит, все осталось, как было? О бедственном положении колхозов Терского берега заговорили открыто, заинтересованно, начали искать меры, чтобы их поддержать, пока еще только меры ведомственные. План, родившийся в недрах рыбакколхозсоюза и "Севрыбы", хорош, стратегически правилен, но - сиюминутен, потому что исходил не .из экологических возможностей края, не из потребностей живших там людей, а из принципов развития хозяйства "вообще". Из того, что требовалось во что бы то ни стало выполнить постановление о создании "аграрных цехов" промышленных предприятий, любой ценой, пусть даже на вечных льдах, а для этого как раз подходили рыболовецкие колхозы, лишенные своего флота и привязанные к своим фермам.

Невольно вспомнился Тимченко, который первым разгадал опасность плана межхозяйственной кооперации и долго взвешивал все "за" и "против", прежде чем решил, что ему этот

план ничем не грозит; наоборот, еще удастся получить от партнеров изрядные капиталовложения, подкрепленные строительными материалами и рабочими руками. У Тимченко был флот, который давал основной доход колхозу, Мурманск под боком - и Кола! - куда без остатка уходили все излишки сельскохозяйственной продукции, так что увеличение стада, к тому же находящегося на балансе промышленного предприятия, ему было только выгодно.

Теперь посмотрим, что происходит на Берегу.

Главным здесь вроде бы должна стать зверобойка, а потому в Чапоме кооперация представала своей самой выигрышной стороной. На Терский берег наконец-то вступала долгожданная весна, обещающая плодородное лето. Впервые за сорок с лишним лет в рыболовецких колхозах перестали задавать бередящий душу вопрос - какими в этом году будут убытки по сельскому хозяйству? Не все еще продумано, отрегулировано, строительство и реконструкция ведутся кое-как, сроки не выдерживаются, но ответственность за все это несут уже не колхозы, а их партнеры по кооперации. Другими словами, колхозам дана легальная возможность освободиться почти полностью от убыточного сельского хозяйства, передав его государству в лице его промышленных предприятий.

Конечно, при внимательном рассмотрении это оказывается не хозяйственным решением, а "чистой воды благотворительностью за государственный счет", по словам Ю.С. Егорова. Но коли вышло постановление, что отныне "сапоги будет тачать пирожник, а пироги печь сапожник"^ то особенно размышлять не приходится, надо пытаться максимально использовать создавшуюся ситуацию.

Вопрос заключается в том, что за всем этим последует.

И тут я обнаруживаю, что оказался куда менее прозорлив, чем мои собеседники на Берегу.

В самом деле, долго ли просуществуют столь убыточные "аграрные цеха", продукцию которых к тому же не удается реализовать? Что будут делать предприятия с растущим количеством мяса, масла, творога и сметаны, если уже сейчас гораздо меньшие объемы не находят сбыта? Торговать на областном рынке? Ликвидировать фермы? Снова навязать их - уже в качестве "подарка" - колхозу?

С другой стороны, продажа ферм предприятиям только частично сняла убытки с колхоза. Собственно, доходы от этого никак не изменились, и теперь я с некоторой опаской думаю о планах Заборщикова, готового и впредь развивать сельское хозяйство в самом колхозе, не обеспечив его сбытом и

переработкой на месте. Вот и получается, что ничего как следует не продумано, не подсчитано, не спланировано на будущее! И неясно, что же будет с самим колхозом, даже если ему вышло некоторое "полегчание", если не развивать экологически проверенные отрасли хозяйства, на которых специализировались поморы?

Больше того. Если внимательно приглядеться, окажется, что с колхозов кооперация сняла только конечные убытки по реализации продуктов, сделав отрасль доходной. Все остальное висит тяжелыми гирями на хозяйствах, по-прежнему забирая людей на сенокос в разгар путины, по-прежнему занимая необходимые руки в полеводстве и в животноводстве...

Остается, стало быть, одна только зверобойная база в Чапоме. Она позволит каждый год, пока гренландские тюлени заходят в Белое море, "оттяпывать" у природы солидный куш за очень короткое время. Самостоятельно построить такую базу без помощи промышленных партнеров колхозы Терского берега не могли - им негде было купить "лимиты", которыми партнеры под нажимом Каргина вынуждены делиться с ними, часто в ущерб себе. Это и явилось главной помощью колхозам, в которой те предельно нуждались и чего не могли им дать никакие миллионы рублей, обозначенные на "их" счетах в Госбанке.

И все же - почему для рыболовецких колхозов Терского берега кооперация нужна как воздух, без нее они пойдут ко дну, а для колхозов Мурманского берега что она есть, что ее нет - почти безразлично? В чем принципиальная разница между двумя этими группами хозяйств? Только ли в том, что "Ударник", "Северная звезда" и "Энергия" существуют под боком областного центра и у них никогда не вставал вопрос о том, куда и как сбывать свою продукцию? А Териберка? Она-то с городом не связана!

Если же смотреть по себестоимости, то во всех колхозах сельское хозяйство оказывается одинаково убыточным.

Больше того. Специально поинтересовавшись в Мурманске, я обнаружил, что себестоимость такой же сельскохозяйственной продукции в совхозах, или, как их теперь называют, госхозах, еще выше, чем в рыболовецких колхозах! Совхозы на Севере существуют только за счет государственных дотаций, покрывающих прямой убыток от производства. И убыток немалый - в десятки рублей на один килограмм продукции. С этим ничего сделать нельзя, как нельзя изменить почвенные и климатические условия Кольского полуострова, поскольку острая потребность в продуктах сельского хозяйства и порождена этими самыми условиями.

Можно, конечно, спорить, что выгоднее: закапывать сотни

миллионов рублей в болота и скалы Заполярья, получая дорогой и далеко не полновесный по своим качествам продукт, или вкладывать средства в выращивание этих продуктов на юге и в их доставку в Заполярье. Что выгоднее - никто не считал. Каргин полагает, что выгоднее второе, и он, вероятно, прав, именно так давно и успешно решают проблему свежих овощей, фруктов и всего прочего скандинавские страны. Но это уже другой вопрос.

Сейчас, выстраивая в единую цепочку терские колхозы, колхозы Мурманского берега и госхозы области, я нахожу у них общий "знаменатель" - сельское хозяйство. В "числителе" у них стоит примерно одинаковая цифра - себестоимость продукции. А вот "результат" деления совпадает только у колхозов Мурманского берега и у госхозов, как если бы дефицит покрывался какими-то поступлениями извне. Для госхозов это дотации государства. Но кто берет на себя в этом случае функцию государства в хозяйстве мурманских колхозов? Что есть у них такого, чего не было бы у терчан?

Я вспоминаю свои разговоры с председателями, прокручивая их в памяти, как ленту диктофона, и вдруг как бы въяве слышу ровный, несколько отрешенный голос председателя "Северной звезды":

"- ...Убытки мы покрываем за счет флота".

Не в этом ли разгадка? Ведь терские колхозы не участвуют в океанском лове!

Другими словами, колхозные суда, работающие в составе флотилий "Севрыбы", к которым колхоз оказывался как бы пристегнут со всем своим наземным хозяйством и службами, выполняют ту же функцию, что и государство по отношению к госхозам. Или - промышленные предприятия по отношению к своим "аграрным цехам". Сельское хозяйство крупных рыболовецких колхозов структурно оказывается подсобным хозяйством флота. Другое дело, что в действительности оно им совершенно не нужно. Но убытки, которые оно приносит флоту, были столь малы, что мурманские колхозы с ними мирились, как с неизбежным злом.

У колхозов Терского берега флота давно уже нет, им никто не выплачивает компенсацию за убыточное производство в неблагоприятных условиях, поэтому они вынуждены были покрывать свои убытки из основных средств и неизбежно катились к финансовому краху.

Межхозяйственная кооперация помогла временно залатать именно эту прореху в их экономике, но не ликвидировала ее окончательно.

- А что такое флот в колхозах при наличии межколхозной

базы и его полного подчинения "Севрыбе"? - можно спросить теперь.- Он куплен колхозом у государства, но фактически сдан в аренду государству вместе с плавающими на нем так же, как предприятиями сданы в аренду колхозам купленные у них животноводческие фермы. Если же вспомнить, что на судах ходят вольнонаемные, только числящиеся в колхозе люди, то перед нами окажется та же "межхозяйственная кооперация", только наоборот: колхоз, купив суда, наняв команды и оплачивая последующий ремонт, вкладывает свои средства в государственный океанический лов.

Когда-то было наоборот. Когда-то колхозы арендовали на путину у государства суда, укомплектованные командой и специалистами, точно так же, как сельскохозяйственные колхозы арендовали у государства необходимые для обработки земли и уборки машины через машинно-тракторные станции. И то, и другое было нормальным явлением: и суда, и машины в МТС обслуживали специалисты, государство централизованно снабжало их необходимыми запасными частями и горюче-смазочными материалами. Иначе быть не могло, поскольку все это находится в руках государства и отсутствует в свободной продаже.

Хорошо это или плохо - другой вопрос. Главным здесь было то, что, концентрируя в своих руках основные орудия производства, государство гарантировало их высокую эффективность, бесперебойную работу и высокий конечный результат, как то делают соответствующие фирмы в Соединенных Штатах Америки, поставляя фермерам весной и осенью необходимые машины и обеспечивая их мгновенный гарантийный ремонт, да еще с компенсацией за простой.

Что произошло в результате расформирования МТС и передачи машинного парка колхозам, хорошо известно. Без соответствующего штата специалистов, без лимитов на запчасти и горючее, без налаженного снабжения маломощные колхозы начали разваливаться, началось их "укрупнение". Последнее вскоре привело к появлению огромного числа так называемых "неперспективных" деревень, которые принялись переселять и сносить. Их количество только по одной Российской Федерации было определено цифрой в сто тысяч населенных пунктов!

Опасность заметили слишком поздно, когда потребовалось со всей решительностью заявить, что "неперспективными" могут быть только руководители с их планами, а не села с живыми людьми, которые, наоборот, надо всячески поддерживать, дав возможность снова набрать силы для развития.

Примерно то же самое произошло и на Терском берегу, где

выкупленные у государства суда "не вписались" в экологию хозяйства старых поморских сел. Архангельские рыболовецкие колхозы очень скоро интуитивно поняли это и объединили свои суда на базе флота, созданной более полутора десятка лет назад в Мурманске. Грубо говоря, вернули суда их бывшему владельцу, вступили "в дело на паях". Мурманский рыбакколхозсоюз сделал этот шаг только после того, как руководство "Севрыбы" пригласило Гитермана помочь рыболовецким колхозам Мурманской области. Так все вернулось "на круги своя", оформив принцип долевого участия колхоза в работе государственного промышленного предприятия, в данном случае "Севрыбы".

Как практически участвуют в океанском лове колхозы, своими капиталовложениями или своими людьми, никого не интересует, поскольку союз "государственной" и "кооперативной" собственности прикрыт фиговым листком трудовой книжки колхозника.

Вот и все. Никакой хитрости нет, обычная бюрократическая неурядица, мешающая жить и двигаться вперед из-за безнадежно устаревших инструкций, решений и постановлений, висящих тяжелыми гирями на ногах советской экономики. И нет в этом никакого открытия. В том, что большинство инструкций устарели, убеждены все, даже те, кто призван следить за их исполнением.

Радуюсь я другому выводу.

Океанский флот может быть, а может не быть у колхоза: на экологию хозяйства он не влияет, поскольку оказывается только формой участия колхоза своими капиталами в государственном предприятии. Решать судьбу самих поморских сел следовало, исходя из экологических предпосылок самих хозяйств. И здесь путь был один - через упорядочение цен на рыбу и оленя, через ликвидацию посредников в торговле колхоза с государством и, стало быть, путем получения в свои руки права обработки продукции, доведения ее до конечного результата.

Только в том случае, когда пойманная в океане рыба будет поступать в колхоз для обработки, судно и флот будут действительно колхозными, но не раньше. Нужно ли этот принцип распространять на продукты океанского лова - не знаю, не уверен. Возможно, что и не нужно: для того, чтобы занять свободные руки, если такие окажутся, у беломорских колхозов есть и другие пути - прибрежный лов, развитие марикультур, озерный лов и много всего другого.

Признать же, что колхозы участвуют в океанском государственном лове своими капиталовложениями, важно еще и вот почему. Ликвидация давно устаревшего барьера,

разделяющего "государственную" и "кооперативную" собственность, открывает возможность активного перераспределения средств в общенародном производстве. Меня никто не может убедить, что океанский флот органично "вписывается" в структуру наземного колхоза, пусть даже занимающегося рыбной ловлей на реке или на морском берегу. С таким же успехом подобный "рыболовецкий" колхоз может существовать на Урале, в Тамбовской области или в Закарпатье. Терские поморы, не выезжавшие в Мурманск, в глаза не видели "своих" кораблей, а сколько километров по прямой от порта приписки до "родного" колхоза - в наше время роли не играет, все определяют капиталовложения, принцип долевого участия партнеров в общем деле.

Если это принять как аксиому, то тогда не нужно и заводить "подсобные" предприятия, заниматься не своим делом, требовать от химиков, чтобы они производили мясо, от горняков - молоко, от строителей - картофель, когда всем этим с гораздо большим успехом смогут заниматься специалисты сельского хозяйства, и так работающие в колхозах и совхозах. Достаточно, если промышленные предприятия войдут акционерами или пайщиками - можно назвать их как угодно - в сельскохозяйственное производство, в агропром, отчисляя необходимые средства на оплату труда, на капитальное строительство, оборудование, благоустройство поселков и так далее,- под лимиты, которые сможет гарантировать для всего этого государство. И под местные ресурсы, которые должно изыскать и выделить районное и областное руководство.

Так мне все это представляется...

Перечитал последние странички - и заскучал: очень уж все показалось корявым и нудным, как производственный пейзаж за окном, созданный шабашниками. А веселее не выходит, ничего веселого в этой затянувшейся жизненной ситуации нет. Да ведь и пишу не для развлечения случайного читателя, а чтобы самому разобраться, что происходит в жизни и куда что движется. Куда мы идем. И здесь не образность нужна, не красота и легкость стиля, факты нужны и их анализ, чтобы успеть углядеть, какая ждет нас всех перспектива. И главный вывод остается вроде бы прежним: и кооперация, и океанский флот - факторы временные. Воспользоваться ими необходимо, чтобы сейчас удержаться, выбраться из затянувшегося кризиса. Однако поморским селам, вроде Чапомы с ее колхозом, не столько на кооперацию и возможный в будущем океанский флот рассчитывать надо, сколько на собственные свои ресурсы, которые здесь под рукой лежат.

Потому что люди не на море - на земле живут!

Этот последний вывод больше всего и понравился Стрелкову, который зашел сказать, что самолет из Мурманска уже летит и надо идти на летную площадку. Перед тем как выйти из гостиницы, я прочел ему несколько страниц, чтобы он знал, с какими мыслями я улетаю, и, может быть, в чем-то их поправил бы или дополнил.

- Ну, что на себя только и приходится рассчитывать, мы и сами давно знаем, это нам не в новинку,- сказал он, прослушав написанное.- Пуговицы считать начинаешь, когда они все поотлетали, а если на рубашке сидят, вроде бы и ни к чему на них внимание обращать. Вот так и промыслы всякие. Они вроде заплат, когда уже сама одежда порвалась изрядно. Поэтому и не хотят поморы с места съезжать - им бы только маленько с себя нагрузку тяжелую скинуть, а там дальше в гору пойдут, привычны... И главную истину я давно понял: нельзя нам только сырье продавать - вся обработка продукта должна быть в руках колхозных, тогда и доход будет, тогда и нас уже не сдвинуть с земли. И еще одно. Надо, чтобы наши деньги настоящими деньгами были, звенеть могли, чтобы их потрогать было можно, покупать на них все, что для жизни и дела надо, людям за труд платить, а не только, как костяшки на счетах, из одной графы в другую перегонять! Только тогда мы себя не слугами, а настоящими хозяевами почувствуем. Ну а куда деньги вложить, хозяин всегда найдет, лишь бы ему такую возможность дали... Ты, давай, приезжай еще посмотреть, как у нас дело пойдет. Все-таки теперь другие времена вроде бы настали, большая у людей надежда появилась, глядишь, может, и выправимся!..

На том мы с ним и расстались.

...Пройдя берегом реки, перебравшись через ручей на повороте, я поднялся на очередной угор и остановился, чтобы еще раз взглянуть отсюда на Чапому. Кусты уже закрыли вид на площадку новостройки с ее вписавшимися в привычный пейзаж новыми двухэтажными зданиями. Там, вдалеке, под высоким, освещенным вечерним солнцем откосом противоположного берега реки, на низком тесном наволоке сгрудилось старое село, за которым открывалась удивительно чистая и спокойная гладь моря. С безоблачного неба, ничем не напоминающего сырую и серую мглу циклона, совсем недавно державшего в своих объятиях Берег, вместе с солнечными лучами на Чапому изливалась вся благодать короткого, всегда прекрасного полярного лета, пришедшего следом за затянувшейся весной.

И мне подумалось, что будущее русского Севера - вот за такими маленькими, экологически сбалансированными селами,

которые не надо расширять и "укрупнять", как пытались когда-то делать. Люди должны сами выбирать свой путь и свой завтрашний день - только тогда они и смогут почувствовать себя его хозяевами.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ,
1986 год.
Мурманский гамбит

1.

...- Вы можете объяснить, что со мной случилось? Ведь это какой-то кошмар! Конечно, я понимаю: надо взять себя в руки, стучаться во все двери, добиваться справедливости... Но знали бы вы, как унизительно доказывать, что ты действительно честный человек! Куда бы я ни пришел, всякий чиновник смотрит на меня, как на жулика, который избежал правосудия. Раньше я понять этого не мог. На Севере я проработал тридцать с лишним лет, работал честно, это каждый рыбак подтвердит, собирался уйти на пенсию, как только подниму Терский берег... А вместо этого - оказался в тюрьме. И как мне теперь жить, во что верить, если я и сейчас не могу добиться справедливости?..

Гитерман смотрит на меня большими карими глазами. В них и боль, и недоумение. Внешне председатель мурманского рыбакколхозсоюза - теперь уже бывший председатель - Юлий Ефимович Гитерман изменился мало: такой же коренастый, широкоплечий, смуглый и широколицый, со слегка приплюснутым, как у боксера, носом. В его голосе отчетливо звучат энергичные нотки, он готов снова идти и работать, снова заниматься Терским берегом и колхозными рыбаками, снова организовывать колхозную базу флота. Но во всем том, как он говорит и держится, в едва заметных движениях крупных сильных рук с подрагивающими пальцами, в необычной сутулости и зависающих уголках рта проступает тот душевный надлом, который отмечает человека, прошедшего через мясорубку следствия и тюрьмы.

Со всем этим мне приходилось сталкиваться, и, к сожалению, не раз. Но Гитерман в тюрьме?! Я достаточно хорошо узнал этого человека за то время, что занимался судьбой рыболовецких колхозов Мурманской области. Знал его безукоризненную честность, точность, удивительную энергию, о которой один из знакомых мне колхозных капитанов выразился достаточно емко: "Сам не спит и нам спать не дает". Я знал, что он сделал все возможное, чтобы остановить гибель старых поморских сел на Белом море, их распад и исчезновение, и как потом, подключив к ним в качестве партнеров мощнейшие предприятия "Севрыбы", начал "наращивать обороты", отсчитывая шаги перестройки задолго до того, как она была официально объявлена.

А чапомская зверобойка? Ее можно было критиковать, особенно в том, как и из чего она строилась. Но нельзя было не восхищаться тем, что она была построена, в полном смысле слова, из ничего! Построена и пущена, в первый же сезон с лихвой

окупив все затраты.

Первый миллион она дала трем терским колхозам через месяц после того, как Гитермана бросили в следственный изолятор, как деликатно именуется на юридическом жаргоне тюрьма. Все это случилось весной 1985 года - того самого года, когда прозвучал призыв к перестройке и гласности, когда Прокуратурой СССР вскрывались поистине страшные преступления власть имущих против народа и государства. Но именно в тот год, словно бы в ответ на "красный террор", объявленный расхитителям, растлителям человеческих душ, убийцам и казнокрадам, их пособники в нижних этажах следственного и административного аппарата развернули широкую кампанию своего, "белого террора", направленного против честных людей, в первую очередь занятых в народном хозяйстве.

То был точно рассчитанный шаг. Жулики освобождались от свидетелей их преступлений. Освобождались от тех, кто мог предъявить им справедливый иск и потребовать к ответу. Они освобождались от тех, кто, по идее перестройки, должен был сменить их во всех звеньях государственного, партийного и хозяйственного аппарата. Неважно за что, важно - как. Достаточно бросить на человека тень, обвинить его, подставить двух лжесвидетелей, которые бы "явились с повинной",- и человека можно бросить в тюрьму, а дальше все идет своим чередом: его исключают из партии, лишают наград, накладывают арест на имущество, снимают с работы, и начинается долгая и мучительная процедура "выжимания" признания.

А если все это не помогает, то и тогда не страшно. Трудно найти администратора, который - не для себя, для людей, для дела, для общества,- не был бы вынужден обходить законы или балансировать на острие бритвы между законом и беззаконием. Пусть не преступление, пусть только административный проступок, маленькая оплошность - в ход пускается уже отработанный десятилетиями прием нагнетания "обстоятельств". И человек, столь же виновный, как нарушивший правила уличного движения, выходит из зала суда с судимостью и сроком, который должен оправдать полугодовое заключение в "следственном изоляторе" и все, что с ним связано.

Потом его реабилитируют? Выясняется "судебная ошибка"? Но ведь этого сначала надо добиться! А как это трудно, Гитерман знает гораздо лучше меня. Вряд ли теперь он и сам сможет подсчитать, сколько писем во все инстанции он написал за те полгода и сколько писал потом. Все они оставались или без ответа, или возвращались к тем самым людям, по поводу которых

он и писал свои жалобы.

- ...Они только смеялись надо мной,- говорит Гитерман, и по его лицу пробегает судорога ужаса и гнева.- Они приходили ко мне в камеру или вызывали в комнату при тюрьме на допрос и, показывая мои письма, говорили: "Видишь? На кого жалуешься, сука? Ты отсюда все равно не выйдешь, пока не подпишешь все, что мы скажем!"... А потом, в камере, уголовники, которых они специально ко мне сажали, меня били. И если я жаловался и показывал синяки, начальник тюрьмы, улыбаясь, говорил одному из громил: "Ну, Лебедев, так мы с тобой не договаривались. Видишь, какой он нежный!"

- Юлий Ефимович, кому вы могли мешать?

Вопрос вырывается неожиданно для меня самого. И все же он не случаен. Только теперь я понимаю, что с самого начала, с того самого момента, когда узнал об аресте председателя МРКС, меня не оставляет мысль, что кто-то решил свести с ним счеты. Кому он мог помешать? А главное - в чем?

Некоторое время Гитерман смотрит на меня непонимающим взглядом. Постепенно до него доходит смысл сказанного. Раньше я не обращал внимания и только теперь начинаю догадываться, что за всем тем, что лежит за пределами дела, его выполнения, преодоления трудностей, технических и организационных, мой собеседник может быть по-детски наивен. Это не хитрость. Еще в самом начале нашего знакомства я отметил у него прямолинейность мышления. Так он и шел по жизни с тех пор, как, закончив судостроительный институт, приехал по распределению на Север, в Заполярье, связав свою судьбу с колхозным флотом. Сейчас он впервые задумался над тем, что его, Гитермана, выбросили из жизни при молчаливом попустительстве ближайших соратников в МРКС и в "Севрыбе". Ведь из партии его исключали его же заместители и помощники единогласно, не усомнившись в преступлении своего руководителя. Почему? Он стал не нужен? Но ведь ни в хозяйстве области, ни в "Севрыбе", ни в МРКС ничего не изменилось. Те же проблемы, работа ведется в том же направлении, куда ее двигал он.

- Кому я мог мешать? - Он искренне недоумевает.- Не могу себе представить, этот вопрос у меня как-то ни разу не возникал...

- А если подумать?

Гитерман смотрит на меня с недоверием и растерянностью.

- Но я действительно не могу ничего сказать! Конечно, в работе возникают трения, какие-то напряженности. Я был требователен, это знали все. И если видел, что человек не хочет работать, ловчит или просто не может справиться со своими

обязанностями, я предлагал ему подыскать себе другое место. Такое я говорил прямо. Зачем мне работник, который не хочет работать? В МРКС я пришел из архангельской базы флота в 1981 году. Здесь был полный развал. Держались только колхозы мурманского побережья, а что делалось на Терском берегу, так это тихий ужас. Меня позвал Каргин, наобещал, как это водится, десять бочек арестантов, обещал поддержку, ну и все такое, что полагается... До сих пор простить себе не могу, что поддался на его уговоры и ушел от архангелов! Зачем мне это было надо? Зачем надо было взваливать на свои плечи Терский берег? Но ведь сердце разрывалось от того, что здесь творилось! Каргин хотел, чтобы я полностью сменил весь аппарат МРКС. Я его не послушал, кое-кого оставил, например Немсадзе, вы его знаете. Почему-то Каргин настоятельно просил его убрать. Других сменил. Конечно, они остались недовольны. Но так бывает всегда. Потом с некоторыми даже наладились добрые отношения. Так что в МРКС я не вижу никого, кому бы мешал...

- А ваши заместители? По флоту, по сельскому хозяйству, по зверобойке? Никто из них не мог претендовать на ваше место?

- Могли, конечно. Но, право, я как-то об этом не задумывался. У нас были ровные отношения, я не вмешивался в их работу, давал возможность делать так, как они считают нужным. Так что представить, что кому-то я стал поперек дороги, никак не могу.

- С Каргиным вы, по-моему, ладили?

- Михаил Иванович поддерживал меня. Тем более со всем, что связано с Терским берегом. Нет, у нас не было никаких разногласий, наоборот...

- И все же он не стал за вас заступаться. Ни как начальник ВРПО "Севрыба", ни как депутат Верховного Совета СССР.

- Не стал, вы правы. И никто не стал. Мне говорили, что на партийном собрании, когда меня исключали, только Егоров, мой заместитель по сельскому хозяйству, сказал, что сомневается в моей вине. Из начальства - никто! Каргину, конечно, это было бы проще всего сделать. Но ведь он вместе с Данковым, начальником УВД области, который меня допрашивал, в это время на охоту ездил. Друзьями были! А этот "друг" из меня "особо опасного преступника" делал...

Каргин. "Капитан рыбной индустрии", адмирал рыбацкого Севера. Он делал все, чтобы планы Гитермана смогли воплотиться в жизнь. Это под его каждодневным нажимом директора предприятий заключали контракты с колхозами, вывозили от них сельскохозяйственную продукцию в виде мяса, сливок, творога, масла, платя вдвое из-за доставки в Мурманск по воздуху, отрывали от себя необходимые стройматериалы,

посылали бригады рабочих на покос, на строительство, снабжали хозяйства дефицитным электрооборудованием, инструментами, запасными деталями... Это было его, Каргина, дело, которое вел председатель МРКС, им выбранный и поставленный, служивший верой и правдой, не за страх, а за совесть, так что подозревать Каргина в том, что он способствовал аресту и снятию Гитермана, было бы абсурдом.

Получалось, что со стороны "Севрыбы" у Гитермана вроде бы не оказывалось врагов. А друзей? Но кто верит в дружбу, углубившись хоть немного в самые нижние "коридоры власти"?! Доброжелательство, ощущение сотрудничества - вот все, на что может рассчитывать человек, ступивший на путь административного восхождения, со стороны окружающих и непосредственного начальства.

А снизу? Со стороны председателей?

Весь Терский берег с тремя его рыболовецкими колхозами можно было исключить. Что бы ни происходило, там каждый знал, что председатель МРКС последние годы отдает им все в первую очередь, много больше, чем они раньше получали по заявкам. Это я видел собственными глазами, слышал ото всех и знал, что тут отношение к Гитерману однозначное. К его заместителям - Егорову и Стефаненко, первый из которых ведал сельским хозяйством, а второй зверобойным промыслом,- отношение было иным по ряду причин, в которые сейчас не стоило вдаваться. Но не к Гитерману.

Такую же поддержку Гитерман имел со стороны большинства председателей колхозов Мурманского берега, за исключением, пожалуй, Тимченко, председателя колхоза "Ударник".

Среди председателей рыболовецких колхозов Мурманской области Тимченко был самым смелым, самым талантливым, самым предприимчивым и самым крепким. Каждого, кто с ним знакомился, он восхищал неожиданной широтой и смелостью решений, поскольку был прирожденным финансистом и хозяином, умевшим из всего извлекать прибыль для колхоза и, что особенно важно, для людей, работающих в колхозе. Это вызывало ревность со стороны других председателей и досаду со стороны начальства, которому Тимченко не хотел подчиняться.

Пока Тимченко не перечил начинаниям Гитермана, у них все складывалось хорошо. Разрыв произошел в 1984 году, когда, совершенно неожиданно, Тимченко решением общего собрания вывел свой колхоз из базы флота. Это восприняли как тройной удар: по базе, только что созданной стараниями Гитермана и Каргина, по авторитету МРКС и по самому Каргину, с которым Тимченко был дружен семьями.

Скандал, вспыхнувший в Мурманске, получил свое отражение на страницах "Литературной России", где Эд. Максимовский опубликовал аргументированный очерк, напомнив о том, что за показателями планов стоят живые люди. Тимченко и его колхоз, как доказывал с цифрами в руках журналист, оказались "подмяты" базой. Вместо того чтобы служить колхозам, база флота встала над ними, на что ее,- так получалось,- уполномочил МРКС. Началась битва, продолжавшаяся больше года. Сначала колхоз и Тимченко пытались "образумить" и вернуть колхозный флот в базу. Потом началась кампания против самого Тимченко с тем, чтобы его снять. Использовали все: давление личное, экономическое, административное, вплоть до следственных органов. Тогда у меня сложилось впечатление, что два характера, два руководителя, оказавшись по разные стороны барьера, перешли пределы допустимого, став уже личными врагами. И большую долю ответственности я возлагал в этом на Гитермана, как на председателя МРКС, который имел в своих руках рычаги управления.

- Тимченко? Но ведь ничего подобного в деле не было, я его внимательно изучил. Даже намека! Во время следствия его никто не вызывал, и меня о нем не спрашивали. А потом, вот еще один факт. Когда мне было особенно плохо, когда начали преследовать мою семью, звонить по телефону и говорить жене всякие гадости, угрожать ей и представляться под именем Тимченко - да-да, все это было! - она говорила об этом всем, хотя с Тимченко знакома не была, раздался звонок, и мужской голос спросил, слышала ли она его раньше? Она ответила, что слышит его в первый раз. Мужчина сказал, что он - Тимченко и что, хотя у него со мной последний год были очень тяжелые отношения, он просит ее, если нужна какая-нибудь помощь семье, пусть она не задумываясь обращается к нему, вот его телефон. Нет, я уверен, что Тимченко тут ни при чем! Я знаю, что он не простил мне попыток отстранить его с поста председателя колхоза. Тогда его отстоял Кольский райком, это их номенклатура. Но ведь Тимченко своей авантюрой нанес удар по базе флота! А это было не только мое детище - Каргин брал меня в МРКС с тем условием, что я эту базу создам. Я ее создал, она работала, и, когда Тимченко вышел, его снятия требовали все - и Каргин, и Шаповалов, заместитель Каргина, и Несветов...

Да, разбираться в делах политики "Севрыбы" и МРКС куда проще, чем в переплетении человеческих взаимоотношений, в том числе и в действительной подоплеке "дела Гитермана". Мне трудно ему сказать, а быть может, и не надо, что как ни сострадаю я ему, но в конфликте "Гитерман против Тимченко"

продолжаю стоять на стороне Тимченко и колхозников "Ударника".

Но мы с Гитерманом опять ушли от вопроса, который не дает мне покоя, и, собравшись с мыслями, я предлагаю:

- Юлий Ефимович, а что, если попробовать с другой стороны? Попытаемся восстановить все, что вам довелось перенести - вам и вашим близким. Я пони маю, вам это трудно...- Заметив, как он внутренне вздрогнул, словно прося о пощаде, спешу добавить: - Нет, подробностей вашего заключения не надо. Мне важно установить последовательность событий, которая от меня пока ускользает. Это необходимо, поскольку я многого не знаю или не понимаю. Давайте вспоминать вместе: я - то, что я узнал, пока вас не было, вы - то, о чем вас допрашивали. Быть может, из этого сложится сколько-нибудь целостная картина? Скажем так: пусть это будет комментарий к вашему приговору, который во многом мне непонятен.

Он смотрит на меня, вздыхает и, понимая, что другого выхода нет, молча кивает. И пока он собирается с духом, я вспоминаю, как раздался у меня телефонный звонок и тот самый мой однофамилец, которому я обязан знакомством с Гитерманом, сообщил о его аресте.

- Ты слышал, старик? - кричал он откуда-то издалека.- Арестовали Гитермана! Да-да, именно Гитермана! Почему? Говорят, взятки брал. Чушь? Я вот тоже говорю, что чушь, и все так говорят, но вот - арестовали! Прямо в аэропорту. В Архангельск летел, в командировку. Честнейший человек был, это я точно знаю... Почему "был"? Ну, это я как-то так... Я ему как себе верю, учти! Но у тебя о нем очерк идет, я слышал? Может, пока задержишь? Все-таки человека арестовали...

Потребовалось совсем немного времени, чтобы убедиться: к сожалению, мой знакомый не ошибся. Как в классических фильмах "про шпионов", председателя МРКС арестовали чуть ли не на трапе самолета. Согласно одной версии, он летел в служебную командировку в Архангельск, и в его "дипломате" лежал номер "Литературной газеты", зубная щетка, полотенце, а в кармане пиджака, вместе с паспортом, билетом и командировочным удостоверением - 91 рубль. Еще 3 рубля и 17 копеек находились в кошельке, в кармане пальто. Согласно же другой версии, которая в тот же день начала усиленно распространяться в Мурманске, упомянутый "дипломат" был набит пачками советских денег, золотом, иностранной валютой, а сам Гитерман готовился сесть то ли на московский, то ли на ленинградский рейс.

- А как было на самом деле, Юлий Ефимович?

- Так, как "с копейками". Командировку в Архангельск я взял на три дня, хотя надеялся обернуться за двое суток. Летел к архангельским рыбакам, обговаривать предстоящую совместную зверобойку. Мы впервые входили на лед с нашего берега. Уехал от Каргина, на его машине, со мной летел еще один сотрудник "Севрыбы". Только приехали, стали в очередь на регистрацию, как меня по радио попросили пройти в комнату милиции. Вскоре туда приехали сотрудники ОБХСС. Предъявили обвинение в хищениях и взятках, назвали "особо опасным преступником", сказали, что им обо мне все известно и свидетели меня ждут... Сами понимаете, понять я ничего не мог: сон какой-то дурной! Но они привезли меня в Мурманск, начались допросы, и тут начался сплошной кошмар. Нет, не могу и не хочу все это вспоминать!

- И не нужно, Юлий Ефимович! Но в каких взятках вас обвиняли? И кто такой Меккер, на показания которого ссылались ваши следователи?

- Меккер? Во-первых, не еврей, как я, а финн - Иван Яковлевич Меккер, что всех очень разочаровало, потому что не получалось "еврейского дела". Во-вторых, он мастер ленинградского завода "Эра". Его рабочие вели электромонтажные работы на судах тралового флота в Мурманске. Мы познакомились с ним лет пять тому назад, он помог нам сделать какую-то работу с помощью своей бригады и с тех пор заходил в МРКС раз или два. Так сказать, поддержать знакомство. В январе 1983 года в Чапоме, как вы знаете, уже шло строительство зверобойной базы. Здание дизель-электростанции построили, нужно было срочно монтировать оборудование. В Мурманске мы специалистов найти не могли. Искали по всем каналам, по всем предприятиям - пусто! И тут в МРКС зашел - или он сначала позвонил? - уже не помню - Меккер. Как да что... Короче, выяснилось, что у него сейчас в Мурманске бригада электриков без дела, то, что нам надо. Сначала Меккер согласился помочь, но, когда узнал, что надо лететь в Чапому, наотрез отказался. Сказал, что за это дело не возьмется, но обещал связать с бригадой, пусть сама решает: захочет подзаработать- он возражать не станет... А рабочие согласились. Я направил их в МКПП - это межколхозное производственное предприятие, которое ведало всеми строительными работами в Чапоме, заключало договора, выплачивало деньги, поставляло стройматериалы... Всего этого я не касался. Там был директором Бернотас, вот к нему я и направил людей. С ними заключили трудовое соглашение, они улетели, за месяц сделали все необходимое, хорошо заработали, а главное - нам помогли. Если бы не они, строительство бы встало и мы бы потеряли свой

первый миллион...

- Но где же тут взятка?

- Подождите. Я уже совсем забыл об этой бригаде, когда через месяц позвонил Меккер и попросил, чтобы бригаде поскорее выплатили заработанные ими деньги. Я страшно удивился. Оказалось, он звонит из кабинета директора МКПП. Бернотас тогда сдавал дела своему приятелю, Куприянову. Пока Бернотас директорство вал, у него обнаружили много беспорядка, и ему пришлось уходить. В "Севрыбе" за него заступились, и дело, уже открытое, если не полностью замяли, то притушили. Я сказал, чтобы Меккер передал трубку Куприянову, который был рядом с ним, и попросил того побыстрее разобраться. Тот обещал. Через несколько дней Меккер позвонил снова и сказал, что все в порядке, он получил по доверенности деньги. Тем дело и кончилось. Было это в 1983 году, а припомнили - в 1985-м...

- А за что полагалась вам взятка? По-моему, это вы должны были дать взятку Меккеру, чтобы он отпустил своих рабочих на ваш объект!

- Вот именно! Мне это говорили все, кто знакомился с моим делом. А было вот что. Сначала мне приписали взятку, которую якобы мне дал Меккер за то, что я послал его людей на выгодную работу. Потом - за то, что вроде бы завысил им расценки. Но, как вы знаете, это я упрашивал ребят поработать в Чапоме, а расценки были нормативными, их рассчитывали в МКПП. Последний раз взятка объяснялась тем, дескать, что им быстро заплатили. С точки зрения следователей, людям надо как можно дольше затягивать расчет. Самое печальное, что так это и было. Бухгалтерия МКПП затягивала расчет с бригадой, как если бы вымогала у них взятку. В конце концов рабочие уехали, получив только аванс, а на остальное оставив доверенность Меккеру. Тот получил за них деньги. И вот тут начинается настоящий криминал, с которого все и пошло: Меккер брал взятки со своих рабочих!

- Но выяснилось это уже после того, как арестовали вас?

- Нет, раньше. Собственно говоря, все началось в феврале 1985 года, за две недели до моего ареста, с явки одного из рабочих, если не ошибаюсь, их бригадира, в ОБХСС. Направляя рабочих в командировку в Мурманск, Меккер брал с каждого из них по полсотни рублей, а потом требовал до трети заработанного. Как он выражался, "хорошим людям". Рабочим это надоело, и они решили прийти с повинной, чтобы не выглядеть взяткодателями. Меккера тотчас же взяли, он сознался, стали выяснять, куда и когда он посылал бригаду, сколько с кого брал. И вот тут всплыла Чапома. Но дальше произошло то, чего я до сих

пор понять не могу: в протоколы допросов следователи мурманского ОБХСС стали вписывать мое имя. Никто из рабочих меня не знал и моего имени от Меккера не слышал, поэтому они запротестовали и отказались подписывать такие протоколы. Об этом же они сказали на суде. Тогда следователи взялись за Меккера. Тот тоже отрицал мою причастность к его махинациям. Его стали допрашивать круглосуточно, угрожали, обещали "послабления", вымотали его, и тогда он решился меня оговорить. Все это было, когда я уже сидел. Но когда дошло до очных ставок, Меккер стал путаться - где, когда и при каких обстоятельствах он передавал мне деньги. Потом экспертиза нашла, что деньги в таких купюрах, которые были названы, он не мог мне передать. Свести нас с Меккером и с деньгами во времени и пространстве следователям так и не удалось...

То, что в это время происходило в Мурманске и в доме Гитермана, я знал из рассказа его жены, преподавательницы русского языка и литературы. Она приехала в Москву в конце лета того же года хлопотать о правосудии, потому что сам Гитерман спустя шесть месяцев после ареста был выпущен под подписку о невыезде до суда, хотя все обвинения с него были фактически сняты. На самом же деле не сняты, а как бы отложены за "недоказанностью".

Невысокая, худенькая светловолосая женщина с измученным лицом и воспаленными глазами рассказывала при мне корреспонденту "Правды", как сразу же после ареста по телефону началась настоящая травля ее и детей, как вызывающе вели себя с ней следователи на допросах; рассказывала, как грубо вели обыски, взрезая обшивку единственного дивана, переворачивая постели, разыскивая несуществующие драгоценности; как отобрали сберкнижки, на которых оказалось куда меньше сбережений, чем потом распространяли слухи, и долго их не отдавали, хотя из-за этого семья первое время оказалась буквально без средств существования - зарплата перечислялась на книжки. У нее дрогнул голос, когда она рассказывала, как производившие в очередной раз обыск, не найдя ничего сколько-нибудь похожего на "вещественные доказательства", забрали ящик с консервами в металлических банках заводской упаковки. Дело происходило перед 8-м Марта, и получить обратно удалось далеко не все: как видно, тресковая печень и рубленая ветчина были "дефицитом" и для следователей мурманского ОБХСС.

Тогда же по городу кто-то пустил фотографии, на которых можно было видеть золотые вещи и пачки валюты, якобы изъятые при обыске у Гитерманов. Слушать все это было не только страшно, но и мучительно стыдно. И теперь я понимал

Гитермана, который сейчас старательно обходил подробности своего камерного существования.

Но я должен был спросить его еще об одном. Как что-то естественное, суд отметил, что "под воздействием следователя и оперативных работников" Гитерман написал 16 апреля 1985 г. заявление, в котором признавался, что получил от Меккера деньги. Я не задаю ему этот вопрос - просто показываю отчеркнутую мною фразу в копии приговора и поставленный рядом вопросительный знак.

Гитерман поднимает глаза, и мне очень трудно не опустить свои. Но вместо упрека он оправдывается:

- Поймите, я просто не мог больше выдержать! Ведь меня дважды бросали в карцер. Каждый день - я уже говорил вам об этом - меня избивали специально посаженные в камеру уголовники, Лебедев и Акимов. На допросах сам генерал-майор Данков говорил, что будет держать меня в этих нечеловеческих условиях сколько потребуется и всю оставшуюся жизнь я проведу в тюрьме, никто мне не поможет - ни бог, ни царь, ни Генеральный прокурор. Следователи грозили сделать меня инвалидом. И вот в апреле, после очередного избиения, меня отвезли в КПЗ и продержали там десять дней, требуя, чтобы я написал на себя заявление - у них это называется "явка с повинной". Если не напишу - все начнется сначала. Верите ли, еще немного, и я бы сошел с ума или покончил с собой. И вот тогда я сказал, что напишу это заявление, пусть только они скажут - где, кому и сколько денег я передавал. Потом я все равно откажусь от него на суде...

- Помогло?

- Помогло,- вздыхает Гитерман.- Уже на следующий день побои и издевательства кончились, но им мое заявление тоже не помогло...

- Вас допрашивал сам начальник УВД области, Данков?

- И он тоже. Ему надо было знать, кому я передавал деньги в "Севрыбе" и в Минрыбхозе. Но, ради бога, скажите, какие деньги? За что?

- Подождите, Юлий Ефимович, вот это уже интересно. "За что" - вам не говорили, но были уверены, что за что-то вы должны расплачиваться - или делиться - с вашим начальством в "Севрыбе" и в министерстве? С кем? С Каргиным, его заместителями, еще с кем-то? Но что вы оттуда получали?

- Ничего, кроме помощи по строительству зверобойки, по морскому промыслу. Чисто служебные отношения. Самые обычные.

- А другие следователи вас об этом спрашивали?

- Нет. О Минрыбхозе и "Севрыбе" - только сам Данков. Похоже, он придавал этому какое-то особое значение. Другие добивались только одного: чтобы я признал, что получил взятку от Меккера. Потом стали требовать, чтобы я оговорил и других людей в том, что они давали мне взятки...

- Кого, например?

- Вашего друга Стрелкова, Коваленко, Подскочего, сотрудников мехового цеха, главного конструктора Гипрорыбфлота Абрамова. Его особенно долго допрашивал майор Понякин, тот, что проводил обыски... Он уверял, что я давно сознался и теперь очередь за ним, а потом он отвезет его к прокурору.

- А кто был еще из следователей?

- Много их было. В тюрьме надо мной измывался старший лейтенант Белов, зам. начальника следственного изолятора, а на допросах, кроме Понякина, особенно отличались подполковник Белый, заместитель начальника ОБХСС области, и капитан Щавель. Впрочем, и сам начальник ОБХСС, подполковник Александров, был тоже хорош. Я уже не говорю, что все они чувствовали себя хозяевами положения, угрожали физической расправой. Помните нашу межхозяйственную кооперацию? Мы спасли этим колхозы от убытков их собственного сельского хозяйства и получили возможность заняться социальным возрождением поморских сел. Собственно говоря, это и было начало пере стройки - той самой, благодаря которой я сижу сейчас перед вами в Москве, а не копаю мерзлую землю где-нибудь "во глубине сибирских руд". Так вот, Александров мне прямо сказал, что они и это мне припомнят и что со всякими договорами между предприятиями, со всякой инициативой снизу они скоро по кончат...

- Значит, Терский берег вам тоже ставили в вину? А что говорили еще? Понимаете, тут очень важно сейчас понять, вокруг чего они ходили. Почему-то мне кажется, что получение вами взятки от Меккера - это только один эпизод, начало ниточки, с помощью которой они хотели размотать - или намотать? - целый клубок уголовной пряжи.

- Не знаю, что они хотели конкретно. Главное - им нужно было крупное дело. Мне уже потом рас сказали, что в 1984 году было несколько нераскрытых убийств, им это ставили в вину и требовали принять меры. Вот они и приняли. Решили взяться за МРКС по убеждению, что "каждого хозяйственника, если он проработал два года, уже можно сажать", так они мне говорили. А подполковник Александров заявил: "Раз арестовали, мы обязаны доказать, иначе полетят головы, да еще какие!" Вот они и

"доказывали", занимались мной днем и ночью, как каким-то матерым преступником. Стали вызывать знавших меня по работе людей, пугали их на допросах, возили в тюрьму, грозили посадить, если они не покажут, что я требовал с них деньги...

- И никто из них не жаловался?

- Но вы же знаете, рука руку моет! Ни один из протестов никем не разбирался...

Похоже, в Мурманске действительно хотели сделать Гитермана центральной фигурой какого-то обширного "дела"... Может быть, по аналогии с печально известным "делом "Океан" в том же самом Минрыбхозе СССР, в который - самой маленькой частицей - входит и мурманский рыбакколхозсоюз. Но в том "деле" была черная и красная икра, осетры и стерлядь. Множество организованных браконьеров, живших по берегам Черного, Азовского и Каспийского морей, Волги, Амура и других великих рек, даже не подозревая об этом, не покладая рук работали на огромную пирамиду расхитителей, воров, "паханов", развернувших свою деятельность чуть ли не в международном масштабе и безо всякого "философского камня" средневековых алхимиков превращавших матово отливающие черные зернышки икры в радугу бриллиантов и солнечный блеск золота.

А что могло быть здесь? С чего "навар"? Уж я-то знаю точно, что нет здесь, на Севере, никаких рыбных ресурсов, на которых можно было бы "делать деньги". Нет их и не было. Даже на семге, потому что ее слишком мало. Здесь не то что миллионы - тысячу рублей взять не с чего! Или действительно для мурманской прокуратуры и УВД такая пора настала, что хоть из пальца высасывай, хоть самого себя обкрадывай и разоблачай, но чтобы "результат" был? Похоже на это. Уж очень круто они за Гитермана взялись. А главное - темпы, темпы! В начале февраля приходит рабочий с повинной, на следующий день берут Меккера, меньше чем через две недели - Гитермана. А дальше круг ширится, хватают все новых и новых, да только ухватить не могут. Но и это неважно. В следственном отделе кипит работа, заполняются протоколы допросов, наверх идут обнадеживающие донесения и рапорты, строятся новые планы, город начинает лихорадить, в МРКС разваливается работа, неизвестно, как теперь пройдет первая зверобойка и не припишут ли еще и ее к обвинительному заключению по Гитерману...

Потом все лопается и рассыпается прахом. Нет ни дела, ни сообщников, ни "организации". Даже Меккера нет. Один Гитерман. Да и неудивительно, что так произошло: ведь единственная ***возможность*** взятки на всем протяжении безупречной жизни Гитермана замерцала для Шерлоков Холмсов

Мурманска не в настоящем, а в прошлом.

И я задаю следующий вопрос: если по первому обвинению Гитерман оказался обелен, то в чем же заключалась та вина, за которую его осудили?

Он смущенно улыбается.

- Меня обвинили в должностном подлоге. И, честное слово, обвинение мне показалось настолько смехотворным, что опровергнуть его ничего не стоит. Но я, оказывается, забыл слова Александрова, что виновность арестованных нужно доказать любыми способами и под любым предлогом. Позже мне передавали слова следователей, что "весь город будет смеяться над тем, за что мы будем судить Гитермана".

- И все-таки - за что?

- Как вы помните, я сказал, что деньги бригаде Меккера в МКПП выплатили только после моего звонка. Бернотас, а потом и Куприянов объяснили, что они, мол, не решались выплатить сразу, потому, дескать, что им показалось, будто бы те слишком много заработали. Другими словами, нет ли тут приписок. Чушь! Их люди принимали и замеряли объемы работ, расценки определяли они, так что ни о каких преувеличениях не могло быть и речи. Больше того. У них самих в МКПП незадолго до этого случая - кажется, я об этом уже говорил? - были обнаружены завышения объемов, из-за этого Бернотас и уходил. И что же они сделали теперь? Додумались расписать табель вместо одного - на два месяца и соответственно переделали все остальные документы! То есть пошли на прямой подлог, причем с переплатой районного коэффициента на полтысячи рублей. Кому пошли эти деньги? Не знаю. Как можно думать, не рабочим, поскольку за рабочих, как вы помните, получал Меккер. А кому он давал - почему-то никого не заинтересовало, поскольку выяснилось, что мне он не давал.

- Простите, Юлий Ефимович, но я до сих пор не понимаю, какое имеют к вам отношение бухгалтерские операции, причем не МРКС, а МКПП?

- Но ведь я рассказывал, что Меккер мне звонил от Куприянова по телефону и что я, в свою очередь, попросил Куприянова с этим разобраться...

- Да, помню.

- Так вот, единственное упущение в финансовых вопросах, с которым можно было связать меня,- вот это. Когда вскрылся факт подлога, Куприянов и Бернотас показали, что распоряжение такое дал им я.

- А вы его давали?

- Конечно же нет! Как я могу что-то приказывать

субподрядчику? Да и никакой нужды в этом не было, уверяю вас. Я до сих пор не понимаю, почему они решили так сделать, какая им была от этого вы года...

- А если прямая - вот эти полтысячи рублей?

- Вы думаете? - Гитерман смотрит на меня недоверчиво, затем он улавливает правомерность предположения.- Может быть. Я как-то не подумал об этом. А может быть, Меккер им сам подсказал? Но главное не это. Как показала на суде бухгалтер МКПП, ведомости на выплату были готовы еще накануне нашего разговора по телефону. Это сделал Бернотас, своей властью, а когда мы разговаривали с Куприяновым, Бернотаса уже не было. Они переправили табель, наряды, приказ, об этом прямо сказано в моем судебном приговоре. Однако никто из них не понес никакой ответственности. Получалось так: они - исполнители, я - соучастник, хотя категорически отрицал свою причастность, но всю ответственность суд возложил на меня, а в их адрес даже не вынес особого определения! Представляете? Переплаченных пятисот рублей как будто не существовало... Больше того. За то, что они свидетельствовали против меня, дело по поводу их подлога так и не было возбуждено. Скажите, как после этого можно относиться к такому "правосудию"?

И он горестно машет рукой.

Как относиться? Только отрицательно. Я невольно вспоминаю записки Генриха Штадена об опричнине, которые в свое время изучал. Когда Россия была поделена на опричнину и земщину, опричники бросились грабить земцев, возникло много судебных исков, и Иван IV дал следующий наказ судьям: "Судите праведно, что наши (т. е. опричники.-А.Н.) виновны не были". Как живучи, оказывается, кое-какие российские установления, особенно в судах, наблюдая за работой которых порой думаешь, что ошибся на два-три века, а то и больше! Вот они, ревнители "опричников", поименованные в приговоре, который вынесла по делу Гитермана уголовная коллегия Мурманского областного суда - председательствующий В. Г. Орлов, народные заседатели А. Г. Чернюк и Е. М. Чарыгина - "великие молчальники", как их именуют в народе, и прокурор Эменджиянц Л. В. Их задачей было не осудить Гитермана, а оправдать следствие.

А Гитерман?

Ну, что Гитерман? Его же выпустили! Да и два года условных - это формальность, все понимают. Полтора года покрывают отсидку, а еще полгода поработает где-нибудь под присмотром - вот и все... Да, скорее всего, так они об этом и говорили, выходя из здания суда...

Но Гитерман был не единственным потерпевшим.

Суд над Стрелковым, председателем рыболовецкого колхоза "Волна", состоялся в конце марта 1985 года. Осудили его на два года условно, но, как водится, из партии исключили и с должности сняли. Узнал я об этом деле уже где-то осенью или в начале зимы, когда стали приходить вести от Гитермана, и был поражен этим известием.

Стрелков был коренным помором, всю жизнь прожил на Берегу, а стало быть, пережил все, что выпало на долю здешних жителей: "укрупнение", снос, ликвидацию и переселение поморских сел, разорение хозяйств, бегство людей в города, начавшееся здесь гораздо позднее, чем на материке... Я всегда утверждал, что своим существованием Чапома обязана Стрелкову - его настойчивости, энергии, вере, что все как-нибудь "образуется", нехитрой дипломатии с местным начальством и умению "претерпеть" от вышестоящих. Он сохранил и село, и народ в самые критические годы своего председательствования и, главное, не растерял, а потом даже сумел вернуть из города молодежь, когда с приходом Гитермана на пост председателя МРКС началось возрождение Терского берега.

"Его-то за что?" - невольно воскликнул я, вспомнив коренастую, чуть косолапящую фигуру чапомского председателя, красное, обдутое всеми северными ветрами остроносое лицо и синие, словно промытые морскими далями, зоркие глаза помора. Жизнь Стрелкова проходила у всех на виду. Каждую минуту круглосуточно он был занят людьми и колхозом, так что на свое хозяйство времени у него никакого не оставалось. В конце концов дом Александра Петровича оказался самым худым на селе и требовал уже не ремонта, а перестройки. Когда об этом заходил у нас разговор, Петрович только махал рукой и, улыбаясь, говорил, что, дескать, до конца его работы дом простоит, а когда на пенсию пойдет, попросит у правления МРКС какую-нибудь комнатенку в Мурманске, поближе к детям и внукам... До пенсии, когда случилась непонятная для меня история, ему оставалось всего два года, но что там на самом деле произошло, толком мне никто объяснить не мог. Сам Стрелков в Москву не приезжал, а у меня в Мурманск или на Терский берег тоже дорога не ложилась...

Были и еще два председателя - Подскочий, из Белокаменки, и Коваленко, из Териберки. Сначала я решил, что они проходили по одному делу с Гитерманом, но тот категорически это отверг.

У каждого из них было свое дело, впрочем, тоже высосанное из пальца. Стрелкова обвинили в незаконной переплате денег бригаде ремонтников. Все было законно, только он забыл договор утвердить на правлении колхоза, к этому и придрались. Правда,

мне говорили на следствии, будто бы Стрелков сознался, что давал мне взятку, но это был уже блеф самый откровенный. То же самое и с Коваленко. Мне говорили, что он поссорился с прокурором района - семгой к празднику не поклонился или мясо не привез,- ну, тот и решил его для острастки посадить... Что вы, не знаете, как это у нас делается? С Подскочим что-то более серьезное. Что их обо мне спрашивали, это я точно знаю: мои следователи уверяли, будто бы те сознались во взятках, которые давали мне.

- Опять взятки?

- Ну конечно! Но потом уже о них никто не вспоминал.

Что ж, нет так нет. Ему виднее. И все же меня не оставляет мысль, что неспроста все эти дела председателей колхозов и председателя МРКС возникли в одно время. Так ли уж случайно повторял Александров, начальник ОБХСС УВД области, Гитерману, что скоро они "всю эту перестройку прикроют и выведут на чистую воду"? Нет ли здесь попытки расправиться с Гитерманом как с одним из инициаторов возрождения Терского берега? Отсюда и настойчивые поиски его "неформальных" связей с Каргиным, начальником "Севрыбы", которые искал генерал-майор Данков. И он, и следователи не раз говорили Гитерману, что Терский берег - золотое дно, иначе зачем ему заниматься этими колхозами. Все сходится на Терском береге, на том самом Терском береге, который районное руководство вот уже четверть века добивается "закрыть", сселив все села в Умбу, в райцентр.

Деятельность МРКС на Терском берегу оказывалась опасной для многих людей, повинных в том, что там происходило раньше. Строительство зверобойки было не просто обличительный в своем роде акт. Появилось как бы "двоевластие". Умба и прилегающие к ней окрестности с леспромхозом принадлежали районному начальству, были ему подконтрольны. Дальше, на восток, где располагались три оставшихся в живых колхоза, практически распоряжалась "Севрыба" во главе с Каргиным и советом директоров. И здесь начинала утверждаться уже совсем другая жизнь. Вчера еще отчаявшиеся люди теперь обретали смысл и перспективу своей жизни и работы, учились серьезному отношению к делу, учились экономике и хозрасчету, осваивали новые для себя профессии и молодели на глазах, забирая постепенно в свои руки и хозяйственные планы, и оборот, и выпущенные было из-под надзора земли, леса и реки.

С таких вот позиций одновременный удар по лучшим председателям колхозов, входящих в МРКС, и по его председателю был вполне оправданной в политическом отношении акцией. В случае удачи она позволила бы стоявшим за

руководством УВД области силам не только подавить хозяйственную инициативу МРКС и "Севрыбы", но и лишить ее вожаков. Все это хорошо вписывалось в подобные акции, прошедшие в 1985 году по всей стране, где оппозиция перестройке попыталась использовать имевшиеся у нее рычаги административной, партийной и судебной власти именно для того, чтобы раздавить и парализовать начавшееся снизу движение. Причем сделано это было с тем психологическим расчетом, что ни партийные органы области, ни руководство "Севрыбы" не посмеют вступиться за Гитермана и председателей, которых объявили ворами, валютчиками и взяточниками. Так и произошло. Дальше действовала, как видно, отработанная за предыдущие годы система: не "психологические подходы" к преступнику, а обыкновенный шантаж, угрозы и физическая расправа, поскольку ничего святого для людей, борющихся за собственное благополучие, чины и жизнь, не существует.

"Концы" вроде бы сходятся, все лежит на поверхности, но опыт историка и археолога заставляет меня относиться с недоверием к таким вот объяснениям, прямо вытекающим из содержания документов. Не фактов, а именно документов, которые составляются так, чтобы факты действительности представить в определенном освещении. Однако других объяснений у меня пока нет. Будут ли - еще неизвестно. Во всяком случае не раньше, чем я окажусь снова на Кольской земле и попытаюсь выяснить, что же происходило там два года назад.

Наш разговор с Гитерманом подходит к концу. Он прощается. Из окна мне видно, как он выходит из подъезда дома с портфелем и авоськой в одной руке, останавливается, на минуту заколебавшись, в какую сторону повернуть, заворачивает направо и, чуть сгорбившись, исчезает за углом дома, унося с собой нелегкие думы о будущем и гнетущую тяжесть пережитого. Ко всему этому мне придется еще возвращаться, перечитывая привезенные им бумаги и прослушивая запись нашего разговора, который оставил во мне ощущение, что я упустил в нем что-то весьма важное, что мне еще предстоит найти.

2.

В Мурманск я лечу месяц спустя после встречи с Гитерманом. За бортом, как сообщает стюардесса, минус пятьдесят, ослепительное солнце на безоблачном небе, но внизу сплошная пелена облаков, и совсем неизвестно, чем встретит Мурманск - хрустящим снежком или хлещущим дождем очередного циклона. Накануне был дождь, это я знаю от Каргина, с которым говорил по телефону.

Пожалуй, встреча с Каргиным - самое трудное, что ждет меня в Мурманске. Позиция, которую занял начальник "Севрыбы", депутат Верховного Совета СССР Михаил Иванович Каргин в деле Гитермана, на мой взгляд, не находит себе оправдания. Вместо того чтобы выступить в его защиту, пойти на прием к Генеральному Прокурору СССР, он предпочел отмолчаться, уйти в сторону. Даже потом, когда Гитермана выпустили, Каргин его не принял, передал, чтобы подождал суда, "очистился бы" и уже тогда приходил для разговора... Струсил? Но чего? Или - почему струсил?

Что такое могло стоять за мифическим "должностным подлогом", что тревожило и не давало покоя начальнику "Севрыбы"? Признаться, на этот вопрос я не мог найти удовлетворительного ответа, и он продолжал терзать меня своей неопределенностью. В первую очередь потому, что Каргин мне нравился. Он импонировал мне своей широтой, смелостью взгляда, пониманием проблем, быстротой решений. Нет, далеко не во всем мы сходились. Наверное, если быть точным, мы сходились с ним в немногом, потому что были очень разными людьми, но зато сходились в интересующих нас вопросах - в отношении к человеку, к делу, к земле, к рыбаку и крестьянину. Сейчас событиями я был поставлен в очень трудное положение. По своему характеру я не мог, да и не хотел, нужды не было, притворяться. При первой же встрече с Каргиным я должен был выяснить его позицию в отношении Гитермана: я слишком уважал Каргина, чтобы утаивать от него изменение моего к нему отношения.

Это было чертовски трудное положение, но оно касалось не одного начальника "Севрыбы". Я не хочу быть романистом, потому что мне скучно писать диалоги и придумывать несуществующих героев, тогда как рядом со мной живут, работают, страдают и ищут свои цели в жизни множество интереснейших людей. Но в какое бы дело ты ни ввязался, вместе с друзьями приобретаешь и врагов, потому что публицист

никогда не может быть лишь беспристрастным летописцем событий.

Так получалось, что я никак не мог быть на чьей-то одной стороне. "Сторон" оказывалось слишком много, причем очень противоречивых. Один и тот же человек, как то часто бывает, в жизни бывал далеко не однозначен. Я был безусловно "за" Гитермана во всем, что касалось его следственных и судебных мытарств, но в отношениях Гитермана и Тимченко я столь же безусловно оказывался на стороне последнего во всем, что касалось базы флота и отношений руководства МРКС и колхоза "Ударник". То же самое я мог сказать и в отношении других людей. Я был "за" Каргина, как руководителя "Севрыбы", но мне претила его позиция в отношении к Гитерману, а еще раньше - к Тимченко. И все это только начало.

Отправляясь в Мурманск с тем,- чтобы разобраться в делах председателей колхозов, я, похоже, влезаю в запутанную и грязную историю, в которой "отцы" города и области проявили себя отнюдь не с лучшей стороны. Сейчас они хотели бы предать прошедшее забвению, так что мой приезд вызовет только обиду и раздражение. Но ничего не поделаешь. Цезарь по такому поводу сказал бы фразу, которая потом вошла бы во все учебники. Мне же остается только ждать и смотреть, как будут разворачиваться события. Самолет идет на посадку, кто-то будет меня встречать, как пообещал Каргин, внизу уже видна широкая лента Туломы, знакомые сопки с редколесьем, совсем близко за иллюминатором проносятся припорошенные снегом елочки, желтеет сухая трава по краю взлетной полосы, легкая встряска - и вот мы уже медленно подруливаем к низкому зданию мурманского аэровокзала.

Действительно, меня встречают. Еще пробираясь через толпу, ожидающую вещей, я примечаю двоих, стоящих на видном и в то же время не слишком выделяющемся месте у справочного киоска. Свет бьет в глаза, за фигурами большое окно, потому я не сразу узнаю в одной из них Виктора Георги, ответственного секретаря еженедельника "Рыбный Мурман", встреча с которым для меня особенно сейчас приятна. Георги в курсе дел всего рыбного хозяйства области, может дать дельный совет или справку, не меньше, чем я, интересуется положением дел в рыболовецких колхозах и "болеет" за Терский берег. Но главное, конечно, заключается в том, что он именно тот человек, с которым мне легко и интересно работать. Мы знакомы уже несколько лет, вместе выезжали в районы области, и я уже привык, что на Кольской земле меня сопровождает Георги - невысокий, чуть полноватый, в потертом кожаном пальто с ремнем, с полным

добрым лицом, на котором сейчас появились искорки рыжеватых усов, делающие его похожим на Эркюля Пуаро, знаменитого героя романов Агаты Кристи. Второй - высокий, костистый, а потому несколько нескладный, в темно-сером пальто и новой ондатровой шапке - оказывается сотрудником отдела по делам рыболовецких колхозов - "уполовиненного" теперь отдела, сразу поправляет Георги, потому что с образованием Всесоюзного объединения рыболовецких колхозов (сокращенно - ВОРК) он превратился в отдел внутренних водоемов: формально МРКС теперь не подчиняется "Севрыбе".

Это - первая новость, за которой, я чувствую, последует немало других. Через несколько минут черная севрыбовская "Волга" уже несется по пустому шоссе между присыпанных первым снегом сопок. С погодой мне повезло: бесконечная пелена облаков начала рваться на самых подступах к Мурманску, и теперь в лохматые просветы нет-нет заглянет холодное полярное солнце. Георги говорит, что это результат их стараний к моему приезду: две недели Мурманск утюжил дождями и ветром очередной циклон, а теперь синоптики обещают неделю хорошей погоды. Так что если я собираюсь на Терский берег, вполне возможно, что удастся не только долететь туда, но и вернуться. Он, Георги, во всяком случае, на это очень надеется, потому что хотел бы меня сопровождать. Конечно, если я не против...

Вот это самое приятное и ценное в Георги. Не деликатность, это само собой, а умение предугадывать события. Это значит, что он точно так же интересуется всей этой историей, а потому рассчитал, что одним из первых моих шагов станет поездка в Чапому, к Стрелкову. О моем приезде он узнал от Тихончука, вот этого долговязого сотрудника отдела внутренних водоемов, который был послан Каргиным встречать меня в аэропорт. Но Тихончук меня не знал, никого из знакомых в Мурманске не оказалось, и он догадался заехать в редакцию еженедельника, чтобы взять Георги "для опознания". Теперь, в машине, Георги вводит меня в курс мурманских дел.

- ...Сначала - "Севрыба". Каргин ждет вас у себя в кабинете, сказал, чтобы прямо везли к нему. Номер, как вы и просили, заказан в новом Доме межрейсового отдыха моряков. Ну, что в "Севрыбе" - все Каргин расскажет. Шаповалова, его заместителя, уже нет, вместо него Наумов из промразведки, главный "шеф" чапомской зверобойки. Несветов? Он сейчас куда-то уехал...

- К отцу. Отец у него заболел,- сообщает Тихончук о своем начальнике.

- Главное, вокруг чего сейчас страсти кипят,- это ВОРК, во главе которого по-прежнему стоит Эвентов. Управление по делам

рыболовецких колхозов Минрыбхоза СССР преобразовали во Всесоюзное объединение этих колхозов, то есть в главк, еще одну надстройку сделали. Впрочем, о ВОРКе тут с вами каждый второй говорить будет, поэтому не стану забегать вперед. Одни считают, что он нужен, другие - что нет... В общем, сами разберетесь!

Судьба ВОРКа меня пока не волнует, а вот отсутствие в Мурманске Несветова несколько нарушает планы. А может быть, это и к лучшему? В делах председателей он мне не помощник, у нас с ним разные взгляды на них, это-то мы с ним давно выяснили. Но отсутствует не только Несветов.

- Егорова в Мурманске тоже нет. Уехал в отпуск и вернется только через месяц. Он на прежнем месте, заместитель председателя МРКС по сельскому хозяйству колхозов.

- А Тимченко?

- В Минькино. Я ему позвонил перед выездом, как только узнал, что вы прилетаете. Ждет, хочет встретиться. Ну, у него есть что порассказать! Наверное, вы и к Коваленко в Териберку собираетесь?

Во всяком случае, хотел бы. Как он? Пока я не хочу говорить при посторонних, что виделся с Гитерманом и что интересуюсь его делами. Для всех, кроме Георги, я приехал в командировку, чтобы посмотреть, как идет перестройка в рыболовецких колхозах области. И в общем-то, я не могу сказать, что это не главная цель моего приезда. Что получится из моего "расследования" - еще толком не знаю, а вот изменения в жизни колхозов, шаги, которые сделала Чапома, получив базу зверобойного промысла, мне чрезвычайно интересны.

- С Коваленко все в порядке, работает в Териберке председателем,- отвечает Георги.- Я с ним не виделся, но слышал, что он подавал апелляцию, был суд в Мурманске, ему пересмотрели приговор, что-то там изменили, сократили, и он остался на своем месте.

- А Подскочий?

- Кажется, он куда-то на юг уехал, к брату, нет его в Мурманске,- отвечает Тихончук вместо Георги.- Его судили, исключили из партии, нашли какие-то большие хищения. Говорят, несколько тысяч присвоил, на суде сознался.

- Но за это же его должны были посадить?!

Тихончук пожимает плечами. Он не знает, не интересовался этим. Его дело - внутренние водоемы, к колхозам он никогда отношения не имел. Если бы был Несветов, тот мог бы объяснить, как и почему, тот знает.

- Что-нибудь писали обо всех этих делах у вас? - спрашиваю я Георги.- Или так ничего и не было?

- Ни строчки. Полная тайна. Зато слухов и раз говоров было больше чем достаточно. И сейчас еще о Гитермане говорят. Ведь никто ничего понять не может! Ему дали два года условно: полтора года ушло в зачет за предварительное заключение, полгода он где-то у себя на родине отработал. Вроде бы он сейчас в Мурманске. Хотите с ним встретиться?

- Может быть,- говорю я неопределенно и задаю вопрос о новом председателе МРКС, с которым мне предстоит увидеться сегодня вечером или завтра - в один из первых дней.

- Ну, что можно сказать о Голубеве? - отвечает Георги.- В отличие от Гитермана - человек мягкий. Многие даже сетуют: не чувствуется, говорят, твердой руки. Ох, как мы ко всякой "твердости" привыкли! Немногим больше года на этом месте. В прошлом - капитан, потом работал в центральном конструкторском бюро "Севрыбы", теперь знакомится с новым для себя делом. Интеллигентен, любит поразмышлять, мнение свое людям не навязывает. Другой стиль руководства. Но иногда задумаешься - а руководство ли это? Нет напористости Гитермана, нет его энергии, но в то же время нет его упрямства...

- Вот-вот,- вступает в разговор Тихончук.- По этому и базу флота развалил, кончилась мурманская база флота!

- Кто же теперь из нее вышел?

- Савельев. Это самая последняя новость. Вы знали Савельева? Возглавлял отдел кадров в МРКС. До этого на флоте работал, молодой, а тут захотел пойти председателем в Ура-губу, в колхоз "Энергия". Поработал немного, подружился с Тимченко, стал перенимать его опыт. А на прошлой неделе сделал то же, что сделал три года назад Тимченко: увел свои суда из базы флота! Помните, какой был тогда скандал? - оживляется Георги.- А теперь - тишина. Никто слова не сказал, будто так и надо. А ведь и на самом деле так надо: если колхозу невыгодно флот в базе держать - так это его флот, он хозяин, он сам и решает! А что такое база без "Ударника" и "Энергии"? Уведет свои суда Коваленко - и конец, останется только флот "Северной звезды", которая без Подскочего теперь на ладан дышит, да три судна, что в прошлом году дали терским колхозам. Тоже проблема. Каждому колхозу - по одному судну, да и то по старому, да и то за год до того, как им всем в календарный ремонт идти надо. А фонд на амортизацию с ними на колхозный счет не перевели! И об этом с вами говорить будут! - обещает мне Георги.

Терским колхозам продали корабли? Но то, о чем рассказал Георги, может обернуться не поддержкой, а глубокой долговой ямой, из которой никакая межхозяйственная кооперация не поможет, выбраться. Удар по базе флота - это, безусловно,

торжество Тимченко. И то, что эту базу "Севрыба" бросает на произвол судьбы, тоже симптоматично: что-то там оказалось не так...

- Как ко всему этому относится Каргин, Витя?

- Ему, мне кажется, теперь не только до базы, но и до колхозов нет дела. Они ведь теперь уже не его! У "Севрыбы" свое хозяйство, дай бог с ним управиться. Промысловая обстановка на глазах ухудшается, ловить нечего, неизвестно, как план выполнять и выполнят ли в этом году. Районы разбросаны, большетоннажные суда, которые мы строили и строим, теперь себя не оправдывают... И с межхозяйственной кооперацией неизвестно, что теперь делать. На нее, как вы помните, и раньше-то предприятия "Севрыбы" не слишком охотно шли. Но тогда был Гитерман, который все это делал. Тогда нажимал обком, тогда сам Каргин за всем этим следил и во все вникал. А теперь нет Гитермана, сменились председатели, наконец, произошло официальное разделение... Кому теперь все это надо?

- Выходит, правы были председатели колхозов, которые не хотели увеличивать поголовье скота и спрашивали, что им делать, если кооперация лопнет?

- Выходит, были правы. Для мурманских колхозов все осталось, как было: сообщение с городом есть, реализовать продукцию можно в два счета. Но вот на Терском берегу предприятия от кооперации откажутся - тогда колхозам плохо придется. Единственный выход - скот под нож пустить. А что с фермами делать, с идущим уже строительством?..

Все здесь завязано в один тугой узел - личные отношения, сельское хозяйство, океанический лов. Все вроде бы знакомо, и люди те же, а впечатление, будто не два с небольшим года прошло, а по меньшей мере десятилетие. Перестройка? А у нас в хозяйстве перестройка не прекращается. Еще не успели одно построить, до ума довести, как уже все ломаем, перестраиваем, с места на место переносим. Не успели по-новому расставить все - опять таскаем из угла в угол, новое выкидываем, новейшее тащим, а кроме сутолоки, ничего нет: коровы стоят не доены, не кормлены, овцы дохнут, а картошка под открытым небом мерзнет и гниет... И все потому, что наверху управленческий аппарат крутится, своей особой жизнью живет, обновляется, перестраивается и - не дает работать внизу, на земле, откуда только и может продукт идти. План по добыче, план по производству, но никогда - план по потребностям, по потреблению, по реализации. Где, сколько и чего нужно. Тогда, может быть, и встало бы все на нормальные рельсы. А пока, при "плановом" хозяйстве, никто не знает, что будет завтра, потому

что план строится не по сегодняшнему даже, а по вчерашнему дню, загодя, и никаких коррективов в него уже не ввести...

За разговором мы въезжаем в Мурманск. Он тоже перестраивается, причем значительно лучше, чем его хозяйство. По склонам сопок спускаются к долинам и к заливу многоцветные и многоугольные бастионы домов-кварталов. Природа словно специально подбросила архитекторам подобную головоломку, и, хотя мурманчане своим городом вроде бы недовольны, я считаю Мурманск одним из самых удачных и интересных городов Заполярья, во всяком случае в его новой части. Но вот мы въезжаем в старую, центральную часть, выстроенную на месте обгорелых пустырей сразу же после войны, притормаживаем у редакции "Рыбного Мурмана", где сходит Георги, и за площадью и припорошенным первым снежком сквером мне открывается знакомое здание с колоннами, только не розовое, как два с половиной года назад, а теперь уже бирюзовое, где на втором этаже в своем кабинете меня ждет начальник "Севрыбы".

Об этом я помню все время и, даже разговаривая с Георги, размышляю, зачем нужна такая спешка, тем более что на следующий день Каргин никуда не уезжает, как он сказал мне накануне по телефону. Конечно, все могло измениться, в отличие от меня своим временем начальник "Севрыбы" не располагает, и все же мне кажется почему-то, что главное здесь - желание встретиться первым, чтобы узнать о моих планах, о том, что я собираюсь предпринять и вообще зачем приехал в Мурманск в такое неурочное время года. И опять мне непонятно, как в случае с Гитерманом: чего Каргину-то волноваться? А может быть, это все мои домыслы, у Каргина оказалось "окно" и он решил его сразу использовать, чтобы потом не пришлось нам искать время встречи?

И вторая мысль, обычная, с которой я вхожу каждый раз в тяжелые стеклянные двери позади колоннады портика: меняется Мурманск, но не "Севрыба". В таких вот зданиях конца 40-х - начала 50-х годов, при всей их эклектике и безвкусице, к которым мы уже привыкли, есть давно забытая проектировщиками фундаментальность и добротность, так сказать, "повышенный запас прочности". Они напоминают старые респектабельные фирмы, которые не рвутся вперед, довольствуются небольшим процентом прибыли, но зато выдерживают все штормы кризисов.

Кабинет у Каргина под стать такой фирме - просторный, добротный, с тяжелой темной полированной мебелью, с длинным столом совещаний, широким рабочим столом, который украшен массивным письменным прибором с латунными якорями и штурвалами. Здесь ничего не меняется - те же карты Мирового

океана на стенах, большая карта Советского Севера, расцвеченная по побережьям морей условными значками колхозов, рыбопунктов, метеостанций, лабораторий и опытных хозяйств.

Ну, а Каргин - прежний?

Вроде бы все как было - крепкое, на мгновение затянувшееся рукопожатие, форменный пиджак без единой морщинки, вид бравый, но сквозь прежний задор в голосе прорываются какие-то несвойственные ему ноты, да и под глазами что-то уж очень набрякли мешки. Капитан рыболовецкой державы Севера устал, и это не сиюминутная, на другой день проходящая усталость, а та, что ведет счет прожитым годам и своим резцом незаметно, но безжалостно проводит сеть морщин возле глаз, у складок рта и прореживает короткий ежик стрижки до легкого уже ореола.

Почти физически я ощущаю его цепкий взгляд, скользящий по мне, столь же оценивающий, как и мой, когда мы садимся друг против друга. Иногда мне кажется, что Каргин испытывает ко мне такое же острое любопытство, как и я к нему. В чем-то мы схожи, иначе откуда такое желание понять другого, "обнюхаться", как он говорит. Мы вызываем друг у друга любопытство, как неожиданно встретившиеся существа из разных пространств и измерений. Или просто не укладываемся в те стереотипы, которыми привыкли оперировать?

Каргин привлекает меня и как человек, и как крупный руководитель. Мне интересны его заботы, способ, которым он решает встающие перед ним проблемы, характер его общения с людьми, его собственный характер - решительный, властный. Разговаривая и наблюдая за ним, я пытаюсь понять и положение способного организатора на достаточно высоком уровне нашей системы хозяйства, и механизм действия самой системы, так часто вступающей в противоречие с собой, с теми постулатами, которые были в нее когда-то заложены, и с теми целями, которые она вроде бы преследует. Председатели, Гитерман, Каргин - это все звенья одной цепочки, разные уровни одного государственного механизма, взаимодействие которых мне так же интересно, как взаимосвязь и взаимозависимость явлений природы в системе биосферы. Разница только в том, что законы биосферы отлаживались природой, как и ее механизм, в продолжение шести миллиардов лет, они исключают субъективизм, в то время как при всей заданности механизма хозяйствования объективные законы экономики подменены волевыми решениями, а действия каждой привходящей в этот механизм человеческой молекулы определяются множеством окружающих ее субъективных факторов.

Встречи с Каргиным для меня всегда плодотворны. Что же

касается его, то вряд ли он стал бы тратить свое время впустую. Значит, и он что-то получает от нашего общения?

Что он получал от общения с Гитерманом?

Но можно ли назвать служебные встречи "общением"? Может быть, не случайно совсем в характеристике Гитермана, направленной в суд из "Севрыбы", я обнаружил такую вот примечательную строчку: "Скрытен в вопросах личной жизни". Что это - упрек, что не организовывал застолий и сам не пил? Строчка эта как нельзя лучше высветила для меня нелады, которые таились в отношениях между Гитерманом и его непосредственным начальством. Что-то там было, но что? Сейчас этот вопрос я не буду задавать Каргину. Не потому, что он на него не ответит. Ответит! Но я получу не тот ответ, который интересует меня, потому что он будет - о другом. Ведь сокровенное, часто только ощущаемое, человеку всегда трудно сформулировать. И не потому ли Каргин, безусловно готовившийся и к встрече, и к нашему разговору, в котором так или иначе всплывут все "больные" вопросы, сейчас ерничает:

- Приехали, значит... На нас посмотреть и себя показать, так, что ли? А что смотреть? Перестройку нашу? У нас тут ого-го какую перестройку устроили! Такую "охоту на ведьм", что только держись. На всю область шухер был, только до Москвы не дошло... А что в итоге? Да ничего. Людей измордовали! Гитермана мы потеряли, это вы знаете. Стрелкова потеряли, Подскочего - тоже... Одного Коваленко отстояли, да и то чего это стоило. Но тут уж, как говорится, всем миром навалились, благо он последним шел. Опомнились! Это что, перестройка? В самый ответственный момент лучших работников порубили. Настоящих, проверенных! И до сих пор им замены нет. Не были еще в рыбаксоюзе? Ну, будете. Поставили одного на место Гитермана, очень он просился - не тянет, опять менять надо. А кем заменять, скажите на милость? У них там за эти два года все вразвал пошло. База флота последние дни доживает: колхозы свои суда отзывают, а эти мудрецы только глазами хлопают. И сказать ничего нельзя - демократия! Да и как говорить, если колхозы уже не наши? Зачем, спрашивается, этот ВОРК нужен, если он ничем своих колхозников обеспечить не может?..

Каргин говорит с запалом, говорит о той "занозе", которая, как видно, ему больнее всего, потому что впилась в самое уязвимое место, в его детище - межхозяйственную кооперацию. ВОРК далеко, в Москве, у него нет ни своего снабжения, ни своих баз, ни своих специалистов, ни ремонтных заводов - ничего, кроме еще одной надстройки, чисто бюрократической. А "Севрыба" здесь, под боком, все через нее, и без нее колхозам

шагу не сделать...

- ...Создали они это всесоюзное объединение,- обличает Каргин,- выделились от нас, а дальше что? Демократию развивать? А что стоит демократия вообще, если она фондами не обеспечена? Если за каждой гайкой, за каждой ниткой надо колхозу в Москву ехать или опять ко мне на поклон идти? А я теперь не дам: откуда? Раньше фонды на колхозы шли через "Севрыбу", ну и мы тоже помогали, чем только могли. А теперь? На хрена это надо было придумывать? По-моему, тут вместо демократии только бюрократию развели, еще одну инстанцию создали... Ну, хорошо,- остывает он.- Хотите сами управляться - ваше дело, нам же легче. Но что прикажете делать с кооперацией, в которую столько сил вложено? Как я могу теперь заставить своих директоров помогать колхозам, если и раньше, когда колхозы к нам в объединение входили, они только под моим нажимом что-то для них делали? Ведь вся эта кооперация - чистейшей воды благотворительность...

Но тут Каргин уже явно хватает через край, о чем я сразу ему напоминаю.

- Не совсем так, Михаил Иванович,- останавливаю его.- Кооперация спасла терские колхозы, все верно, никто тут спорить не станет. Ваши предприятия взяли на себя закупку и реализацию сельскохозяйственной продукции, и она им, как известно, обходится в копеечку: накладные расходы на транспортировку по воздуху - рубль на килограмм. И все же, признайтесь, на это вы пошли не ради своей широкой души и печальных глаз Гитермана. Для вас - для "Севрыбы", для всех входящих в нее предприятий и объединений - это был выход, причем крайне выгодный. Сколько вам надо было бы потратить средств, чтобы на пустом месте создать подсобные хозяйства предприятий, как это требовала от вас Продовольственная программа?

- Миллионов сорок-пятьдесят...

- А какой срок нужен был бы, чтобы получить хотя бы копеечную отдачу?

- Три-пять лет, не меньше. Ведь тут скалы и болота пахать надо, строить помещения, вести водопровод, людей набирать...

- Вот-вот. А тут сразу все готовое, и всего один- два миллиона на перспективу. Что, не так? Из такого расчета и накладные расходы в десятки тысяч никто в расчет не берет. Так что скажите спасибо Гитерману! Кстати,- я круто меняю тему разговора,- что с ним теперь будет?

Словно споткнувшись на имени Гитермана, Каргин потухает. Он оседает в кресло и отворачивается к окну. Отвечает он тоже не сразу.

- С Гитерманом? А что с ним будет? Отсидел в тюрьме, отделали его как бог черепаху, а теперь, наверное, и условный срок у него кончился. Не заходил. Кто говорит, он вообще из Мурманска уехал, кто говорит - здесь его видели... Я на суде не был, не знаю, что там было. Если захочет работать, я от него не откажусь, работник он хороший. За Терский берег ему можно золотой памятник поставить, да только толку теперь что?

Каргин говорит отвернувшись, как будто в окне он увидел что-то очень интересное, что занимает его мысли. И я вдруг понимаю, что этому сильному, волевому человеку, который не побоится в одиночку пойти на медведя, сейчас не хочется смотреть мне в глаза. Наступает тягостное молчание, которое я нарушаю вопросом:

- Михаил Иванович, почему вы не заступились за Гитермана?

Он резко поворачивается.

- Кто вам сказал, что не заступился? Я ходил в обком, звонил Данкову, сказал, что сомневаюсь в виновности Гитермана, что надо было подождать, проверить. Мне ответили, что доказательства уже есть, нет только признания Гитермана, так что все законно...

- И вы, член бюро обкома, ничего не попытались сделать?

- А что я должен был делать, если мне так ответили? - спрашивает Каргин с вызовом.- Мне ответил первый секретарь обкома, что он дал согласие на арест Гитермана. А кто я такой, чтобы сомневаться?

- Вы? Депутат Верховного Совета. Это - немало.

- Ну и что я должен был сделать как депутат? Пойти жаловаться? А мне сказали: сиди и не рыпайся, не твое дело. Это дело следственных органов. Давление на них оказывать? Кто бы мне это позволил? А потом, откуда я знал, может, Гитерман и вправду брал взятки?

- Но сейчас-то вы знаете? Суд снял с него это обвинение.

- Суд с него обвинение не снял, он его отклонил "за недоказанностью", а это не одно и то же. Не думайте, что я согласен с судом. Если бы это было так, я бы просто сейчас не стал с вами разговаривать о Гитермане. Сейчас я знаю, что он ни в чем не виноват, мы тут то же свое небольшое следствие провели, и я сейчас так же, как и вы, уверен в невиновности Гитермана. А в то время - нет...

- Но вы же его хорошо знали!

- Как это я мог его хорошо знать? Домами мы не знакомы, ни я у него, ни он у меня дома не бывали, только здесь, вот в этом кабинете, на совещаниях, да несколько раз в общих поездках. А там, как вы знаете, не до знакомства... У меня в "Севрыбе" десятки

тысяч человек, сотни руководителей, и всех их я должен знать? Я могу представить человека только по его деловым качествам, по тому, как он решает вопросы, как отвечает за порученное ему дело. Да, Гитермана я знал, сам пригласил его на место председателя МРКС, потому что видел: мужик толковый, энергичный, с ним можно работать, и работать хорошо... А что он там себе думает, как и чем живет - это уж извините! Вы его и то лучше как человека знаете, чем я. Да, я всегда считал его честным и порядочным человеком, не мог поверить, когда все это случилось. Но мог ли я положа руку на сердце сказать, что все это гроша ломаного не стоит, что он не брал никогда? Не мог...- Каргин откинулся на спинку кресла и снова перевел взгляд на окно, словно сбрасывая с себя напряжение минутной вспышки.- Да и за кого сейчас поручиться можно? Думаете, мне все это далось легко? Этот Данков и его ищейки вокруг нас всех крутились. Едем с ним на охоту, а мне кажется, что он меня из-под надзора не выпускает, как бы я куда от него не сбежал! И в обком его вызывают, спрашивают, скоро ли конец. А он твердит, что следствие почти закончено, все улики на руках, еще немного - и полное признание ото всех будет получено... Ну а потом просто уже ни во что ввязываться не хотелось... Бесполезно.

- Почему?

- Вы что, не понимаете? - Каргин резко поворачивается ко мне на кресле.- А кто будет отвечать за нарушения законности, если сейчас поднять вопрос о полной невиновности Гитермана? Кого сажать? Тут ведь одними следователями не обойтись, тут весь аппарат управления надо трясти снизу доверху, и прокуратуру, и суд, который Гитермана судил,- весь суд с заседателями вместе! Тут и обком не останется в стороне. Об этом вы подумали? Нет, не пойдет сейчас никто на это. Сейчас только один Гитерман пострадал, да и то счастливо выпутался. А теперь, если все по-новому начинать, места на скамье подсудимых не хватит для всех тех, кто его шельмовал и мордовал! Сколько людей под статью попадет, вы думали? А Гитерман уже на пенсию вышел, работать ему не обязательно, относятся к нему в общем-то хорошо...- И, словно потеряв всякий интерес к теме, Каргин вяло заканчивает: - Если уж поднимать этот вопрос в обкоме или еще где, так только вам. Конечно, я тоже поговорю, только вряд ли что получится. Ведь и на письма Гитермана в Прокуратуру РСФСР никакого положительного ответа нет, так ведь?

Наш разговор переходит на трудности сегодняшнего дня. Обстановка в море изменилась, ловить стало нечего, за предшествующие годы успели повычерпать Мировой океан. Да, треска и окунь снова стали попадаться, но это ничтожные крохи

былого богатства. Надо было бы дать им нагуляться, вырасти, отметать несколько поколений, чтобы снова заселить рыбные банки, да куда там: план жмет и гонит! А какой план? Вот последние годы выполняли его на креветке, которую научились сразу же продавать норвежцам, и на мойве. И того, и другого было много, но уже в этом году вылов резко упал, в будущем году вообще ничего не будет - ни креветки, ни мойвы, а план уже есть, и, как водится, с завышением против нынешнего... Вот и думаешь: кто же там планирует? И как можно вообще планировать стихийный процесс? Ведь это для красного словца журналисты называют море "голубой нивой". Никакая она не "нива", а мы - не "пахари": забираем от природы, что она нам пошлет, да и это еще под корень режем или с корнем тралом вырываем. Вот и выходит, что "мы не сеем, мы не пашем, мы валяем дурака"... Сейчас надо не столько по океанам болтаться, сколько развивать прибрежный лов, который мы давно забросили. Наши зарубежные конкуренты уже давно большие суда не строят, перешли на маломерный флот. Здесь, у берега, сейчас рыбы больше, чем в океане. И не надо уходить на три-четыре, а то и больше месяцев, не нужно многочисленной команды, плавбаз и всего прочего, что "от лукавого". Но для всего этого надо не только менять суда и вооружение - надо еще и коренное изменение планирования, чтобы никто не определял сверху, какую рыбу ловить, а какую выбрасывать. Если уж выловил - все должно идти не просто в дело, а в пищу, как у японцев, чтобы морской промысел стал полностью безотходным производством. И не на муку надо чистый белок перерабатывать, не на кормовую смесь, а на полноценный пищевой продукт, для людей. С другой стороны - рыбу надо не только ловить, но и выращивать. Вот, посмотрите на Норвегию: сейчас она одна дает раз в двенадцать больше семги в год, чем ловим мы в своих реках. А ведь вся норвежская семга выращивается в закрытых водоемах. И пока мы добиваем свои семужные стада, причем не столько за счет вылова, сколько за счет загрязнения рек сплавом, химическими сбросами или вот как на Печоре, где вся река отравлена свободно фонтанирующей скважиной, оставленной нефтяниками,- на западе сейчас во всех северных странах не знают уже, куда девать выращенную ими рыбу...

Затем Каргин снова возвращается к проблеме колхозов. Чувствуется, что его раздражает само слово "демократия", которым прикрыто создание ВОРКа.

Мне самому до сих пор непонятно, зачем надо было возводить новый этаж пирамиды над рыболовецкими колхозами, еще одну управленческую надстройку для централизации всего

рыбоколхозного дела в стране. Изменилась только вывеска. Как возглавлял Зиновий Моисеевич Эвентов управление по делам колхозов в Минрыбхозе СССР, так теперь возглавляет этот ВОРК. А что получили колхозы? Пока - ничего. Общее подчинение - тому же министерству. Только если раньше, как говорит Каргин, все вопросы решались на местах, тут же, дальше областного центра ехать было не нужно, то теперь все - через Москву. А главное в том, что все равно колхозный флот несамостоятелен, он ловит рыбу под управлением "Севрыбы" и в составе ее флотов. Вот и выходит, что разъединить колхозы и "Севрыбу", у которой и промысловая разведка, и данные по промыслу по всему океану, и судоремонтные заводы, и суда, которые получают колхозы опять-таки из "Севрыбы", никак нельзя. Что касается демократии, то я вполне с Каргиным согласен: посредники между колхозами и государством на промысле не нужны. Настоящая демократия будет тогда, когда колхозы будут напрямую выходить для решения своих вопросов на уровень любой государственной инстанции. Это и станет действительной перестройкой. А пока - только еще большая путаница...

- Так и живем: одной рукой строим, другой - ломаем,- подытоживает Каргин, словно бы повторяя мои мысли.- Не бюрократический аппарат надо перестраивать, а систему планирования, которая нам работать мешает! Аппарат надо просто уничтожить, никто и не заметит, что его нет, только легче работать будет. Но такой перестройки мы не скоро дождемся. Как считали раньше: один с сошкой, семеро с ложкой? А сейчас можно точно говорить, что с ложкой - семьдесят на одного работающего, если не еще больше! И добро бы только ели - работать мешают, как будто бы сами умеют что-то делать, кроме как бумаги плодить... Так какие ваши планы? - снова круто меняет он тему разговора.- Куда вы собираетесь поехать, что увидеть? Наверное, на Терский берег полетите?

Я вкратце рассказываю о том, что хочу сделать, и мы расстаемся. Уже в дверях кабинета Каргин напоминает, что сегодня меня ждет в МРКС новый председатель, которому он, Каргин, сообщил о моем приезде.

Пока я устраиваюсь в номере, обедаю, потом отправляюсь пешком в МРКС, меня не оставляют мысли о сегодняшней встрече с Каргиным. Действительно, с какой стати Каргин должен был отстаивать Гитермана? Кто для него Гитерман? Всего лишь очередной председатель МРКС, один из многих руководящих работников "Севрыбы", причем далеко не первой категории. МРКС со своими колхозами и даже флотом - только крохотная часть рыболовецкой державы Севера, которой управляет Каргин,

маленькое "удельное княжество", делами которого до прихода Каргина занимались на уровне отдела по делам рыболовецких колхозов, не выше. И колхозами, и самим МРКС с его председателем. Это теперь Каргин все перевернул. И не только потому, что почувствовал нужду в подсобных хозяйствах колхозов. Облетев все побережье Белого моря, Каргин содрогнулся, увидев состояние здешних сел и отчаяние жителей. Содрогнулся не как начальник "Севрыбы", а как человек, выросший на земле, привыкший ее чтить, а вместе с тем и чтить труд человека, куда бы он ни был вложен - в землю, в ремесло или в "океанскую ниву".

Каргин не был заинтересован в аресте и снятии Гитермана, сейчас я в этом убежден. Другое дело, что он в какой-то степени им "пожертвовал", но для чего? И применимы ли наши слова, несущие эмоциональную нагрузку, к таким вот ситуациям?

В огромной многотысячной машине, которую я не без оснований называю "империей" или "державой" Каргина, произошел сбой в работе, как теперь известно, по вине "досматривающих". Собственно, это была их инициатива - изъять одну из деталей, обосновав свое вторжение предположением, что она, дескать, с изъяном. Сбоя поначалу не было, он начал расти и показался опасным лишь после того, как деталь изъяли. Поскольку ее не возвращали, то потребовалось заменить ее новой. Вот и все. Претензии тут должны быть не к Каргину, который действовал всего лишь как зауряд-механик, озабоченный, чтобы все детали были в комплекте и машина работала без сбоев, а к проектировщикам машины, раз и навсегда определившим, что "незаменимых деталей - то бишь людей- - у нас не бывает"...

А ведь действительно еще не было незаменимых - каждого кем-либо заменяли! Другое дело, что из всего этого получалось, какую продукцию выдавала та или другая "машина", в которой оказывались заменены все детали другими, так что уже никто не мог и понять, для чего она была первоначально сконструирована. Но это, повторяю, уже совсем другой вопрос, который мы с Каргиным не обсуждали...

Сейчас мне ясно, что Каргин сам никогда бы не стал Гитермана убирать, потому что он был ему действительно нужен, заслуженно пользовался его доверием, но что-то в интонации Каргина подсказывает, что он не слишком симпатизировал своему подчиненному, а потому не стал его "спасать" - ни тогда, ни сейчас. И это при том, что Каргин, как выясняется, знал, что Данков и его подручные попытаются использовать Гитермана против Каргина. По субботам и воскресеньям Каргин и Данков вместе ездили на охоту, а в понедельник генерал-майор вызывал

к себе на допрос Гитермана и начинал очередной тур "уговоров" сознаться, кто же из руководства "Севрыбы" требовал свою "долю"!

Как видно, все сходится на Данкове и бесполезно искать какие-то иные причины ареста Гитермана. И в "Севрыбе", и в МРКС, куда я сейчас иду,- везде действовал автоматизм ситуаций, отлаженный, как видно, так, что он срабатывал без сучка и задоринки, едва только человека хватали. Он был обречен еще до представления ему обвинения, и окружающие это знали столь хорошо, что даже не пытались что-либо предпринять, разве что побыстрее забыть о случившемся, вернувшись к своим неотложным делам. То же, по-видимому, произошло и с председателями колхозов. Когда я спросил о них Каргина, тот только головой мотнул: дескать, это не по моей части... Теперь я знал, что ничего нового по этому поводу не узнаю и в МРКС. Голубев, на встречу с которым я шел, в защите Гитермана и "гитермановских" председателей не был заинтересован, поэтому "концы" мне придется искать самому и на местах, разговаривая с людьми. Вопросы новому председателю МРКС по поводу событий двухлетней давности задавать бесполезно.

До этого о Голубеве я знал из писем Георги и по тем газетным вырезкам, которые тот мне иногда присылал. Придя в МРКС из недр "Севрыбы", то есть как ее прямой ставленник, Голубев поступил так, как поступил бы любой умный человек, не желающий повторить ошибки своего предшественника. Гитерман служил Каргину. Представляя интересы колхозных рыбаков, он в то же время проводил в МРКС политику Каргина и, стало быть, "Севрыбы", входя в конфликт с собственными колхозами, как это получилось в случае с "Ударником". Это была ошибка Гитермана, впрочем в какой-то мере объяснимая, потому что создание базы флота было делом его рук и он ею гордился. Поэтому едва лишь "Ударник" в лице Тимченко заговорил о своей самостоятельности и неподчинении команде "Севрыбы", на него обрушилась вся система, и Гитерман был не последним среди атакующих. Как поступил Каргин, когда требовалась помощь Гитерману, уже известно. И, самое главное, известно всем.

Новый председатель МРКС извлек из этого урок. Повторять ошибки своего предшественника он не собирался, да и обстоятельства тому благоприятствовали. Осенью 1985 года в Москве состоялся учредительный съезд уполномоченных, на котором было провозглашено создание ВОРКа. На следующий год вышел приказ министра о разграничении обязанностей между ВОРКом и бассейновыми главками вроде "Севрыбы", к которым они раньше были приписаны, и рыбакколхозсоюзы стали независимы от своих бывших объединений. Таким образом, руки

у Голубева оказались в какой-то степени развязаны для самостоятельных действий.

Голубев воспользовался ситуацией. В "Рыбном Мурмане" он выступил с большой статьей, в которой, правда, нигде не назвав Гитермана, подвел итоги предшествующему периоду, показал успехи колхозного строительства за пять "гитермановских" лет, рассказал о планах, подготовленных его предшественником, и недвусмысленно заявил, что их реализация при той помощи, которую сейчас получают колхозы от государства и от руководства области, утопична. Больше того. В этой же статье он показал, какими препятствиями в развитии колхозной жизни служат существующие банковские инструкции, система снабжения, бесправие колхозов и невключение их планов в планы строительных и мелиоративных организаций области. Все было сказано мягко, но четко, а потому похоже на вызов. Из последнего можно было заключить, что ни на какие "подвиги", не подкрепленные материальной базой, он не пойдет, прошли те времена, когда можно было колхозами командовать.

Напрашивалось сравнение с Гитерманом, который не позволял себе так поступать. Впрочем, и время тогда было другое. Каждое указание, идущее сверху, если оно не грозило колхозам убытками и разорением, Гитерман принимал к исполнению. Как он сказал во время нашей последней встречи, он "выполнял волю Каргина". В ответ я ему довольно резко ответил, что каждый человек обладает свободой воли, а потому должен отвечать за свои поступки, не пытаясь ни на кого другого взвалить за них ответственность. К слову сказать, бывший председатель МРКС ни перед кем не заискивал и никого не боялся, как можно подумать. Он был исполнителен и полагал, что приказ начальства надо выполнять, а не обсуждать. Мне кажется, Гитерману нравилось делать то, что ни у кого другого не получилось бы, уже в одном этом была для него награда. То, что он сделал в Чапоме, причем всего за два с половиной года, в условиях Заполярья, больше того - колхозного Заполярья, явилось настоящим чудом, которое сразу окупило себя и стало приносить фантастическую прибыль. Голубев получил в наследство уже работающую базу зверобойного промысла, налаженную межхозяйственную кооперацию, телевизионные комплексы в Варзуге и Чапоме, строящийся комплекс в Чаваньге, уже начатые строительством жилые дома, детские сады и школы. И все же главным была зверобойка, ставшая рычагом возрождения всего Терского берега, основное детище Гитермана.

Пусть все там требовало доделок и доводок - все это уже было построено, уже работало. И у преемника Гитермана

оказалась возможность не просто заняться другими, не столь неподъемными делами, но и занять при этом независимую позицию, на что Гитерман просто еще не мог пойти...

"Мавр сделал свое дело - мавр может уходить..."

Кому в МРКС после всего этого был нужен Гитерман?

Меньше всего - его заместителям, каждый из которых до прихода Голубева мог претендовать на освободившееся председательское кресло...

С такими вот мыслями я подхожу к зеленому двухэтажному зданию МРКС - старому деревянному зданию послевоенной постройки, со скрипучими лестницами и тесными коридорами. Последний раз здесь меня принимал Гитерман. Мы уже достаточно знали друг друга, чтобы говорить откровенно по тем вопросам, по которым расходились во мнениях. Впрочем, мне кажется, что гораздо больше я узнал Гитермана во время нашей последней встречи в Москве, словно бы подытожившей все предшествующие, в том числе и нашу переписку по его "делу". А теперь...

Голубев приветлив и несколько суетлив. Я с интересом рассматриваю человека, который не может не чувствовать некоторой неловкости и неуверенности, поскольку знает, что за его спиной в этом же кресле мне видится фигура его предшественника. Все здесь точно так же, как было при Гитермане: столы, стулья, письменный прибор, бумаги, карты морей и Севера на стенах, селектор слева от письменного стола. Другой только хозяин кабинета - светловолосый, с приятным лицом "без особых примет",- немолодой - за пятьдесят, но моложе Гитермана, с негромким, приятным голосом, в котором отчетливо слышатся нотки волнения и желания понравиться собеседнику. И в то же время - настороженная осторожность, вполне естественное желание не сказать чего-то лишнего.

Сложность положения Голубева заключена еще и в том, что я пришел к нему после почти двухчасового разговора с Каргиным, который был им недоволен. Как угадать, что мне известно и в каком освещении? И вообще - с чем я приехал, какая статья может получиться в результате нашей беседы: поддерживающая, одобрительная или, наоборот, разгромная, расчищающая дорогу начальнику "Севрыбы", чтобы произвести в ближайшем будущем очередной "дворцовый переворот"?

Постепенно все образуется. Разговор становится доверительным. Голубев перестает коситься на мигающий красным глазком диктофон, нам приносят чай, он усаживается поудобнее в кресле, расстегивает форменный пиджак с золотыми капитанскими шевронами, и я, наконец, начинаю узнавать, чем

живет сейчас МРКС.

Главной заботой остается, как и прежде, Терский берег со всеми гитермановскими преобразованиями, которые не позволяют оставить все так, как есть. Надо идти дальше по пути перестройки, строить, мелиорировать, привлекать людей, возрождать старые промыслы и отыскивать новые. Для всего этого, как обычно, не хватает ни сил, ни средств. "Севрыба" выходит из игры, ВОРК за полтора с лишним года никакой реальной помощи не оказал. В ответ на мой вопрос, как он оценивает создание ВОРКа, Голубев уклончиво отвечает, что еще не решил для себя, нужен ли ВОРК, во всяком случае для колхозов его создание принесло очередные затруднения со снабжением. "Потому что,- тут он повторил в несколько измененном виде фразу Каргина,- демократия без лимитов становится не свободой, а еще большей кабалой, неизвестно только, кто теперь тебя захомутает..." Вместе с организационными трудностями возникли трудности кадровые в результате тех судебных дел, которые обрушились на МРКС и на Гитермана. Из числа прежних председателей, которые знали свои хозяйства, на Терском берегу остался только Заборщиков в Варзуге. Стрелков после суда над ним работал колхозником, сейчас на пенсии; в Чапоме на его месте Мурадян, строитель из Умбы. Но он Стрелкова не прямо сменил, до него был еще один, докер Лучанинов, так что в Чапоме после шестнадцати лет работы Стрелкова началась такая же председательская чехарда, как в Чаваньге, где меняется уже пятый или шестой председатель за семь или восемь лет. Конечно, ничего хорошего из этого не выйдет, кадры надо стабилизировать, чтобы на них можно было опереться. А теперь колхоз превратился в проходной двор...

Сменились кадры председателей и на Мурманском побережье. В Ура-губу вместо Мошникова пришел Савельев. Парень крепкий, хороший, инициативный, с высшим образованием, похоже, решил взяться за колхоз всерьез, перенимает опыт у Тимченко... Тут Голубев несколько запнулся, поскольку прозвучало это несколько двусмысленно, однако, не дожидаясь моего вопроса, повторил уже известную мне новость о выходе "Энергии" из базы флота. Плохо дело в "Северной звезде", где раньше был Подскочий. Его преемника, похоже, придется менять - работать совершенно не может... Всю осень там работали комиссии по проверке состояния дел в колхозе и выявили много недостатков...

Не легче и в самом МРКС. Все время приходится разбираться с огрехами в работе МКПП - межколхозного производственного предприятия. Без него не обойтись, а порядок навести не можем.

А вот нужен ли меховой цех, формально числящийся за "Северной звездой", но находящийся в Мурманске, из-за которого только одни неприятности и никакой отдачи,- еще вопрос. Прибыли нулевые, в основном убытки, колхозников меховой одеждой он не снабжает, зато к нему липнет городское и областное начальство пониже рангом, не имеющее своих спецраспределителей. И ладно бы пользовалось только, но там постоянно открываются какие-то махинации с шапками и полушубками, всплывает неучтенное сырье, много скопилось неликвидов. Но, конечно, как мне, наверное, уже сказал Каргин, самое больное место - база флота.

Скандал с базой начался еще при Гитермане, в 1984 году, когда из нее вышел "Ударник". Вот и пошло. Погибли два колхозных корабля, но никто в базе за это не ответил. Стали разбираться, и выяснилось, что, хотя база и распоряжается судами и командами, ответственности за колхозные корабли и за людей она не несет. С человеком на борту несчастный случай, а база ему пособие выплатить не может, потому что своих средств у нее нет. Но этот человек плавал на колхозном судне, когда с ним несчастье случилось? На колхозном. Да только принимал его не колхоз, а база... И тут такая неразбериха, что всем, наконец, стало сейчас ясно: базу спасти невозможно, на таких условиях ее существование противозаконно...

Теперь новая проблема: что делать с флотом? Надо развивать прибрежный лов, а это требует новых судов, новой оснастки, новой тактики и стратегии. В то же время надо пополнять уже имеющийся флот новыми судами. А где они? В прошлом году "Севрыба" продала трем терским колхозам три морально устаревшие и порядком поистрепавшиеся судна. Суда надо ставить в ремонт, а денег с ними на ремонт не передали. Порядок такой: судно работает в море четыре года, на пятый становится в большой ремонт. Все эти годы на банковский счет откладывается определенный процент дохода, соответствующий стоимости ремонта и содержанию команды на пятый год. Простой в ремонте одного судна покрывается в это время работой других судов. А их у колхозов нет! Вот и ломаем теперь голову: или немедленно эти суда продавать, или сдавать их в аренду колхозам Мурманского берега. ВОРК. требует суда оставить у колхозов, "Севрыба" - тоже, а он, Голубев, вместе с председателями стоит за аренду...

Я слушаю Голубева, записываю, задаю вопросы, потому что со всем тем, о чем он рассказывает, мне придется встретиться на Терском берегу, и понемногу начинаю разделять мнение Георги. Спокойный и доброжелательный председатель производит на меня благоприятное впечатление. В отличие от Гитермана, он куда менее категоричен в своих суждениях, размышляет вслух, не

скрывает своих колебаний и опасений. Его предложение о сдаче судов в аренду мне представляется правильным: колхозы Терского берега, не имеющие ничего - ни специалистов, ни других судов, ни денег на счету,- могут провалиться в страшную "долговую яму", из которой им не выбраться даже с доходами от зверобойки. Годовой ремонт каждого судна и содержание команды - от одного до полутора миллионов рублей, тогда как зверобойка дает ежегодно около миллиона. Вот и считай!

Наконец, я спрашиваю Голубева, думает ли он как-то помочь Стрелкову и Коваленко? Он сразу подбирается, как если бы с самого начала ожидал этот вопрос, и отвечает, что с Коваленко, насколько ему известно, все в порядке. Первоначальный приговор был пересмотрен областным судом, сам Коваленко по-прежнему работает председателем колхоза, из партии его не исключали или уже восстановили, поэтому никаких оснований для беспокойства нет. Стрелков - дело другое. За полтора года работы на этом месте он не успел познакомиться со Стрелковым, но, судя по тому, что ему рассказывали, с бывшим председателем колхоза "Волна" поступили нехорошо. Вероятно, теперь, когда прошло столько времени, стоило бы возбудить от имени общего колхозного собрания в Чапоме ходатайство о пересмотре дела. Со своей стороны, МРКС и лично он, Голубев, готов сделать все необходимое, чтобы поддержать просьбу колхозников, реабилитировать бывшего председателя, восстановить его в партии и вернуть положенные привилегии, если они были.

Гитерман? Ну, что Гитерман...

Голубев разводит руками, показывая, что тут ничего не сделаешь.

Так получается, что судьбой Гитермана в МРКС и в "Севрыбе" уже не интересуются. По-человечески его жалеют, но мимоходом, как жертву судебной жестокости, возмущаются, как возмущаются безобразием, которое их лично не очень трогает. За всем тем он словно бы вычеркнут из жизни. С таким же успехом он мог покончить с собой в "следственном изоляторе", умереть от разрыва сердца во время побоев, получить срок... Судебная ошибка? К сожалению, о них сейчас пишут все чаще и чаще, но при чем тут мы? - как бы говорят мне люди.

И я решаю на следующий день встретиться с человеком, который, в отличие от этих моих собеседников, не может спокойно говорить о Гитермане,- с Юрием Андреевичем Тимченко.

3.

Утром за мной заезжает заместитель председателя колхоза "Ударник" по флоту - такой же крупный, как сам Тимченко, с длинным носом и веселыми глазами. Он на своем "Москвиче", потому что машина Тимченко сломалась, других в колхозе нет, а добираться через Колу на общественном транспорте - полдня потерять. К тому же он все равно едет в колхоз. По пути я пытаюсь выяснить его отношение к переменам в МРКС и получаю примерно ту же характеристику Голубева, что и от Георги, с которым мы вчера просидели весь вечер, но дополненную и откорректированную как бы Каргиным. "Хотелось бы видеть человека поэнергичнее и поопределеннее, но не столь жесткого, как Гитерман",- такими словами можно суммировать его взгляд на положение дел. Сам он безусловно признает деловые качества бывшего председателя МРКС, однако, по его словам, с Гитерманом мог работать только тот, кто ему нравился, иначе - заставит уйти. Впрочем, он согласился со мной, что подобная характеристика слишком неопределенна, потому что каждый руководитель, естественно, подбирает себе таких людей, которые ему импонируют.

- И все равно - слишком жесткий,- сказал он под конец.

А что другое я могу услышать от колхозника "Ударника"? Худшую характеристику, чем Гитерману, заместитель по флоту дал только двум людям - Несветову, начальнику отдела по делам колхозов, и Егорову, заместителю Гитермана по сельскому хозяйству. По его словам, эти двое были главными противниками какой бы то ни было колхозной демократии, распоряжались только в приказном тоне и человека в грош не ставили. Насчет "гроша" я ничего сказать не мог, а с остальным можно было согласиться, причем не только по отношению к "Ударнику"... Но тут нашей беседе пришел естественный конец.

Минькино лежит на противоположной стороне Кольского залива, почти напротив Мурманска. Сверху, от шоссе, деревни не видно - только указатель и узкая, круто ныряющая за бугор к заливу полоса асфальта, которую Тимченко ухитрился положить, пока делали основную дорогу. Сразу за переломом взгорка оказываешься в окружении новостроек: склады, огромный телятник, склад с пневмопокрытием, какие-то постройки, еще даже не запланированные четыре года назад, гаражи, и вот оно, для меня новое, а для колхозников уже порядком обжитое здание колхозного правления на три этажа, с которого начал Эд. Максимовский свой очерк, напечатанный весной 1984 г. в

"Литературной России".

С председателем "Ударника" Юрием Андреевичем Тимченко мы познакомились за два года до этой статьи. Он действительно "глыбистый", как охарактеризовал его Максимовский: широкоплечий, высокий, с большими, сильными руками кузнеца-молотобойца, и в то же время удивительно легкий на ходу. А над всем этим - большое, крупное лицо с хорошими, добро смотрящими глазами. Именно таким он и запомнился мне по двум первым встречам.

Согласен, что все это внешнее, хотя в какой-то степени характеризует человека, особенно при первом знакомстве - и глаза, и руки, и походка. Гораздо важнее деловые качества Тимченко, из которых на первом месте, конечно же, удивительный талант хозяина, умеющего буквально из всего извлекать для колхоза выгоду. В этом его жизнь. В этом он чувствует себя, пользуясь избитым сравнением, как рыба в воде, продумывая варианты возможных планов, удивительным чутьем улавливая меняющуюся конъюнктуру, находя партнеров и пуская в оборот всю полученную прибыль - деньги должны крутиться и пользу приносить, а не на банковском счету числиться. Поэтому "Ударник" - один из лучших колхозов Мурманской области. У него свой причал, своя судоремонтная мастерская, свой забойный пункт и - флот, из-за которого разгорелись страсти, достойные пера великого Шекспира.

Впрочем, если говорить о случившемся, то поначалу схлестнулись не Тимченко и Гитерман, а председатель колхоза "Ударник", спасавший колхоз и колхозный флот, и председатель МРКС, отстаивавший базу, свое детище, а вместе с ней престиж МРКС и "Севрыбы". Теперь, когда все позади, я хочу о происходившем услышать из уст самого Тимченко. По существу, председатель "Ударника" поставил под сомнение всю структуру отношений "колхоз - МРКС - "Севрыба", поставил вопрос о правах коллектива и, как мне представляется, о стратегии ведения хозяйства вообще...

Тимченко ждет меня в своем новом кабинете - просторном, как зал заседаний, очень красивом и уютном, обитом деревянными панелями, по которым несутся парусники - бриги, шхуны, выполненные инкрустацией по дереву вполне профессиональными художниками. Я вглядываюсь в высокого, крупного человека, который поднимается из-за стола и идет мне навстречу со смущенной улыбкой и протянутой рукой. Он по-прежнему высоко держит голову, но в ней теперь явственно проступает седина, и шаг его совсем не легкий, как был когда-то, а грузный, как если бы прибавился вес годов. Он подходит ближе,

и на его лице я начинаю различать следы, говорящие, что с сердцем у председателя "Ударника" совсем не так хорошо, как прежде.

Мы садимся друг против друга, говорим обычные в таких случаях слова о времени, о переменах, и наконец я затрагиваю то, что мне больше всего хочется узнать: что и как было? Он откидывается в кресле и смотрит на меня с грустной полуулыбкой.

- Не хочется вспоминать, честное слово... Что такое база, вы знаете, статью Максимовского читали. Все, что он написал,- сплошная правда. Я даже думаю, что рубка началась не из-за того даже, что "Ударник" свой флот из базы увел, а что появилась эта статья. Как же, вынес сор из избы! И Тимченко хотели уничтожить, если не физически, то морально, и колхоз, как грозился Шаповалов - был такой заместитель Каргина,- "в стойло загнать"! Все было! Четыре документа ваш друг Гитерман подписал, чтобы меня с председателей снять, да вот не получилось. И люди не дали, и обком в этом вопросе разумную позицию занял: посмотрим, что получится. Дескать, меры всегда успеем принять, никуда Тимченко от нас не уйдет... Теперь Гитермана нет, Тимченко на месте, а колхоз снова в передовых. В этом году точно план по всем показателям перевыполним, чистая прибыль уже к пяти миллионам подходит. Так что вспоминать вроде бы и не к чему...

Но я вижу, что воспоминания уже захватили его. По легкому румянцу на лице я догадываюсь, что откуда-то из сердца уже поднимается волна прежнего гнева на несправедливость, азарт бойца и прошлое опять оживает в его памяти, как если бы разговор шел о том, что случилось вчера. Тимченко понимает, что я приехал к нему не просто так, не из пустого любопытства задаю сейчас и буду еще задавать вопросы. Ведь я и раньше был на его стороне, доказательством тому мой очерк, опубликованный в одном из журналов. И, легко сдавшись на мои доводы, Тимченко достает из нижнего ящика стола толстую папку, которую едва охватывает крупная кисть его руки.

- Видите? - показывает он мне ее и бросает перед собой на стол.- Захотите - читайте. Это все официальная переписка по базе и флоту. Только рассказывать надо, начиная с архангельской базы, на которой работал Гитерман. Ведь вы его узнали уже председателем рыбаксоюза. А я знал его еще давным-давно, когда он работал на базе у архангелов. И работал хорошо, и сам был хороший парень, и база его архангелам во как была нужна! У них, сами знаете, девятнадцать колхозов, флот огромный, а базируется весь в Мурманске. Почему так? Колхозы разбросаны на тысячи

километров по берегам, Белое море замерзает, да и на судне близко к деревне не подойти, не то чтобы у причала стать. Как флот держать, как управлять? А здесь все под боком: незамерзающее море и "Севрыба" со всеми своими предприятиями, куда архангельские колхозные рыбаки входят на таких же основаниях, как и мы, мурманские. "Севрыба" - она весь европейский Север охватывает...

- В результате то же самое, что было когда-то на Терском берегу и возникло сейчас: флот - колхозный, но ни кораблей, ни тех, кто на судах ходит, колхозники и в глаза не видят,- вставляю я.

- Совершенно верно. В колхозную кассу идет при быль, все остальное их не касается: база нанимает и рассчитывает людей, снаряжает суда, следит за их ремонтом и все такое прочее. "Севрыбе" тоже хорошо - она эти суда посылает, куда ей выгодно, как свои. И еще один немаловажный момент. Доходы от флота в общем бюджете архангельских колхозов составляют всего лишь от сорока до пятидесяти процентов. А у нас,- Тимченко делает паузу, чтобы подчеркнуть важность то го, что он сейчас произнесет,- почти девяносто восемь! Улавливаете разницу? Отними у архангелов флот - они и без него проживут, как живут колхозы Терского берега. А если у нас, живущих на Мурманском берегу, флот отнять? Что от колхозов останется? Одна молочная ферма? Так она на три четверти - подсобное хозяйство "Севрыбхолодфлота", с которым мы межхозяйственной кооперацией повязаны!..

- Но вы же добровольно на нее согласились? - спрашиваю я.

- Добровольно-принудительно, если говорить точно. Помните, в прошлый ваш приезд я говорил об опасности, которая таится в кооперации? Но я сейчас не об этом. Кому выгодно отдать в чужие руки управление флотом? Тому, у кого нет своих специалистов, своего комсостава. Тем же терским колхозам. А у нас все есть. Свой причал, своя судоремонтная мастерская. Зачем нам база? Но вот пришел в МРКС Гитерман, на него нажал Каргин,- а тому тоже выгодно: весь колхозный флот у него в кулаке будет! - и пошло: давай базу! А что получилось? Корабли у колхоза взяли, всех моряков - в Мурманск. Кроме стариков и женщин, никого в селе не осталось, будто мобилизация прошла, ей-богу! Пусто! И нет рабочих рук. Раньше резерв был у меня здесь, в селе, занят на колхозных работах. А теперь он должен каждый день в Мурманске отмечаться утром, иначе ему прогул засчитают. Что дальше? Пошла обезличка, база тасует людей, никто не знает, на каком он судне. Люди стали уходить, потому что к такому они не привыкли. Ремонт влетает в копеечку,

неоправданно растягивается, идет расхищение колхозного имущества с судов, заработки у колхозников упали чуть ли не вдвое. А в результате меньше чем через два года оказалось, что мне нечем людям зарплату платить. И это - во вчерашнем колхозе-миллионере!..

- Да как же такое может быть, Юрий Андреевич? - сомневаюсь я.

- Вот так. Вы сейчас улыбаетесь, а мне было не до смеха. Чувствую, что еще немного - и от колхоза вообще ничего не останется. Ко мне люди приходят, они мне верят, спрашивают, как вы сейчас: Юрий Андреевич, что же это такое? Кому надо колхоз разорять? У нас за тринадцать лет такого ни разу не было, пока ты председателем был! А мне им сказать нечего. Два экипажа у меня были комсомольско-молодежные, два - коммунистического труда. А как пошла обезличка, в базе первым делом "звезды славы" с ходовых рубок срубили! Вы понимаете, каково это для моряка? Это ему все равно, что публично раздели да выстегали ни за что! Когда же мы посмотрели, за что нам счета приходят, то только за голову схватились: мать родная, там же одни жулики собрались на этой базе флота! Через колхозные суда выписывают кирпич, автопокрышки, шифер, авто аккумуляторы, цемент, железо кровельное, какие-то импортные спальные гарнитуры... Не колхозная база, а чья-то дойная корова! Я ничего не хочу сказать о самом Гитермане, он, может, честный человек. Но почему же такое количество жуликов собралось на этой базе флота, без которой, как нас уверяли, колхозам не прожить? Что за человек ее начальник, этот Мосиенко, которому дали орден после того, как у него погибло два судна?! Это же не просто нарыв - это уже раковая опухоль какая-то, ее вырезать надо немедленно! Я так прямо и сказал на районной конференции осенью восемьдесят третьего года, а уже в начале следующего мы отозвали свои суда из базы. На меня все набросились, а когда весной вышла обо всем этом статья Максимовского - тут началось такое, во что и поверить нельзя...

И это - Тимченко? Да что же пережил за эти годы "глыбистый" мужик, если у него начинают дергаться губы и явственно дрожат руки, которыми он перебирает бумаги в папке? Отсюда, стало быть, и эта седина, и сутулость, и мешки под глазами...

Подчеркнуто внимательно я рассматриваю его новый кабинет, стеклянные "горки" с вымпелами, кубками, памятными сувенирами, наборные деревянные панно, на которых несутся по вспененному морю парусники. Пусть придет в себя, успокоится. Теперь я действительно заинтересован его рассказом, потому что он обращен не к писателю, не к журналисту, а просто к

стороннему человеку, перед которым только и можно бывает так вот распахнуться, выплеснув как на духу все свои боли и обиды.

Тимченко справляется с собой, глотает какие-то таблетки - это Тимченко-то?! - просит секретаршу, заглянувшую на звонок, принести нам по стакану чая, и снова обращается ко мне.

- Вы извините, но я в принципе не согласен с вашей оценкой Гитермана как спасителя колхозов. Наших, мурманских колхозов. Что касается терских - дело другое. Я всегда буду говорить, что за Терский берег ему и памятник поставить, и любую, самую высокую награду дать можно. А здесь - нет. Что это, от глупости у него? Так вроде бы мужик умный. Каргина слишком слушал? Так и тот, если посмотреть, виноват только в том, что всех под себя подминает. А здесь ведь прямой подрыв получается! Я уже сказал, чем наши колхозы от архангельских отличаются. Отними у нас корабли - останется два процента дохода от сельского хозяйства и никого людей. Эти два процента мы получаем от своего партнера по кооперации. Возьми у нас флот - и мы превратимся в подсобное хозяйство "Севрыбхолод- флота", как я вам и говорил. И это почти случи лось!

- Простите, Юрий Андреевич,- перебиваю его снова.- Все-таки вы не объяснили мне, чем в принципе плоха идея базы?

- Не идея - сама база. Идея может быть великолепной, а как станут в жизнь претворять - бежать хочется, да некуда! База должна быть связана с жизнью колхозов, и колхозные люди должны в ней сидеть. А что было у нас? За два года в базе сменилось пять главных инженеров и практически весь личный состав. Какое им дело до колхозов? Какое им дело до того, кто на каком судне ходит? База стала распоряжаться судами как своими, не неся за них никакой юридической ответственности. Даже платить по бюллетеню она не могла. Что же говорить о травмах, увечьях и смертных случаях?! База насчитывала себе премиальные за работу чужих людей, а колхозники на своих судах получали зарплату меньше, чем работающие вместе с ними вольнонаемные... Да как это могло быть? И после этого Гитерман, его заместители, Несветов из "Севрыбы" и прочие пытаются меня убедить, что с созданием базы "благосостояние колхозов и колхозников значительно увеличилось"?! Правильно охарактеризовали базу в Кольском райкоме как "очередной организаторский зуд", направленный на подрыв колхозной демократии. А то, что наш колхоз оказался на грани финансового краха, сел на картотеку, задолжал по ссудам, хотя до этого всегда имел три-четыре миллиона свободных денег - как это понять? Но все это прелюдия. Изничтожать нас стали после статьи в "Литературной России". Вот тут товарищ Гитерман и показал себя

в полной красе. Он и Несветов...

Секретарша приносит чай. Я пользуюсь паузой, чтобы спросить Тимченко, знает ли он о поездке Несветова в Москву в связи со статьей Максимовского? Сейчас я вспомнил этот эпизод, который произвел на меня довольно тягостное впечатление и впервые познакомил с разгоревшимся конфликтом. Не могу только припомнить, был Несветов один или с Гитерманом? Кажется, Гитерман тогда тоже приезжал, но мы с ним не виделись. С Несветовым я разговаривал в кабинете Эвентова, который тогда был начальником Управления по делам колхозов Минрыбхоза СССР.

- Нет, мне никто об этом не сказал,- заметно заинтересовался Тимченко.- А что там такое было? В министерство они обращались, это я знаю, потому что меня туда вызывали "на ковер": и стращали, и уговаривали - все было! А вот из газеты больше никто не звонил... Что же там произошло?

Произошло следующее.

Сначала раздался звонок из Мурманска. Звонил Гитерман, сообщал, что они с Несветовым вылетают в Москву, и просил о встрече. На следующий день позвонил Несветов, уже из Москвы, и попросил приехать к Эвентову, в Минрыбхоз СССР. Там я впервые и увидел статью Максимовского, исчерканную красным карандашом и шариковой ручкой. Читали ее, как видно, многие. Несветов полагал, что я тут же напишу уничтожающий ответ, который они потребуют напечатать. Цифры были подготовлены и убеждали, с одной стороны, в подтасовке фактов со стороны Тимченко, которыми он снабдил журналиста, а с другой - в полной неспособности Тимченко вести колхоз и в несомненных благах, которые несет хозяйствам база флота...

Из гневной, обличающей речи Несветова следовало, что Тимченко надо немедленно снимать, гнать в шею из партии и сажать в тюрьму, куда неплохо было бы поместить и Максимовского за то, что тот осмелился на страницах "Литературной России" выступить против МРКС и "Севрыбы". Несветов говорил жестко, страстно, и, заглянув в его глаза, я был поражен той холодной ненавистью, которая в них светилась. И Тимченко, и Максимовский представлялись ему законченными преступниками; газету же следовало "наказать" за то, что она посмела вмешаться в дела "Севрыбы", не испросив предварительного разрешения.

Что было мне делать: смеяться, негодовать? Я попытался объяснить моим собеседникам всю нелепость их требований и надежд.

"Вы не согласны со статьей? - втолковывал я Несветову и

Эвентову.- Но, во-первых, она написана умно, толково, убедительно. Во-вторых, она отстаивает интересы колхоза и колхозников, а не Тимченко. Ваше право - написать в редакцию контрстатью, в которой будут изложены ваши аргументы и ваша точка зрения. Участвовать в этом я не буду. Не потому, что ваши цифры представляются мне сомнительными. Они столь же убедительны, как цифры, которые приводит Максимовский. Но я не имею морального права вступать с ним в полемику, даже если Тимченко снабдил его неверными фактами. Дело не в Тимченко и не в цифрах, а в том, что колхоз поступил так, как он сам счел нужным. Ведь вывод кораблей из базы - тут вы не опровергаете Максимовского - был решен общим собранием колхозников "Ударника". Что же произойдет, если вы выступите с опровержением? Вашу статью напечатают, конфликт получит огласку, которой вы так боитесь, будут созданы компетентные комиссии, которые поведут расследование на месте, и результаты его будут опубликованы. Вас это устраивает? Вы уверены в своей правоте? Но я готов утверждать, что ваши теперешние нападки на Максимовского и газету вызовут еще одну статью: о причинах "зажима" критики и колхозной демократии в Мурманской области... Хотите этого?"

Был у меня еще один довод. Если Тимченко столь неумен и самонадеян, как они доказывают, то это выяснится очень скоро. Стало быть, сам же он и придет в МРКС с повинной. Тогда их победа будет полной, да и авторитет возрастет. Но и колхоз, и Тимченко имеют право на эксперимент, для того колхозы и существуют.

Последний довод мои собеседники пропустили мимо ушей. Их испугали гласность и разбирательство. Как бы эффектно ни выглядели их бухгалтерские выкладки, они понимали, что действительность была несколько иной, поэтому решили отказаться от открытой борьбы и расправиться с Тимченко келейно. В редакцию из них никто не пошел, хотя поначалу они туда звонили и требовали встречи.

Летом, когда я в очередной раз приехал в Мурманск с намерением разобраться в причинах конфликта, страсти кипели вовсю. Против Тимченко были все - Каргин, Гитерман, Егоров, но особенно негодовал Несветов. Все они пытались восстановить меня против опального председателя, и мне опять пришлось уговаривать своих собеседников взглянуть на происходящее более спокойными глазами, чтобы вывести производственный конфликт в подобающую ему сферу из области личных отношений, куда он переместился. Но тут я ничего исправить не мог. Им было непонятно, почему я, принимая их программу развития колхозов,

именно в вопросе о базе флота встал на сторону Тимченко.

А дело заключалось не только в базе. Подлинный конфликт изначально лежал в той области экономической жизни, которую я для себя называл "экологией экономики". В те годы я пытался понять механизм жизнедеятельности колхозов, причины тех или иных решений председателей, подобно капитанам кораблей, постоянно выбиравших какие-то невидимые мне ориентиры для дальнейшего плавания. Централизованное управление колхозным флотом, призванное решать тактические задачи океанского лова, само по себе было разумным. Доводы в пользу базы представлялись мне настолько обоснованными, что поначалу, признаюсь, я поверил в какую-то оплошность Тимченко. Но заблуждение держалось недолго. Умная, убедительная статья Максимовского показала, что вроде бы продуманный механизм хозяйственного решения вопроса в случае с "Ударником" оказался вопиющем нарушением норм общественной жизни.

Наверное, тогда я и задумался над вопросом: что разделяет людей, делающих вроде бы общее дело? В моем представлении и колхозники, и работники МРКС, и руководство "Севрыбы" делали общее дело. Может быть, так произошло потому, что меня интересовал только Терский берег? Но даже и там, положа руку на сердце, я не мог бы представить "на равных", скажем, Егорова и Стрелкова или Несветова и Заборщикова. Они делали общее дело, это верно, но делали его разными методами и стояли на разных позициях по отношению друг к другу. Одни были начальством, другие - подчиненными. И "помощь" сверху очень часто оборачивалась приказом, волевым нажимом, распоряжением, которое надо было исполнять. Пусть подобные директивы диктовались самой горячей заботой и благими намерениями - на самом деле это все так или иначе оборачивалось иерархией подчинения, где любая демократия и самостоятельность очень быстро пресекались... опять-таки "из лучших побуждений"!

Отсюда проистекала и невольная двойственность в моем отношении к каждому из этих руководителей. Это касалось не только случая с Тимченко. При всей моей симпатии к Гитерману, при всем огромном уважении к его работе по возрождению Терского берега, я оказывался его противником, когда видел, как он или Егоров вмешиваются в колхозную жизнь, навязывают свои решения Стрелкову и фактически отстраняют его от контроля за строительством в собственном хозяйстве. Особенно категоричен и резок в разговорах с председателями был Юрий Сергеевич Егоров, смотревший на всех них откровенно свысока. Таким же, еще более категоричным по-армейски, был и Виктор Абрамович Несветов. Наша встреча в Москве и последующие разговоры в Мурманске

заставили меня по-новому взглянуть на начальника отдела по делам колхозов.

Не скрою, раньше он мне нравился своими деловыми качествами - четкостью суждений, хваткой, энергией, умением подтвердить мысль цифровыми выкладками. Подтянутый, пружинистый, по-спортивному сложенный и собранный, всегда на ходу или погруженный в бумаги, он импонировал размахом деятельности и готовностью разрабатывать любой вопрос - от морских ферм мидий и ламинарий, которые тогда только опробовались на Белом и Баренцевом морях, до анализа взаимоотношений колхозов с их партнерами по кооперации. И поначалу я никак не мог понять, почему во всех колхозах, будь то на Мурманском или на Терском берегу, к Несветову относятся с плохо скрытой неприязнью.

За что? Ведь, казалось бы, всю свою энергию, всю страсть, все знания он отдает именно колхозам! Ищет новые решения, мыслит масштабно, а вот поди ж ты...

Не в этой ли "масштабности" и скрывалась отгадка, открывшаяся внезапно для меня в конфликте Несветова и Тимченко? Конечно, все, что я дальше скажу,- не более чем мои личные ощущения. Но мне вдруг представилось, что за явлениями, за категориями такие люди не замечают "человеков" с их индивидуальными характерами, судьбами, склонностями, интересами, достоинствами и недостатками. Колхоз или судно не предстают в их сознании коллективом индивидуальностей, объединенных интересами общей жизни, заработка, стремлением к достижению социальных целей. Они оказываются для них всего лишь единицами измерения, приносящими доход или убыток, условными фигурами порученного им участка экономики. Такой чиновник чувствует себя стратегом, разрабатывающим план операции, не задумываясь над тем, как ее успех или неуспех отразится на судьбах людей. Его интересует только конечный результат, итог, но не "колесики и винтики" как таковые. Главное, чтобы работа шла эффективно, при этом совершенно неважно, чьи суда будут ловить рыбу в океане и что за люди будут на них работать. Если колхозными судами удобнее управлять, изъяв их у колхозов и объединив в базе флота,- значит, так и надо поступить; если только с помощью РКС можно держать колхозы в повиновении - стало быть, так и будет! Разговаривая с ним, да и с другими работниками "Севрыбы" и МРКС, я с удивлением убеждался, что в их представлении колхозы существуют исключительно для выполнения спущенных им сверху планов по добыче рыбы и именно эта добыча должна быть поставлена во главу угла.

Наоборот, сами колхозники полагали, что колхозы и существующая колхозная демократия, пусть даже ущемляемая со всех сторон вопреки Уставу - но все-таки существующая! - должны служить в первую очередь созданию наилучших условий их собственной жизни: на первом плане здесь должны стоять интересы людей, а не успешного функционирования бюрократической машины. И жизнь свою они должны планировать так, как это представляется лучше им самим, а не стоящему над ними начальству.

Колхоз для того и был когда-то придуман, чтобы собравшиеся в него люди могли наилучшим образом обустроить эту первичную ячейку государственного хозрасчета и самоуправления. Если в такой ячейке людям будет хорошо, они будут богатеть, то и сама ячейка хороша, она будет максимально полезна и обществу в целом. Если же в ней все вразвал идет, люди бегут, работа приносит убыток или едва позволяет сводить концы с концами, то зачем тогда объединяться? Может, в одиночку выгоднее горб ломать? Ну, а если все-таки вместе, тогда задача ясна: сначала обеспечить себя, а потом посмотреть, что сообща можно сделать для государства...

Первой, "начальственной" точки зрения, обоснованной тем, что подчиненных надо учить, потому как они сами не знают, что им лучше и что им надо, я никогда не мог принять, как не мог принять утверждения, что "народ глуп". "Глупыми" могут быть только начальники, но не народ. Он может быть забит, бесправен, темен, невежествен, но никогда не глуп. История не раз показывала: стоит дать народу увидеть хоть искорку надежды, чуть-чуть свободы распоряжаться собой и своим трудом, как он преображается и показывает чудеса ума и таланта. Не любит он лишь опеки над собой, которая и делает его "глупым" и "инертным", "аборигеном", как теперь любит выражаться присылаемое "на кормление" начальство. Невинное слово, означающее в переводе "местный житель", в последние годы стало оскорбительной кличкой, определяющей всю пропасть между "народом" и его начальством.

Вот тут-то и уместно поставить вопрос: а нужно ли это начальство колхозам? Могут ли колхозы существовать без РКС, над которым теперь взгромоздился ВОРК? В ответ я неизменно слышал: нет, не могут, потому что РКС заботятся о нуждах колхозов, через них колхозы получают от государства так называемые лимиты, через них они выходят на вышестоящие организации. А кроме того, что будет, если колхозы останутся без руководства?

В самом деле, что произойдет? Распадутся? Голодной

смертью погибнут? По миру пойдут? Конечно же, нет. Просто будут сами выходить на вышестоящие организации, будут сами решать свои дела и свои проблемы. И жить будут лучше. А вот что будут делать РКС, если не будет колхозов, если все их превратить в подсобные предприятия объединений "Севрыбы",- вопрос другой...

- Знаете, что, на мой взгляд, самое важное в статье Максимовского? - говорит Тимченко, мелкими глотками отпивая крепкий дымящийся чай и похрустывая печеньем, поданным секретаршей каждому из нас в металлических вазочках, после того, как я вкратце рассказал ему о встрече с Несветовым у Эвентова.- То, что он показал человеческие проблемы нашей работы. У него и подзаголовок такой был: "Нравственные грани экономики". По-моему, очень правильно сказано! Ведь экономика - это не цифры, это люди. У нас об этом постоянно забывают. Вернее, просто не думают, не хотят! Ведь без людей проще, верно? Почему у нас все восстали против базы? И не сразу, учтите, два года выжидали... Впрочем, вы не моряк, не рыбак. Знаете, что такое свое, родное судно? Где ты каждую гаечку знаешь, каждый винтик помнишь, который ты затягивал или о который руку ободрал при шторме? Ведь оно для тебя по два месяца дом родной, кусочек твоего колхоза, твоей деревни, на котором ты десятки тысяч миль прошел и еще столько же пройти должен! Да ты ему всю душу свою отдашь! А приход в порт? Для моряка это все равно что для горожан - Новый год: огни, дома, люди, красивые женщины... Два месяца тебя мотало, трепало, кроме волн, кубрика да рыбы, ты ничего не видел. А здесь не просто земля - своя земля; здесь тебя ждут, потому что в любую погоду, в любое время суток на причале встречает колхозников председатель, встречает бухгалтер с авансовой ведомостью, чтобы с моря рыбак домой мог вернуться с деньгами... Его встречает автобус, который подвезет его к дому, а если план выполнили и перевыполнили - еще и обязательно оркестр! И тут же, пока идут формальности, он уже узнает колхозные новости. У нас так было всегда заведено, и люди к этому привыкли. Они знали, что как бы далеко ни мотало их по морям, о них помнят, о них и об их семьях заботятся, их ждут... А что сделала база? Сначала - сгребла всех в одну кучу, потом - раскидала по судам. Кто где работает, в каком колхозе - никого не касается. Приезжаю в порт встречать колхозное судно, а на нем только пять или шесть колхозников, остальные неизвестно кто. Сидим в кают-компании, разговариваем, а на нас покрикивают: ну, чего расселись, давайте работайте!.. Да и о чем мне им рассказывать? Что все в город подались? Что в колхозе пустые дома стоят? Что мы стройку

прекратили? Что корабли простаивают в ремонте? Что план заваливаем? Даже аванс я не могу им привезти, потому что зарплату они получают на базе! И они на меня с недоумением смотрят, и сам я на себя так же смотрю: да какой же я председатель?!.

У Тимченко снова начинают дрожать пальцы, он стискивает ладонями подстаканник, Но чай предательски плещется, и тогда он осторожно ставит стакан на стекло письменного стола. Нет, не наиграно это волнение. Меня и в первый приезд поразила забота о людях в "Ударнике", внимательное отношение к каждому - к его характеру, склонностям, к работе. Может быть, потому так и рвутся в колхоз к Тимченко, так доверяют ему люди, что знают: на первом месте у него всегда забота о человеке - его нуждах, семье, его здоровье и заработке.

И я могу представить, как вот так, до слез, радовался председатель, когда, после решения общего собрания о выходе колхозного флота из базы, об отозвании судов и плавсостава, из Мурманска хлынул - на катерах, на автобусах, на личных и колхозных машинах,- из временных углов, из общежитий, от родственников со всем скарбом густой людской поток; как гудели, салютуя родному колхозу, возвращавшиеся суда, чтобы хоть символически, день-два постоять у родного, совсем недавно построенного пирса...

- Ну, а потом?

- Потом пошла жизнь. Стали строить, стали изо всех сил ловить рыбу, потому что ситуация в том году для всех была плохая, а у наших судов намечался безусловный пролов. Я думаю, что и уйти из базы нам позволили потому только, что точно рассчитали: раз план уже сорван, они его не вытянут, тут мы им и врежем! Промысловая ситуация была как нельзя хуже. А ребята старались! Все знали, что от этого наша судьба зависит. Конец декабря, рыбы нет, штормит... Я передаю: если нет рыбы и трудные условия - возвращайтесь домой. Нет, пашут и пашут! А что пахать, когда нам не десяток тонн, а как минимум сто двадцать - сто тридцать нужно, чтобы концы сошлись?! Тридцатое декабря - ничего. Тридцать первое декабря, день - ничего. Я сижу на телефоне... А если подумать… Ну что такое этот план, почему его обязательно вынь да положь к первому января? Что мы, сами эту рыбу производим? Капитаны все время на связи. И вдруг капитан семьсот пятнадцатого делает очередной замет, и в неводе у него, по первым оценкам, около полутораста тонн! Но в неводе, на судне, а считается, что ты выловил, только когда сдал на базу. А как тут сдать? В шторм вообще не принимают. Да еще строгое указание Шаповалова: у колхозников "Ударника" принимать в

последнюю очередь. Было такое! И все же морская выручка сработала. Упросил капитан. Стал борт о борт с базой и сдал сто пятьдесят тонн рыбы в двадцать два ноль-ноль тридцать первого декабря, под самый Новый год! Вот это был для всех нас праздник!

- Настоящий святочный рассказ! Но неужели доходило до того, что отказывали принимать рыбу у колхозников?

- Прямого отказа не было, конечно. Но приказ - в последнюю очередь. А очередь может быть такой, что вся рыба скиснет, пока дождешься, да и сроки поджимают. Пока один улов сдает, другой успеет два-три замета сделать... И разве только это! Вот, смотрите...

Он раскрывает папку, лежащую перед ним на столе, и начинает перебирать бумаги, время от времени протягивая мне то один, то другой документ и кратко их комментируя. Документы со штампами, печатями, подписями.

Вот письмо в Кольский райком партии и в Мурманский обком за подписями Ю.Е. Гитермана и секретаря партийной организации МРКС В.Г. Немсадзе, в котором утверждается, что в выступлении Тимченко на районной партконференции искажены факты и что их-то и использовал Максимовский. "Таким образом... коммунист Тимченко Ю. А., введя в заблуждение вверенный ему коллектив, центральную прессу и партийные органы, способствовал ухудшению производственных отношений, чем создал ненормальную обстановку в коллективах колхоза, базы флота и в системе рыбакколхозсоюза в целом... В связи с вышеизложенным правление рыбакколхозсоюза просит принять меры партийного воздействия к коммунисту т. Тимченко Ю.А. за формирование фальсифицированных фактов, изложенных в выступлении на районной партийной конференции и в центральной прессе. Одновременно просит также решить вопрос об освобождении коммуниста т. Тимченко Ю.А. от занимаемой должности".

Н-да, ничего не скажешь, все ярлыки на месте: политический донос, оформленный по всем правилам славных 30-х годов. И резолюция предлагается - "решить вопрос об освобождении...".

- Не освободили, однако,- говорит Тимченко, и я вижу, как снова ходят у него желваки на скулах, как он стискивает зубы.- И это только начало. Вот письмо в обком, вот отчет о результатах проверки... Как тут сказано? - Он надевает очки и читает: - "О результатах проверки хозяйственной деятельности колхоза "Ударник", стиля и методов руководства работой флота правления колхоза". А итог? Вывод судов из базы флота был ошибочен, кадровая политика неправильная, необходимо срочно

освободить товарища Тимченко от обязанностей председателя колхоза, а товарища Кокоткина - вы ехали сегодня с ним, он зам по флоту - от обязанностей заместителя... Вот, слушайте: "Созданная в колхозе обстановка непринятия указаний вышестоящих организаций, делячества и критиканства, имеющих в своей основе неправильно трактуемое сложившееся - так оно само и сложилось, что ли?! - финансовое состояние основных средств, не способствует повышению эффективности колхозного производства". Короче - все у нас подтасовано, все плохо, а они нас облагодетельствовали! И подписи-то внушительные: Шаповалов, заместитель Каргина, который по два часа меня у дверей на ногах выдерживал и орал, а я ждал, когда он проговорится, какую следующую пакость готовит; Пашин, тоже заместитель; Несветов, которого не надо представлять; Цукалов, начальник отдела промышленного рыболовства; И. В. Папахин, старший инженер Несветова... И забили бы нас, замордовали - иногда в день по две-три комиссии в колхозе работали, обэхаэсэсники все вверх дном перевернули,- если бы не эта вот справка ревизионной комиссии Кольского райкома и комиссии Госбанка. И все встало на свои места. Потому что Банк недвусмысленно заявил,- вот, глядите! - что, "если и дальше эксплуатация и ремонт флота будет проводиться без контроля колхоза, в течение года колхоз станет полностью неплатежеспособным и нерентабельным". А в справке ревизии райкома еще четче сказано, что со стороны РКС и базы имеются грубейшие нарушения права управления колхозно-кооперативной собственностью; что столь же грубо нарушен Устав колхоза тем, что председатель МРКС Гитерман специальным письмом через три месяца после создания базы запретил руководству колхоза вмешиваться в ремонтные дела собственных судов, а специалисты по судоремонту в колхозе были упразднены. И вот, смотрите, они показывают, как бесконтрольно шел ремонт, какая страшная была текучка кадров. Вот только по одному нашему судну МИ-1398. Вместо 250 суток оно находилось в ремонте 365 суток. За это время у него сменилось 9 капитанов, 10 штурманов, 11 старших механиков, 4 начальника радиостанции, 5 электромехаников, а всего 148 человек, хотя инструкция запрещает во время ремонта смену капитана и стармеха! А сколько было всего разворовано! Знаменитое МКПП выдавало материалы кому хотело и как хотело. Как они там наживались, какие суммы присваивали - одному богу известно. Отсюда и вывод: "Таким образом, РКС и МКПП создали практически "идеальные" условия для разбазаривания, а возможно, и для хищения народных средств". Ну и так далее - по всем пунктам обвинения. Так скажите, какие

чувства я и наши колхозники должны испытывать к Гитерману и шайке его заместителей?

- Но эта-то ревизия освободила вас наконец от обвинений?

- Какое! - Тимченко машет рукой.- Даже когда Гитермана арестовали, все продолжалось, хотя мы уже год как вышли из базы. Тут и Каргин постарался, и его заместители, особенно Шаповалов, и Несветов... Этот и сейчас, как только с чьим-либо судном что-то случится, сразу бросает в зал на совещаниях: "Это судно "Ударника"!" Нам запрещали подписывать судовые роли, нарушая тем самым государственный закон, не выпускали суда на промысел, отказывали в приобретении новых судов, отзывали суда из района лова, что обошлось колхозу в десятки тысяч рублей. В марте восемьдесят пятого года сгорели таинственным образом склады МКПП с промвооружением, мы потерпели более чем на сто тысяч рублей убытка, но виновных никто даже не стал искать...

МКПП, МКПП... Голубев тоже говорил о трудностях с МКПП, о беспорядках... А кто говорил еще? При Гитермане в МКПП были приписки, и там же сфабриковали подлог, который навесили на него, а виновные остались в стороне. Ах, вот оно что: ведь еще Стрелков жаловался мне на МКПП, которому было дано "на откуп" строительство базы зверобойки в Чапоме! Да что же это за таинственное МКПП, в котором могут совершаться хищения и пожары, не замечаемые следственными органами?

Тимченко отодвигает папку в сторону.

- Не могу, извините! Захотите - сами посмотрите, как и что тут с нами делали. Для меня всякий раз возвращаться к этим делам - боль нестерпимая, заново все переживаю: и стыд, и бессилие, и злость. Вот, верите ли, если бы я не знал, что вся эта шайка из РКС и "Севрыбы" только и ждет, чтобы я не выдержал, сорвался,- обязательно уже кому-нибудь бы врезал! С Каргиным мы в кабинете сцепились. Не рассказывал вам? Вызвал меня, Гитермана и Несветова, начал на меня орать: "Чтобы духу твоего не было! Я капитанов флотов за пять минут снимаю, а с тобой буду возиться?.." Ну, я тоже не сдержался. Он тех двоих из кабинета выставил, а мы с ним чуть не в рукопашную. Хорошо, кто-то из его замов зашел...

Тимченко смеется. Ему и смешно, и стыдно, а я пытаюсь представить, как эти двое, под стать друг другу, готовы были схватиться за грудки. До этого были друзьями, как говорят, "не разлей вода". Потом какая-то кошка пробежала. Теперь стали врагами, хотя Каргин о Тимченко всегда говорит с досадливым уважением, может быть потому, что знает мою пристрастность к председателю "Ударника".

Это сейчас Тимченко сдержан, глотает таблетки от сердца. Раньше на промысле и в жизни он был заводным и бесстрашным. Рассказывали мне, как однажды с тем же Каргиным отправились они за город на машине Тимченко, лет десять назад это было. То ли на охоту, то ли на рыбалку собрались. Утро. Воскресенье. На площади в одном из новых районов, где проезжают,- толпа. Каргин - видимо, это он кому-то рассказывал - только тогда понял, в чем дело, когда Тимченко уже выскочил и врезался в толпу: в кругу трое в подпитии молотили руками и ногами четвертого. Потом Тимченко сказал, что на него арифметика подействовала: как так, трое на одного?! Двоих он уложил сразу - правой и левой, третьего на какой-то момент потерял из виду. А какая-то бабка с кошелкой ему подсказывает: "Вон он, сердешный!" Тимченко так же разом положил и его, сел в машину и поехал дальше. Только потом заметил, что руки в кровь разбил.

Когда я спрашиваю сейчас об этом Тимченко, тот грустно кивает головой: было.

- А знаете, что тогда Каргин сказал? Посмотрел на меня, на мои руки, отодвинулся и говорит: нет, Тимур, я с тобой больше не поеду! Эдак ни за что в милицию с тобой угодишь... Да, когда-то друзьями были...

В его словах горечь воспоминания и ощущение прошедших лет и событий, которые развели этих двух незаурядных людей.

- Что вам еще сказать? - спрашивает он меня.- В восемьдесят третьем году мы были на грани банкротства. В восемьдесят пятом мы получили четыре миллиона чистого,- он подчеркивает голосом этот факт,- дохода. И народ к нам снова пошел. Видели объявление на дверях конторы: "Колхоз приема на работу не производит"? Оно висит уже полгода. Это значит, что люди чувствуют себя у нас хорошо и не хотят уходить. Значит, мы сохранили колхоз, сохранили людей, а вместе с тем кое-что еще и приобрели... И перестройку на конец почувствовали. Во-первых, помог нам ВОРК своим образованием, тем уже, что отделил нас от "Севрыбы". Теперь Каргину и Несветову стало труднее нас доставать. Опять же не стало Гитермана. Егоров, его заместитель, как я слышал, тоже на пенсию уходит. С базой флота, можно сказать, уже покончено после того, как Савельев свои корабли увел. Мосиенко там последние дни доживает, в МКПП всяких проходимцев тоже меньше стало - уже дышать легче! Так что я в будущее теперь с надеждой смотрю. Вот вам мой итог по прошедшему времени...

Из кабинета Тимченко мы идем в традиционный обход хозяйства. После всего услышанного меня не слишком интересуют колхозные новостройки - они везде одинаковы; чуть

хуже, чуть лучше. В своей жизни я их видел достаточно много, однако не отказываюсь, потому что понимаю: председатель хочет продемонстрировать мне зримый итог его победы.

Он показывает новую АТС с городскими номерами, телетайпы, которые появились в результате все тех же бесчисленных комиссий по проверке, ферму на 200 голов и молочный блок - просторные, светлые, удобные, построенные хозспособом. В "Севрыбе" было издано распоряжение: считать колхоз "Ударник" сторонней организацией, его суда на ремонт не ставить. Пришлось за три месяца создать собственную судоремонтную мастерскую, купить в Ленинграде на аукционе старые, списанные станки. Закрыли для колхозников общежитие - купили списанный корабль, поставили на прикол и устроили там общежитие на 30 человек. Голь, как говорят, на выдумки хитра. Строить котельную было не по силам, не было материалов. Тогда купили старый тральщик, поставили его возле берега, а от него в поселок провели теплоцентраль - проблема была решена. Теперь на очереди 36-квартирный дом, трехэтажный, второй этаж уже достраивается, осенью будет сдан и заселен...

Тимченко показывает, рассказывает, как и что делалось, знакомит с людьми, которые, как мне кажется, с любопытством рассматривают меня, прикидывая, каких напастей ждать после визита писателя, а я все еще во власти предыдущего разговора и тех документов, которые успел просмотреть и прочитать.

Неважное впечатление они на меня произвели, скажу я прямо. Ни о какой принципиальности в том конфликте не могло быть и речи, не по делу он шел! Была склока - злобная, мелочная, как если бы травили зверя, который только и хотел, чтобы его оставили в покое. Вместо разума был азарт, вместо спокойствия - улюлюканье, гиканье, тот шабаш, который предшествует "охоте на ведьм", как выразился Каргин.

А ведь все верно! Неужели и начальник "Севрыбы" подспудно чувствовал, что не делом занимаются его помощники? Ведь все это было не против одного Тимченко - против колхоза, коллектива, который заместитель Каргина грозился "загнать в стойло"! А в чем эти люди были виноваты? Они честно, с полной отдачей сил работали даже не столько на себя, сколько на государство, но в какой-то момент терпение их лопнуло, и они сказали: все, ребята, невмоготу, так мы до ручки дойдем, хотим сами за свои поступки отвечать! Вот и все. Это было их право, записанное в Уставе, огражденное законом, на которое никто не мог посягнуть. И все-таки посягнули! Злобно. Изощренно. Долго и мучительно - совсем так, как год спустя взялись за Гитермана. За того самого Гитермана, который был гонителем "Ударника" и

Тимченко. Что это - ирония судьбы или закономерность? Я склонен видеть здесь второе. И в первом, и во втором случае перед нами произвол, разница только в уровнях административной пирамиды и силе молота, обрушившегося на жертву.

Может быть, здесь и надо искать отгадку случившегося? Мы привыкли искать причины, подразумевая под этим тот или иной конкретный повод, подменяя одно понятие другим. Поводом для травли Тимченко и его колхоза был вывод колхозных судов из базы флота, но обвиняли Тимченко в том, что он отказывался слепо подчиняться стоящему над ним начальству. И чтобы обвинение выглядело весомым - а что значит "не подчиняется"? Это его право! - аргументировали якобы имеющимися в хозяйстве нарушениями и "неумением работать с людьми" (это Тимченко-то!). Короче, пытались возвести любую напраслину, ни одно положение которой не подтвердилось. Другими словами, возводили на председателя административную клевету, которая, к сожалению, неподсудна, поскольку оправдывается "выполнением обязанностей", "бдительностью", "руководством" и прочими громкими, однако не имеющими никакого положительного содержания словами. И это было тоже не причиной, а следствием.

Причиной был явственно проступавший административный и хозяйственный произвол, который для Тимченко персонифицировался в Несветове, Егорове и Гитермане, точно так же как для Гитермана через год он воплотился в генерал-майоре Данкове, подполковнике Белом, майоре Понякине и во всех тех, кто его "обрабатывал" на допросах и между ними. Произвол страшен тем, что он превращает человека в зверя, причем не только палача, но и жертву, которой приходится обороняться любыми средствами, понимая, что ни о каком законе не может быть и речи. Никто не придет ему на помощь или придет слишком поздно. После того, что я прочитал в кабинете Тимченко, я мог понять, почему Гитерман мог допустить на какой-то момент причастность к своему аресту Тимченко. Речь шла о жизни и смерти, причем не самого Тимченко, а дела его жизни, всего, что он за тринадцать лет вложил в коллектив и в хозяйство. Только вот мог ли он что-то сделать конкретное, когда его самого трясли работники ОБХСС?

И я спрашиваю Тимченко в упор:

- Юрий Андреевич, как вы думаете, кому мешал Гитерман?

Тимченко останавливается, словно наткнувшись на стену. Сначала он не находит, что ответить. Потом медленно произносит:

- Кому он мешал? В первую очередь нам - "Ударнику", мне лично... А если вы спрашиваете, кому надо было его убрать,- этого я не знаю. Нас, как вы могли убедиться, трясли и давили еще больше года после его ареста, так что выиграли мы от этого совсем мало. Я вовсе не считаю, что он был главной фигурой,- главными были Каргин и Несветов в "Севрыбе", Гитерман только очень ретиво исполнял их приказы. Ну а когда с ним такое случилось, те просто умыли руки. Нет, я на него доносов не писал, если вы спрашиваете об этом, никаких порочащих показаний не давал. Но и жалости к нему, после того что он с нами делал, у меня нет. К его семье - да, к нему - нет!

Вот так. Все по-мужски. У меня нет оснований не верить Тимченко после того, что я сам продумал. А ведь Гитермана кто-то до сих пор пытается "навести" на Тимченко: дескать, это он тебя за то, что ты с ним тогда делал... Кто-то из его былого окружения, из его аппарата, помогавший с Тимченко расправляться и потому опасающийся и для себя возмездия. Прочитать собранные Тимченко документы - можно и поверить. Но только в первый момент. Потому что эти же документы содержат его полное оправдание.

Если бы Тимченко вздумал направить в мурманскую прокуратуру и УВД обвинения против Гитермана как председателя МРКС, в его руках был совершенно исключительный материал, свидетельствующий о хищениях, разбазаривании и прочих грехах базы флота, МКПП и самого МРКС. Сотни тысяч рублей, многократно повторенные в разных вариантах,- это не 499 рублей районного коэффициента, за которые не отвечал ни бухгалтер МКПП, ни его начальник, но которые суд поставил "в строку" Гитерману... Но Тимченко этого не сделал. Хотя, повторяю, открытый против него произвол давал ему на это моральное право.

Перед тем как нам расстаться, Тимченко снова меня удивляет.

Короткий день давно сменился заполярной ночью, белеют вокруг сопки, на противоположном берегу залива сверкают густые россыпи огней вечернего Мурманска, празднично сияют гирляндами суда на рейде, и все это удваивается, отражаясь в воде, и множеством тусклых бликов играет на обнаженных отливом валунах и гальке.

И вдруг Тимченко произносит:

- А ведь в будущем году мы с Савельевым, пожалуй, объединим флота! Интересы-то общие... Там, глядишь, и другие присоединятся. Надо думать о своей судоремонтной базе - одних мастерских недостаточно, все равно на поклон в "Севрыбу" ходить

приходится... А так все свое будет, колхозное, общее - и диспетчерская, и ремонтные предприятия. Причалы уже есть - и у нас, и у "Энергии"...

Я опешил.

- Что же, снова заводить базу флота, из которой вы ушли? Или Гитерман был прав, что вы лично ему и Каргину эту пакость готовили?

И скорее догадываюсь, чем вижу, как Тимченко улыбается одними углами рта:

- База флота - дело нужное и выгодное, я и раньше против нее ничего не имел. Только - какая база? Чья она? База РКС никому из нас не нужна, потому что она - над нами, еще один управленческий аппарат на нашу шею, еще один хомут! А если мы, колхозы, скооперируемся, создадим ***свою*** базу, которая нам будет подчинена и будет наш флот обслуживать, не захватывая его в свой карман,- это будет разумный путь развития и колхозной экономики, и колхозной демократии. Сейчас для этого все предпосылки есть. Создан ВОРК, мы отделены от "Севрыбы", на месте Гитермана - Голубев. Он иначе смотрит на колхозы, не пытается подмять под себя председателей, наоборот, дает свободу экспериментировать, спрашивает, что нам нужно. Нам бы еще лимитов побольше, а остальное мы сами сделаем! Важно только, чтобы инициатива от нас исходила, а не сверху нам спускалась как приказ, чтобы все это было нашим подспорьем, а не нашими оковами, как то хотели сделать эти мудрецы,- повторяет он невольно слова Каргина.- И тут, я думаю, никаких разногласий уже не будет...

4.

Через два дня с Виктором Георги я лечу в Чапому. Утром ударил хороший мороз, в прогнозе дальнейшее понижение температуры, однако в аэропорту нас ждет не пассажирский, а грузовой "Ан" с металлическими откидными сиденьями, холод от которых, вопреки законам физики, поднимается вверх, пробивая все слои коврика - нашей единственной подкладки. Кроме нас двоих, никого нет. "И чего вас несет в какую-то Чапому?" - говорит дежурная, ведя нас по летному полю. Летчики, похоже, тоже не слишком довольны. Везти двух пассажиров через весь Кольский полуостров, а потом еще и вдоль него - слишком большая роскошь. Наша надежда только на Умбу, где наверняка должны быть желающие лететь на восток - в Варзугу, Чаваньгу, Тетрино, в ту же Чапому. Но их может и не быть. Где-нибудь на юге или в средней полосе такая ситуация могла только позабавить. Но здесь Север. И мы опасаемся, что, если у пилотов нет необходимости "нагонять" летные часы - а такой необходимости у них явно нет, поскольку только середина месяца,- нас под любым предлогом могут вытряхнуть в Умбе, как то не раз бывало. Всегда найдется "объективная причина": керосин кончился, патрубок забился, прибор барахлит...

Остается надеяться на удачу. Впрочем, лучше сидеть в Умбе, ожидая оказии по Берегу, чем в Мурманске. Поэтому мы летим.

С Георги мы познакомились четыре года назад в этой самой Умбе, районном центре Терского берега. Он совсем недавно получил назначение на пост главного редактора местной газеты, еще только обживался на новом месте, не успев - как выяснилось, к счастью,- распрощаться окончательно с Мурманском, и, что называется, "осваивал" Берег. Долго ему это делать не пришлось. В отличие от своего предшественника, он решил всерьез взяться за проблемы района, чтобы помочь делу спасения поморских сел. Георги казалось странным, что всё внимание газеты было направлено на районный центр и деятельность леспромхоза, регулярно не выполнявшего план.

Собственно территории района, протянувшейся на триста с лишним километров на восток полуострова, как бы не существовало. В газете печатали сводки по надою молока, по заготовкам сена, отмечали какие-то мелкие события, но все это лежало на периферии районной жизни. К своему удивлению, Георги обнаружил, что никто в Умбе - ни в райкоме, ни в райисполкоме - словно и не подозревает об идущей уже третий год в районе межхозяйственной кооперации, как если бы дело

происходило на другой планете или за рубежом. Поездив по району и покопавшись, поговорив с людьми, вникнув в дела колхозов и их председателей, новый редактор "Терского коммуниста" не мог не заметить, что на колхозы Берега смотрели как на досадное наследие прошлого, от которого надо было как можно скорее освободиться.

Было еще много другого "странного", если пользоваться терминологией предшествующей эпохи, о чем следовало писать и с чем надо было бороться. Беда заключалась в том, что никто этого делать не собирался и не хотел. Здесь был свой насиженный районный быт с крепко сидящим начальством, за десяток предшествующих лет подобравшим на все посты нужных ему людей, которых секретарь райкома знал насквозь и полностью держал в своих руках. Скандалы, исключения и смещения с должности происходили, только если кто-нибудь уж очень сильно проштрафится, подставив под удар свое руководство, забудет о субординации или заглянет в соседний "огород". Тогда наступала расправа быстрая и впечатляющая. Неугодные заместители предрика оказывались на следующий день пильщиками леспромхоза. Но "игры" велись в собственном кругу, и серьезных протестов не было.

Последнее обстоятельство, как видно, и обмануло журналиста, который решил, что главный редактор районной газеты может потягаться с умудренным опытом секретарем райкома и председателем райисполкома в их собственных владениях. Первые заметки о колхозных проблемах и о необходимости благоустройства давно запущенных сел были приняты если не с улыбкой, то со снисходительной усмешкой. Однако, набравшись духа, Георги напечатал в последних номерах года подряд три полосы под общим заголовком "Письма с Терского берега". Не скажу, что это было уж очень смело. По нынешним временам, вероятно, такой материал мало кто заметил бы, будь он напечатан в одной из центральных газет. Но времена такие только еще наступали, в провинцию они и сейчас не дошли, поэтому вполне лояльные очерки о действительных нуждах поморских сел, написанные в очень умеренных выражениях, показались прокламациями, призывающими к свержению местных царьков.

Тогда Георги смог увидеть, как принявший его "дружеский круг" районной элиты вдруг слился в единую стаю. В течение одного дня он получил строгий выговор с занесением в учетную карточку и решение о несоответствии занимаемой должности. Одновременно была лишена работы его жена. Нет, не за "Письма с Терского берега", избави бог! За то, что она была оформлена на

работу в районном центре, сохраняя прописку в Мурманске. Об этом знали все. Больше того, сам районный прокурор с благословения секретаря райкома посоветовал Георги сделать именно так, поскольку закон этого категорически не запрещал, а главное, как выяснилось теперь, это давало возможность держать нового редактора газеты "на крючке". Расправа была короткой и жесткой и у всех окружающих вызвала бурю веселья. В самом деле, ну кто бы додумался идти против крепко сплоченных рядов людей, державших в своих руках район? Неужели мог найтись такой человек, который всерьез бы решил, что ему будет позволено подрывать основы местной власти и благополучия? Вчерашние "друзья", собравшиеся в кабинете первого секретаря райкома, с самым серьезным видом упрекали журналиста в отсутствии партийной совести, делячестве, попытках обойти закон... Да, это был тот же самый произвол, который именно в это время в полной мере испытывал Тимченко и который вскоре должен был испытать Гитерман.

Судя по тому, что мне довелось слышать, этот же произвол обрушился на голову Стрелкова, председателя колхоза "Волна" в Чапоме, куда мы теперь летим. Во всяком случае, исключать из партии и отдавать Стрелкова под суд должны были те же люди, что исключали Георги. И Медведева, первого секретаря райкома, и Шитарева, председателя райисполкома, я знал, и они на меня производили самое благоприятное впечатление, как, впрочем, и Гитерман, и Несветов, и - не сомневаюсь - произвел бы генерал-майор Данков, от которого исходило распоряжение "готовить" Гитермана к полному "чистосердечному признанию" с помощью посаженных в камеру уголовников.

Для Георги поначалу это было ударом. Тем более жестоким, что он видел всю подлость сделанного хода. С ним никто не спорил, его никто не обвинял в допущенных ошибках или в искажении фактов. С ним просто расправились и вышвырнули, обвинив его в проступке, которого он не совершал, вот и все. Самое страшное, что это понимали все, не только в Умбе, но и в Мурманске, начиная от редакций газет и телевидения, где он раньше работал, вплоть до аппарата обкома, где его успокоили и пообещали "при случае" поддержать.

Вскоре он понял, что не только ничего не потерял, но даже еще и приобрел. Кроме опыта, он привез в Мурманск из Умбы достаточно явственный ореол героя, потому что "Письма..." были написаны хорошо и служили лучшей характеристикой таланта и гражданской принципиальности журналиста. Так что с течением времени все повернулось как нельзя лучше, и в редакции "Рыбного Мурмана" Георги мог уже всерьез заняться проблемами

Терского берега и его руководства, ощущая полную от него независимость. За эти годы он напечатал большое количество очерков, вырос как журналист, а Терский берег со всеми его людьми, хозяйствами, их заботами, жизнью, природой стал незаметно как бы его личным делом, частью его собственной жизни.

"Делом Стрелкова" на его первой стадии, закончившейся судом над председателем колхоза "Волна", Георги не занимался, потому что по времени оно совпало с его собственными треволнениями. Все дальнейшее было уже на его памяти и кое-что даже при его непосредственном участии, как, например, составление ходатайства общего собрания колхозников о невиновности их бывшего председателя и выдаче его им на поруки...

И вот сейчас, в ледяном чреве самолета, наполненном холодом и оглушающим воем моторов, Георги, привалившись ко мне и кутаясь в поднятый воротник полушубка с брезентовым верхом, пытается нарисовать общую картину того, что случилось со Стрелковым, по тем отрывочным данным, которые ему удалось собрать.

- ...Стрелков виноват только в том, что забыл трудовое соглашение с бригадой ремонтников утвердить на правлении колхоза. Сам он его подписал, наряды были закрыты правильно, деньги были выплачены тоже правильно, так что говорить можно не о вине, а всего лишь об административном упущении. Все это случилось весной восемьдесят третьего года, а судили Петровича в марте восемьдесят пятого. Дело открывали, закрывали, снова открывали, снова закрывали... Сначала Петровича обвинили в том, что он три с половиной тысячи колхозных денег переплатил незаконно. Потом это обвинение отпало, потом снова возникло. Видно было одно: кому-то он мешал, и его во что бы то ни стало хотели убрать. Но кому? - вот вопрос! Сам-то он, сами знаете, копейки чужой не возьмет, еще свою последнюю приложит. Я был на собрании, когда принимали решение о ходатайстве в суд. Его ведь из партии отказались исключать, как там на них ни давили, уже райком исключал. Защитника на суде никто и не слушал, как будто бы все заранее было оговорено. А бухгалтер колхозный - вы знаете Устинова, мужик дотошный, он считается лучшим колхозным бухгалтером,- тот прямо мне сказал, что Стрелков ни в чем не виновен, поклеп это. Очень они на суд надеялись, что хоть там справедливость будет! Да куда там! Если уж в райкоме партбилет отобрали, значит, все предрешено у них...

- Вы думаете, что здесь какая-то интрига? В невиновности Стрелкова я безусловно уверен. Но вот представить себе какую-то

интригу с его смещением никак не могу. Кому и зачем нужен пост председателя колхоза? Я понимаю, еще пост председателя МРКС - все-таки номенклатура, как говорят. А здесь? К тому же мне говорил Гитерман, что Стрелков до суда уже с полгода был переведен в заместители, так что чем он мог мешать?

- А вы знаете, как это было обставлено? У Стрелкова к этому времени было два заместителя - Игорь Воробьев и Лучанинов. Первый - из поморов, он архангельский, хотя корни у него здесь, на Терском, да вы его, наверное, помните. А второй - из мурманского рыбного порта. Был бригадиром, передовиком производства, все такое прочее, потом у него семейные осложнения, встретил женщину, ушел из семьи, собрался вообще из Мурманска уезжать, а тут его Гитерман и под хватил...

- Разве не Егоров подсунул Лучанинова Стрелкову?

- А почему вы думаете, что это должен был сделать Егоров?

- По двум причинам. Егоров занимался колхозами, утверждением и смещением председателей, а потому у него с председателями, особенно здесь, были натянутые отношения. Юрий Сергеевич считал, что "аборигены" ни на что не годны, их учить и учить надо, причем жестко, с розгой. Мне приходилось с ним бывать в колхозах, и всегда становилось неловко от того тона, которым он говорил с ними. С Тимченко или с Коваленко он себе такого позволить не мог. А здесь - позволял. В последний раз, летом восемьдесят четвертого года, я был на заседании правления МРКС у Гитермана. Приехали председатели, их заместители, главные бухгалтеры, экономисты. Отчитывались по итогам первого полугодия. Короче - обычное деловое совещание. Народу набилось много. Собрался и весь руководящий аппарат МРКС, потому что вопросы поднимались разные, надо было их тут же решать. И вот тогда на меня, да и на других тоже, особенно тягостное впечатление произвело выступление Егорова...

Егоров говорил презрительно и высокомерно. Как мальчишек он распекал председателей колхозов за их упущения, за невыполнение планов. При этом особенно досталось Стрелкову, который не так уж был виноват, как это ставилось ему в вину.

- ...Вы что, Стрелков, не можете работать или не хотите? - с издевкой спрашивал Егоров.- Так подайте сразу заявление об уходе. И вам, и нам будет легче. Иначе мы вас научим выполнять план! Что значит - шли сплошные дожди? Раз сказано заготовить сено - сено должно быть! Нас не касается, как вы будете это делать, сколько там у вас рабочих рук. Коровы, которые у вас стоят, должны быть обеспечены сеном. Скажите прямо, что не хотите работать, попали на это место по ошибке, и освободите его

для другого...

Это был не деловой разговор, а какое-то непонятное для меня сведение счетов, тот самый перевод деловых, административных отношений в личные, который я наблюдал в действиях Егорова и Гитермана против Тимченко.

Тогда я еще подивился выдержке чапомского председателя. Он сидел красный, закусив губу, и молчал, хотя, как мне показалось, на его глаза навернулись слезы никак не заслуженной обиды. Я понимал, что ему хочется встать и одернуть заместителя председателя МРКС, тем более, что сам председатель присутствовал при этом, но ни словом не поправил и не остановил Егорова. Это была "демократия", но только для вышестоящего. Однако Стрелков знал, что стоит ему поднять голос, возразить - пострадает не он, а колхоз. Точно так же, как борьба Тимченко отражалась на судьбе "Ударника". Колхозу будут урезаны лимиты, заказы не будут выполнены, не придут вовремя строительные материалы, не получат они и новые сети. А план останется таким же или еще будет увеличен... Поэтому он и молчал, опустив голову и глотая стыд этого непристойного разноса.

На душе у меня остался столь мерзкий осадок, что вкус его я ощущаю до сих пор. Стрелков был председателем шестнадцать лет, и за все это время никто не мог его сменить, потому что чапомляне стояли за него горой. Они знали его слабости, но знали и ту высокую честность и принципиальность, ту высокую ответственность за судьбы людей и хозяйства, с которой он неизменно выполнял порученное ему дело. Он был золотым окатышем-самородком, мерцавшим для меня забытой славой прямодушных и бесстрашных поморов на всем Терском берегу, человеком, на слово которого можно было без оглядки положиться, зная, что Петрович сделает все как можно лучше и в срок. Ну, а уж если и Петрович не смог что-то сделать - значит, это действительно оказалось выше человеческих сил... Это было не только мое мнение. Так же к нему относились и в районе, закрывая глаза на минутные слабости, потому что, особенно в сравнении с другими хозяйствами, Стрелков оказывался единственным "столпом", подпиравшим поморское хозяйство Берега.

Не потому ли и вызывал он раздражение Егорова? У того был странный пунктик: Егоров полагал, что председателями должны быть обязательно люди со стороны, пришлые, не имеющие ни знакомств, ни корней, ни знания местной жизни. Может быть, потому, что, сам москвич, он тоже председательствовал до МРКС по всему Северу - от Чукотки до Мезени, преимущественно в

национальных колхозах оленеводческого направления, откуда и вывез свое презрительное отношение к "аборигенам". Но здесь был Русский Север, здесь были поморы, которые не привыкли к такому обращению.

За Стрелкова я заступался перед всеми - от Медведева, первого секретаря райкома, до Каргина, и со мной соглашались. На следующий день после заседания правления МРКС я решил поговорить с Гитерманом. Нападение Егорова на Стрелкова представлялось мне не случайным, за этим должно было что-то последовать. Я просил Гитермана не спешить менять Стрелкова, тем более что тому оставалось всего два с половиной года до пенсии; объяснял, что колхоз сейчас переживает очень сложный момент перестройки, ломки старого уклада, перехода в качественно иное состояние; что строительство зверобойки и проблемы кооперации не только не сгладили, но в ряде случаев обострили отношение колхозников к МРКС - не к нему, Гитерману, лично, а ко всему аппарату как таковому из-за участившегося вмешательства в колхозные дела, поэтому смена Стрелкова может быть воспринята не так, как хотелось бы... Тогда и вырвалась у меня фраза, оказавшаяся пророческой. О ней напомнил мне в Москве сам Гитерман:

" - Берегите Стрелкова, Юлий Ефимович! Отдадите его Егорову и Несветову - следующим за ним будете вы..."

Что я подразумевал под этими словами - хоть убей, не знаю. Вероятно, фраза вырвалась из тайников подсознания как итог впечатлений, так и не оформившихся на более высоком и сознательном уровне. Поэтому я о ней забыл, а в блокноте тогда записал: "Разговор с Гитерманом по пути в гостиницу. Сложность обстановки. Отстаивал Стрелкова. Убедил ли?"

Нет, не убедил. Через месяц или два после этого разговора Стрелкова перевели из председателей в заместители. "По собственному желанию". Как объяснил Гитерман, сделано это было по совету прокурора, который обещал после этого дело о Стрелкове закрыть. Закрыл ли он? Кто знает. Во всяком случае, через полгода над бывшим председателем состоялся в Умбе суд. Председателем в это время стал уже Лучанинов.

- Теперь я могу предположить, как Лучанинов стал председателем,- сказал Георги, выслушав мой исторический комментарий.- Все сходится один к одному. Летом Егоров поставил Лучанинова в замы к Стрелкову. В августе, как вы говорите, он уже требовал ухода Стрелкова с поста председателя, а осенью - с подачи прокурора или без подачи, не знаю,- Лучанинов встал на место Стрелкова. Сам Стрелков готовил на свое место Воробьева. Он был не против такого заместителя, как

Лучанинов, потому что тот был механиком, но совсем не собирался отдавать ему колхоз. Воробьев был "своим", деревенским, хотя у него и трудно складывались отношения с чапомлянами. Ну, вы их знаете: постороннего человека, даже из соседней деревни, они в свой круг не пустят! И все же Воробьев был для них более "своим". Он вырос в деревне, знал все по хозяйству, был работящим человеком, не отказывался ни от какой тяжелой и грязной работы, куда бы ни послали. Этим и воспользовался Егоров. Воробьева за чем-то отправили в командировку в Сосновку, в это время приехали Егоров с Медведевым,- кстати, мне говорили, что за всю историю Терского берега Медведев впервые приехал ставить нового председателя, это тоже наводит на размышления,- собрали общее собрание, Стрелков попросил его сменить, и председателем поставили Лучанинова. Никакого обсуждения не было, подсчета голосов тоже. Егоров посмотрел в зал и сказал: "Большинство - за". И все. А что - все? Лучанинов поработал год, потом бросил на стол партбилет и сказал: "Я в такие игры играть не хочу. Сами разбирайтесь со своей стройкой!" И ушел на Никодимский маяк...

- А при чем здесь стройка?

- Ну как же,- отзывается Георги.- Вы же сами писали в очерке, как она шла и как МКПП всю эту зверобойку руками пьяных бичей из Мурманска строило! Одни приезжают, другие уезжают, по деревне сплошная пьянь идет, колхозники протестуют, те строят кое-как, идут постоянные приписки, какие-то махинации, их вскрывают... А с председателя колхоза спрос. Строит МКПП, а спрашивают с председателя. И счета ему из Мурманска приходят, и за хранение материалов спрашивают. Все мимо него идет, у него руки повязаны, сам он в строительстве не разбирается. А МРКС на него давит: то подписывай, это принимай, за то отвечай! Стрелков твердую позицию занимал: строите вы - вы и принимайте и подписывайте. А Лучанинов влез в это дело и - не выдержал...

В иллюминаторе над нами громоздятся засыпанные снегом Хибины. Самолет идет в полвысоты горы, которая тянется и тянется бесконечно по левому борту, хотя вроде бы и не такая большая она, если посмотреть со стороны. Внизу снега еще мало, он лежит только на вершинах, а внизу словно первой порошей прошелся по чернотропу, оттенив и выделив каждое дерево, каждый валун, каждое болотце. Огромные черные кляксы озер еще не схвачены льдом и кажутся агатовыми пластинами в узкой матовой оправе серебра. Лето было жарким, осень - теплой, так что земля еще не успела остыть и зима наступает на Кольский полуостров осторожно, остужая его сверху своим ледяным

дыханием, попеременно сменяющимся теплым и влажным дыханием Атлантики.

Как ни странно, снега гораздо больше к югу от Хибин, куда мы направляем свой полет, и это возвращает мои мысли к тому, что я только что услышал от Георги. Я вполне допускаю, что Стрелков был сменен по настоянию Егорова, его же руками, но само дело Стрелкова послужило лишь удобным предлогом для замены председателя, не больше. И уж конечно ни Гитерман, ни Егоров не могли быть соучастниками или инициаторами этого дела, об этом просто неловко говорить. Разбираться мне придется в Чапоме. Я хочу услышать от самого Стрелкова всю эту историю, хочу увидеть текст приговора, чтобы сопоставить факты, наконец, хочу послушать, что скажут очевидцы. На обратном пути, пожалуй, стоит остановиться в Умбе на день или два, чтобы поговорить с районным руководством и познакомиться со следственным делом, хотя я инстинктивно стараюсь держаться от всего этого в стороне. Я не юрист, не следователь, не частный детектив. Жанр судебного очерка тоже мне чужд, и мне вполне достаточно фактического материала, чтобы попытаться понять суть дела. Георги говорит, что познакомиться с делом и поговорить с местным руководством, возможно, удастся уже сегодня: не стоит забывать, что мы по-прежнему одни в этом рейсе. Ждать остается не так уж долго, уже видны очертания Порьей губы. Врезанные в скалы, вытянулись в сторону Белого моря узкие и длинные губы - Пангуба, Пильская, открылся взгляду широкий полукруг Большой Пирьи, и вот мы уже снижаемся на кочкастое, расчищенное среди леса поле.

В своих прогнозах Георги оказывается провидцем. Едва мы приземляемся на заснеженное поле, как нас вытряхивают из самолета и объявляют, что дальше он не полетит. На восток только что ушел другой и забрал всех пассажиров. Мы можем ждать до следующего дня, хотя на завтра полет в Чапому не планируется, или возвращаться этим же "бортом" в Мурманск, если над Хибинами не испортилась уже погода. Билеты? Но у нас есть на руках билеты. Вот нас и отвезут назад, не взяв за это ни копейки...

Вокруг - тишина. Матово искрится снежок под низким, светящим сквозь дымку солнцем, в безветрии поднимаются белые дымы из труб районного центра, беспорядочной грудой домиков обсевшего скальный хрящ, протянувшийся к морю словно хребет окаменевшего динозавра.

Ни у меня, ни у Георги нет никакого желания застрять в этом совсем не райском уголке неизвестно на какое время. Впрочем, безвыходных положений не бывает. Георги знает здесь всех

начальствующих лиц и их машины, поэтому нам не приходится тащиться пешком два с половиной километра до райкома. Мы оказываемся там уже через десять минут, а еще через пятнадцать сидим в теплом кабинете Михаила Александровича Шитарева, председателя райисполкома, и слушаем, как хозяин кабинета вальяжно, с шуточками и почти незаметными для стороннего слуха нажимами договаривается с начальником местного авиаотряда, чтобы часа через три мы все же оказались в Чапоме, отстоящей от этого кабинета на двести с лишним километров.

- ...Прессе надо помогать, так что потрудись, Алексеич! Через двадцать пять минут, говоришь? Будут, доставлю. Ну, бывай!..

С такими словами он кладет трубку на рычаг, поворачивается на вращающемся кресле к нам и довольно улыбается. Вот я какой, смотрите! Действительно, приятно посмотреть. Шитарев такой же, как я его помню по Чапоме, где мы когда-то провели с ним три дня,- неторопливо-барственный, как подметил Георги, всегда в хорошем расположении духа, даже когда делает кому-нибудь разнос. Пожалуй, чуть-чуть располнел, да волосы поредели, а может быть, я и ошибаюсь.

Поскольку все насущные проблемы решены, у нас остается еще несколько минут для светского разговора - о строительстве нового микрорайона Умбы, которое за последние два года почти не сдвинулось с места, о вечном дефиците председателей сельских Советов - вот в Чапоме опять менять надо, а кем? О некоторых кадровых перемещениях в районе, которыми интересуется Георги. Шитарев дает мне понять, что уловил некоторую ироничность наших с ним разговоров, но не обижается, Даже польщен таким вниманием, тем более что теща его закупила в местном магазине сразу десяток экземпляров сборника с моим очерком и разослала по всем родственникам...

Со стороны посмотреть - сошлись и беседуют добрые приятели, у которых друг к другу ни вопросов, ни претензий. А ведь у каждого есть какой-то "счет": У нас - к хозяину, у него - к нам.

Впрочем, слово это не вполне уместно. Просто мы знаем друг друга достаточно, чтобы понимать мысли, которые крутятся у каждого в голове. Шитарев знает, что мы летим в Чапому, следовательно, я буду заниматься делом Стрелкова, в котором он до известной степени участвовал - хотя бы тем, что не встал на его защиту. Именно так считаю я, хотя, с другой стороны, понимаю, что председателю райисполкома не было никакого резона вмешиваться в это дело: председатель колхоза - это не председатель сельского Совета, там хотя бы формальный повод заступиться был бы! Вот почему, наконец, когда я спрашиваю его,

как такое могло произойти, Шитарев пожимает плечами и, глядя, как Каргин, в окно, без тени смущения отвечает:

- А так вот и получилось. Конечно, никакой вины за ним нет. Все это знали и знают. Но кому-то сверху уж очень нужно было его засудить! Вот на нас и нажали. Кто? Словом, нажали: кто мог, тот и нажал. Медведев к Стрелкову лично ничего не имел, однако решил не ввязываться - что ему Стрелков? Одним больше, од ним меньше. А мне тоже не резон на рожон лезть. Исключили из партии на бюро райкома и осудили - дело нехитрое...

- Ну, а как теперь с реабилитацией? Время прошло, можно было бы и восстановить!

- А кому это нужно? - столь же откровенно спрашивает меня Шитарев и улыбается.- Медведеву? Мне? Это уж он сам должен подавать на пересмотр, а как там будет...

Все четко и просто. Все честно, без особых попыток на кого-то переложить вину. "Знали, что не виноват..." Такие признания всегда обезоруживают. Произвол? Нет, "кому-то было нужно" и - пожалуйста. Стоит ли, в самом деле, вступаться? Ну, осудили - так ведь условно! Ну, из партии исключили - а на что она ему теперь, коль он все равно на пенсию уходит?!

Преступление? Нет, хуже - быт. Обыкновенный российский быт, изо дня в день повторяющийся и не вызывающий ни у кого удивления, негодования, даже любопытства, как жужжание мухи, попавшей в паутину. Такое отношение обезоруживает, как обезоруживает откровенность, Шитарев это хорошо знает. Он не в обиде на меня за то, что в своем очерке я кое в чем подчеркнул его непоследовательность; не собирается обижаться и впредь, зная, что обо всем этом, в том числе и о нашем разговоре, я буду писать. И этой откровенностью, готовностью принять все, как оно есть, "невинностью своего мышления" он продолжает мне импонировать. Может быть, потому, что нас ничто не связывает и меньше всего какие-либо служебные или должностные отношения. И мы оба надеемся, что никогда этого не случится.

Вот Георги - другое дело, он Шитарева на своей шкуре испытал и запомнил. Впрочем, сам Шитарев, как мне кажется, полагает, что ничего особенного не произошло: ты распустил перышки, кукарекнул, а мы тебя - хоп! - и съели... Да ведь не совсем съели, чуть потрепали, а если посмотреть - так и облагодетельствовали, всю твою жизнь с неверного пути на верный перевели. Вон, гляди, какой ты стал здоровый и представительный, вернулся в Мурманск, ответственный секретарь солидной газеты, можешь теперь нас критиковать, а мы к тебе обязаны "прислушиваться"... А если бы все осталось без изменений, кем бы ты был? Редактором районной газеты и передо

мной и перед тремя секретарями райкома навытяжку бы стоял...

Ничего похожего, конечно, Шитарев не произносит. Но я читаю это в его взгляде, слышу в интонациях его голоса, когда он разговаривает с Георги, и, как ни странно, полностью с ним согласен. Был бы я согласен, если бы такую шутку сыграли не с Георги, а со мной? Не знаю, вряд ли, но тут уж свой характер надо ругать. Сам Георги, по-моему, воспринимает умбское прошлое достаточно юмористично. Когда через полчаса мы летим по направлению к Чапоме, на этот раз в почтово-багажном самолете, пристроившись на груде посылочных ящиков и мешков с корреспонденцией, он говорит, вспоминая встречу с Шитаревым, что, действительно, должен быть благодарен, этим людям, которые выкинули его из захолустья, где он врос бы в скалы и мхи и состарился бы газетчиком, тогда как сейчас у него интересная работа и куда более интересные перспективы...

Погода переменилась. В Мурманске и над Хибинами нас держал в своих клещах мороз. В Умбе он превратился в легкий, бодрящий морозец чуть ниже нуля, смягченный дыханием еще совсем не замерзшего Белого моря: По мере того как мы летим на восток над самой кромкой берега, исчезают последние платки снега, брошенные холодом на скальные гряды. Небо засерело, со стороны моря потянул легкий туман, и только неширокий припай да ледяные блюдца озер в лесу и в тундре, вспыхивающие под крылом самолета, напоминают о наступлении зимнего времени.

До Чапомы с посадками больше полутора часов лета. Я размышляю о том, что мне сказал Шитарев по делу Стрелкова, и никак не могу понять, кому же мешал чапомский председатель. А может быть, не мешал? Может быть, здесь такая же ситуация, как и с делом Гитермана: раз начали, нужно кончить во что бы то ни стало. Стрелков не сидел, но делопроизводство велось. Вероятно, там у них тоже своя отчетность, поэтому требуется хоть какой, да результат... Но со Стрелковым, я полагаю, разобраться не трудно, если уж даже Шитарев признал, что тот невиновен. Сейчас меня больше занимает сама Чапома и ее новый председатель, Юрий Вагаршакович Мурадян, сменивший Лучанинова.

О Мурадяне Георги писал в "Рыбном Мурмане", писал мне в Москву, да и здесь рассказывал достаточно много, чтобы возбудить мой интерес и - что греха таить! - некоторую ревность из-за Стрелкова. А может быть, из-за себя самого? За все эти годы у меня сложилось твердое убеждение, что в таких старых поморских селах, как Чапома, где народ коренной, своеобычный, председатель колхоза обязательно должен быть местным человеком. И не только потому, что он должен знать людей. Людей может узнать и приезжий, понять их, подружиться с ними.

Сторонний человек может полюбить этот край, узнать его, но никогда не будет так знать и так чувствовать, как знает его местный житель, выросший на этой земле, на этом берегу, на этих ветрах. Стрелкову не надо советоваться со стариками, прикидывая прогноз на ближайшие дни. Он знает, где, когда и что можно взять от земли и моря. Наконец, он, председатель, может показать любому колхознику, как и что надо делать - пасти ли оленей, выбирая наилучшую в эту пору тропу и пастбища, ловить ли семгу на речной или морской тоне, где надо знать все дедовские приметы и хитрости в постановке неводов, строить ли карбас или латать дору, провести ли косовицу так, чтобы и сено взять, и - это главное - людей не измучить. Или же, как то было однажды, сесть самому на трактор и вспахать за рекой поля, потому что единственный тракторист уехал в отпуск и, как на грех, там заболел... И все это Стрелков не только знает, как делать, но еще и умеет делать лучше другого колхозника, вот что важно! А такой сноровке ни в какой школе научиться нельзя, ее только сызмальства и до седых волос копить надо, утверждая собственными мозолями и потом...

И еще мне казалось всегда, что именно у председателя колхоза должны быть "корни". И духовные, и житейские, человеческие.

Сторонний человек - он и есть сторонний: сколько бы он ни старался, родные его места не здесь, и к ним его всегда тянуть будет. Он как приехал, так и уехал, если что не так пошло, по его ли вине, или с начальством не сработался, не говоря уже про болезни. С тем он приезжает, с тем и живет. А местному, да еще семейному из родного гнезда подняться - всю жизнь свою переломить. На такое всегда решиться трудно, это как от себя сбежать. За двадцать с лишним лет, что я приезжаю на Берег, я вижу, как мучительно, с какой болью уезжают отсюда люди, не бросая, не продавая свой дом, оставляя его за собой; как возвращаются ежегодно летом в отпуска, присматриваются и приглядываются, куда поворачивает здешняя жизнь, чтобы при первой же возможности перебраться назад. Ну, а уж если не получается, то по выходе на пенсию приезжают на Берег с первым рейсовым самолетом, едва только подсохнет взлетная площадка на берегу моря или среди леса. Когда такой местный уроженец становится председателем, то и дело колхозное становится для него кровным, личным делом. Как для Стрелкова.

Поэтому я и уговаривал Гитермана и Каргина, приводил им резоны, почему надо беречь чапомского председателя, и советовал искать таких же для других колхозов. Обычно мне возражали: а Тимченко что, местный? А Коваленко? А

Подскочий? Приходилось объяснять, почему ситуация несравнимая, почему нельзя равнять колхозы Мурманского и Терского берега. В Териберке, например, ни одного коренного жителя нет, самый древний старожил приехал после войны на пустое место, а Тимченко для Минькино вполне местный - на противоположном берегу залива вырос. И если говорить о "Северной звезде" или о колхозе имени XXI съезда в Териберке, то это не село, не деревня в своем настоящем смысле, а всего только производственный коллектив, как любой госхоз, где люди кроме как работой ничем не связаны.

Терский же берег с его еще живыми селами - вековечный, коренной, поморский. Там на кладбищах, под северными ветрами, предки всех живущих лежат, и туда они сами хотят лечь, рядом с ними. Да о чем говорить? Каждая семья на Берегу, в каком бы селе ни жила, со всеми без исключения селами кровным родством повязана. Кажется, куда уже больше и теснее связь! А ведь не случайно здесь что ни село - то норов, то характер, то свой говор; в каждом - свои привычки, свои обычаи, своя, наконец, жизнь и свой привычный навык в хозяйственных делах. Можно ли всех под одну гребенку стричь, с одними мерками подходить? А пока разберется со всем этим сторонний человек, ему уезжать надо, потому что вконец отношения со всеми перепортил, никакого дела не сделать.

Раньше Георги соглашался с моими доводами. Слишком ярка, слишком впечатляюща была картина "председательской чехарды" в Чаваньге, куда снова и снова вез сторонних людей Егоров. Или сам человек оказывался никуда не годным, приходилось его снимать, или же живой организм коллектива отторгал его как инородное тело. Теперь, с появлением в Чапоме Мурадяна, он вроде бы уверовал в правоту противной точки зрения.

Судя по статье Георги, напечатанной в "Рыбном Мурмане", в молодом армянине было что-то необычное, что заставляло к нему приглядываться и прислушиваться. Уж очень колоритной и броской оказывалась его темпераментная фигура на фоне спокойного и монотонного северного пейзажа! У него было все то, чем не обладали бывшие председатели колхозов на Терском берегу, в том числе и Стрелков: энергия, воля, подвижность, южная деловая хватка, опыт руководящей работы в промышленности, широкий кругозор, высшее образование, молодость, когда кажется, что все по плечу, обширные деловые и дружеские связи, а главное - предшествующее восхождение по служебной лестнице, которое сообщало силу и подогревало его честолюбие. Поразмыслив, я понял, что в активе Мурадяна было еще одно, может быть, самое важное качество: он принадлежал к

совершенно иному поколению, привыкшему мыслить и жить глобально. Поэтому все, что он делал и собирался делать, было не случайным, не применением к уже сложившимся обстоятельствам, а задуманным и продуманным актом.

Появление Мурадяна на Терском берегу означало, что на смену нам уже пришло новое поколение - со своими мерками, своими целями, вероятно, со своими идеалами. То самое поколение, к которому принадлежит и Георги, вот почему он сразу разглядел Мурадяна и заинтересовался им.

Мысль эта заслуживала внимания. Она могла стать своего рода ключом ко многому, наблюдаемому мною в последние годы на Терском берегу, да и не только там. Почему я инстинктивно боялся прихода на Берег чужих людей? Не потому ли, что, вжившись за два десятилетия в психологию поморов, стал отождествлять себя с ними? Разница была лишь в том, что прочувствованное я мог проанализировать и выразить в словах - все то, что находилось у них в подсознании и не шло дальше ощущений какой-то грядущей катастрофы, которая приведет к гибели их привычный мир. Поразительное эсхатологическое чувство выражалось ими фразой, которая для стороннего человека была лишена смысла: "Вот мы на пенсию уйдем, и ничего больше не будет!" Поначалу я считал, что за ней стоит всего лишь разлад между поколениями. Пожилые люди, привыкшие к тяжелому каждодневному труду на берегу, в море, на реке, в лесу, на покосе, на полях и на скотном дворе, выражали свой упрек молодым, безделье которых, казалось им, разрушало все то, что было нажито чредой поколений. Основания для этого были, и основания серьезные. Действительно, все приходило в ветхость, и не только на Севере. Рушились дома в деревнях, деревни сносили и свозили, "укрупняли", что приводило просто к уничтожению малых и средних деревень, к зарастанию полей и лугов, ко всем тем "негативным явлениям в деревне", как деликатно именовали эти процессы в печати еще несколько лет назад. Больше того, я мог видеть искусственное ускорение этих процессов, как если бы кто-то задумал согнать с лица земли человека, живущего от своих на ней трудов. Деревню рассматривали не как определенный образ жизни, а лишь как малопродуктивную и "устаревшую" в эпоху НТР "фабрику продуктов". В деревне жили "производители", "народ", "винтики и колесики" гигантского механизма, который можно было перемещать с места на место, собирать и разбирать, принимая во внимание лишь как некую единицу измерения.

"Направленный" в деревню для руководящей работы человек, не чувствовавший, а часто и не понимавший самой сути деревни,

в первую очередь пытался ее переиначить, если не на городской, то на поселковый лад. Ему интуитивно хотелось обрубить, уничтожить, выкорчевать те корни местной жизни, на которых он то и дело спотыкался. Они ему были непривычны и непонятны, они мешали и раздражали. Мечтая о созидании, он первым делом принимался за разрушение.

Может показаться странным, но именно с разрушением в деревне давно смирились. Не потому, что деревенские жители читали М. Е. Салтыкова-Щедрина, в частности "Историю города Глупова", а потому, что такова была жизнь на протяжении многих десятилетий. А деревенский человек лучше городского знает, что плетью обуха не перешибешь, поэтому начальству перечить не следует. Что-то сломают, что-то останется, как-нибудь приспособимся... В действительности их страшило не настоящее, а будущее. Не их, не данной деревне только - они видели, что всему прежнему, привычному для них миру, в котором они родились, выросли и привыкли жить, приходит конец. И этот конец начнется со сменой поколений.

Настаивая на председателях из местных, как и сами поморы, подсознательно я хотел сохранить эти села и их жителей в привычном для них мире. Или наоборот - сохранить этот мир для привычной им жизни. Дело не в том, что я был против преобразований. Наоборот. Я хотел видеть эти села действительно возрожденными - в золотистом сиянии новых домов, наполненных всеми "благами цивилизации" и комфорта, в правильно поставленном традиционном хозяйстве помора, которое не только давало бы возможность жить здесь, но и давало бы возможность удовлетворять свои духовные запросы так же, как то делает семья любого норвежца, живущего в каком-нибудь глухом фиорде. Сначала - нужды людей, потом - преобразования в хозяйстве и в жизни. Но все это должны были сделать сами люди, причем так, как это им нужно и как они хотят. Ничего, если на первых порах что-то покажется старомодным, несоответствующим времени. Главное - не навязывать людям несвойственных им вкусов и привычек, не тащить за уши в рай, как тащили колхозы в базу флота МРКС. Да, там, может, и хорошо, но сначала надо ощутить эту потребность в хорошем!

Вот почему несколько лет назад я задумывался над тем, ***как*** строится зверобойная база в Чапоме, как создается вся эта межхозяйственная кооперация. Меня беспокоило - как и поморов! - что все это делается сверху, чуть ли не в приказном порядке, без согласия людей на изменение их жизни. Эти люди не просто входили в дом с электричеством и телевизором - они переходили из одного состояния в другое, к которому вовсе не были

подготовлены внутренне.

Они не добивались его, им его навязывали. В свой последний приезд, оглянувшись на Чапому с угора, я с тревогой увидел уже не одну, а две Чапомы: одну старую, естественную, продолжающую жить по своим законам в мире с окружающей природой, и вторую, новую, искусственно созданную, ничем не отличающуюся от множества скороспелых поселков, возникающих на сиюминутную потребу, резко дисгармонирующую и со своей предшественницей, и с окружающим ее миром. Она была неоправданно безобразна, как все скороспелое, случайное, и я не мог не подумать, что это совсем не тот путь, который мне хотелось бы видеть для поморов и для Терского берега. Но это были только мои, чисто субъективные ощущения, которые я постарался поскорее забыть, потому что база зверобойного промысла была надежным спасательным кругом и для Чапомы, и для двух других колхозов на Берегу. Это был единственный способ поддержать гибнущие хозяйства "на плаву", когда других выходов не было, возможность выиграть еще один раунд в борьбе с настойчивыми стараниями снести и эти села, хотя бы таким образом дать им и свет, и воду, и окно в мир, приоткрытое телевидением. В этом и заключался подвиг Гитермана, который я не думал оспаривать и перед которым на задний план отступало все - и плохое качество работ, и недоделки, и его борьба с Тимченко.

Конечно, хочется, чтобы человек был идеален, но в действительности приходится иметь дело с живыми людьми, и надо судить их не по их словам, а по их делам...

Мурадяна я знал только по рассказам. И в этих рассказах я все отчетливее видел не просто человека, а как бы знамение времени, причем в самом лучшем его воплощении. С его приходом для Чапомы и Терского берега наступала другая эпоха, в которой не оставалось места всем тем, с кем я - оказывается! - уже прожил целую жизнь. Теперь надо было знакомиться с теми, кто пришел нам на смену. Примут ли они из наших рук эстафету, поймут ли, что мы искали, за что воевали, к чему стремились? Вряд ли они сами могут на это ответить. Такие вопросы они еще не задают себе - они просто живут так, как им кажется правильно. Задумываться над вопросами они станут позднее. Вот почему мне сейчас так интересен Мурадян. В какой-то мере - даже больше, чем дело Стрелкова, уже не скрывающее в себе загадки...

Полет длился долго. Наш "Ан" садится возле каждого села на раскатанный колесами самолетов пятачок мерзлой земли, потом разбегается, прыгает, как кузнечик, и опять мы летим над пустынным серым берегом с нежилыми уже тоневыми избами,

над ржавыми, чуть дымящимися, еще не схваченными морозом болотами, выходящими к самому берегу моря... Наконец, мелькает знакомое устье Стрельны с остатками домов и деревянной церкви, извилистая полоска Югина в лесу, два озера - и мы садимся на расчищенной полосе среди леса.

От предложения водителя вездехода, приехавшего за почтой, подвезти нас до села мы отказываемся и, подхватив сумки, шагаем знакомой тропой по редколесью. Тропа вьется вдоль берега реки, то выходя к обрыву, то отбегая в сторону, к широко разъезженной вездеходами дороге. В лесу - тишина, странная после города и самолета. Морозец почти не чувствуется, от воды поднимается пар, и всякий раз, приближаясь к реке, мы слышим шорох, треск и тонкий звон - по реке идет "сало", трется о закраины, останавливается и на глазах превращается в лед. Ниже по течению этот лед оседает и трескается, потому что из-под него уходит вода - в море растет отлив.

Чапома, как всегда, открывается сразу с угора. Силуэт старого села на низком наволоке теряется в ранних сумерках на фоне серого моря и черно-серого низкого неба. Наоборот, новая Чапома вся на виду. Высоко поднялись двухэтажные здания гостиницы и общежития, новые дома за ними, а еще выше виднеется здание телекомплекса с тонкой ажурной мачтой, устремившейся к небу. Изменения заметны издалека. Перед селом у реки вытянулся новый большой коровник, который, как сказал Георги, достраивают и переделывают уже третий год, еще какие-то хозяйственные помещения, но главным отличием от того, что я когда-то здесь видел, был ореол электрических фонарей, повисший над поморским селом. Чапома вступила в свой электрический век - раньше, при движке, это было невозможно.

- У нас теперь как в городе! - не без гордости замечает знакомая доярка, с которой мы сталкиваемся возле молочного пункта при входе в село.

Возле гостиницы, на угоре, нас ждет Мурадян.

5.

На следующее утро я просыпаюсь с мыслью о неудаче: Стрелкова в Чапоме нет. Он уехал в отпуск вот уже полтора месяца, и трудно предугадать, где он теперь может находиться. И он, и его жена. Скорее всего, у одной из дочерей в Ленинграде, а может быть, уже и в Мурманске, у другой дочери.

Известие это поразило вчера нас с Георги, едва только мы успели поздороваться с Мурадяном. Почему-то мы оба никак не подумали, что Стрелкова может и не быть в Чапоме. Чапома не могла существовать без Стрелкова! Но факт есть факт, и с ним приходится смириться. Мурадян успокоил: он постарается навести справки у родственников Стрелковых, может быть, кто-то знает, как с ним связаться.

А вот и сам Мурадян. Он такой же, каким явился нам вчера на угоре, когда мы поднимались от реки к гостинице: среднего роста, крепко сбитый, в распахнутом полушубке и сдвинутой на затылок пушистой шапке из черно-рыжего собачьего меха, с черными изящными усиками и такими же черными, "антрацитовыми" глазами. Вчера, на фоне освещенной Чапомы, он выглядел очень импозантно. Я даже залюбовался на мгновение - хоть сейчас цветом на обложку любого массового журнала! И что самое примечательное - всякий, посмотрев на фотографию, не задумываясь скажет: председатель. Да еще какой! Молодой, подтянутый, белозубый, полный уверенности в себе и в своем завтрашнем дне, во всех своих начинаниях... Действительно, смена! И тут же защемило сердце, когда представил рядом с ним Стрелкова, каким тот был в последний раз: постаревшего, с обветренным лицом, не столько ссутулившегося, сколько как бы осевшего, ни поношенным пиджаком, ни осанкой, ни голосом не выделявшегося из среды остальных колхозников. Что ж, наверное, так и должна происходить замена - старое на новое, молодое...

- Как устроились? Позавтракали уже? Нет? Творог и сметану успели взять? А то идем ко мне. Людмила Борисовна ушла на работу, но что-нибудь придумаем...

Мурадян полон заботы и гостеприимства. Рабочий день у него уже начался давно, хотя на улице еще темно, но что поделать - скоро вообще наступит полярная ночь, а жизнь идет, и надо успеть многое сделать... Мы благодарим за приглашение, но отказываемся. У нас с собой все необходимое, есть даже кипятильник. Вчера в колхозе мы взяли талоны на творог и сметану, поэтому еще полчаса - и мы будем готовы для разговоров. Устроили нас в чапомской гостинице, в том самом

номере, где я жил два с половиной... нет, виноват, три с половиной года назад - время бежит быстро! И, надо признаться, номер стал значительно теплее. Не уютнее, а теплее, потому что стены заново проконопачены, а снаружи даже покрыты штукатуркой. Половицы тоже скрипят будто бы меньше, зато лестница играет, как ксилофон.

Доделывать надо еще много всего, говорит Мурадян. К тому времени, как он пришел в колхоз, строительство только внешне казалось законченным, на самом деле сделано было не более двух третей от того, что требуется, причем оставалось самое трудоемкое. Да и с уже построенным забот хватит надолго! Что хорошего могли построить из тех материалов и с той пьянью, которую присылал МКПП? Он, Мурадян, строитель, ему не надо байки рассказывать, он и так все видит. Если бы он был здесь, он попросту бы разогнал всех к такой-то матери и сделал бы все иначе... Но строил не Мурадян. Строили черт-те кто, а Стрелков был повязан по рукам и ногам РКС. Когда он, Мурадян, приезжал сюда, ему было больно глядеть и на стройку, и на Стрелкова. Зачем приезжал? А как же: в Чапоме у него тесть и теща. Тесть был тогда председателем сельского Совета, а Диана Александровна и сейчас ведет школу. Собственно, ведь и в Умбу он поехал работать начальником стройучастка района по настоянию жены, чтобы быть к старикам поближе. А теперь так получилось, что возрождение Чапомы,- этот оборот Мурадян явно заимствует у Георги,- в какой-то мере стало их "семейным подрядом". Теща ведет школу, жена занимается клубом и культмассовой работой, он - колхозом, а стало быть, всем в целом. Тесть? Он сейчас на пенсии...

Так это тесть Мурадяна был председателем сельского Совета в Чапоме, когда я был здесь последний раз? Ну как же, помню. Тогда еще Шитарев приезжал разбирать конфликт, возникший между ним, Стрелковым и секретарем парторганизации. Последней уже нет в живых, а двое других на пенсии. Теперь мне понятно, почему колхоз предложили именно Мурадяну. Он знал, что здесь делается, понимал, что сможет повести дальше строительство новой Чапомы и это будет для него самой лучшей характеристикой для последующего восхождения. Умно. И полезно, потому что именно Чапоме он отдает все свои силы сейчас, когда ей это так необходимо. Георги ошибается, если думает, что Мурадян действительно свяжет свое будущее с Чапомой. Что скажет по этому поводу сам председатель? Не сейчас - мы еще недостаточно познакомились, чтобы рассчитывать на откровенность.

После завтрака мы идем с Мурадяном по Чапоме. Он

показывает, что ему удалось сделать здесь за полтора года работы, и первым делом демонстрирует новенький финский холодильник на 100 тонн ("Я посчитал, 150 тонн поместится!"), который позволит сохранять мясо и внутренности забитых тюленей. Раньше использовали только шкуры. Мясо приходилось везти в Умбу на санном поезде, а внутренности выбрасывать в море. Теперь, когда есть холодильник, на мясе можно держать песцовую ферму, на весь год хватит, а из внутренностей получать какие-то дефицитные медицинские препараты. Проблема отходов - это не только проблема экономическая. В мясе тюленей есть какие-то вирусы, вызывающие бешенство у собак и лисиц, если они питаются отбросами, такое уже бывало...

Холодильник великолепен. Он матово светится на берегу рядом с цехом по обработке шкур и дизель-электростанцией, внося новую, непривычную для меня ноту в симфонию северного пейзажа. Со стороны вроде бы ничего особенного: небольшой серебристый кубик с рифлеными стенами на фундаменте. Но старый, покосившийся сарай, бревна которого осыпаны золотистыми брызгами лишайника, рядом с ним кажется уже чужеродным телом. И хочется невольно навести порядок на берегу. Потому что рядом с ним ржавые бочки, обрывки тросов, старые якоря, полузасыпанные песком бревна и полусгнившие карбасы разом теряют свою живописность и предстают просто хламом и мусором, который надо скорее прибрать... Холодильник задает новый тон, вот в чем дело! Я смотрю на него и вижу, что это не просто очередной промышленный объект, а первое вторжение в старую Чапому современной промышленной эстетики, зримый отблеск облика нового мира. Мы еще плохо представляем себе, каким будет этот мир, но он уже грядет и требует соответствующего преобразования окружающего.

В Чапоме видны перемены. Не те, что я отмечал в прошлый приезд. Тогда в село просто вернулась жизнь. Или, если быть точным, тогда жизнь обрушилась на Чапому стройкой, вертолетами, нашествием чужих и чуждых людей, выплеснулась на берег грудами материалов, техники, оборудования и всего с этим связанного. Все кипело, двигалось, грохотало, трещало, вздымалось. Чапомляне были оглушены и даже пришиблены этим шумом и изобилием, похожим на оккупацию Берега какими-то неизвестными народами, тем более что в магазине разом исчезли все запасы. Потом нашествие схлынуло, жизнь вернулась в прежнюю колею, но качественно изменилась. Теперь повсюду я замечаю молодежь - на тракторах, на ферме, на электростанции, в конторе, на улице. Это все коренные, чапомские, вернувшиеся в село после интерната, из армии, а то и из города, куда уехали

было поначалу. Но есть и приезжие, один даже из Москвы. Стало быть, поворот, который готовил Стрелков, все же произошел! И вот эти молодые фигуры, мелькающие то там, то здесь, молодые голоса, разносящиеся над рекой и морем, смех и шутки создают совершенно новую для меня атмосферу знакомого села.

Чапома живет другими ритмами! Мысль эта обжигает меня своей очевидностью, потому что ничего подобного я не ждал и теперь с удвоенным вниманием начинаю оглядываться вокруг, стараясь не пропустить никаких новых черточек в знакомой, казалось бы, картине. Значит ли это, что уже произошел перелом, знаменующий конец прежнего, привычного мне мира, о чем я думал накануне в самолете? Вероятно, так оно и есть, я присутствую в один из знаменательных моментов жизни Чапомы, но не могу в полной мере его осознать, как невозможно осознать и почувствовать вращение нашей планеты. Вот если я приеду сюда через пять - семь - десять лет, тогда я увижу уже изменившуюся Чапому. А пока ее движение во времени я могу почувствовать только по меняющемуся облику села да по тому, что голопузые мальчишки, бегавшие здесь семнадцать лет назад, отпустили длинные усы, степенно здороваются со мной на улице и знакомят со своими детьми, очень похожими на них самих, тогдашних...

По маленькой Чапоме мы бродим целый день, сидим в конторе, разговаривая с заходящими в кабинет председателя мужиками, обсуждаем колхозные дела, а я все приглядываюсь к Мурадяну и прислушиваюсь к тому, что и как он рассказывает Георги. Именно Георги, как если бы меня здесь не было.

Мне это нравится. В отличие от Георги, я был уверен, что встречать нас на посадочной площадке председатель не станет. Хотя бы потому, что Георги летит не просто с корреспондентом из Москвы, а с человеком, который в некотором роде может считать себя более "коренным" чапомлянином, чем Мурадян. Да и мои отношения со Стрелковым вряд ли Мурадян сбрасывает со счета. Прямого разговора о деле Стрелкова у нас еще не было, мы решили собрать людей и поговорить обо всем этом завтра. Но разговор так или иначе касается Петровича, иногда я задаю прямые вопросы, и теперешний председатель может испытывать некоторую, вполне понятную ревность к своему предшественнику. Не к Лучанинову - имя его ни разу никто не вспомнил. Мурадян не хочет забегать вперед, не хочет форсировать наших отношений, дает мне время осмотреться, самому все решить, и я благодарен ему за такую свободу. И тут я отмечаю еще один момент, который не может меня не тронуть. За короткий срок своего председательствования Мурадян успел познакомиться с

людьми и узнать их. Мне почти не приходится оспаривать его оценки. Понял ли он их - другое дело. Но он знает, кто чем живет, и держит в памяти нужды каждого колхозника. В какой-то мере он "принял" Чапому. А вот приняла ли Чапома Мурадяна? Пока мне это не ясно. Поморы - народ и простой, и сложный одновременно. Чапомляне - в особенности. Они не слишком гостеприимны, их надо уметь разговорить, привыкли держаться кланами и все помнят, кто - коренной чапомлянин, кто - стрельнинский, как тот же Стрелков, кто - пялицкий, как колхозный бухгалтер Владимир Яковлевич Устинов, до сих пор сохраняющий в разоренной Пялице неприкосновенным свой дом, а кто - из Пулоньги, от которой уже двадцать лет назад оставались лишь развалы печин...

Что же, приняла Чапома Мурадяна или нет?

Я спрашиваю его об этом, и он с обезоруживающей белозубой улыбкой, впрочем обозначающей не больше чем вежливость, отвечает:

- А вы поинтересуйтесь у них самих. Кто-то, особенно из пожилых, не принял. Может быть, я кого-то успел чем-то обидеть, есть такие. Но большинство уже пошло за мной. Я чувствую это по тому, как легко стало работать. Людей не приходится понукать. Понимаете, мне это очень приятно. Я не русский, плохо говорю по-русски, но стараюсь делать так, чтобы людям было хорошо. Я хочу, чтобы потом, когда меня здесь не будет, говорили: вот это сделал Мурадян. Понимаете? Я не считаю нормальным, что в старинном поморском селе председателем стал парень с берегов озера Севан. Тут должен быть свой, местный человек, разве не так? Если бы к нам на Севан, в армянское село, прислали русского председателя, мы бы обиделись: что, разве у нас нет своих умных? Здесь тоже есть, надо искать. Но если уж так случилось, я хочу сделать больше, чем если бы я был председателем в своем родном селе в Армении. Это мой престиж, моя марка. Я строитель, и моя обязанность - помочь здешним людям научиться строить. Не только новые дома - новую жизнь. За мной сейчас идет молодежь, она поверила мне, и меня это очень радует...

Последнее я уже понял, поговорив кое с кем из чапомлян. Мурадян применил старый восточный метод, который почему-то приписывается римлянам - "разделяй и властвуй",- разве что потому, что хорошо звучит на латыни. Он понял, что Чапома являет собой целостный организм. Сняв Стрелкова, чапомлянам поставили Лучанинова, обойдя Воробьева. Второй раз Воробьева обошли, поставив Мурадяна. Таким образом, чапомлянам было дважды выказано недоверие, и второй сторонний председатель

мог ожидать организованной обструкции. И тогда он неожиданно для всех сделал ставку на молодежь. Он решительно отстранил стариков и на все ключевые позиции поставил молодых, сделав их бригадирами. Таким образом он развязал себе руки и обеспечил за собой большинство голосов. Опыт осторожен. Он хранит в своей памяти многое такое, что кое-кто хотел бы изгладить из прошлого. Всевозможные прожекты, новации, указания, как сажать картошку, как вести хозяйство, как строить дом, что можно есть, а что нельзя, что держать - козу или корову, сыпались таким обильным снегопадом на зябкую ниву колхозной деревни за прошедшие годы, столько всего было обещано и тут же позабыто, что деловой, инициативный помор к пятидесяти годам превращался в осторожного, умудренного жизнью консерватора. Сдвинуть его с места, подвигнуть на новое дело не удавалось даже явной выгодой. Чтобы сделать что-то в хозяйстве, еще раз - в какой по счету раз?! - напрячь силы, нужна была молодежь, не имевшая опыта и одинаково с восторгом готовая на полезное дело и на явную авантюру. В руках Мурадяна было дело, начатое Гитерманом, и его надо было продолжать.

Так начался наш долгий разговор. Мы говорим в кабинете председателя, потом идем к нему, наскоро ужинаем, не позабыв отметить кулинарные способности его половины, затем идем к нам в гостиницу, где засиживаемся до полуночи. Влажный ветер прогоняет последние остатки мороза, снег несется тяжелыми, мокрыми хлопьями, шумит в черноте невидимое" море, накатываясь на песчаный берег... Я снова и снова опускаю в пустеющую кружку кипятильник, чтобы заварить очередную порцию цейлонского чая, и слушаю, что говорит "парень с озера Севан" о настоящем и будущем Чапомы, как он их представляет, а потом и всего Терского берега.

В его монологах для меня открывается еще одна сторона мышления Мурадяна - его масштабность. Это очень хорошо для него, для Чапомы, для района. И в то же время мне становится грустно, потому что я убеждаюсь в справедливости своей догадки: Мурадян - не долгий гость в этом дорогом для меня селе. Безусловно, он сумеет сделать здесь много доброго, но пробудет не долго, потому что он молод, у него есть силы, способности руководителя и - громадное честолюбие, без которого ничего серьезного в жизни не сделаешь. Не пустое, больное тщеславие, а молодое, здоровое честолюбие, желание увидеть плоды рук своих, сделать то, что другим не под силу. Конечно, здесь всегда таится опасность возомнить себя чем-то, но разве это самая большая опасность в жизни для человека? Желание реализовать свои силы через два-три года уведет Мурадяна из Чапомы, она станет ему

тесна. Он это знает и не скрывает. Так, на три-четыре года он согласился стать председателем, чтобы двинуться вперед и вверх,- именно это ему обещало местное руководство, с этим он шел сюда. Сейчас перед ним стоит еще одна задача - подготовить себе замену из местных, воспитать будущего председателя, научить его перспективно мыслить, добиваться поставленных целей, заводить деловые контакты и уметь отстаивать свою независимость.

- Нам очень нужна перестройка,- говорит Мурадян, словно убеждая нас с Георги.- Спасибо Александру Петровичу Стрелкову, что он сохранил и Чапому, и колхоз. Спасибо Юлию Ефимовичу Гитерману и Михаилу Ивановичу Каргину, что они сделали нам зверобойку и освободили колхозы от убытков сельского хозяйства, которое их губило. То, что они сделали,- это подвиг. Но поймите меня правильно: такой РКС, который я застал, когда пришел сюда, нам не нужен! Ни он, ни его база флота, ни МКПП, которое строило здесь зверобойку, ни такие люди, которые всем этим распоряжались. Они привыкли думать, что председатель - это не человек, а исполнитель. Они привыкли диктовать свою волю: делай так, этого не делай... Я так не привык. Не могу так, понимаете? Приезжает ко мне Немсадзе, Егоров, какой-нибудь Стефаненко и начинает при всех говорить: это ты не так сделал, это переделать надо... Зачем так? Это меня очень оскорбляет, заставляет думать, что я не могу организовать сам, что я некомпетентен в этих вопросах, понимаете? РКС должен быть добрым помощником колхоза и председателя, должен знать наши нужды, должен помогать нам. Я не прав? Пожалуйста. Вызовите меня к председателю МРКС и давайте со всеми председателями обсудим - правильно делает Мурадян или неправильно? Если я ошибся - только спасибо скажу за помощь... Целый год я их учил, особенно Егорова: товарищи, сейчас председатель не Александр Петрович Стрелков, не Николай Николаевич Лучанинов - сейчас Мурадян. И давайте менять политику, давайте слушать, что говорят и что хотят люди. Я не прав? Я за перестройку на всех уровнях. Я очень рад, что сейчас председатель Голубев, с ним можно работать, он не навязывает своего мнения...

Мурадян говорит экспансивно, энергично, и я представляю, как он зажигает молодежь, выступая перед колхозниками, какой накал вносит на собраниях уполномоченных в МРКС, когда приезжает в Мурманск. Ему, вероятно, действительно не надо подсказывать, как и что делать в Чапоме, особенно по строительству. И в отношении хозяйства он просчитал, я думаю, с десяток вариантов, причем не для одной Чапомы - для всего Терского берега.

Мурадян очень точно подметил, что без собственной кооперации терских колхозов их развитие зайдет в тупик. Отсюда и очевидный расчет взять в свои руки, кроме лова, еще и обработку семги на всех реках района. По прибыли это будет как бы еще одна зверобойка, только более надежная: тюленей берут давно, много, и зоологи предупреждают, что в какой-то момент гренландского тюленя просто не станет. Его относительно постоянная численность весьма обманчива, поскольку в беломорском стаде остались одни старики, молодежь регулярно выбивается уже более двух десятков лет и возобновления стада не происходит. Если же облисполком согласится отдать колхозам семужный лов на реках, исключив гослов, кроме ежегодной прибыли в один миллион рублей, будет установлен контроль практически на всех теперь бесхозных реках и водоемах. А это тоже немаловажный фактор возрождения Берега. Общий для колхозов план по мелиорации земель, создание кормовой базы на здешних угодьях могут стать основой развития крупного товарного животноводства. И, конечно же, следует больше использовать ресурсы Белого моря, ведь оно тут, под боком. Море должно не разъединять Берега, а сближать их, помогать кооперировать усилия. Уже в этом сезоне Мурадян заключил с карельскими колхозниками договор о совместном проведении зверобойки. А дальше - планы с марикультурами, с использованием карельских сенокосов и много всего другого...

Впрочем, и это сейчас ему представляется не самым главным.

- Я считаю, что самое главное, самая главная проблема производства - социальная проблема,- убежденно говорит Мурадян.- Производство зависит от того, как я буду себя с людьми вести, понимаете? Мы привыкли говорить об экономии, о деньгах и забыли говорить и думать о людях. Давайте делать так, чтобы деньги, которые мы получаем, шли на людей. У меня молодежь, три свадьбы в этом году сыграли, три новых чапомлянина родились, еще в семи семьях детей ждут, понимаете? Я - кровь из носу - в следующем году должен детский сад построить, потом - новую школу. Клуб, где Людмила Борисовна работает, подождет: подлатаем, покрасим, еще пять-десять лет стоять будет. Танцевать можно, кино смотреть можно, ждать можно. Дети ждать не могут! Любой руководитель должен об этом думать в первую очередь. Это для меня очень важный вопрос. Буду строить дома, будут садик и школа - люди пойдут за мной, потому что увидят: Мурадян сказал - значит, так и будет! Я уже говорил, что по специальности я строитель. Сейчас мне надо построить колхоз. Что это значит? Это значит научить людей думать, что они работают не на дядю, а на себя, научить считать

каждую копейку и пускать ее в оборот, чтобы она помогала людям не просто жить лучше, богаче, но и жить интереснее, с перспективой, понимаете? Когда они это поймут, когда сами захотят так жить - Мурадян будет знать, что он сделал для Чапомы то, что хотел!..

Но для того, чтобы делать, надо иметь свободу. Как видно, отношения между МРКС и председателями колхозов - больной вопрос. Может быть, самый больной вопрос, потому что здесь открывается свобода произволу, формально МРКС - это совет председателей колхозов, их собственный совет, на котором они выбирают председателя МРКС. Но фактически МРКС - надстройка, которая распоряжается действиями председателей и вмешивается в дела колхозов. С прежними председателями было относительно просто, если не считать бунта Тимченко. Мурадян - другой стати, другого темперамента, представитель другого поколения и другого времени.

- Я им сказал: не надо каждую неделю летать в командировку в Чапому, не звоните мне по два раза в день! Если вы ничего не можете предложить колхозу, вы мне не нужны. Когда мне будет нужна ваша помощь, я сам вам буду звонить, понимаете? А сейчас ваше дело заботиться, чтобы мы все получили по нашим заявкам, получили в срок. Грузы должны прийти в Чапому тогда, когда они мне станут необходимы - не раньше, но и не позже. Вот ваше дело! Думайте, что делать с кораблями, которые вы нам навязали, пробивайте мелиорацию, которая нам необходима, добивайтесь, чтобы у нас была своя ПМК, чтобы строить в колхозах... Вот что мы от вас ждем и для этого вас выбираем и платим зарплату!

Я слушаю Мурадяна внимательно. Передо мной сейчас открывается человек, но чем дальше он говорит, тем более я начинаю прислушиваться к интонациям его голоса. Мурадян не фальшивит, он совершенно искренен. И не для того только, чтобы понравиться, он так подробно и так страстно говорит о своих планах, о своих взаимоотношениях с мурманским руководством. Тут есть, безусловно, и желание наконец-то выговориться, отвести душу, потому что кому еще он может все это рассказать. Но вместе с тем я вдруг начинаю ощущать, что так много и так страстно Мурадян говорит от неуверенности в себе и в собственных силах. Он попал в совершенно новую для себя среду, здесь нет той четкости и определенности даже в отношении служебной иерархии, как то было на его прежней работе, здесь куда больше влияют на положение дел личные взаимоотношения людей, дающие возможность открытого произвола - и для него, Мурадяна, и по отношению к нему, Мурадяну. Первый год прошел относительно благополучно. Он пришел на готовое, надо

было только доводить до конца, ему помогали, потому что все были заинтересованы в том, чтобы поскорее завершить строительство, а что дальше? Ведь та же молодежь, в которой он нашел опору, способна на порыв, на приступ, но долго ли сохранится ее энтузиазм? И что в конечном результате получит сам Мурадян, которому, как я понял из некоторых намеков, было обещано в случае удачи место, удовлетворяющее его честолюбие,- то ли в районе, то ли в области?

С одной стороны, это даже хорошо: без внутренних сомнений, без критического на себя взгляда как бы со стороны, без разговора с самим собой человек теряет контакт с людьми, перестает их замечать, превращается в машину, в механизм, который в конечном счете всегда ломается и ломает других. Здесь важно, чтобы у человека была внутренняя интеллигентность, от которой сейчас с какой-то гордостью отмахивается Мурадян, заявляя чуть ли не с вызовом: "Мы не интеллигенты..." Сомнение может его удержать, заставит размышлять. Но все это проявится только потом, когда колхозные дела обернутся для него вместо экзотики повседневностью. Сейчас он попал в совершенно новые для него отношения и с руководством района, и с МРКС. И если он говорит больше о последних, то лишь потому, что он сам не сумел в них разобраться и определить, как себя вести...

В том, что отношения между МРКС и колхозами оказываются действительно одним из самых больных вопросов, я убеждаюсь на следующий день, когда все мы собираемся в кабинете Мурадяна. Раньше это был кабинет Стрелкова, и последний раз мы сидели в нем вот так же, набившись, обсуждая возможные перспективы оленеводства в Чапоме и возможные варианты возрождения Пялицы. Здесь все то же, но в отделке кабинета подпаленным и лакированным деревом появилась некоторая щеголеватость, а в углу за председательским столом отливает белой и серой эмалью новенькая радиостанция, назначение которой мне не совсем понятно. В окно так же видно море, только сегодня серое и холодное, уже не со снегом, а с дождем, который хлещет по стеклам, потому что на Берег надвинулся очередной циклон.

"Дело" Стрелкова продолжает волновать людей. Первое слово, которое я по этому поводу услышал, было "несправедливость". Оно повторялось на все лады, и наконец я понял, что оно выражает не отношение людей к осуждению Петровича, а квалификацию действий вышестоящих лиц, включая сюда обвинительный приговор, вынесенный районным судом. Несправедливым считают здесь все: положение, в которое был поставлен колхоз начавшейся стройкой, когда он был, с одной стороны, от контроля за стройкой отстранен, а с другой -

поставлен в положение промежуточного лица, с которого спрашивали обеспечение подсобных работ; несправедливыми, по мнению всех, были требования, которые предъявляли непосредственно к Стрелкову, и те обвинения, которые на него пытались возвести. Собравшиеся говорят, перебивая друг друга, и приходится постоянно вмешиваться, чтобы своими вопросами прояснить суть происходившего здесь когда-то.

Своего рода "компасом" мне служит приговор, копию которого разыскали в личном деле Стрелкова. Правда, похоже, что этот "компас" своими показаниями развернут на 180°, потому что, сколько я ни вчитываюсь в его строки, понятнее от этого они не становятся, хотя вроде бы и русским языком написаны, и слова поставлены в определенном порядке. В самом деле, как понять такую посылку, что "Стрелков... злоупотреблял своим служебным положением... из карьеристских побуждений (это Петрович-то!)... заключил заведомо незаконное трудовое соглашение на ремонт техники с рабочими сторонних организаций, которым необоснованно выплатили материальное вознаграждение в сумме 3600 рублей, чем причинен ущерб колхозу..." На этом можно было бы остановиться, но далее следуют опровергающие такое утверждение слова: "который полностью возмещен Мурманским рыбным портом". Можно из этого что-нибудь понять? Есть ущерб или нет? А если его нет, то в чем дело? Однако на втором листе приговора снова те же самые обвинения: "злоупотреблял служебным положением... из карьеристских побуждений... причинил существенный ущерб колхозу..." Так? Но следующая фраза опять это опровергает, поскольку "суд считает, что иск прокурора к подсудимому о взыскании 3600 рублей оставить без рассмотрения, колхозу ущерб возмещен". Все? Разговаривать больше не о чем? Нет, суд недаром собрался, и он назначает Стрелкову, "учитывая характер и степень общественной опасности содеянного", наказание "в виде лишения свободы сроком на 3 года. Условно".

Так что же все-таки произошло?

Волнуясь и перебивая себя, первым говорит Воробьев, заместитель Стрелкова, которого готовил себе на замену тот, а теперь готовит Мурадян. Высокий, плечистый, с крупной головой, крупным скуластым лицом, на котором выделяются большие синие глаза, с русыми, слегка вьющимися волосами и большими "рабочими" руками, он являет собой тип северного русского человека, который сейчас уже редко встретишь на берегах Белого моря. Михайло Ломоносов собственной персоной! Мысль эта была первой, когда я познакомился с Игорем Валентиновичем, и всякий раз потом все больше в ней утверждался. Да и характером

Воробьев, судя по рассказам, сходен со своим знаменитым земляком: так же прям и дерзок перед начальством, так же перечит, если считает себя правым, так же скор и легок на всякую нужную, пусть даже тяжелую и грязную, работу для колхоза.

- Вы у нас были в тот год, когда началось строительство, помните, как все это выглядело: везде грузы лежат, материалы, механизмы, стройка идет... А представляете, как получать было? Судну к берегу не подойти, на рейде разгружать надо. А чем переваливать? На карбасы и на доры все не положишь. В во семьдесят втором году решили начать строить зверобойку. Значит, на следующий год, как откроется навигация, с первым рейсом к нам все это должно было пойти. А мы и обычные грузы иногда принять не могли, за простой платили тысячи рублей...

- Это точно,- подтверждает Устинов, колхозный бухгалтер.- Иной раз в год до пятидесяти тысяч штрафов набежит колхозу. А что мы сделать можем? Коли на берегу, на руках бы перенесли, на море же без транспорта ничего не сделать. А техники нам не дают. Мы бы давно купили!

- И тогда так,- продолжает Воробьев.- Но здесь на помощь нам кооперация пришла. Зверобойку мы сами никогда бы поднять не смогли, тут и "Севрыба", и МРКС силы колхозных партнеров объединила. Две "амфибии" обещали на весь Берег: нам - новую, Варзуге - старую. Уже легче! Только мы разошлись, как оказалось, что ошибка произошла. Новую давал рыбный порт Варзуге, своему партнеру, а нам говорят - поезжайте, получите другую... А что получать? Там в рыбном порту ее ремонтировали-ремонтировали, да все без толку. Оказывается, за тринадцать лет она уже вся изношена была, последние годы стояла в мореходке как учебное пособие. Ну, отремонтировали ее там, чтобы только до Чапомы довезти, она у нас осенью немного поработала, два-три раза тонула. Аккумуляторов запасных нет, насос не работает, словом, гроб один! А впереди - пять тысяч тонн грузов! Первый год мы строили дизель-электростанцию, цех и водопровод. Теперь надо было строить гостиницу, общежитие, коровник, гаражи... А чем выгружать? Был у нас старенький понтон. Я сам его варил сколько раз. Говорю: нельзя на нем ходить. Не послушали, погрузили трактор и утопили - еле достали потом. Так это осенью! А что весной делать? Вот РКС и прислал нам весной восемьдесят третьего года бригаду механиков, чтобы всю технику отремонтировать...

- Не всю, только амфибию, так у них было записано,- поправляет Устинов.- От этого все и получи лось, весь разворот пошел.

- А кто должен был платить механикам? - спрашиваю я.

- В том-то и суть, что мы этого не знали! - с жаром продолжает Воробьев.- Люди приехали работать к нам, причем работали они по четырнадцать-шестнадцать часов. И все вручную. У нас ни станка, ни дрели - ничего нет. Инструменты они все с собой привезли, заготовки, материалы. Звонили в Мурманск, в свой цех, там делали нужную деталь и посылали нам самолетом. Что называется, не за деньги, а за совесть ребята работали. Они сделали столько, сколько и за полгода другая бригада не сделает. Им ведь как сказали? - это уж мы потом узнали: "Поедете в Чапому, чтобы отремонтировать мотор амфибии, вот вам командировки, а обо всем остальном на месте договоритесь, работы там много..." Им ведь никто за это сверхурочные не платил! Поэтому Стрелков и заключил с ними соглашение. Мужики и нам помогли, и сами заработали, по шестьсот с чем-то рублей получили...

- Законно?

- Конечно, законно! Вот и Яковлевич подтвердит, что здесь все в порядке было. К нему никаких претензий не было, а ведь он утверждает на выплату...

Я сразу сказал - и здесь, следователям, и потом, на суде, в Умбе, что все было законно,- подтверждает Устинов.- В Чапоме, когда заключали договор, меня не было, но все документы на оплату проходили через

нет стр. 328-329

когда это все происходило, только мало этим интересовался, не думал, что на месте Стрелкова работать буду. Но у меня сложилось впечатление, что все здесь от начала и до конца подтасовано, подстроено...

- Вот и выходит, что человека неизвестно за что судили, неизвестно за что наказали,- произносит Воробьев.- Что такое эта сто семидесятая статья Уголовного кодекса? Я смотрел, вот она: "Злоупотребление властью или служебным положением". А как он злоупотреблял? Мы смотрели потом, изучали эту статью - ничего к Петровичу не подходит...

Он протягивает мне Уголовный кодекс РСФСР, и я читаю: "Злоупотребление властью или служебным положением, то есть умышленное использование должностным лицом своего служебного положения ***вопреки*** интересам службы, если оно совершено из корыстной или личной заинтересованности и причинило существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан..."

Устинов снова разъясняет мне, что, согласно Уставу колхоза, председатель не обязан выносить на утверждение правления соглашения по таким суммам, достаточно одной его подписи. Да и тогда это не с умыслом сделали: собрать правление было нельзя, все в разъездах. Потом со стройкой закрутились, завертелись и забыли, что соглашения, по которым уже выплатили деньги, подписаны только председателем колхоза. То же и относительно законности выплаты. Устав утверждает, что колхоз в лице своего председателя при особой необходимости может привлекать для работы наемных рабочих и если условия работы, их срочность и объемы требуют повышенной оплаты за труд - именно это имело здесь место! - оплачивать рабочим независимо от того, получают они заработок по месту своей основной работы или нет.

Слушая говорящих, я думаю, как похоже дело Стрелкова на дело Гитермана: два близнеца, которых породила лапландская Фемида. Похоже, что в Мурманской области уже отработан навык таких дел: обвинять в одном, судить за другое. Стрелков избежал "следственного изолятора" только потому, что это был как бы "пробный шар", на котором совершенствовались следователи по созданию групповых дел. Людей дважды и трижды допрашивали, вызывали, заработанные честным трудом деньги заставили - причем совершенно незаконно! - сдать в кассу колхоза. А главное - Стрелкова незаконно судили. То, что ему вменили в качестве уголовного преступления, оказывается даже не административным проступком. Другими словами, суд своим вмешательством прямо нарушил закон, самовольно отменив - по незнанию или с умыслом? - права, предоставленные председателю колхоза Уставом.

Впрочем, нужно ли этому удивляться? В моих руках протокол заседания парторганизации колхоза "Волна" от 15 марта 1985 г. Людей собрали по настоянию члена бюро райкома, заведующего кабинетом политпросвещения райкома Василия Никитича Кожина, знакомого мне по прошлым приездам. Он был командирован в Чапому, чтобы добиться от коммунистов колхоза единодушного исключения Стрелкова из партии. Обсуждение шло за две недели до суда. К тому времени следствие было закончено, невиновность Стрелкова установлена документально, и все же уполномоченный райкома, прямо искажая факты, обвинял Стрелкова в незаконной выплате и в том, что "своими действиями он разлагал людей нравственно". Какими действиями? - спрашивали его собравшиеся. Теми, что он не сорвал план строительства? Что оказался хорошим, рачительным хозяином? Что обеспечил колхозу миллионную прибыль? Если вам

обязательно надо расправиться со Стрелковым за то, что он не утвердил договор, мы согласны ему объявить даже строгий выговор с занесением в учетную карточку, но исключать - не согласны!

- Как вообще всплыл этот договор и почему за него уцепились? - спрашивает Георги, и я благодарен ему, потому что в разбирательстве обид мы позабыли об их фактических истоках.

Устинов охотно отвечает:

- Был у нас в том же году, осенью, ревизор Демьяненко, он терские колхозы ревизовал от РКС - наш, "Всходы коммунизма", "Беломорский рыбак" Долго здесь жил. При конторе у нас была комната для приезжих, та, где сейчас машинистка сидит. Хорошая комната, теплая, печь есть. А этот Демьяненко выпивать стал, безобразничать, к женщинам приставать... Потом к нему стали родственники из Мурманска приезжать, за рыбой, тоже выпивали. Мы его урезонивали, говорили, что непорядок это. Тут ведь колхоз, контора, люди ходят, смотрят. А он начал грозить нам: я, говорит, всех вас засажу, на вас буду письма писать! Пиши, пожалуйста... Перевели его в гостиницу жить. Вот он и начал мстить, стал доносы писать, что у нас непорядки в бухгалтерии. Приезжали, все проверили, ничего не подтвердилось. А потом он этот договор неутвержденный нашел, расписал так, как будто бы преступление обнаружил... Вот и завертелось! Сначала дело открыли и закрыли, а потом еще кому-то понадобилось заново открывать, кому-то Стрелков все мешал...

Мое предположение, что в Чапоме мог быть на Петровича кто-то обижен, Устинов категорически отвергает.

- Никаких обид на него не было и быть не могло! Тут каждый знает, что ничем и никогда Петрович не покорыстовался. Умирать будет, а в карман копейки не положит, еще с себя последнее отдаст! Что вы, не знаете, что на селе у него самый бедный дом? Описывать его пришли, а описывать нечего. Вот тут и акт есть, все перечислено - лодочный мотор, ковер, шкаф для посуды, шкаф для одежды, стол раздвижной, овцы две штуки... Всего на четыреста пятьдесят рублей. Да еще книжку нашли сберегательную, там шестьдесят три рубля - арестовали и до сих пор держат, так и не отдали, забыли! Петрович пошел после суда через полгода деньги взять, а ему говорят: не можем, арест с книжки не сняли, верно, забыли, напишите в суд, чтобы там разобрались... А он только рукой махнул: пусть, дескать, подавятся моими копейками, не буду унижаться из-за них, еще заработаю. Он всю жизнь не для себя, а для колхоза, для людей жил!

- Это точно,- подтвердила секретарь парторганизации Римма

Михайловна Храмцова, заведовавшая колхозной пекарней, мастерица печь все, что только можно делать из муки.- За Петровичем у нас любой пойдет не задумываясь. Вот уж истинно для людей жил!..

О возможном конфликте Стрелкова с МРКС первым вспоминает Воробьев. Связывает он это со строительством.

- Мы ведь с Петровичем вместе отказывались подписывать акты о приемке,- объясняет он.- Три раза комиссии из РКС приезжали - давили, просили, угрожали. А мы - ни в какую! Доделаете - примем. Ведь базу хотели к концу восемьдесят третьего года сдать, но не вышло. В следующем году так навалились на нас, что не вздохнуть! И опять мы отказались. После этого они и сделали тот ход с Лучаниновым: меня в Сосновку отправили, Стрелкова сняли, а Лучанинова поставили председателем. Егоров его летом привез: мол, механик, помощником будет. И уговорил Петровича на его голову. Мы-то сначала не поняли, что к чему, думали, действительно механик, помогать будет... Сначала, когда его поставили, он тоже отказался подписывать, видел, что его для этого назначили. Да только сколько можно тянуть? Лучанинов все подписал, партбилет на стол - вот он вам! - и ушел. А нам теперь все это расхлебывать, доделывать и штрафы платить до самой смерти. Конечно, выгода все равно есть, и большая, да только себя дураком чувствуешь, которого обошли. Меня в последнее время и в комиссию не включали - знали, что буду против...

- Тут большую роль сыграл еще Куприянов. Он тогда заместителем директора МКПП был, которое всей этой стройкой ворочало,- поясняет Устинов.- Директором был Бернотас, а Куприянов - замом. Он к нам приезжал, иной раз по месяцу жил, вроде бы досмотр осуществляет. А какой досмотр? В лесу пропадал, охотился, семгу ловил... У них много чего здесь обнаружено было, да только все прикрыли, и концы в воду! И, конечно, им надо было убрать свидетелей, которые знали, как все это строилось, чтобы потом не отвечать...

Куприянов, Бернотас - те самые, что давали показания против Гитермана? Ведь и дело Гитермана началось с монтажной бригады, которая работала здесь в том же самом 83-м году, за месяц до ремонтников! Строительство базы зверобойного промысла - вот то общее, что связывает дело Стрелкова с делом Гитермана. Но подоплека, похоже, у них все-таки разная.

- Вы знаете,- вступает молчавший Мурадян,- я, конечно, не могу говорить на сто процентов, но тут было очень нечисто, люди работали нечестные. Вот мы с вами ходили по берегу около цеха. Знаете, какой это берег? Это золотой берег! Там под песком

можно найти все - троса, электрощиты, трубы, балки, кабель, что хотите! Я пробовал копать - колодец копал!- и находил. У строителей все как попало было свалено. Завтра приедет комиссия? Берут бульдозер - и все под землю...

Я верю Мурадяну, потому что сам возмущался этим же беспорядком и расточительством материалов, которые везли сюда за тридевять земель из Мурманска. Но то, что Мурадян говорит дальше, для меня новость.

- ...Сейчас нет документации на строительство базы, которая должна была быть в МКПП у Куприянова и Бернотаса. Где она? Она была, я ее видел, когда пришел сюда работать. Тут строил базу очень хитрый парень, Павлов его фамилия. Он мне не давал смотреть документы. Однажды ночью я пришел, взломал топором дверь, взял документацию и стал ее изучать. Я строитель, понимаете? Меня нельзя обмануть, я все вижу. Так вот, оказывается, цех укорочен на пятнадцать метров! По акту он прошел, скажем, как запланированный, а на самом деле - он обрезан. Куда пошли материалы, куда пошли деньги? Это же десятки тысяч! Это может быть чистая взятка, а может, кто-то положил их в карман, я не знаю. За это должно отвечать МКПП, этим должен заниматься ОБХСС, а не Петровичем. Но никто за это не отвечал и никто этим не занимался. Я думаю, у этих ребят из МКПП были хорошие связи с ОБХСС. Недаром потом Павлов уничтожил все документы, а сам уехал. А если бы приемка была настоящей, все эти вещи стали бы известны, они выплыли бы наружу, понимаете? Петрович этого добивался. Он сам не понимал в строительстве и хотел, чтобы принимали стройку не он с Воробьевым, а настоящие специалисты, которых нельзя обмануть. МКПП и РКС очень этого боялись, поэтому они так поспешили убрать Петровича.

- Да, не любил Стрелкова Егоров,- произносит кто-то от двери.

Очень любопытные соображения. О связи МКПП с МРКС, с его управленческим аппаратом, я уже думал. Косвенно об этом же говорил и Тимченко, когда обвинял заместителей Гитермана, считая их причастными к хищениям в МКПП и на базе флота. Самое для меня интересное, что такая связь доказывает лишний раз непричастность Гитермана ко всем этим мошенничествам: против него выступали те же люди, которые - как сейчас можно думать - постарались убрать Стрелкова. Никто из заместителей Гитермана, кроме Егорова, не выступил в защиту своего председателя, да и тот высказал лишь свое сомнение в его виновности, но вместе со всеми проголосовал за исключение Гитермана из партии. Партийное собрание в МРКС никак не

походило на такое же в колхозе "Волна". А ведь именно Гитерман настоял на уходе Бернотаса из МКПП!

И я на всякий случай спрашиваю:

- А как связано дело Стрелкова с делом Гитермана?

- Да никак,- отвечает Устинов.- Его имя и не всплывало...

- Спрашивали нас о Гитермане,- откликается Воробьев, и все с удивлением посмотрели на него: как видно, никто об этом раньше не слышал.- В том же году, осенью, когда строились гостиница и обще житие, мы с Петровичем приезжали в Мурманск. Кто- то сообщил, что мы там, и нас вызвали в ОБХСС. Они спрашивали у Стрелкова, давал ли он Гитерману наличными тысячу рублей за проект зверобойной базы? Проект этот делали три человека, делали быстро, и мы платили им не по перечислению, а наличными, каждому по пять тысяч. Они к нам сами за деньгами приезжали и получали в кассе колхоза... А Гитерману, конечно, никто ничего не платил, так мы и сказали...

Тысяча рублей? Это что - предел фантазий мурманских следователей? Ту же самую тысячу рублей они пытались "оформить" меккеровской взяткой, еще от кого-то навязывали Гитерману эту тысячу... Можно было быть и поизобретательнее! Но за что - надо спрашивать у самого Стрелкова.

Воробьев выяснил, что Стрелков сейчас гостит у дочери в Ленинграде. Он достал мне номер ее телефона, и тут же я отправляю Петровичу телеграмму с просьбой дождаться моего приезда на обратном пути из Мурманска. Что ж, здесь мы сделали все, что было в наших силах. Теперь надо надеяться, что циклон уйдет в положенные ему сроки, небо очистится, установится летная погода и можно будет двинуться в обратный путь. В Мурманске мне еще предстоит много работы, и теперь я все больше склонен думать, что и дела остальных председателей не так просты, как пытаются их представить, и связаны с делом Гитермана куда более тесно, чем то кажется со стороны.

6.

Наш газик мчится по обледенелой дороге, рискованно беря крутые повороты, стремительно перебирая двумя пучками лучей стволы заснеженных елей и сосен. Временами мы попадаем в полосу густого тумана, конусы света упираются в белое молоко прямо перед нами, и тогда мы тащимся еле-еле, поминутно опасаясь соскользнуть с полотна в невидимый рядом кювет. Четыре часа утра - или, точнее сказать, ночи? В машине сонное молчание, все пытаются хоть немного доспать в пути. Мне все равно не заснуть, и, вжавшись в полушубок, стиснутый своими соседями, я перебираю в памяти события минувшего дня и думаю, как вовремя Шитареву понадобилось ехать в Мурманск на заседание облисполкома. Если бы не он - сидеть нам в Умбе или добираться в Мурманск кружным путем, на поезде, через Кандалакшу.

Это его заслуга, что в Чапоме мы пробыли только четыре дня, а не застряли на неделю или на две. Все эти дни председатель райисполкома "держал руку на пульсе" погоды и местного авиаотряда, регулярно оповещая нас по телефону об обстановке. В первую же ночь по приезде в Чапому погода резко переменилась. Мокрый снег перешел в дождь, очередной трехдневный циклон накрыл мокрой губкой Терский берег, дождь смыл начисто остатки снега, земля раскисла, потом все окутал туман, море стихло, и наступила томительная неизвестность. И лишь только краешек тумана начал отрываться от земли, на восток из Умбы пошел самолет, забирая по селам засидевшихся пассажиров. Вовремя! Когда мы подлетали к Умбе, райцентр был уже снова накрыт плотным одеялом тумана и самолет цеплял колесами шасси за верхушки елок, разыскивая невидимую сверху посадочную площадку.

Тут-то мы и узнали от Шитарева, что ночью он едет в Мурманск.

Оставался вечер, точнее, два с половиной часа до конца рабочего дня, которые я мог потратить на знакомство со следственными материалами дела Стрелкова. Шитарев все устроил. Три тома следственного дела ждали меня в кабинете судьи, Аллы Ивановны Тетерятник - красивой, еще сравнительно молодой женщины, довольно успешно скрывавшей некоторую нервозность поведения.

Я думал увидеть тоненькую папку с показаниями свидетелей и самого Стрелкова. Однако на столе передо мной лежало три неохватных тома, содержащих более тысячи листов,- акты

экспертизы, протоколы допросов, очных ставок, бесчисленного количества различных запросов и ответов, а также справок: из сберкасс по проверке личных счетов привлекаемых, из медвытрезвителей - не были ли они там ненароком, из пароходства, с места службы... Сколько на это ушло государственных средств, времени, человеческих нервов, неприятностей у людей - авансом! - по службе?! И все для того, чтобы уличить председателя колхоза в том, чего он не делал! Листая тома, я понимал, что ни двух с половиной, ни даже двадцати часов мне не хватит, чтобы внимательно прочитать все материалы, собранные в этих "кирпичах". Да и надо ли? Ведь я уже знаю итог - итог, который сформулировала вот эта сидящая передо мной женщина, изредка, как я отмечаю боковым зрением, вглядывающаяся в ту страницу, на которой я останавливаюсь дольше других. И я знаю всю неправду этого итога, опираясь не только на человеческий суд чапомлян, но и на букву закона, которой она решила пренебречь в силу каких-то неизвестных мне причин. Если бы я писал роман о суде над Стрелковым - другое дело. Здесь был собран весь необходимый материал для романиста - садись и пиши! Но роман писать я не собирался. Мне надо было определить вехи событий, которые помогли бы понять, как развивалось дело Стрелкова и почему оно пришло к такому странному финалу.

Все это здесь было. Донос ревизора, или, как это обычно называется, "сигнал", по-видимому, долгое время лежал без внимания за явной нелепицей. Искать его здесь было бесполезно: "сигналы бдительности" в виде таких доносов и анонимок, на основе которых возбуждаются подобные дела, как и имена их авторов, никогда не попадают в материалы следствия. 28.11.1984 г. старший следователь Терского РОВД В.Ф. Голубенко, ознакомившись с фактами, вполне разумно писал в своем заключении, что "работа была выполнена в полном объеме и деньги за нее выплачены, в связи с чем нет оснований усматривать в действиях ремонтников хищения общественного имущества, т. к. ущерб колхозу не причинен". Вторично следствие было возбуждено 25.V. 1984 г. Новых данных, как видно, не нашлось, поэтому 27.VII.1984 г. прокурор Терского района Б.Л. Титов подписывает постановление о прекращении уголовного дела с передачей его в товарищеский суд. Об этом было доложено им в Мурманск, где, как видно, поначалу были с таким решением согласны. Но осенью 1984 г. что-то произошло. И 10.X.1984 г. заместитель начальника следственного отдела М.А. Баронин возвращает дело на доследование по утверждению прокурора Мурманской области В.Л. Клочкова с многозначительным

указанием, что "расследование по делу Стрелкова А.П. находится на личном контроле у Генерального Прокурора СССР".

Шутка? Издевка? Но над кем? Кто поставил на контроль Генеральному Прокурору СССР высосанное из пальца дело? Дело, в котором не было и не могло быть состава преступления, даже если бы оказалось, что Стрелков превысил свои полномочия. С подачи из Мурманска? Или с попустительства канцелярии и помощников Генерального Прокурора? Может быть, ему больше нечем было заниматься осенью 1984 г.? Не было у нас никаких преступлений, все дела оказались раскрыты, все преступники пойманы и надо изобличать чапомского председателя, что он "действовал из карьеристских соображений", хотя и не нанес ущерба колхозу?! Чушь какая-то!

Действительно, даже следователь СО УВД Мурманской области В.В. Маланин, которому с такой грозной и многообещающей резолюцией было передано злосчастное дело, уже через месяц, 15.XI. 1984 г., предложил "производство прекратить за отсутствием состава преступления"!

И вот здесь на сцену появляется человек, благодаря которому дело чапомского председателя приобретает нужную мощь и звучание. Не человек - следователь по особо важным делам следственного отдела прокуратуры Мурманской области, юрист I класса Р.А. Нагимов. В постановлении о привлечении Стрелкова в качестве обвиняемого он показал всю его изворотливость и злодейство: "...однако он (Стрелков.- А. Н.) вместо того, чтобы принять надлежащие меры к организации ремонтных работ, с целью показать перед руководством РКС свою "предприимчивость" и "деловитость", т. е. из карьеристских побуждений (Вот откуда это в приговоре! - А. Н.), решил обеспечить проведение ремонта в сжатые сроки путем незаконной выплаты денежных средств ремонтной группе..." Довольно! Дальше все идет в нарастающем темпе, и я не знаю, что делать - смеяться или плакать, читая такое извращение фактов, такое изуверское истолкование человеческих побуждений. Не знаю, потому что это страшно, а страшно - потому что не бес-, а противочеловечно.

И я, закрыв последний том, поскольку стрелка часов уже подошла к 18.00, в упор спрашиваю Тетерятник:

- Алла Ивановна, за что вы осудили Стрелкова?

Она вздрагивает и выпрямляется в своем кресле, как если бы хочет произнести речь, но потом чуть сникает и тихо произносит:

- Стрелков ни в чем не виноват. Я хотела даже его оправдать... Поверьте мне, действительно хотела! Но, вы понимаете, тут был такой нажим все время из Мурманска, кому-

то было очень нужно, чтобы мы осудили Стрелкова. И потом... Вы знаете, в это время исключали из партии моего мужа. Это было ужасно, и я думала... Вы даже представить не можете, что здесь за люди! Как только кончится срок работы, я обязательно отсюда уеду! Потом, уже после суда, был звонок из Москвы. И когда я сказала, что мы осудили Стрелкова, мне показалось, что там даже вздохнули с облегчением...

- Кто звонил, Алла Ивановна?

- Кто? - она отводит глаза.- Не помню уже... Нам обоим неловко. Но ни за какие блага я не хотел бы оказаться сейчас на ее месте. Она наказала Стрелкова за то, чего тот не совершал. Почему-то мне кажется, что наказание, выпавшее ей на долю, куда более тяжелое: ведь Стрелков остался с людьми, которые продолжают ему верить. Может быть, даже стали уважать чуть больше, как это ведется у нас на Руси. А что ждет ее?

Я прощаюсь и ухожу. Сплю я в гостинице мертвым сном, а в четвертом часу мы уже мчимся из Умбы в Мурманск по заснеженной и обледенелой дороге. Почему-то мне кажется, что я раскопал что-то интересное в связи с делом Стрелкова. Суть его не в фактической стороне, а во всем том, что его окружает. Пока все это зыбко, как туман над водой, в котором скользят странные тени, представляющиеся совсем не тем, что они есть на самом деле. Мы медленно одолеваем перевал в Хибинах, воздух просветлел, туман остался далеко позади, вокруг пушистый свежий снег, скрывающий очертания низкорослых елей и громадных валунов, а я думаю о том, что в Мурманске меня обязательно должны ждать какие-то события, связанные с тем, что удалось узнать за эти дни. У меня возникает ощущение, что своими расспросами, сам того не ведая, я задел какую-то ниточку и ее колебания передались дальше, туда, куда я охотно бы пошел, чтобы посмотреть, что там происходит. Но идти туда по ряду причин не стоит. В первую очередь потому, что рано или поздно все необходимые факты начнут сами стекаться ко мне, потому что их уже привела в движение чья-то неожиданно задрожавшая рука. Все, что сейчас нужно,- не думать о том, зачем я сюда приехал. В Мурманске у меня достаточно дел и встреч, обговоренных перед отъездом в Чапому,- телевидение, радио, книголюбы, мурманские писатели, которых мне хочется спросить, почему они, воспеватели и ревнители поморской старины, ни словом, ни делом не выступили в защиту председателей и полностью устранились от тех преобразований, которые свершались и свершаются сейчас в поморских селах... Тоже побоялись "испачкаться"?!

Наконец, Коваленко.

По сравнению с другими жертвами "охоты на ведьм" Коваленко отделался сравнительно легко, если не считать семи с половиной месяцев "следственного изолятора" и тяжелого сердечного приступа, который отправил его в больницу после первых двух недель допросов. Его выпустили, он подлечился и был возвращен районным прокурором в прежнюю камеру. И лишь когда отсидел полгода, был выпущен окончательно. Потом был суд.

В МРКС в личном деле Николая Ильича Коваленко я нашел сразу два приговора - первого суда, состоявшегося в марте 1986 года, где председателю колхоза имени XXI съезда КПСС было назначено два года исправительных работ с удержанием двадцати процентов заработка и запрещением занимать руководящие должности в течение пяти лет, и второго, уже областного суда, состоявшегося через два месяца, где срок наказания с зачетом был сокращен, а запрет на должности снят. Осталась судимость и обвинение "в хищении государственного имущества и даче взятки". Кроме этого, в деле находилась копия ходатайства председателя МРКС Голубева начальнику "Севрыбы" с просьбой поддержать в мурманском областном суде кассационную жалобу Коваленко. По этим документам и корректирующей информации из нескольких сторонних источников я мог составить себе представление о том, что же произошло с Коваленко в действительности.

Истоки дела лежали в 1982 году, когда в Териберке был построен первый 27-квартирный дом с удобствами. В следующее лето я жил в одной из его квартир, отведенной колхозом в качестве гостиничного номера для приезжих, потому что настоящей гостиницы здесь не было. Дом нужен был колхозу позарез. Сравнительно обширный жилой фонд поселка,- Териберка была когда-то райцентром и после того, как район был ликвидирован, запустела,- пришел в полную ветхость. Новый дом построили, но сдать в эксплуатацию не могли в течение полугода, потому что никто - ни МРКС, ни "Севрыба" - не мог помочь колхозу достать необходимые девять электрощитов. Уже полгода длились безрезультатные поиски, когда в Териберке появился начальник производственно-технического отдела мурманского коммунэнерго Е.В. Трощенков. У него была своя работа по обследованию электросети поселка, бригада рабочих, и Коваленко он заинтересовал совсем с другой стороны. В колхозе собирались строить теплицы. Материалы были заготовлены, но прежде хотели выяснить - хватит ли имеющейся электроэнергии? Для этого надо было сделать необходимые расчеты и провести ревизию электросети, чем и так занималась бригада Трощенкова.

Расчеты не требовали специальных работ, они могли быть выполнены инженером и в Мурманске. Вот тогда, получив согласие Трощенкова, Коваленко попросил его поискать в Мурманске для колхоза электрощиты - купить их или взять во временное пользование, пока не удастся достать замену. Стоит отметить, что Трощенков взялся сделать расчеты за сумму гораздо меньшую, чем то соглашалась делать специальная проектная организация. Действительно, он их не задержал, определил, что и как надо менять, а вместе с тем показал невозможность снабжения теплицы достаточным количеством электроэнергии. На строительстве пришлось поставить крест. Но нет худа без добра: уже одно это позволило сэкономить колхозу около пяти тысяч рублей, которые были бы затрачены впустую. Одновременно Трощенков сообщил, что в ДРСУ-1 Мурманского ремстройтреста нашел для колхоза щиты, которые лежат без дела и которые Управление согласно выдать колхозу по гарантийному письму, обеспечивающему их оплату или возвращение. Так и было сделано. Письмо пошло по адресу, щиты выданы, поставлены на место, дом заселен, а Трощенкову подписали наряд за проделанную работу и выплатили деньги - 824 рубля 32 копейки.

В приговоре эта сумма фигурировала сразу в трех ипостасях: как хищение, как результат сговора и как взятка.

Ни тот, ни другой обвиняемый, а главное - сам колхоз с таким определением не согласились. Выплаченные деньги были не тратой колхозных средств, а их экономией, даже если оставить в стороне заботу о людях, своевременно въехавших в новые, благоустроенные квартиры из старых, развалившихся домов. Возникла такая же ситуация, как и в деле Стрелкова: кому-то надо было во что бы то ни стало доказать, что белое - это черное, и наоборот. Следователи, которые вели это дело, то закрывали его, отказываясь видеть "состав преступления", то, под нажимом прокурора, открывали его снова, пытаясь доказать, что Трощенков никакой работы для колхоза не сделал, потому что ее "не видно" или потому, что он приезжал только на день-два (вспомним, что для расчетов и "ревизии" сетей специальные работы не нужны!), а вся указанная сумма - плата за розыски электрощитов.

Почему прокурор Североморского района в течение нескольких лет возобновлял преследование Коваленко, мне объяснили просто: Коваленко поссорился с прокурором, отказавшись как-то к празднику "поклониться" семгой к прокурорскому столу. Что ж, причину можно посчитать уважительной, прокурор имел полное право вознегодовать на строптивого председателя. Но вот как можно полученные

Трощенковым деньги считать "взяткой", хищением "по сговору" - я не знаю. Даже если бы действительно вся эта сумма, не такая уж большая, была выплачена инженеру за его поиски щитов - поиски, которые оказались более успешными, чем полугодовые потуги официальных организаций,- то и тогда Трощенков (и Коваленко, обратившийся к нему!) заслуживал бы самой горячей благодарности и колхозников, и государства. В колхозе "разночтений" по этому вопросу не возникало. Превратно его толковал только прокурор, блюститель законности, который для того, чтобы показать свою власть, в конце концов посадил Трощенкова и Коваленко в "следственный изолятор", то есть в тюрьму. До суда. После того, как всю эту сумму 15.VI.1984 г. Трощенков вернул в колхозную кассу.

Зачем нужно было сажать их под стражу, причем через два с половиной года после так называемого "преступления"? Они были особо опасные преступники? Их следовало изолировать от общества? Ничего подобного. Оба были честными людьми, добросовестно исполнявшими свои обязанности, пользовались безусловным уважением окружающих, от которых не скрывали своих "деяний". Изучая тексты приговоров, я обратил внимание на даты ареста обоих. Коваленко впервые был арестован 5 мая 1985 года, т. е. через два с половиной месяца после ареста Гитермана, а выпущен 22 мая того же года в связи с сердечным заболеванием. Вторично он был арестован 23 августа 1985 г. и содержался в заключении до 19 марта 1986 г. Трощенков был арестован чуть позже, 13 мая 1985 г., и содержался под стражей вплоть до второго суда - факт, который даже мурманский областной суд квалифицировал как нарушение законности. Однако ни первый, ни второй суд не увидели нарушения законности в том, что в течение полугода (!) люди находились под стражей, хотя обстоятельства дела никак этого не требовали!

Все тот же произвол мурманского "правосудия"?

Голубев, на глазах которого происходило дело, говорил, что решающую роль в освобождении Коваленко сыграли многочисленные обращения колхозников в защиту своего председателя. Они писали всюду - в прокуратуру области, в обком, в Прокуратуру РСФСР, приходили в МРКС. В день суда над Коваленко с кораблей, находившихся в море, пришли телеграммы поддержки, зал был набит колхозниками, которые на руках вынесли своего председателя. Им было неважно, в чем его пытаются обвинять: они слишком хорошо его знали и верили ему, готовы были на деле доказать свое доверие. Случай был совершенно исключительный, другого такого я не знаю. Вероятно, в значительной мере его можно объяснить тем, что колхозниками

в Териберке в большинстве своем была молодежь, представители того самого нового поколения, которое не хотело жить по-старому. К тому же в прошлом это были горожане, иначе смотревшие и на чины, и на иерархию властей, привыкшие добиваться своего и не пасовать перед препятствиями. Но Коваленко того стоил! Я всегда смотрел с легкой завистью на то удивительное тепло, которым он был окружен в Териберке. Колхоз был как бы его семьей, хотя сам председатель оказывался не намного старше своих "детей"...

Если по сути своей дело Коваленко удивительно напоминало дело Стрелкова, то в процессуальном, отношении оно мало отличалось от дела Гитермана. Обоих обвиняли во взятках. Я помнил, что Гитермана пытались уверить, что Коваленко и ему давал взятки. Отсюда и "следственный изолятор". Похоже, сделали это для того, чтобы уничтожить человека как личность, как руководителя: не только продемонстрировать его полную беззащитность перед следственными органами, сломать, заставить признать то, чего он не делал, но и добиться его исключения из партии, как то произошло с Гитерманом и Стрелковым, поскольку "коммунистов не судят".

Не судят? Но почему? Что меняется от того, что перед судом у человека отбирают партбилет? Кого при этом пытаемся мы обмануть? Разве не с этим партбилетом он совершил свой проступок? И, наконец, разве факт передачи суду материалов следствия является фактом вины человека?

Я снова и снова задаю этот вопрос, потому что почти на каждом пленуме Верховного Суда выступающие с тревогой напоминают, что наши суды боятся выносить оправдательные приговоры. Боятся, по-видимому, так же, как побоялась Алла Ивановна Тетерятник вынести оправдательный приговор невиновному в ее глазах Стрелкову. На партийном собрании колхоза "Волна" Кожин требовал исключить из партии Стрелкова и кричал, что своими действиями тот "разлагал людей нравственно". Нет, Стрелков никого не разлагал. Наоборот, укреплял своим примером. А вот подобные решения суда и партийного руководства, делающего вид, что подследственный - еще не осужденный! - никогда в партии не состоял, коммунистом не был и вообще, похоже, закоренелый преступник, действуют столь страшным образом на окружающих, что ни о какой принципиальности, честности, просто порядочности здесь и речи идти не может.

"Как же иначе?" - спросят меня.

А вот так: признаваясь в собственных ошибках и не спеша открещиваться от товарища, исключая именно за проступок, а не

за то, что пало подозрение, пришла анонимка, состоялся оговор.

Североморский горком в деле Коваленко занял именно такую принципиальную позицию. Он прислушался к мнению колхозной партийной организации, к мнению коммунистов, которые единодушно свидетельствовали в пользу Коваленко, и не стал придерживаться буквы Устава, понимая, что и к Уставу следует подходить диалектически. Пожалуй, это был единственный случай, известный мне, когда первый секретарь горкома не пошел на поводу событий, не поспешил отмежеваться от коммуниста, а занял выжидательную позицию. Здесь, в Североморске, по сравнению с Умбой, роли поменялись: если в Умбе в защиту закона и Стрелкова дважды выступал районный прокурор, так что новое возбуждение дела произошло уже в Мурманске, то здесь именно районный прокурор оказался нарушителем законности, тогда как горком занял выжидательную позицию, благожелательную по отношению к Коваленко.

Случай с Коваленко вроде бы достаточно ясный, усмотреть в его деле какую-либо связь с делом Гитермана невозможно. Именно поэтому я и хочу повидать председателя из Териберки, поскольку знаю, что "очевидное - далеко не всегда верное".

На очереди еще Подскочий. Но тут я колеблюсь - надо ли мне ехать в Белокаменку? Самого Подскочего там нет, где он - никто в Мурманске не знает, кроме того, меня несколько расхолаживает полное равнодушие к его судьбе и к его делу окружающих. Ни Каргин, ни Тимченко, ни Голубев никакого интереса к тому, что произошло с председателем "Северной звезды", не испытывают. Все они согласно утверждают, что Подскочий виновен в хищении колхозных средств, полностью изобличен, признал свою вину, не пытался апеллировать, как Коваленко, и тихо исчез с мурманского горизонта. Так надо ли поднимать это дело? Для меня их доводы звучат убедительно еще и потому, что во время единственной нашей встречи с Подскочим несколько лет назад, встречи случайной и кратковременной, он не оставил во мне того, что называется впечатлением, то есть не заинтересовал. Не знаю, что было причиной. Может быть, сам я не был готов к этой встрече: в Белокаменку я поехал случайно на катере Мурманской судоверфи только потому, что он шел туда за рабочими, и в моем распоряжении оставалось не более получаса на беседу; может быть, Подскочий был занят другими делами или не совсем здоров... Разговора у нас как-то не получилось, да и что можно узнать за пятнадцать-двадцать минут, когда видишь человека впервые?

Однако пока я занимаюсь своими делами и раздумываю, ехать ли мне в Белокаменку, все поворачивается самым

неожиданным образом.

Отправляясь в Мурманск, меньше всего я хотел, чтобы мой интерес к делу Гитермана и председателей привлек чье-то внимание. Поначалу так оно и было. В Умбе моя озабоченность делом Стрелкова и твердо высказанное намерение добиться его реабилитации вызвали только легкие улыбки в райкоме и в райисполкоме. Ни там, ни тут не возражали: они были ни "за", ни "против" - им было все равно. Однако едва только я вернулся в Мурманск, начались телефонные звонки. Звонили из редакции молодежной газеты, из радио- и телестудий, интересовались результатами поездки, моими впечатлениями и деликатно осведомлялись, как я отношусь к недавним событиям в рыболовецких колхозах и в РКС. Как случайно выяснилось, в обкоме тоже следили за моими маршрутами на Кольской земле, хотя я и не спешил там показаться. При встречах меня откровенно спрашивали о деле Гитермана. Первое впечатление о равнодушии мурманчан оказалось ошибочным. Пожалуй, действительное равнодушие к судьбе председателей колхозов я встретил только в Мурманской писательской организации, но там мне объяснили, что все они поэты или романисты, не спускающиеся до таких мелочей жизни, как судебные дела. Наоборот, людей, непричастных к литературе, дело Гитермана интересовало своей загадочностью, отсутствием официальной информации, а различные фантастические слухи, запущенные в обывательскую среду сразу же после его ареста, до сих пор не давали покоя людскому воображению. Любопытство, как правило, было бескорыстным. И все же порой мне начинало казаться, что кто-то очень внимательно следит за моими шагами и даже принимает какие-то контрмеры.

Началось с того, что на следующий день по возвращении в Мурманск в гостиницу зашел Георги и с улыбкой спросил:

- Так и не пустили вас в МКПП? Не беспокойтесь, все это мы устроим!

Признаться, я несколько опешил. В МКПП я не собирался. Даже не поинтересовался, где эта организация находится. Разумеется, если бы я захотел там побывать, меня бы туда привезли и показали все, что я хотел бы увидеть. Только зачем? Действительно, МКПП и его деятельность все время встречаются на моем пути, но оно меня пока не интересует.

Я прошу Георги рассказать, от кого он получил такую странную информацию.

Пожалуй, он еще больше удивлен, узнав, что я в МКПП не собирался и не собираюсь. Оказывается, выйдя из редакции и направляясь ко мне, он встретил знакомого работника из

аппарата МКПП. Они остановились поговорить, и тот, не подозревая, что Георги как-то связан со мной, похвастался, что сегодня они "отфутболили Никитина, который хотел к ним приехать". Сами они меня не знают, ничего против меня не имеют, но кто-то им позвонил накануне и предупредил, что московского писателя ни в коем случае нельзя допускать ни в МКПП, ни в меховой цех. При чем здесь меховой цех, ни я, ни Георги не понимаем: я не собирался покупать в Мурманске ни шапки, ни тулупа, ни унтов...

- Может быть, съездим, посмотрим? - предлагает Георги.- Что-то они хотят от нас спрятать.

Но я резонно возражаю, что мы не ищейки, а если бы и были таковыми, то сначала надо знать, что хочешь найти.

На этом чудеса не кончаются. На следующее утро, когда я собираюсь уходить из номера, меня останавливает телефонный звонок. Я снимаю трубку. Голос кажется совершенно незнакомым, но он обращается ко мне, как если бы мы были давними друзьями:

- Привет, старик! Это ты? Подумать только, сколько лет не виделись! Узнаешь? Нет? Неужто не помнишь? Ну, вспомни, вспомни...

Незнакомец называет себя, и я действительно улавливаю в его голосе интонации человека, который исчез с моего горизонта лет двадцать назад. Я удивлен не тем, что он разыскал меня в Мурманске в номере моряцкой гостиницы. Он был журналистом, а потому в какой-то мере обладал вездесущностью и всезнанием. Но двадцать лет! За все это время он ни разу не испытал потребности дать о себе знать. Последнее вполне объяснимо, поскольку близкими друзьями мы никогда не были: обычные приятельские отношения, ни к чему не обязывающие, которые легко завязывались и столь же легко рвались в коридорах разных этажей здания центрального радиовещания, где работал мой знакомый и где я только начинал свой путь радиожурналиста четверть века назад. Все это продолжалось года три-четыре. Потом нас развела жизнь. Он изредка мелькал на моем горизонте, приветственно помахивая рукой, потом в силу каких-то неприятностей исчез не только с радио, но и из Москвы. Больше о нем я ничего не слышал.

Что вызвало сейчас этот звонок? В наши годы юношеское знакомство просто так обычно не вспоминают. - ...Вчера тебе звонил, даже в гостиницу заходил, думал тебя застать,- басил он в трубку.- Говорят, как с утра уйдет, так до позднего вечера. Как узнал? Да вот в командировку в облисполком приезжал, с одним из замов председателя беседовал. Хороший мужик, я его давно

знаю. Он и говорит: мол, тут еще один москвич у нас, и твою фамилию называет... Как же, говорю, знаю, мой друг, очень хороший человек! Можем встретиться, посидеть, вечер провести... Ты этого зама не знаешь? Ты что, в облисполком не заходишь?! Ну да, понимаю, у тебя свои интересы... Ты запиши мои телефоны. Конечно, в Москве, уже давно. Работаю в журнале...- он назвал один из популярных журналов.- А сейчас из аэропорта звоню, лечу назад. Все-таки надо позвонить, думаю! Кстати, что это ты затеял разбираться с Гитерманом? Он же прожженный жулик! Нет, я его никогда не видел. Но вот в облисполкоме меня спрашивают: "Если твой Никитин такой хороший человек, чего это он с Гитерманом связался? На нем же клейма ставить негде - и валюту у него нашли, и золото, и денег сотнями тысяч..." Я, конечно, говорю, что ты всегда был доверчив к людям, видел в них только хорошее, может, в чем-то здесь не разобрался, сразу в бой кинулся... Ничего, говорю, мы ему объясним, что и как! Так что смотри, а то вляпаешься с этим делом, это я тебе по-дружески говорю... Ну, бывай! Вернешься в Москву - звони... А то уже посадка идет!

В трубке раздались гудки отбоя.

Предупреждение? Дружеский совет? Выходит, кто-то действительно обеспокоен моим интересом к делу Гитермана. Кто и почему? И как это связано с МКПП и меховым цехом, о котором я знаю только то, что формально он принадлежит колхозу "Северная звезда", где был Подскочий, хотя сам цех находится в Мурманске? Попробуем разобраться.

Я занимаюсь делом Гитермана, хотя это слишком громко сказано - просто пытаюсь разобраться в причинах, по которым его осудили. МКПП здесь фигурирует только как место, где был совершен подлог, который приписали Гитерману. Все документы в копиях есть в его следственном деле, так что никаких "концов" искать в МКПП по Гитерману мне не надо. Меховой цех здесь вообще ни при чем. По просьбе одного из работников Минрыбхоза СССР через Гитермана там сшили ему из обрезков меховой жилет, деньги за который он заплатил. Суд не стал даже рассматривать такую "улику", хотя жилет у работника Минрыбхоза все же отобрали. Тот факт, что в МКПП работали Бернотас и Куприянов, которые свидетельствовали против Гитермана, ни о чем не говорит. Таким образом, опасения по поводу возможного моего появления в МКПП и меховом цехе в связи с делом Гитермана - как оно сейчас представляется - совершенно необъяснимы. То же самое и в отношении Стрелкова. Выдвинутые против него обвинения никакого отношения к МКПП не имеют, с меховым цехом он вообще никак не был связан, как,

впрочем, и с его продукцией. Нет, однажды был! Весной 1984 года была сделана "пробная" зверобойка - пышно, с помпой,- направлен туда из Кандалакши санный поезд с телевидением, с большим количеством полушубков, шапок, меховых сапог и прочего. Уже за Умбой - в Кузреке или в Оленице - случилось несчастье: вечером перепились, ночью возник пожар, сгорел один человек и весь запас меховых изделий.

Воробьев рассказывал, что Стрелкова потом долго вынуждали подписать акт о гибели этого имущества, тогда как он резонно отказывался, говоря, что в глаза его не видел и при пожаре не был... Вот и все.

А может быть, это все же связано с Гитерманом и я просто не улавливаю такую связь? Звонок неожиданно воскресшего знакомца совершенно недвусмысленно показывает, что мой интерес к делу Гитермана серьезно беспокоит кого-то на самом высоком областном верху. Заместитель председателя облисполкома просто так не стал бы открывать свою озабоченность приездом московского писателя настолько, чтобы использовать знакомого журналиста для "зондирования". Больше того, пуская в ход заведомо лживую версию о "золотом чемоданчике", которая распространялась сразу же после ареста Гитермана.

Как я понимаю, вместе с фотографиями якобы изъятых вещей она послужила основанием для очернения Гитермана в глазах партийных органов и - возможно - прокурорского надзора республики. То, что на суде ни то, ни другое не фигурировало, никто не вспомнил: "доказательства" были сработаны, чтобы получить санкцию на дальнейшие действия. Больше того. Полное умолчание о "сокровищах Гитермана" на суде давало возможность высказывать предположения, что он "купил суд", "откупился" этими вещами и так далее. Подобная версия "отцам области" могла служить наивной самозащитой: дескать, ничего другого не знаем, введены в заблуждение снизу доверху... Мог быть и другой вариант объяснения: версия пущена кем-то снизу, и тогда она выявляет тесную связь между кем-то, кто связан с МКПП и заинтересован в осуждении Гитермана, и вот этим заместителем председателя облисполкома, а через него - или одновременно - и со следственным аппаратом области. Так завязывается новый узел загадок, над которыми мне еще предстоит ломать голову...

Пока я этим занимаюсь, все остальное разрешается помимо меня. - Из МРКС звонит Голубев и сообщает, что завтра приезжает Коваленко, но не в Мурманск, а в Белокаменку, где подводят итоги соревнования между колхозами. Итоги всем известны - "Северная звезда" со своим новым председателем вообще не

выполнила план, причем провал очень серьезный. Но "подведение итогов" все же будет иметь место. Из Териберки едут Коваленко, секретарь парторганизации, профорг, главный бухгалтер, кто-то из заместителей председателя и колхозная самодеятельность, чтобы концертом подсластить пилюлю. От МРКС туда отправляется Немсадзе, который вручит переходящий приз териберцам, а от "Рыбного Мурмана" - Виктор Георги с фотокорреспондентом. Четвертое место в машине оставлено для меня. Согласен ли я? Безусловно? Тогда до завтра...

И с этого момента события развиваются стремительно и совсем по другому плану, чем я себе представлял.

7.

С Коваленко мы встречаемся не в Белокаменке, а в Мурманске. Он заезжает за мной в гостиницу, так что в "Северную звезду" едем вместе и обо всем можем поговорить в дороге. Коваленко мало изменился, может быть, только чуть погрузнел, и, невольно сопоставляя его с Гитерманом, я думаю, что эта нездоровая полнота появилась и от подорванного сердца, и от тех семи с половиной месяцев, которые ему пришлось просидеть. Но взгляд у него прежний, с прищуром, а наивный и в то же время хитроватый вид человека "себе на уме" удивительным образом не соответствует прямому и открытому характеру.

- Видишь, в тюрьме даже пополнел, теперь стараюсь меньше есть,- шутит он, отмахиваясь от моих вопросов.- Не хочу об этом вспоминать! Прошло - и слава богу... Это все мои мужики - писали, стучались во все двери, с флотов радиограммы шли... Я ведь этого ничего не знал, совсем от жизни колхоза был отрезан. Только радио слушаешь и прикидываешь: там Тимченко помянули, там Несветов с кем-то на съезд колхозных рыбаков поехал... Елки-палки, а мой-то колхоз как? Или, может, он уже давно не мой? Нет, мой! Это я на суде понял, когда мужики пришли. Всем колхозом встречали - такое разве забудешь? Так что со мной все в порядке. Трощенкова вот жалко, ни за что мужика засудили. Меня-то народ тащил, а его кто вытащит?

- А он не виноват?

- Конечно, нет! В чем его вина? В том, что помог нам расчеты сделать? В том, что щиты помог найти? Сколько раз проверяли, все вымеривали, где он что делал... Я им говорю: расчеты у него в голове ищите, а не в земле, тем более когда мы уже половину сети своей заменили! Нет, ищут... И все равно, при всем их желании не могли доказать, что все деньги ему не за работу, а за щиты выписали! Ну а если бы за щиты, тогда что? А это, говорят, использование своего служебного положения, хищение... Какое хищение? Какое служебное положение? Он же не у себя в организации их достал и к нам привез, верно? И как ему теперь помочь - ума не приложу. А надо бы. Ведь он людей выручил, весь наш колхоз!

- Что ему дали?

- Два года с конфискацией имущества. И не условных - сидит где-то... И ведь деньги в кассу колхоза вернул, а все равно вторично дело возбудили, мало показалось...

- Мне вообще непонятно, зачем вас сажать надо было.

- А нам, думаешь, понятно? Ведь вся эта волынка не один год

идет. То открывают дело, то закрывают. Наш уважаемый прокурор любит вот так над людьми измываться: дескать, чувствуйте, у кого власть!

- Ну хорошо, посадили тебя. А дальше-то что? О чем спрашивали? О том же Трощенкове, о котором все уже известно?

- Что ты! О Трощенкове сначала никто и не вспомнил! Как меня в мае взяли, так один только и был разговор - о Гитермане. Пристали как с ножом: "Скажи, что ты ему взятки давал! Скажи, что он свое положение использовал и у тебя выхода не было,- мы тебя сейчас же домой отпустим..." Ну, тут я озлился. У меня вообще такой привычки нет - взятки давать, тем более своему начальству. Никогда под него не подлаживаюсь, люблю быть независимым. И Гитерман не тот человек, что может на взятку польститься. У нас с ним вообще тесных отношений не было. Служебные - да, но не больше. Что бы он в колхозе ни брал, когда приедет,- мясо, там, сливки,- за все заплатит тут же до копейки. Как-то я ехал в Мурманск, он попросил, если на складе есть, мясо ему привезти. Я привез, он тут же расплатился, а рядом Тимченко стоит. Потом вышли, тот мне и говорит: "Что ж, не мог председателю своему просто так мясо привезти?" Мог, говорю, да только это ни ему, ни мне не нужно. Характер у него такой - не любит у людей одалживаться, не то что другие...

- И что же следователи?

- Насели на меня, не отпускают. А зачем, спрашивают, ты с ним в Киев ездил? Как зачем? Корабль для меня там строился, говорю. А почему Гитерман с тобой поехал? А вы, говорю, спрашиваете свое начальство, зачем оно с вами куда-то едет? Ну, тут отстали немного, а потом и в больницу меня выпустили. Побыл я в колхозе, потом два месяца в больнице пролежал, только вышел - меня мой друг прокурор снова в тюрьму. Вот тогда уже начали давить на меня, чтобы я не Гитермана, а Трощенкова оговорил. И опять так же: ты скажи, что он тебя в безвыходное положение поставил, мы тебя и отпустим... А мне не себя жалко - вот этого мужика. Нет, говорю, врать не привык и теперь не буду. Тем более обязан ему и работой, и щитами. Покрутились-покрутились и отстали. Так что последние шесть месяцев ко мне в камеру никто и не приходил, никуда не вызывали. Я так и понял: материала для того, чтобы по закону меня посадить, у них нет, стало быть, решили свою власть мне так показать... Вот и сидел!

Подобно мне, Коваленко не может понять, почему колхоз не вправе нанять человека, если он берется сделать ту же работу, что и проектный институт, только втрое дешевле? И почему тот же человек не имеет права за деньги - а за что же еще? - разыскать

для колхоза на складах сторонних организаций необходимые "неликвиды", как те же электрощиты? В чем тут криминал? Кому было бы лучше, если бы дом стоял нежилой, люди ютились в старых домиках, а никому не нужные щиты гнили бы на складе? И зачем надо было у Трощенкова деньги отбирать? А если отобрали, то как его вторично наказывать? А конфисковывать-то имущество зачем, чем его семья провинилась?! И уж совсем никак не вытанцовывается его, Коваленко, личная заинтересованность, которая должна присутствовать в даче взятки. Только колхоз выиграл, сам он даже не стал переезжать в этот дом...

Меня это уже не удивляет. Я вижу в деле Коваленко такой же произвол, как и во всех остальных. Все здесь, от предъявления обвинений до вынесения приговора, словно бы одним штампом оттиснуто. И суть штампа одна и та же - беззаконие: что хочу, то и ворочу! Ведь это и областному суду было ясно, поскольку он сам этим же штампом пользовался.

Меня поражает другое - откровенное желание связать Коваленко с делом Гитермана. Просто, без выкрутасов: скажи - отпустим, не скажешь - будешь сидеть... Всем понятно, что никуда не отпустят, тут-то все и начнется, но приемы простые, в расчете на такой же примитив, как сами исполнители.

- Не били?

- Нет, что ты! До этого не дошло. Как увидели, что все страхи впустую, так и махнули рукой... Они ведь тоже понимают, с кем имеют дело. Было бы что-то за мной, глядишь, могли бы и напугать. А когда человек в своей совести уверен, его еще довести до отчаяния надо... Со мной у них не прошло.

- Говорили они, будто бы Гитерман сознался в получении от тебя взяток?

- Говорили. Несколько раз. Грозили очными ставками, если я не признаюсь. В общем, все не как в книгах! Дураки они там, что ли, сидят, что решили прицепиться к Гитерману? Могли бы, кажется, справки навести, что он за человек. А со мной просто наш прокурор решил старые счеты свести, вот для этого и вытащил закрытое уже дело. У них ведь тогда дисциплину подтягивать начали, пошло ужесточение законов, они и стали набрасываться на тех, кто им мешал. И обратного хода не было, иначе в отставку подавай. В общем, нами они свои дыры кое-как заткнули... Главным тут был Данков, я так считаю, а в моем деле и наш прокурор свои делишки решил обстряпать...

Мы проехали Колу, минуем сворот на Минькино. Сопки, дорога, заросли по обеим сторонам - все покрыто толстым, пушистым слоем снега, который матово серебрится в этот серый зимний день. Даже не верится как-то, что сразу после дождей

легла зима. Впрочем, погода здесь переменчива, и загадывать бесполезно.

- Ну а Подскочий? Меня уверяли, что он действительно виноват в каких-то хищениях...

И тут мягкий, улыбчивый Коваленко неожиданно вскипает:

- Брехня все это! За Подскочего я не только руку - голову отдам! Не такой он человек, чтобы себе что-то чужое взять! Я его дела в подробности не знаю. Взяли его до меня, а когда я вышел - с ним уже рас правились, и он уехал. Так и не повидались! А мы друзьями были, еще когда он в Териберке работал: он - замом по флоту, я - по сельскому хозяйству. Да он меня сюда и перетащил с юга! Потом он в Белокаменку председателем ушел, а я здесь председателем стал... Нет, никогда не поверю, чтобы Геннадий мог нечестно поступить! Он ведь такой: костьми за колхозное дело ляжет, но ни денег, ни чего другого брать не станет. Я сразу сказал, что там, в Белокаменке, кто-то очень уж грязное дело состряпал. Скорее всего, Геннадий кому-то мешал. Вот кому - не знаю. Но от него постарались отделаться, и отделаться капиталь но, измарав всего его... Пожалуй, я даже догадываюсь, откуда там все началось. Подскочий - хозяин хороший и коммунист требовательный, но есть в нем один недостаток - излишне людям доверяет, слишком с ними деликатен. Стесняется он их, что ли? И все у него шло хорошо, пока он не взял себе в помощники Бернотаса...

- Бывшего директора МКПП?

Его самого, Бронислава Людвиковича. А что тебя удивляет? Бернотас до этого много где работал. В "Энергии" он был капитаном, так его колхозники потребовали убрать во время путины, из района Атлантики снимали. Потом его кто-то Гитерману рекомендовал, тот взял его директором МКПП и сам же вынужден был его выгнать, там у него приписки обнаружили. Тогда его Подскочему подсунули. Я Геннадию говорил: зря берешь, намаешься. Ну а тот уже согласился, назад не пошел. Потом Бернотас в колхоз взял, меховой цех и своего дружка Куприянова перетянул, который его в МКПП сменил... Отсюда все и идет! Вот, посмотри, я специально для тебя этот номер захватил, чтобы ты понял, что там после Геннадия творилось...

С этими словами Коваленко достает из черной кожаной папки номер газеты "Североморская правда", вышедший 13 ноября 1986 года. Вторую полосу почти целиком занял подготовленный североморским горкомом отчет "О письме коммуниста Г.А. Маркиной в ЦК КПСС".

Шрифт мелок, машину трясет, но я читаю с растущим интересом.

Экономист колхоза "Северная звезда" Г. А. Маркина, исполнявшая в то время обязанности секретаря парторганизации, обратилась в ЦК КПСС с письмом, в котором вскрывались весьма неприглядные факты. Как то обычно случается, письмо ее из Москвы было переслано в Мурманский обком, оттуда - в Североморский горком и в МРКС. По письму была проведена формальная ревизия в колхозе, результаты ее были обсуждены на партийном собрании. Председателю колхоза Л.М. Олейнику и его заместителю Б.Л. Бернотасу были объявлены выговоры, инженеру отдела кадров Ю.Н. Алексееву - строгий выговор с занесением в учетную карточку, а самой Маркиной - простой выговор... "за развал партийной работы"! Все как обычно, по отлаженному сценарию. Но Маркина решила не отступать и написала в ЦК вторично, указав, что проверка была поверхностной, подтвердившиеся факты во внимание не приняли, а потому просила еще об одной ревизии с представителями если не Москвы, то обкома. Обкому было некуда деваться, и пришлось колхоз ревизовать снова. Тому, что вскрылось при этой второй ревизии, и был посвящен газетный отчет.

Он был скуп, формален, избегал каких бы то ни было конкретных фактов, но даже те меры, которые вынуждено было принять бюро горкома, свидетельствовали о полном расстройстве колхозных дел. Если бы я хотел найти особо разительный пример, как отрицательно на колхоз повлияло осуждение его председателя, ничего другого не пришлось бы искать. Бернотаса и Алексеева было "рекомендовано" освободить от занимаемых должностей; за бесхозяйственность и "слабую организационную работу" председателю Олейнику объявлялся строгий выговор с занесением в учетную карточку. Поставлен был вопрос и о некоем А.М. Колеснике, "развалившем работу цеха товаров народного потребления"...

- Это что еще такое? - спрашиваю у Коваленко.

- Меховой цех, в просторечии,- кратко отвечает тот.- Читай дальше...

После развала работы цеха Колесник этот был назначен... заместителем председателя колхоза по всем подсобным промыслам, по-видимому чтобы уже развалить их все. Не по этой ли причине меня не хотели допускать в меховой цех? В колхозе было вскрыто поголовное пьянство руководящего состава, нераскрытые пожары, незаконные увольнения, полный развал социальной работы... За общими формулировками рисовалась картина разрухи, начальственного произвола, сведения счетов, коррупции. Резко упало качество продукции молочного цеха, был "завален" план рыбодобычи. И все это - за два последних года... -

После того, как убрали Подскочего?

- Да. Это как раз убеждает меня, что он был виноват, но совсем не в том, за что его судили. Он позволил себя окружить разным людям, вроде Куприянова, о котором здесь почему-то ничего не сказано. Говорил я ему: не бери этот меховой цех, не соглашайся на него! От него вся зараза идет! Он же у меня был, и Куприянов был...

- Тот самый, что работал потом в МКПП?

- Тот самый, Николай Александрович Куприянов. Не знаю, откуда он появился, только сразу стал ходить в дружках у Бернотаса. Ведь когда решили делать этот меховой цех, чтобы там шить шапки, меховую обувь и меховую одежду для колхозников, сначала его предложили мне в колхоз. Я согласился. Заведовать им поставили Куприянова. А через полгода, когда мы начали первую ревизию, посмотрели документы, там была уже такая путаница, что я категорически заявил: куда хотите, но нам он не нужен! Шкуры шли в Прибалтику, оттуда возвращались, понять было ничего нельзя... Куприянова надо было сразу судить. А Каргин и Гитерман его пожалели, замяли дело, перевели в МКПП к Бернотасу. На мехцех поставили Колесника. Бернотас сейчас же подключился... и пошла карусель!

- Каргин? А при чем здесь Каргин?

- А я знаю? Наверное, ходил к Данкову или к прокурору, просил закрыть...

- По просьбе Гитермана?

- Чего не знаю, того не знаю. Только кто же еще станет Каргина о мехцехе просить?

Что ж, логика в этом есть. Но только логика. Что касается истины, то ее еще надо найти. Гитерман в Мурманске, возможно, придется идти к нему.

Выходит, опасения, что я попаду в мехцех и МКПП, вовсе не связаны с делом Гитермана. А с делом Подскочего? Или дело в том, что главные свидетели обвинения Гитермана "завязаны" на мехцех и МКПП? И они же сыграли какую-то роль, как предполагает Коваленко, в судьбе Подскочего... Статья в газете наводит на разные мысли, особенно фраза, что "по делам, касающимся колхоза, работа следственных органов продолжается". Газета объяснялась с читателями скорее знаками, чем словами, как если бы за всем этим стояло нечто столь вопиющее, о чем даже нельзя было говорить вслух. И я опять ощущаю острую неприязнь к Белокаменке - россыпи убогих домиков по склонам супесчаных холмов, покрытых неожиданной для здешних широт яркой зеленой травой, ромашками и березовыми рощицами, какой увидел ее впервые. Нет, не

обманывало меня чутье в тот давний приезд! Здесь пахло бедностью и бедою, и потому, наверное, такое же грустное впечатление на меня произвел ее председатель, которому тогда было не до заезжего писателя.

А что меня ждет сейчас?

Присыпанная снегом Белокаменка, когда мы в нее въезжаем, выглядит столь же неприглядно, хотя и кажется чище. Невзрачность поселка словно подчеркивает новенькая "стекляшка" магазина - светлого, просторного, заполненного импортной одеждой и бельем, но значительно более скромного в отношении съестного. На крыльце правления встречает нас председатель - худощавый, подвижный, если не сказать суетливый, выше среднего роста, с выразительным лицом и красивыми глазами. Он появляется, исчезает, присаживается за стол, снова встает, куда-то убегает и больше напоминает встревоженного администратора, чем хозяина колхоза. Да и не хозяин он вовсе: уже через несколько минут выясняется, что у него ничего не организовано. Ищут каких-то людей, которых нет на месте, ищут работников столовой, которая оказывается на замке. Когда же находят, выясняется, что никто не побеспокоился приготовить хотя бы чаю для гостей, которые встали ни свет ни заря и ехали по морозу двести с лишним километров из Териберки. А ведь в териберском поморском хоре женщины все пожилые... Привыкнув к колхозному порядку, сходному на Севере с порядком на судне, мне странно видеть весь этот разброд, который пытается прикрыть своим худощавым телом председатель.

Подъезжает автобус с териберским хором, который мы обогнали по пути, с представителями колхоза имени XXI съезда КПСС, потом МРКСовская "Волга" с Немсадзе, Георги и фотографом. Пока приезжие переговариваются, рассматривают бумаги, готовятся идти в обход хозяйства, я прошу познакомить меня с парторгом колхоза, Леонидом Петровичем Аржанцевым. Он был председателем задолго до Подскочего и может рассказать о том, что здесь происходило. Одновременно прошу Олейника достать для меня личное дело бывшего председателя, чтобы перепечатать текст приговора. И то и другое он бросается выполнять с торопливой предупредительностью.

Все вокруг дружелюбны и внимательны, меня знакомят с людьми, разговор идет о погоде, о пирожках с мясом, которые принесла какая-то женщина из правления колхоза вместе с растворимым кофе и кипятком, но с момента приезда меня не покидает странное нервозное состояние. Ничего подобного не было ни Утром, ни по пути сюда, а сейчас я не могу отделаться от

ощущения, что вокруг несутся вихревые потоки страха, тайного недоброжелательства, еще чего-то, чему я не могу найти объяснения и что действует угнетающе, диссонируя с внешне уютной и доброжелательной обстановкой.

Может быть, причина заключается в том, что я чувствую себя не подготовленным к Белокаменке. Не к ней самой - к тем разговорам, которые мне надо вести с людьми. Но я не знаю ни людей, ни о чем их спрашивать. Вероятно, я чувствовал бы себя стесненно и с Подскочим, если бы он здесь оказался, потому что самое трудное - задавать вопросы человеку, которого ты совсем не знаешь, причем вопросы о самом тайном и сокровенном. В таких случаях я не умею хитрить. Слава богу, следователя из меня никогда не получится, потому что всякий ловкий человек может обвести меня вокруг пальца, заставив поверить любой версии. Поверить сейчас, потому что мне стыдно ловить человека на противоречиях, стыдно говорить ему в глаза, что он лжет. Потом, когда я останусь один, все станет на свои места и уже ничто не помешает точному и безжалостному анализу, поскольку я буду оперировать категориями логики, а не меняющимися впечатлениями. И с Аржанцевым я хочу поговорить только для того, чтобы с чего-то начать. Начать с парторга - вполне оправданный с точки зрения окружающих ход. С одной стороны, он открывает мне свободу дальнейшего маневра (раз поговорил с одним, тем более с парторгом, можно и с остальными), а с другой - открывает шлюзы для случайности, которая всегда приходит на помощь в таких случаях.

Мне нужно сейчас представить себе Подскочего. Совершенно неважно, что мне расскажет Аржанцев,- главное я узнаю из личного дела бывшего председателя. Но ведь может быть и наоборот?

Мы сидим в крохотной комнатке колхозного экономиста. Напротив меня - пожилой человек с острым, настороженным взглядом. Он пенсионер. Последнее время исполнял обязанности электрика, возглавлял группу народного контроля. Парторгом колхоза его избрали на том самом собрании, где Маркиной за ее обращение в ЦК был вынесен выговор, теперь снятый комиссией горкома. Ну да, это же кабинет Маркиной! Видимо, и она только что здесь была? Я корю себя, что не догадался спросить о ней сразу, придется сделать это потом, а пока расспрашиваю Аржанцева о Подскочем. Поначалу электрик отвечает несколько односложно и уклончиво, но постепенно, как если бы решившись на что-то, становится разговорчивее. В его отношении к Подскочему явно чувствуется неприязнь, хотя он отдает ему должное как руководителю. Может быть, у них были

столкновения? О теперешнем председателе у него еще более резкое мнение. Впрочем, после статьи в "Североморской правде" иного и быть не может.

- ...Если коротко - порядочный, трудолюбивый человек, только абсолютно никудышный руководитель. Так и все говорят, можете спросить любого. Я считаю, его поставили сюда специально, чтобы кое-кому руки развязать. А Подскочий - тот был фигурой. Его спаивали самые ближайшие соратники. Кто? Был такой Осипенко, секретарь партийной организации; были его заместители - Бернотас, Куприянов, Алексеев. Последний раньше был председателем сельсовета, теперь у нас кадрами занимается, юрист... Бернотас был замом по флоту, Куприянов, которого привел Бернотас,- по подсобным промыслам. А судили одного Подскочего! Вот это-то мне и другим непонятно. За что этих-то оставили? За то, что они своего председателя топили, все на него валили? А главная для Подскочего была беда, что он согласился принять этот цех товаров народного потребления, меховой цех. С него все и началось...

Вот он, случай или ниточка, называйте как хотите. Аржанцев удивительным образом повторяет то, что было сказано териберским председателем. Колебания Аржанцева я могу понять: ведь он был выбран на свой пост теми, кого он сейчас, грубо говоря, "закладывает", и делает он это потому только, что в колхозе их уже нет и их имена выставлены на всеобщее обозрение газетой. Кроме того, парторг уверен, что мне известно столько же, сколько и газете, может быть, даже больше, и не в его интересах утаивать то основное, что я могу легко выяснить в горкоме.

- ...Со складов МКПП везли сюда сети, полушубки, шапки, меховые сапоги. И все это куда-то уходило на сторону. Я сам видел эти мешки, они стояли в кабинете у Алексеева, потом исчезали. А деньги отдавали Подскочему, и он их в сейф в кабинете клал. Когда была ревизия летом восемьдесят четвертого года, он в кассу две с половиной тысячи внес! К этому, значит, ОБХСС и прицепился как к хищению колхозных средств. Говорят, что и Бернотас вносил, но следствия не было, не знаю. А с цехом этим запутали так, что до сих пор разобраться не можем. У них на двести тысяч неликвидных материалов скопилось, говорят, погнило все...

Что там происходит с меховым цехом, на который последние дни меня все "наводят", мне не слишком интересно. Хотя бы потому, что пока он оказывается за пределами тех событий, которые я пытаюсь прояснить. И я осторожно возвращаю Аржанцева снова к рассказу о Подскочем. Мне не совсем понятно, что же произошло: вещи брали в колхоз, их продавали, деньги

отдавали Подскочему...

- Так он их тратил, эти деньги?

- Если брал, то, наверно, тратил! Только кто ж это может сказать? Все знают, что он их клал в сейф. А брал ли потом, сколько своих доложил, когда ревизия прошла,- это я не знаю...

Нарушение финансовой дисциплины - задержка оплаты по накладным. В то же время деньги хранятся в сейфе, в кабинете председателя колхоза. В чем тут причина? Зачем он их копил? И почему передавали деньги Подскочему, а не в кассу колхоза? Аржанцев ничего больше объяснить мне не может. Ревизией была вскрыта недостача, деньги были тотчас же внесены летом 1984 года, за нарушение финансовой дисциплины Подскочему и Осипенко были вынесены выговоры по партийной линии. Колхоз никакого ущерба не понес, и на этом все закончилось.

- А судили его за что же?

- За это самое и судили - за нанесение ущерба колхозу...

- Но колхоз никакого ущерба не понес?

- Не понес, верно. А судили за нанесение ущерба...

Так. Ситуация, уже отработанная на Стрелкове. Еще один знакомый "штамп" лапландского судопроизводства! Формальная сторона дела просветляется, надо теперь доискиваться до причины.

- А когда Подскочего сняли с председателей? После ареста?

- Нет, раньше. Никто не думал, что это произойдет, повода никакого не было. В феврале восемьдесят пятого года с него и с Осипенко сняли выговоры, должны были проходить новые выборы, и вдруг, пятого марта, Подскочего сняли вот за это финансовое нарушение. Арестовали его в апреле, а судили в феврале восемьдесят шестого года, до этого он полгода отсидел... Тогда же, в марте, вместе с ним освободили Алексеева от обязанностей председателя сельского Совета, а двадцать восьмого марта от обязанностей секретаря парторганизации освободили Осипенко. Те двое остались в колхозе, а Осипенко смекнул, что дело плохо, и уехал вообще... Ну а после суда Подскочий недолго пробыл. На него все накинулись - Бернотас, Куприянов, даже Алексеев с Олейником - и выгнали его из колхоза...

- Как вы думаете, Леонид Петрович, почему так произошло?

- Так он же всем им глаза мозолил! Он про них все знал. Вот и хотели от него поскорее освободиться. А кто за него вступаться стал бы? До решения собрания уполномоченных перевели из агрономов в ночные сторожа...

- Он агрономом работал?

- Да, МРКС специально для него эту должность в штатное расписание ввел... Сделали его ночным сторожем, а там он и сам

расчет взял. Конечно, не дело! Вот теперь взялись, за нас, может, почистят, легче жить будет...

Осторожно спрашиваю Аржанцева о Маркиной. К ней, как к своему предшественнику, у него плохо :крытая неприязнь, хотя он признает, что факты ею указаны правильно. И положение колхоза сейчас крайне тяжелое. Нет людей, способных к руководящей работе, строительство почти не ведется, корабли второй год в пролове, надо выходить из базы флота, но в отличие от "Ударника" и "Энергии" в колхозе нет специалистов, нет кадров, да и разместить командный состав флота негде. Единственное, по его мнению, спасение - слить колхоз с "Ударником". Тут флот попадет под крепкую руку Тимченко, и хозяйство сразу встанет на ноги: Белокаменка может стать отличной базой для выращивания телят.

- У Тимченко все давно организовано,- говорит с воодушевлением Аржанцев, и я вижу, что идею объединения колхозов, расположенных на одном берегу Кольского залива, не более двух десятков километров друг от друга, он вынашивает давно.- В Минькино прекрасный причал, складские помещения, Тимченко подобрал хороших специалистов, сам руководитель очень способный. Я его с шестьдесят седьмого года знаю, мы с ним вместе в "Ударнике" работали. Если туда вольемся - спасем хозяйство! И тоже не с пустыми руками придем. У нас шесть судов - это раз. Хорошая база для развития животноводства, лучше, чем у них,- это два. Три животноводческих помещения уже есть, на будущий год вступит в строй водопровод. Наконец, у нас около ста пятидесяти гектаров земель, пригодных для освоения,- это три. И большая их часть - у самой дороги. Если их поднять, засеять многолетними травами,- это сколько ж дешевого мяса можно иметь?!..

Картина соблазнительная и разом решает все вопросу - и кадровые, и экономические. Да только кто на нее согласится? После того, что наделали с "укрупнением" хозяйств, теперь одного слова "объединение" как огня боятся, пусть даже и явная польза видна. Главное же, колхозы находятся на территории разных районов. А это, как показала практика, куда большее препятствие для объединения, чем если бы они располагались по разные стороны государственной границы... Да и не мне это решать. Похоже, в "Северной звезде" даже хуже, чем можно предположить, после ухода Подскочего.

Рассказы Аржанцева содержат много "информации для размышления". Секретарь парторганизации совсем не прост, в этом я убеждаюсь все больше и больше. Он ведет собственную игру. По моей реакции на то, что он говорит, Аржанцев пытается

выяснить, что мне известно и с какими целями я приехал. Сначала он решил, что я хочу собрать материал на Подскочего; потом, усомнившись в этом и сообразив, что, скорее всего, меня интересует материал на теперешних руководителей, он не пожалел красок, чтобы очернить тех, о ком и так было сказано в газетной статье. Под конец мне кажется, что он принимает меня за совершенного простофилю, поскольку заступается за Бернотаса и Алексеева, которых "может быть, убирают зря". Что ж, в своих расчетах он достаточно дальновиден. Подскочего нет и, скорее всего, уже никогда не будет. А эти здесь, у них достаточно широкие связи, и они могут вывернуться из теперешней ситуации так же, как ушли от ответственности во время суда над своим бывшим председателем. Да и зачем, скажите на милость, с ходу раскрывать перед заезжим человеком все, что творится в Белокаменке? Пусть сам смотрит и думает...

Аржанцеву надо присутствовать на торжественной части. Я выключаю диктофон, благодарю его, и мы расстаемся не без сердечности, оба удовлетворенные результатами нашей беседы.

Я остаюсь в пустой конторе колхоза. Все ушли в клуб, где произносят приличествующие случаю речи, содержание которых всем известно и никого не интересует. Остается надеяться, что Олейник выполнил мою просьбу перепечатать приговор Подскочему, и теперь, выйдя в коридор, я прислушиваюсь, не раздастся ли где-нибудь знакомый стрекот пишущей машинки. Очень робко, явно непрофессионально, запинаясь и с долгими перерывами, машинка постукивает в конце коридора. На фанерной двери висит стеклянная табличка с надписью "Юрист".

Дверь легко поддается нажиму руки, и я вхожу.

В маленькой комнатке, где с трудом помещаются застекленный шкафчик, набитый бумагами в папках-скоросшивателях, два стула и небольшой письменный стол с машинкой, сидит довольно молодой человек приятной наружности с очень симпатичным, открытым, как говорят, лицом, на котором заметен даже румянец. Печатать он явно не привык. Во всех его движениях чувствуется скованность, и, прежде чем ударить по нужной клавише, он долго отыскивает ее взглядом. Глаза его почему-то испуганы, когда он поднимает их на меня, и, едва я говорю, что он может быть свободен, в них мелькает явная тень облегчения. Еще бы! Приговор занимает несколько страниц машинописного текста, а за прошедшие полчаса, не меньше, он напечатал едва полстраницы. Неужели в колхозе нет никого, кто бы печатал быстрее?

Я жду, пока он выбирается из-за стола, потом протискиваюсь на его место. Машинка, конечно, разбитая, клавиши западают,

едва я провожу по ним рукой, но это "Оптима", а для нее даже четверть века бесперебойной службы не страшны. Молодой человек уже шагнул в коридор, когда неожиданно для себя я спрашиваю его:

- Скажите, а как считаете вы: надо было выгонять Алексеева и Бернотаса? Лучше будет колхозу без них?

Секундой позже я соображаю, что мысленно еще продолжаю наш разговор с парторгом, к которому молодой человек никакого отношения не имеет. Но извиниться не успеваю. Меня поражает действие, которое оказала эта ничем не обязывающая фраза на моего визави. Он пошатнулся, ударившись плечом о притолоку, румянец разом исчез с его лица, и, пробормотав что-то вроде "не знаю", исчез. А что, в сущности, я сказал? Спросил про Бернотаса и Алексеева, работающего в отделе кадров... И тут до меня доходит, что это и был сам Алексеев, поскольку Аржанцев говорил мне, что у него юридическое образование, а на двери было прямо написано: "юрист"! М-да, нехорошо получилось... Просто бестактно. Взял и напугал человека. Да и как не испугаться: приехал некто из Москвы, когда еще идет следствие, посадил одного из действующих лиц перепечатывать текст судебного приговора Подскочему, словно бы нарочно заставив вспомнить все, что с этим связано, а потом, как в классическом детективе, подготовив обвиняемого к признанию, вопрос в лоб: а надо было вас выгонять?.. Ну да бог с ним!

Со Стрелковым, с Коваленко и Гитерманом мне проще разбираться. Читая документы, связанные с их делом, я все время представляю себе этих людей. Я могу их мысленно спрашивать и слышу их ответы с характерными для каждого интонациями голоса, вижу их лица такими, как если бы они сидели передо мной и мы вместе читали судебные приговоры. Но сколько я ни стараюсь, не могу припомнить Подскочего. Так, общие очертания: худая, подвижная фигура, пустой рукав пиджака засунут в карман и заколот булавкой. Совершенно верно, одной руки у него нет, инвалид 2-й группы. Только вот какой - правой или левой? В личном деле я нахожу несколько строк, написанных им самим, и по почерку, по наклону букв влево, по характерным их завершениям догадываюсь, что они написаны левой рукой. Правую он потерял на колхозном флоте после воинской службы на Северном. Тогда и перешел работать в аппарат правления колхоза в Териберке. Затем учился в школе председателей в Анапе, где познакомился с Коваленко.

Листая личное дело Геннадия Киприановича Подскочего, я впервые задумываюсь о возрасте председателей. Гитерман старше их всех, он уже три года на пенсии. Стало быть, Стрелков моложе

его на два или три года. Оба они чуть старше меня, а в общем-то - одно поколение, во время войны росли, хорошо знаем, что почем и сколько стоит фунт лиха, которое выпадало нам тогда "вагоном с маленькой тележкой" вместо хлеба, вместо картошки, вместо тепла и всего остального. Подскочий чуть моложе нас. Он родился в 1937 году в деревне под Витебском, белорус. Стало быть, тоже сполна хлебнул всего в детстве - войну, оккупацию, холод и голод, налеты карателей. Перед призывом на флот закончил сельскохозяйственный техникум - вот почему после потери руки он попал в управленческий аппарат колхоза, а потом стал заместителем председателя! В партию вступил в 1957 году, в девятнадцать лет, на Северном флоте. Председателем "Северной звезды" стал в 1973 году. Колхоз был в тяжелом состоянии, вероятно, еще хуже, чем сейчас, потому что не было судов, не было денег, платить людям было нечем. Не оттуда ли идут его столкновения с Аржанцевым? Упасть с должности председателя колхоза до электрика - все-таки болезненно. Как работал Подскочий потом, лучше всего показывают достижения колхоза, который он вывел из провала, ликвидировав задолженность. Он нарастил флот, поднял добычу, так что "Северная звезда" стала достойным соперником Минькино и Териберки, укрепил колхозные кадры, начал жилищное строительство, навел дисциплину в сельском хозяйстве и на судах... Так мне его и рекомендовали когда-то в МРКС: точен, дисциплинирован, исполнителен, требователен к себе и к людям.

Все это прямо противоречит тому концу, который постиг Подскочего. Ведь не мог человек сразу взять и переродиться! Окружение? Но окружение - это одно, а сам человек - совсем другое. Окружение Гитермана в МРКС бросало вполне определенную тень на своего председателя, но в каких бы злоупотреблениях тех ни уличали, Гитермана можно было обвинить разве только в определенной близорукости и излишней доверчивости к людям. Не так ли произошло и с Подскочим? Может быть, как раз здесь и следует искать то общее, что роднит его с делом председателя МРКС?

И вот - приговор.

Подскочего Г. К. обвиняли в "хищении общественного имущества на сумму 2194 рубля 95 копеек".

В общих чертах я знаком с делом по рассказу Аржанцева, но мне важно видеть, как это описывается в документе, который решил судьбу человека. Следствие установило, что с 1982 по 1984 год по доверенностям, подписанным Подскочим или его заместителями, Бернотасом и Куприяновым, со склада МКПП МРКС колхоз получал сети, полушубки, меховые шапки, меховые

сапоги. Полученное не оприходовали на складе колхоза, а продавали различным лицам, причем "деньги от реализации Подскочий присваивал себе". Значит, в сейф он не клал? Интересно. А кому продавал?

В тексте поименно перечислялись "граждане", и это было "маленькой хитростью", рассчитанной на то, что в случае ревизии материалов следствия и суда никто не станет интересоваться, что же это за "граждане", образовавшие клиентуру Подскочего. Между тем "гражданами" оказались весьма влиятельные лица: Н.А. Куприянов, заместитель председателя колхоза, а до этого - заведующий меховым цехом, заместитель директора и директор МКПП, который, таким образом, покупал через колхоз собственную продукцию; А.П. Мосиенко, начальник колхозной базы флота, распоряжавшийся колхозным флотом, ремонтом судов, океанским ловом - короче, главными доходами колхоза; Б.Л. Бернотас, заместитель председателя колхоза по флоту, а до этого - директор МКПП, покупавший опять-таки свою собственную продукцию через колхоз и контролировавший все колхозное строительство; А.С. Стефаненко, заместитель председателя МРКС по зверобойному промыслу, "и другие граждане", как записано в приговоре, из чего можно было понять, что их имена уже совсем "неудобны" для упоминания в судебном делопроизводстве.

В том, что они покупали что-то через колхоз, никакого криминала не было. Колхоз имеет право продавать свою продукцию или имеющиеся у него на складе предметы кому посчитает нужным. "Маленькая хитрость" состоит в том, что, покупая официально, эти люди вынуждены были бы платить вдвое дороже, тогда как колхозники покупали продукцию своего цеха по себестоимости. Главное же заключалось в том, что указанные лица брали не по одной "кукле" сетей, не по одной шапке или полушубку, для себя или для членов своей семьи: все это выписывалось неоднократно, в большом количестве и шло куда-то еще...

И тут в тексте судебного документа я обнаруживаю еще одну неточность. Согласно всем свидетельским показаниям, полученные за реализацию деньги Подскочий не "присваивал себе", как сказано выше, а клал в сейф, стоящий в его кабинете. Разница в этом есть, и существенная. О том, что Подскочий так делал, знали, оказывается, не только кладовщик, но и работники бухгалтерии. По их словам, они напоминали председателю о задолженности, но тот отвечал, что ждет ревизии. На "присвоение" это не похоже. Действительно, когда летом 1984 г. ревизия - не следствие, а ревизия МРКС! - обнаружила недостачу,

Подскочий внес в кассу всю сумму до копейки. На вопрос суда, почему он не вносил деньги сразу, Подскочий ответил, что не вел учет, не знал, сколько числится за ним долга, и ожидал ревизии, чтобы сразу с этим покончить. За такое нарушение финансовой дисциплины он получил выговор по партийной линии, однако никакого состава преступления в его действиях нет и виновным он себя не признает. Казалось бы, на этом и поставить точку. Нарушение было, однако не проступок. И все же, вопреки фактам, установленным следствием, все происшедшее суд квалифицировал "как хищение общественного имущества повторно путем злоупотребления служебным положением должностным лицом", а потому "при определении меры наказания суд учитывает тяжесть совершенного преступления, его общественную опасность, характеризующие данные по работе, его первую судимость, признание своей вины...". Вот тут я остановился в замешательстве: ведь Подскочий свою вину категорически отрицал, признавая только нарушение финансовой дисциплины, так что здесь налицо была такая же фальсификация, как и в деле Стрелкова, где показания Устинова прямо противоречили тому, что о них было сказано. Что же дальше? Итак, суд принял во внимание "то обстоятельство, что ущерб от совершенного преступления полностью погашен, и с учетом тяжести совершенного преступления считает...". Тут у меня, как говорится, лезут глаза на лоб, потому что вместо оправдания подсудимого следует: "...определить Подскочему меру наказания по ст. 92 ч. 2 УК. РСФСР - 3 года и шесть месяцев лишения свободы с отбытием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима".

Да что же это такое? Если это не полнейший произвол, не полное попрание закона, то я ничего не понимаю! И все это скрепляют своими подписями, свидетельствуя "гуманность и справедливость", народный судья Иванов, народные заседатели - "великие молчальники"! - Привалова и Старосик и прокурор Волхов, которые рассматривали дело Подскочего 5 февраля 1986 года в г. Полярный, в доме культуры "Полярник". Да, не хотелось бы мне встречаться с такой компанией не только что ночью в глухом месте, но и при свете дня... Три с половиной года в колонии усиленного режима! Ведь это издевательство над правосудием! Правда, словно бы спохватившись, далее следует: "В соответствии со ст. 4 п. "б" Указа ПВС СССР "Об амнистии в связи с 40-летием победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне освободить от наказания Подскочего как инвалида 2-й группы, дело производством прекратить".

Трагедия оборачивается фарсом? Но кому выгодно делать

фарс из правосудия? Кому-то выгодно! И я с досадой думаю, что этот вопрос - кому все это было нужно? - мне придется задавать и после того, как я закончу уже затянувшееся расследование, поскольку дело Гитермана и связанных с ним председателей обрастает новыми подробностями и деталями. В том, что дело Подскочего будет так или иначе связано с делом Гитермана, я уже не сомневаюсь. Кроме классического для античной трагедии "единства времени и места действия", я нахожу во всех этих делах один и тот же почерк, как если бы все это совершалось по плану, разработанному генерал-майором Данковым и его помощниками. Подскочего судили не для того, чтобы судить, а для того, чтобы оправдать его предварительное заключение с 16 апреля по 27 сентября 1985 года в "следственном изоляторе", как свидетельствует имеющаяся в деле справка следственного отдела УВД Мурманского облисполкома. Правда, оправдания как раз и нет. Все, что изложено в материалах следствия, было за год до этого установлено ревизией МРКС и содержится в делах бухгалтерий колхоза "Северная звезда", начиная от копий доверенностей и кончая приходными ордерами погашения задолженности. Никто ничего отрицать и скрывать не собирался.

Зачем надо было сажать Подскочего в "следственный изолятор"?

Подскочий подписывал доверенности, но вещи брали его заместители для себя и для "других граждан", то есть перепродавали. Почему же их действия не заинтересовали следствие?

Наконец, почему следствие не заинтересовали "другие граждане", которые использовали свое служебное положение для получения меховых вещей через колхоз? В числе "клиентов" Подскочего, как я могу видеть, исключительно начальственные лица, но о них здесь тоже ни слова не сказано! Получается, что нужен был именно Подскочий. Он один кому-то мешал, его надо было полностью дискредитировать. И тут на память мне приходят слова Аржанцева, что Подскочий уже не был председателем колхоза, когда его арестовали: за месяц до этого его неожиданно для всех сняли с должности председателя безо всякой видимой причины. Больше того, перед снятием с должности с него партийной организацией был снят выговор за нарушение финансовой дисциплины, т. е. за то, за что его судили. И опять-таки непонятно: если бы Подскочий действительно совершил преступление, то почему следственные органы; которые были тотчас же поставлены в известность о недостаче, не принимали никаких мер к нему более полугода? Не было надобности? А что же за надобность возникла потом?

Еще один документ - протокол заседания правления колхоза "Северная звезда" от 18 февраля 1986 г. Заседание состоялось через две недели после суда над Подскочим. Он был амнистирован, дело прекращено, Подскочий вернулся к своим обязанностям агронома в колхозе. Обычно протоколы пишут достаточно дипломатично, сглаживая острые "углы" и пряча "концы". Здесь этого не было сделано. С удивительным единодушием собравшиеся - председатель Л. М. Олейник, его заместители Б. Л. Бернотас, Ю. Н. Алексеев и В. Ф. Ляшков - поддержали предложение Н. А. Куприянова исключить из колхоза "агронома Подскочего" за "развал колхозной работы и хищение общественного имущества", т. е. за то самое, что совершали они сами и за что Подскочий был уже амнистирован. Похоже было, как сказал. Аржанцев, что собравшиеся пытались как можно скорее избавиться от своего бывшего председателя. Но какую угрозу он представлял для них в своем теперешнем положении? Он был лишен власти, был знающим специалистом, в котором нуждался колхоз, лучшую кандидатуру на это место найти было невозможно. Подскочий готов был работать и не претендовал ни на что другое; стало быть, им мешало само его присутствие. Правление колхоза сделало то, что не смог выполнить суд?

Убеждали меня в этом и приведенные в протоколе слова Подскочего, что решение правления - это личная месть со стороны Куприянова и Бернотаса. Месть - но за что?

Ответить на этот вопрос мог только сам Подскочий. Где он сейчас? Никто не знал об этом сколько-нибудь определенно. Одни говорили, что он уехал в Североморск, другие - что он поехал на Кубань или в Ростов-на-Дону. В горкоме узнавать было бесполезно, поскольку его, так же как Стрелкова и Гитермана, предварительно исключили из партии и на учете он уже не состоял. Теперь я не удивляюсь, что в деле Подскочего ничего не сказано о Гитермане: у Коваленко тоже ничего нельзя найти, хотя держали его в тюрьме именно для того, чтобы он показал на председателя МРКС. К тому же и суд над Подскочим был уже в феврале 1986 года, после. XXVII съезда партии, когда судьи начали осторожнее обращаться со своими подопечными. Не отсюда ли эта двойственность приговора: для местного начальства - "на полную катушку", в лагерь усиленного режима; в соответствии с "веяниями времени" - амнистировать... Получалось, что и волки сыты, и овцы целы!

Я сижу, задумавшись, над текстом приговора, размышляя, что же теперь делать, как дверь осторожно приоткрывается и в комнату проскальзывает - иначе это не назовешь - еще сравнительно молодая женщина с короткой прямой стрижкой,

волевым лицом и пристально смотрящими на меня глазами. От взгляда этих глаз мне делается несколько не по себе. Не отрывая от меня гипнотизирующего взгляда, женщина бесшумно закрывает за собой дверь и делает два шага к столу, сжимая в руках кожаную коричневую сумочку. "Сейчас она вытащит из сумочки пистолет..." - мелькает идиотская мысль, но вместо этого она наклоняется ко мне и в упор спрашивает:

- Вы - Никитин?

Мне приходится в этом сознаться, хотя уютнее не делается. В самом деле, что у нее там в сумочке?

Несколько секунд мы продолжаем молча смотреть друг на друга, потом женщина все так же негромко произносит:

- Мне надо с вами поговорить...

Я делаю приглашающий знак рукой, указывая на стул, но она останавливает меня жестом, показывающим, что у здешних стен есть уши.

- Не здесь! Нам сказали, что вы приедете в Белокаменку, и предупредили, чтобы с вами не говорить...

- О чем? О Подскочем?

- Обо всем. Я хочу рассказать вам, что у нас творится, чтобы вы все знали. Завтра я буду в Мурманске, назначьте мне время и место.

- Вы - Маркина? - догадываюсь я.

- Да. Я - Маркина. Это я писала в ЦК, писала в обком, а теперь хочу поговорить с вами. Я все расскажу!

Интересный поворот. Пожалуй, в Белокаменке мне уже нечего делать. Пусть успокоятся все, кого так взволновал мой приезд. Поразмыслив, я диктую Маркиной номер своего телефона и уславливаюсь, что завтра утром она мне позвонит, решив провести эту встречу не в гостинице, а в редакции "Рыбного Мурмана". Георги будет не против, Маркина - тоже, а рассказ ее может редакции пригодиться.

Маркина уже возле двери, но я останавливаю ее:

- Галина Александровна, один только вопрос. Скажите, пытались ли обвинить Подскочего в получении взяток и связывали ли его как-то с Гитерманом?

Она оборачивается.

- Конечно. За это мы его из партии исключали, нам так и сказали перед собранием. И, представьте себе, ни тот, ни другой вопрос на суде даже не всплыл, так их кто-то глубоко упрятал! Не беспокойтесь, я вам все расскажу!

И дверь за ней тихо закрылась. Что ж, все сходится. Взятка - одно из действий, вызывающее большее презрение, чем воровство. Оно кладет на человека клеймо жадности и

продажности. Воровство, тем более хищение - гораздо сложнее. За взятку человек переступает через самого себя. В воровстве, в хищении, в ограблении есть какой-то элемент вызова обществу, псевдоромантика "благородного разбойника". Взятка - духовное растление. И обвинение во взятке страшно потому, что "доказать" его много легче, чем опровергнуть. Особенно если оно фальсифицировано показаниями двух "раскаявшихся участников", пришедших с повинной. Два лжесвидетеля, хорошо подготовленные следствием,- и человек обречен. Обвинение во взятке за последнее время стало своего рода отмычкой для беззакония, причем особая эпидемия обвинений прошла как раз в 1985 году. В тот год начала перестройки действительные взяточники проходили полками и батальонами через руки следователей - где же было разобраться, что среди них замешан десяток-другой честных, но оклеветанных людей? Обвинением во взятках сводили счеты, расчищали нужные места, убирали свидетелей преступлений, добывали награды... много чего делали!

Генерал-майор Данков, задумав дело Гитермана, прекрасно знал, как его надо обставить. Он знал, что, обвини он Гитермана в хищениях, ему никто не поверит, потребуют доказательств, ревизий и тому подобного. Но взятка! Кто решится с ходу отвергать ее вероятность? Кто рискнет "замараться" заступничеством за взяточника, если обвинение окажется доказанным? Не потому ли и первый секретарь Мурманского обкома Птицын, когда к нему на следующий день после ареста Гитермана пришел депутат Верховного Совета СССР, начальник "Севрыбы" Каргин, спрашивавший, стоит ли ему, опираясь на полномочия, требовать "осторожности" в отношении Гитермана, посоветовал "не ввязываться", чтобы их обоих не обвинили в оказании давления на правосудие... И Каргин не "ввязался". Вот почему генерал-майор Данков, не имея на руках абсолютно никаких доказательств, беспардонно объявил партийной организации МРКС об "изобличении во взятках" их председателя, повторив то же самое в отношении Подскочего в горкоме Полярного. То есть, намеренно оклеветал их, используя свое служебное положение.

Другое дело суд. Он просто не мог принять к слушанию дело, по которому нет фактов. А суд нужен был во что бы то ни стало! И такой, по которому не пришлось бы оправдывать подсудимого. Поэтому основания для возбуждения дела полностью заменяются. По словам Коваленко, когда его судили, даже имя Гитермана произнесено не было, поскольку того судили за "должностной подлог", к которому ни он сам, ни тем более Коваленко не имели

никакого отношения. Что было со Стрелковым, я еще надеюсь узнать в Ленинграде. Подскочего исключали из партии из-за Гитермана, но потом с ним поступили так же, как с Коваленко: никаких следов упоминаний Гитермана и взятки в приговоре нет. Групповое дело не получилось - сделали дела индивидуальные... И -о разбежались.

...На встречу с Маркиной я иду, чувствуя себя усталым и разбитым. Так все сходится - погода, настроение, оставшееся от предшествующего дня, чувство неудовлетворенности самим собой... Мурманск снова прикрыт серой и мокрой полой очередного циклона. Крупные капли дождя хлещут по льду и лужам, сырая зыбкость проникает до костей. Выйдя из гостиницы, я привычно бросаю взгляд на громадный кирпич универмага "Волна", в который за все эти годы я так и не успеваю заглянуть, и, подобно остальным мурманчанам, начинаю скользить по обледенелым мокрым тротуарам. Тоже мне "Заполярье из сказки"... И все это - не погода, а мое настроение - связано с посещением Белокаменки. Кое с кем из колхозников мне все же удалось поговорить.

Плохо там, действительно плохо! Люди никому не верят, говорят о пьянстве и воровстве нынешнего руководства: бросились хватать все, лишь только посадили Подскочего, который их в узде держал. А теперь хозяина нет, контроля нет, ревизии поверхностные, если что и вскрывают, то тут же заминают. Милиция из Полярного приезжает в колхоз только за молоком, мясом, шапками да еще семгу ловить в их единственном ручье... Строить нечего, нет материалов и рабочих рук. От бесхозности пошли пожары: сгорело два дома, детский садик, а виновных нет, тушить было нечем, все оказалось неисправным, да и руководство теперь

нет стр. 376-377

него хорошего не было, насовали ему из РКС вот этих, они его и погубили!

- Разве он не сам себе заместителей подбирал?

- Что вы! Это все сверху ему подсовывали! Сам- то он их, конечно, не взял бы...

Что-то в интонации Маркиной заставляет меня подумать, что сейчас она особенно остро ощущает свою вину перед Подскочим. По ее словам можно понять, что раньше она говорила о нем совсем иначе. И в горком жаловалась. Своими руками расчищала дорогу тем, кто потом с ней соответствующим образом рассчитался. Впрочем, не сразу. Ведь она стала парторгом вместо

Осипенко, она проводила исключение Подскочего из партии, она, по-видимому, всем и везде говорила о "хищениях" Подскочего.

- Галина Александровна, вот вы упоминали о том, что Подскочий себе деньги присваивал. Разве он ими пользовался? Ни в акте ревизии, ни в приговоре ничего об этом не сказано.

Маркина испытывает замешательство.

- Но ведь если он не сдавал их в кассу, значит, он их себе присваивал? И потом, знаете, у него молодая жена, она часто меняла наряды. Если в магазин привозят что-то импортное, она всегда первая смотрела. Да и у самого Подскочего было несколько костюмов...

Господи, как это все по-женски!

- А в колхозе знали, что деньги у него и он задолжал в кассу?

- Конечно, знали! И кладовщица ему об этом напоминала, и бухгалтер при мне не раз говорила, а он только улыбнется и скажет: подождите, вот будет ревизия, все до копейки отдам...

- И отдал?

- Конечно же, отдал! А что ему было делать? Еще и сам вторую ревизию провел...

Почему Подскочий клал деньги за проданные вещи в сейф? Ведь мог же сразу передавать в кассу! То, что с его стороны никакого злого умысла не было, можно видеть по тому, что все об этих деньгах знали и сам он о них говорил спокойно. И, что очень существенно, внес он их сразу, а не по частям. Это значит, что они имелись в наличии, дожидаясь этого момента, потому что, если бы Подскочий их тратил, ему пришлось бы брать из своих.

Зачем он их копил в сейфе? Если бы он их потратил, мне было бы понятно и тоже в какой-то мере нашло бы оправдание. Чтобы понять, как часто председателю колхоза позарез нужны "живые" деньги, нужно знать его повседневную жизнь, которую можно назвать непрерывным бегом с непреодолимыми препятствиями, тем более если ты честен. Деньги нужны на представительство, на какую-то срочную покупку, на оплату чрезвычайно важной именно в данный момент услуги. Здесь нет ничего криминального. Просто действующие правила и инструкции не позволяют колхозу пользоваться имеющимися на его счету деньгами так, как это необходимо в хозяйстве. Но жизнь берет свое. И правление колхоза во главе с председателем и бухгалтером, собравшись и взвесив все угрожающие им статьи уголовного кодекса и банковских инструкций, начинает искать обходы и лазейки, потому что требуют жизнь и тот самый "план", ради которого - во всяком случае так считается - эти инструкции составлены. За примером далеко ходить не надо, стоит вспомнить Стрелкова с поставленной перед ним задачей голыми руками

отремонтировать технику к сроку или Коваленко с электрощитами, которые государство не могло ему найти для дома. Не платить же и за это из собственного кармана? Кстати, все они всё равно платят. Тот же Тимченко признавался, что свою зарплату в день выплаты он никогда не видит - все выбирает авансами и редко когда приносит домой хотя бы половину. А зарплата у него не такая уж маленькая. И разве только председатели колхозов в таком положении? Каждый хозяйственник, каждый руководитель, каждый начальник экспедиции.

Итак, Подскочий деньги в сейф клал, но не брал. Постойте, а почему вообще ему передавали эти деньги? Судом, а стало быть, и ревизией, было точно установлено, что ***ему передавали*** деньги за вырученные товары. Не он сам их брал, не он требовал, а ему передавали! В приговоре об этом сказано. Но почему же никто не задал вопроса свидетелям, которые это делали, то есть заместителям Подскочего, Куприянову и Бернотасу, почему они сами не передавали деньги прямо в кассу колхоза? Не здесь ли следует искать разгадку?

Я спрашиваю об этом Маркину. Она пожимает плечами:

- Наверное, так он им сказал...

- Почему же тогда на суде об этом ничего сказано не было? Если бы он принуждал их к этому, тогда все стало бы понятным...

По ее мнению, это уже детали, которые никого не интересуют. Факт был? Был. Деньги передавали? Передавали. Он не внес в кассу? Не внес. Была задолженность? Была. О чем тогда говорить?! Гораздо больше Маркину волнует все, что происходило потом, когда после ареста Подскочего у нее, только что избранной парторгом колхоза, начались конфликты с Бернотасом, который заправлял всеми делами. Столкновения этого не могло не быть, потому что вместо улучшения, как она надеялась, пошел полный развал хозяйства, направляемый новым руководством. Но теперь обращения Маркиной в горком и в МРКС воспринимались как начало открытой войны. Ее стали выживать из колхоза. Попытались судить товарищеским судом - не вышло. При непонятных обстоятельствах загорелась ее квартира, где она жила с матерью, вскоре умершей,- и она осталась фактически на улице, поскольку квартиру отказались ремонтировать за счет колхоза, а расследования так и не было. Но главное, что она хочет нам рассказать,- это положение в меховом цехе. Тут я уступаю место Георги. Ему должно быть более интересно, чем мне, поскольку это прямой материал для газеты.

- Знаете, какой это источник моральной заразы? - волнуясь, говорит Маркина о цехе.- Официально его называют "цех товаров

народного потребления"...- Она делает ударение на слове "народного".- А какому народу идут все эти шапки и полушубки? Только начальству! Колхозники их и не видят, на их имя только оформляют, а все налево идет. Знаете, мне в мехцехе говорили, что есть такой в "Севрыбе" Несветов, так вот он всем этим командует...

- Несветов? Но какое отношение он может иметь к колхозному мехцеху? - удивленно спрашивает Георги.- Раньше он был начальником отдела по делам колхозов, но в колхозные дела вмешиваться прямо так не мог...

- А он сам и не вмешивался, для этого у него Куприянов и Бернотас были! - отвечает Маркина.- Сами они вроде экспедиторов, исполнители: тому отпустить, этому продать, в Прибалтику отвезти. У нас же только шьют, а кожу и меха выделывают в литовском колхозе "Накотнэ". Причем знаете, на каких условиях? Половину на половину! За то, что они выделывают, они оставляют себе половину нашего сырья. Конечно, не худшую половину! И учета никакого не ведется. Мне вот говорили, что они отправляют сырье по весу, редко по штукам, безо всякого дециметража...

- А это что такое?

- Ну, это обмер площади шкуры, в дециметрах. И так же получают. То есть там сколько хотят, что хотят, то и берут. В цехе мне говорили, что идет все время пересортица: маркировка не соответствует ни сорту, ни площади шкуры. А раз меха не учитывают, тут что хочешь, то и делай. В каждой партии - сто или двести шкур лишних, это еще в восемьдесят втором году работники ОБХСС нашли. И ничего: завели дело, потом закрыли. Из Москвы кто-то приезжал, составил акт, а потом пришел в цех и говорил, что, мол, никакого преступления нет, это личные шкуры Куприянова, дескать, он их посылал, а там спутали. А откуда у него двести шкур? В следующем году у Куприянова приписки обнаружили - и тоже ничем дело кончилось, все акты исчезли в ОБХСС и в прокуратуре. И не только по этому делу. Все, что мы из колхоза передавали в прокуратуру, если это касалось мехцеха и МКПП, сразу же прикрывалось!

- Но почему, Галина Александровна?

- Как почему? Да потому, что у Бернотаса дружки в прокуратуре! Говорят, ему даже право на ношение оружия выдали, как внештатному сотруднику ОБХСС. А потом - это вспоминали все! - за несколько дней до ареста Гитермана они говорили в меховом цехе, что в МРКС скоро будут большие перемены. Откуда они могли это знать, как не из прокуратуры?

Вот это уже любопытно. Я начинаю с большим вниманием

прислушиваться к Маркиной. Не такие уж простые, выходит, эти ребята, успевшие примелькаться мне во всех "делах" МРКС.

- А над всеми ними,- продолжает рассказывать Маркина,- есть человек в Минрыбхозе СССР, Касьянов, специалист по мехам. Он всеми ими командует - куда посылать меха, куда не посылать. Работники нашего мехцеха сколько раз говорили, что колхозу не выгодно отправлять шкуры в "Накотнэ". Технолог Лысанова и экспедитор Антоненко нашли другой цех по выделке, тоже в Прибалтике, который брался выделывать сырье только нашего колхоза и за деньги, причем качество обработки там гораздо лучше и дешевле... Так что поднялось! Ни в какую! А когда Лысанова выступила с разоблачением злоупотреблений, например, что расход сырья показывают в два раза больше, чем его идет в дело, ее сразу же уволили. Восстановили только после обращения в ЦК. И все это время Бернотас уговаривал кладовщицу сказать на Лысанову, что та, мол, у нее что-то украла...

- Чем же все это кончилось? - спрашиваю я.

- Восстановили. Но полгода она без работы проходила. И ни с кого не спросили, почему так случилось. Первая ревизия без нее была. Ведь у нас ни одной ревизии за четыре года не было, сколько мы об этом ни просили. Начнут ревизовать - и бросят. Вот сейчас начали считать, и что оказалось? Перерасход за один восемьдесят пятый год на четыре тысячи рублей; по меховому сырью на складе недостача шесть тысяч и столько же излишков; по готовым изделиям недостача на полторы тысячи рублей... Там чуть ли не на двести тысяч скопилось неликвидов, которые уже ни на что не годны! Вот так и хозяйствовали. А ведь Бернотас и Куприянов не только начальство шапками снабжали, они и торговали. Куприянов продавал через магазин общества охотников. И вы знаете что? Ведь эти шапки совсем с другим подкладом, чем в нашем цехе шили! Откуда он их брал? Получается, что был еще один цех, подпольный, для которого и шли неучтенные шкуры, так?

В подтверждение своих слов Маркина передает нам копию своего письма в ЦК и копию постановления МРКС по материалам ревизии мехового цеха. Факты здесь вскрыты, действительно, впечатляющие, и можно понять, почему кто-то так старательно отводил меня от мехового цеха. Но сейчас меня больше интересует фраза Маркиной, что Куприянов торговал шапками именно через магазин общества охотников. И вот почему. Когда в Москве я спросил Гитермана о Подскочем, тот между прочим сказал мне, что никак не может понять, почему у Шаповалова и Несветова был какой-то "зуб" на председателя "Северной звезды".

Дело в том, что еще в восемьдесят четвертом году Несветов при поддержке Шаповалова добивался у Гитермана замены Подскочего неким Жадиным, председателем мурманского общества охотников и рыболовов. Но снимать Подскочего не было никаких оснований, он и его колхоз работали хорошо, и Гитерман категорически отказался от подобной замены.

- Кстати, никогда не мог понять, откуда в цехе собачий мех, из которого они шьют шапки,- замечает Георги.- Белёк, нерпа, хохлуша, даже пыжик - все это понятно, а вот собаки откуда?

- Но Куприянов же охотник! И он, и Бернотас отстреливали собак прямо в Мурманске, на помойках, да и везде, где только могли, если те были без хозяев. Отсюда у них и шкуры. Ну, наверное, что-то прикупали со стороны, у таких же охотников...

- Галина Александровна, а когда в колхозе появился мехцех и когда к вам пришел работать Куприянов из МКПП?

Она припоминает.

- Одновременно. Это было в мае восемьдесят четвертого года.

- Бернотас был уже у вас?

- Да. Он и уговорил Подскочего взять Куприянова и этот цех в колхоз. Кажется, по этому поводу приезжал сам Касьянов из Москвы и тоже уговаривал...

- А где сейчас Куприянов? О нем в "Североморской правде" ничего не было.

- Точно не знаю. Почти сразу же, как он пришел к нам, была проверка, у него обнаружили недостачу, он стрелялся и, таким образом, избавился от следствия. По бюллетеню ему платить за самострел не имели права. Тогда он достал направление, уехал в Москву, там Касьянов помог ему лечь в больницу, а его бюллетень привез сюда для оплаты. Сам же по нему и получал. Потом мы просто переводили ему деньги. Последние два года он больше в Москве жил, только наезжал сюда. Говорили, что женился на работнице министерства. А теперь вроде бы вообще от нас ушел, устроился в "Накотнэ", куда отправлял шкуры...

Любопытно. Особенно если проследить места деятельности Бернотаса и Куприянова. Они оказываются неразлучны и нераздельны, как Кастор и Поллукс, Орест и Пилад, Миров и Новицкий, Штепсель и Тарапунька... Бернотас в восемьдесят третьем году уходит из МКПП в "Северную звезду", а в восемьдесят четвертом перетаскивает туда заместившего его Куприянова и меховой цех, которым поначалу тот же Куприянов и руководил. Именно тогда Несветов и Шаповалов пытаются заменить Подскочего человеком, через магазин которого Куприянов продавал продукцию мехового цеха. Значит, центром дела оказывается не Подскочий, а меховой цех? А какова тогда

роль Подскочего? Ведь он пострадал в конечном счете от этого же цеха, от продажи его изделий. Если бы он сам торговал или брал вырученные деньги - все было бы понятно, в том числе и неприязнь заместителей к председателю: не поделили выручку. Но здесь что-то другое. Что? Никак не могу понять!

А если зайти с другого конца? С одной стороны, люди, которые используют меховой цех как средство для наживы; с другой стороны, председатель, который оказывается честным человеком, потому что не присваивает деньги за проданное, которые ему передают. Что рано или поздно должен сделать честный человек, если он действительно человек принципиальный и порядочный? Вероятно, разоблачить махинаторов или хотя бы им помешать. Тогда происходит расправа. Тогда возникает протокол собрания правления, на котором Подскочего решают исключить из членов колхоза вообще, а пока переводят в ночные сторожа, понимая, что он сам не стерпит такого издевательства и уйдет. Тогда оправдываются слова Подскочего, что это "личная месть со стороны Куприянова и Бернотаса", и справедливы слова Аржанцева, что сообщники не могли оставлять в Белокаменке бывшего председателя, который знал все их проделки.

Я спрашиваю Маркину, не думает ли она, что Подскочий мог мешать Куприянову и Бернотасу.

- Ну конечно же, я же вам о том и говорю! - подхватывает она с оживлением.- У нас работал экспедитором Александр Мефодиевич Мирошниченко. Когда было собрание уполномоченных, он при всех рассказал, что Куприянов и Бернотас говорили о Подскочем: дескать, ты не долго продержишься, мы тебя все равно утопим! Подскочий хотел порядок в цехе навести, Бернотаса посылал в море, поскольку тот флотом должен управлять, ревизию начал в цехе... Нет, он им мешал, всем мешал! А главным в их группе - я убеждена - был Бернотас. Он Подскочего ненавидел...

"А потому изгнал его из колхоза",- мысленно завершаю я оборванную Маркиной фразу. Колхоз? Но зачем Бернотасу нужен был колхоз? Я не разделяю уверенности Маркиной относительно Бернотаса, что тому обязательно надо было стать председателем колхоза. Судя по всему, что я узнал о нем за это время из самых разных источников, Бернотас представляется мне достаточно умным, чтобы, добиваясь власти, не добиваться ответственности. Руководитель - всегда уязвимая фигура. Если хочешь заниматься прибыльным делом, лучше уйди в тень. И все же колхоз был ему нужен - именно колхоз, а не МРКС или МКПП.

Маркина еще долго рассказывает о бедах Белокаменки,

Георги записывает, уточняет, задает вопросы, но я уже не слушаю, отдавшись своим мыслям, которые сейчас принимают несколько неожиданное направление. Факты, которые сообщила Маркина, не просто дополняют уже известные. Они словно приоткрывают дверь, ведущую на другие этажи дела Гитермана, о существовании которых еще недавно я не мог предположить. Но туда я не собираюсь идти. Самая неотложная задача сейчас - разыскать Подскочего: в его личном деле, на справке о выплате окончательного расчета, я обнаружил адрес, по которому ему выслали трудовую книжку. Похоже, это где-то в Молдавии.

8.

Оставшиеся дни в Мурманске летят столь же стремительно, как меняется погода. Ничего существенно нового они не приносят. Здесь мне делать уже нечего: все, что меня интересовало, в основных чертах выяснить удалось. Остались детали, которые я надеюсь уточнить со Стрелковым в Ленинграде и с Подскочим, если удастся его найти. Впрочем, сам я по-прежнему не уверен в благоприятном исходе предпринятого. Гитерман в Мурманске, я был у него, говорил с ним, выяснил еще несколько мелких фактов по его делу, но на меня произвело тягостное впечатление его состояние. Причины есть: в очередной раз жалоба на произвол вернулась из Москвы в тот же областной мурманский суд. Дескать, на вас жалуются, вы и разбирайтесь, а мы знать не хотим, что у вас там происходит... Если в республиканской прокуратуре так относятся, то где же искать справедливость? Кто согласится сам себя высечь?! Коваленко сказал, что он ничего больше делать не будет, это все равно, что скалу головой бодать. Стрелков, как говорили в Чапоме, выразился по этому поводу еще крепче. Поэтому о своем визите в обком я Гитерману даже не упомянул, хотя протекал он весьма любопытно и наводил на всякие размышления.

Встречен я был там настолько тепло и радушно, что невольно покосился через плечо: может, за мной еще кто вошел? Однако разговор и дальше шел самый дружеский. Мои собеседники с воодушевлением говорили о перестройке, которая охватила, по их словам, все стороны жизни Мурманской области; коснулись сложностей, которые вызвало создание ВОРКа, поскольку резко ухудшилось снабжение колхозов промысловым оборудованием и строительными материалами. Мне намекнули, что вопрос - нужен ли ВОРК вообще? - стоило бы поднять в центральной прессе. Словом, все шло как нельзя лучше, но тут я возьми да и брякни:

- А Гитермана-то когда реабилитировать думаете?

...М-да, всегда надо помнить, что мы гости не только в сей юдоли скорби, как называли когда-то поэты и проповедники нашу грешную землю, но и в находящихся на ней вышестоящих организациях. Нехорошо сказал я, нетактично... Реакция оказалась бурной и недвусмысленной. Я услышал от Первого и про "золотой чемоданчик", якобы изъятый у председателя МРКС, и о том, что Гитерман купил всю прокуратуру, следствие и суд... Передо мной вывалили все те слухи, которые были пущены в "народ" при его аресте. Подскочий, по их словам, тоже был преступником, прямо изобличенным. Зато в отношении

Стрелкова и Коваленко я встретил полное понимание. Меня заверили, что ни к тому, ни к другому претензий нет. Коваленко уже восстановлен в правах, Стрелкова постараются восстановить при первой возможности. Что же касается Гитермана...

Но тут я поспешил откланяться, заметив, как снова начинает багроветь лицо Первого...

Гитерману мне нужно задать два вопроса.

- Юлий Ефимович, вы с самого начала задумали открыть цех пошива меховых изделий без цеха обработки сырья?

Он хмурится, пытается вспомнить, потом решительно говорит:

- Нет, почему же... Идея цеха возникла не сразу. Ее подсказал нам кто-то со стороны, когда мы уже начали строить зверобойку, но вот кто? - убей бог, не помню. Скорее всего, кто-то в Минрыбхозе. Конечно же, я рассчитывал, что у нас будет и свой цех обработки, но потом меня убедили, что он вовсе не нужен, гораздо выгоднее обрабатывать шкуры на стороне, и я согласился. Ведь я им в общем-то не занимался, все силы были брошены на зверобойку в Чапоме. И я совсем не хотел расширять производство меховых изделий, чтобы выходить с ними на рынок - только для собственных нужд, для колхозов, МРКС, для севрыбовского начальства... А почему это вас заинтересовало?

- Простое любопытство. И еще один вопрос, если позволите. Кто вам рекомендовал Бернотаса директором МКПП?

Гитерман отвечает не задумываясь:

- Немсадзе.

- А Куприянова?

- Бернотас. Это вам что-нибудь говорит?

- Еще не знаю. Впрочем, скорее всего, к вашему делу это не имеет никакого отношения...

Теперь мой путь лежит в Ленинград, где меня ждет Стрелков.

Все недолгое время полета я размышляю о будущем северных рыболовецких колхозов. Никто не мог мне сказать что-либо определенное об их судьбе - ни Каргин, ни Голубев, ни Мурадян, ни Савельев, у которого в Ура-губе мы побывали вместе с Георги. Всех согревали надежды на какую-то новую, лучшую жизнь, связанную с перестройкой, с какими-то новыми отношениями между колхозами и государством; и все испытывали сомнения в том, что из этого получится, потому что слишком часто подобные перемены приводили к еще худшему результату.

Но главное, никто не знал, что делать и как делать.

Хотя со всех областных и даже районных трибун призывали к инициативе и перестройке жизни и работы, ничего конкретного сделать было нельзя, потому что сама жизнь от начала и до конца

определялась старыми законами, постановлениями и инструкциями. Их никто не отменил. Получалась та самая "демократия без фондов", о которой говорили Каргин и Голубев. Все это вызывало огромную путаницу и неразбериху, само же дело пробуксовывало на месте: "пары" не находили поршня, который могли бы толкать, и маховик крутился вхолостую. Вот почему, собираясь из Мурманска в Ленинград, а потом в Москву, я, с одной стороны, как и все, испытываю чувство надежды и радости, что провозглашена долгожданная свобода хозяйствования на принципах демократии, а с другой стороны, вижу, что ничего не изменилось и жизнь бежит по прежней накатанной колее, подпрыгивая на кочках и кренясь на ухабах, которые становятся все глубже и все круче...

Стрелкова в Ленинграде я нахожу не сразу. Сначала выясняется, что у меня не домашний, а служебный телефон его дочери. Сама же она больна, и ее адрес мне дать не могут. Тем не менее через два дня я сижу в просторной и совсем пустой квартире, куда только недавно переехала дочь Стрелкова с мужем и маленьким сыном. Вид Петровича радует меня. Мне кажется, что он стал словно бы выше, скинув со своих плеч непомерной тяжести ношу колхозных забот. Мы пьем чай за маленьким столиком, вспоминая прежние встречи. Анфиса Ивановна, его жена, занятая с внуком, заходит из соседней комнаты спросить, не надо ли еще чего подать, и снова уходит, чтобы не мешать разговору. Петрович посмеивается над своими переживаниями, но видно, что рана болит, и я чувствую, как горько и стыдно пожилому помору за те унижения, которые ему пришлось перенести во время следствия и суда. Ох, как жесток бывает человек к себе подобному!

Впрочем, к подобному ли себе? Нет, никак не могу я уподобить Петровича, державшего треть своего века разваливающуюся и гибнущую Чапому, тем людям, которые допрашивали его, которые вновь и вновь возбуждали против него дело и, наконец, его осудили. Или Кожину, требовавшему исключения Стрелкова из партии. Колхозные коммунисты были не одиноки в своей оценке деятельности Стрелкова, когда отказались его исключить из партии. То же произошло и в райкоме, на партийной комиссии.

- Пригласили меня,- рассказывает Петрович,- как да что. Я рассказал. Они посовещались и говорят: если таких коммунистов судить, то что вообще будет? Знают же они меня, сколько годов уж работаю, в партии двадцать семь лет... А потом вызвали на бюро райкома и сразу - положь билет! Даже разговаривать не стали. Ну, я положил, заревел, конечно, и вышел... Уж очень,

знаешь ты, обидно стало, что так с тобой обращаются! А потом решил: не хотят, чтобы я был,- и не надо! Так доживу...

Голос у Петровича начинает дрожать, он отворачивается, лезет в карман за платком и вытирает навернувшиеся слезы. Выдержав паузу и дав ему успокоиться, я спрашиваю, не было ли во время следствия попыток связать его с Гитерманом.

- Во время следствия - нет, не было. А вот потом вызывали.

- Когда, Петрович?

- Так, через месяц после суда. Меня судили в Умбе в конце марта, а это было, наверное, в середине мая. Там вот что получилось. На последнем собрании уполномоченных в МРКС я зашел к Гитерману, чтобы квартиру в Мурманске попросить для нас с женой, когда на пенсию пойдем. Каждый колхоз на строительство отчисляет - для моряков, для работников РКС... Вот, думаю, может, и нам дадут? Домишко у нас с Анфисой худой весь, до пенсии дотянем, а там, глядишь, и совсем повалится. Строить новый - ни денег, ни сил нет, да и зачем? А в Мурманске дочь с семьей, внуки - бабка да дедка всегда нужны! Гитерман мне и говорит: напиши заявление на собрание уполномоченных, разберем. Я написал. Потом Гитермана арестовали. А в мае меня вызывает следователь и начинает уговаривать да стращать: скажи да скажи, что дал Гитерману тысячу рублей! За что? А за то, что он тебе квартиру пообещал! Вот ведь, и здесь позавидовал кто-то! Я глаза вытаращил: да откуда у меня деньги такие? Мои капиталы вся Чапома знает: шестьдесят три рубля на книжке, да и те под арестом остались... Нет, говорит, признавайся, а то посадим тебя. Гитерман признался, что ты ему дал... Два дня стращали, потом отпустили. Ну, а коли бы до суда, может, и посадили. Да ведь Юлий Ефимович не такой человек, чтобы такими делами заниматься стал. Были у нас с ним разногласия, когда он базу хотел скорее сдать, да и то больше не с ним, а с Егоровым. А Гитерман - нет, у меня к нему претензий никаких не было и нет, невинно, можно сказать, пострадал человек. И добра нам много сделал...

- А что с Егоровым?

- Дак что тебе сказать, всяко бывало, сам знаешь! Дело теперь прошлое, бог с ним. Только вот кажется мне, что мешал я там кому-то в РКС очень сильно. А кому, как не Егорову? Когда следователь на меня писать стал, я его спрашиваю: неужели вышестоящие организации допустят, чтобы меня судили? А он и говорит: они-то и хотят тебя судить, мешаешь ты им! А кто - не сказал. Вот я и подумал, что тут с базой связано. Мы с Воробьевым отказывались акты подписывать, не принимали гостиницу, уж очень там много недоделок было. Я подпишу, а

потом колхозу все доделывать? А им сдать надо. Приезжают и прямо с ножом к горлу: давай подписывай! Вот и сняли. До пенсии два года оставалось, сам знаешь. Теперь вышел на нее, да все как-то не верится, что такое со мной случиться могло. Так-то вот!

- Ну а писать ты пробовал о пересмотре?

- А что писать? Да и не привык я жалиться. Проживу! Никогда никому не кланялся и теперь не буду. Колхоз, вишь, написал бумагу, да что-то ответа нет... Пустое это все! Как говорят, плетью обуха не перешибешь. Давай-ко чай пей лучше. Оно, конечно, вода не чапомская, не из самовара, но тоже пить можно...

Мы сидим с Петровичем долго, не спеша обсуждаем колхозные дела, пытаемся угадать, какая судьба уготована Чапоме на ближайшие годы. Стрелков с неодобрением относится к тому, что дали только один корабль: надо два-три, не меньше, а пока этот лучше бы отдать в аренду, чтобы не знать забот и получать чистый доход от океанского лова. Неожиданно он возвращается к нашим беседам пятилетней давности об оленеводстве. Оказывается, после моего отъезда он побывал на курсах повышения квалификации в Калининграде и там сделал нечто вроде "дипломной работы" - содержание оленей по финскому способу в загороде. Ничего нового тут нет, еще деды огораживали целый район, чтобы олень далеко не уходил. В своих странствиях по востоку Терского берега я встречал остатки этих изгородей, сделанных из еловых и березовых хлыстов. Стрелков считает, что это куда эффективнее, чем круглосуточное дежурство. Оленям спокойнее, сами ходят, искать их не сложно, затраты невелики, а доход большой. Это не то, что чаваньгский вариант с завезенными откуда-то оленями и пастухами! Да и молодежь, по его словам, готова взяться за оленей, возродить традицию... На мелиорацию земель и на создание искусственных пастбищ теперь, когда межхозяйственная кооперация оказывается под вопросом и развитие животноводства на Терском берегу опять повисает в воздухе, Стрелков смотрит уже более скептически, чем раньше. А вот взять под колхозный контроль реки и обработку семги - безусловно давно пора сделать. Да разве Каргин оторвет от гослова такой лакомый кус? Хороший он мужик, только не пойдет на такое...

Я засиживаюсь за разговорами до темноты, потом Петрович провожает меня до остановки автобуса, но оба мы, словно по молчаливому уговору, обстоятельств его дела больше не касаемся. Вспоминать ему больно, и чувствуется, что ни в какую возможность справедливости он уже не верит. А я не хочу его напрасно обнадеживать, потому что сам не знаю, что из всего

этого получится...

Итоги я пытаюсь подвести в Москве. Снова "гоняю" записи, сделанные на диктофоне, вслушиваюсь в знакомые голоса - то высокие, то низкие, спокойные и взволнованные, и то, что накапливалось на душе и памяти пластами за две прошедших недели, начинает понемногу как бы кристаллизоваться, поворачиваясь то одной, то другой гранью.

Сейчас, когда почти все концы сведены воедино, мне как-то даже непонятно, для чего я затеял такое расследование? Для того чтобы убедиться в чудовищном произволе, которым все это было вызвано? Потому что теперь, ознакомившись с соответствующими статьями Уголовного кодекса РСФСР, на которые ссылаются приговоры, я вижу, что они не соответствуют содеянному каждым из обвиняемых. Или, как выражаются юристы, в действиях подследственных не оказывается "состава преступления". Самое большое, чем можно квалифицировать их действия, выражается понятием "административный проступок", за который они могли понести определенное наказание в административном порядке, что, кстати сказать, и было сделано в отношении Подскочего. Я уже говорил, что их вина сравнима с виной пешехода, перешедшего улицу в неположенном месте или на красный свет. Это является нарушением, за которым следует предупреждение, штраф, но никоим образом не расследование, а тем более - повальные обыски, аресты и предание суду.

Суд не имел права принимать эти дела к рассмотрению.

Но здесь, как я уже сказал, в действие вступал другой механизм - механизм сокрытия правонарушений следственных органов, которые "лепили липу", создавая групповое дело Гитермана. Туман рассеялся, все стало ясным на этой плоскости среза событий, можно и нужно было писать статью, требующую оправдания невинных и наказания виновных, хотя я чувствовал необходимость встречи с Подскочим. В нем самом я нисколько не сомневался. Но рядом с ним продолжала жить какая-то загадка, не позволявшая, с одной стороны, до конца понять действия бывшего председателя "Северной звезды", а с другой - перекинуть мостик от этого дела к другому, которое стало для меня постепенно выступать из окружающей темноты. Но как раз Подскочий и не откликался. Я послал ему письмо с рядом вопросов, без особой уверенности, что он захочет на них ответить. Всем случившимся он был унижен так же, как Гитерман. Смирился ли он с происшедшим? Этого я не знал.

Статья о произволе мурманского правосудия была написана и ушла в газету. Оттуда - в Прокуратуру СССР. Через месяц в редакцию пришел ответ, что доводы автора представляются

заслуживающими внимания и статья передается для проверки этих дел в Прокуратуру РСФСР. Теперь оставалось набраться терпения и ждать. Хотя сам я впервые занялся уголовными делами, мне было известно, как загружены работники Прокуратуры. Со всех концов страны приходят жалобы и просьбы, а количество крупных дел, требующих расследования и разоблачения преступников на самых высоких ступенях общественной лестницы, все растет и растет.

В этот момент и объявился Подскочий.

Сначала пришла телеграмма, что письмо мое он получил. Затем вторая - что едет в Москву. И вот, наконец, он сидит передо мной, и я рассматриваю человека, чей облик, ускользнувший из памяти, преследовал меня своей неопределенностью.

Он начинает говорить, и я вижу, что ошибся. Он не слабый и не безвольный. Среднего роста, худощавый, он мог сойти за легкоатлета в хорошей спортивной форме, если бы не пустой правый рукав, все так же засунутый в карман пиджака. У Подскочего красивое волевое лицо, но "волевитость" не грубая, а по-женски нежная, смягченная тем, что называют внутренним светом. Его глаза смотрят прямо, спокойно и с достоинством. Он не просит помощи, не ищет поддержки, не оправдывается, хотя говорить о том, что он пережил, ему, безусловно, трудно. На мой вопрос, почему он не стал требовать пересмотра, не стал жаловаться, он спокойно отвечает, что это было бесполезно, а унижаться он не привык. Он и сейчас не слишком верит, что можно что-либо сделать, так это все было от начала до конца подстроено, он приехал затем, чтобы рассказать все, что знает. О том, чего стоит ему это спокойствие, я догадываюсь по дрожанию руки, когда он достает носовой платок, и вспоминаю, что Маркина, заметив эту дрожь у Подскочего утром, решила, что он... пьет по ночам!

Первый вопрос, который я ему задаю:

- Геннадий Киприанович, почему вы не отдавали деньги в кассу колхоза, а складывали в сейф?

Не задумавшись ни на минуту, он отвечает:

- Когда заполняется приходный ордер, надо указывать, от кого деньги поступили. Действительных лиц я не мог назвать, это грозило им большими неприятностями. А подставных - не хотел. Не мог заставить себя с такой просьбой к людям обратиться...

- Что это были за лица? Он отвечает вопросом:

- Вы читали материалы следственного дела?

- Нет. Только приговор.

- Там тоже они названы, но не все. В основном это были Куприянов и Бернотас, затем Мосиенко, Стефаненко, Несветов,

Шаповалов...

- Но последних двух там нет!

- Конечно, В этом все дело. Что я выписывал не для себя, никто на суде не сомневался. Там я объяснил, как было дело. Именно этого мне не могли простить Куприянов с Бернотасом, особенно последний. Он мне об этом прямо сказал. А когда приехал Олейник - его во время суда не было в колхозе,- они устроили заседание, и меня исключили...

- Поэтому вы сказали, что это месть Куприянова и Бернотаса?

- Так оно и было. Они не имели права меня исключать и, чтобы вынудить уйти, придумали сделать ночным сторожем. Я соглашался работать агрономом. В Белокаменку я вложил большую часть своей жизни и не хотел расставаться с ней. Я бы и сейчас вернулся туда работать. Моя ошибка заключалась в том, что я взял на работу заместителем Бернотаса. Для этого были основания. Он работал у нас с восьмидесятого по восемьдесят первый год моим замом по флоту, и претензий к нему не было. Потом он ушел в МКПП, директором, его взял Гитерман, который только что пришел в МРКС...

- Знаю. Мы говорили об этом с Гитерманом. Бернотаса ему рекомендовал Немсадзе. Потом Гитерману пришлось убрать Бернотаса с поста директора МКПП и "заминать" дело о приписках. "Доброе дело" никогда не остается безнаказанным: Бернотас с лихвой отплатил Гитерману за помощь...

- ...Когда Бернотас ушел из МКПП, он снова при шел к нам. Гитерман меня предупреждал, чтобы я его не брал, но я не послушался. Только потом я узнал, что до "Северной звезды" он работал в "Энергии" капитаном, команда потребовала за грубость и хамство удаления его с судна и его снимали из ЦВА...

- Что это такое?

- Район центрально-восточной Атлантики. Это было ЧП. Я хотел, чтобы Бернотас, как и прежде, занимался флотом, который был теперь передан в базу... Но он искал другого. Он почти не появлялся у нас и пропадал в меховом цехе...

- Цех уже был вашим? Мне кажется, он к вам пришел позднее.

- Сначала цех был отдан Териберке. Когда его создали, появился Куприянов...

Куприянова Гитерману рекомендовал Бернотас, это я знаю от самого Гитермана. Потом, когда началась первая ревизия цеха, у Коваленко и обнаружились лишние сто или двести шкур, Куприянова сняли с цеха, и он пошел работать заместителем к Бернотасу. Во главе цеха был поставлен некий Колесник, кажется тоже по рекомендации Бернотаса.

- ...Бернотас интересовался меховым цехом больше, чем

МКПП,- продолжает рассказ Подскочий.- Тогда я этого еще не знал. В МКПП мне приходилось обращаться все время. Когда я просил у Бернотаса и Куприянова стройматериалы - доски, шифер, рубероид, гвозди, стекло, краски, трубы и прочее,- они ставили обязательное условие: я должен выписать на колхоз со склада МКПП сети, шапки или полушубки с тем, чтобы большая часть пошла им. Они оплатят по себестоимости, но в приходных документах их фамилии фигурировать не будут. А вы знаете, что материалов никогда не хватает и всегда можно сказать, что то, что есть, уже предназначено для другого! Я был в безвыходном положении и вынужден был соглашаться на их условия. Когда оба они - и Бернотас, и Куприянов - оказались у меня в колхозе, все это они делали часто без моего ведома, одними своими подписями для людей из аппарата МРКС, для своих приятелей в прокуратуре, еще для кого-то, в том числе для Несветова и Шаповалова из "Севрыбы". Часто я даже не подозревал об этом, потому что меховым цехом не занимался, да и был он в Мурманске, а не в Белокаменке. И они оба жили в Мурманске. Я не знаю, в каких отношениях были Бернотас и Шаповалов, заместитель Каргина. Заочно тот всегда называл его "Костей": "Костя поможет", "Костя сделает", "Косте нужна дубленка", "Косте нужна шапка", "Завтра Костя будет выкручивать руки Гитерману"... Гитермана они ненавидели и не раз грозили с ним расправиться. Я уверен, что они сыграли немалую роль в возбуждении против него уголовного дела и в распространении всяких гадостей...

- Почему вы так думаете?

- Я слышал от работников мехцеха, что перед арестом Гитермана Бернотас и Куприянов сообщили им, что скоро в руководстве МРКС произойдут большие перемены. Это может подтвердить Лысанова. Вы с ней знакомы? Видели ее в Мурманске? Она технолог и самый порядочный там человек, поэтому те попытались ее уволить...

- Почему все замыкается на меховой цех?

- Потому что в нем, действительно, был источник зла. Я не знаю, кто посоветовал Гитерману открыть меховой цех, но это было очень хитро придумано: цех пошива меховой одежды без цеха выделки шкур! Он сразу оказался в зависимости от тех, кто выделывает шкуры. Я не знаю, как это все было, только знаю, что мы посылали шкуры в Прибалтику, в литовские колхозы, на кабальных условиях, отдавая им половину сырья, а что возвращалось к нам - никто не мог сказать. После того как Бернотас вернулся в колхоз, он не выходил из цеха, хотя и я, и Гитерман серьезно предупреждали его, что это не его дело. Он

даже отказывался выходить в море, хотя с таким условием мы его взяли. Я чувствовал, что в колхозе назревает очень серьезный конфликт, что Бернотас набирает сюда свою команду и придется проводить серьезную чистку, но они опередили меня. Сначала нам навязали этот цех, причем здесь приложил руку Касьянов, специалист по зверобойному промыслу и мехам в Минрыбхозе СССР, потом пришел Куприянов. Через две недели он стрелялся... Потом летом прошла ревизия, выяснила недостачу на складе, причем больше, чем я предполагал. О ней тотчас же сообщили в прокуратуру, но там отнеслись к этому спокойно. А я сразу же провел свою ревизию: сидел в бухгалтерии и просматривал каждую бумажку. Выяснилось, что на многие суммы есть приходные ордера, то есть вещи оплачены. Так я определил, сколько я должен внести в кассу колхоза, и тотчас же внес. Деньги лежали у меня в сейфе, вы это знаете, и это подтвердили на суде многие свидетели. За нарушение финансовой дисциплины я получил выговор по партийной линии, тем дело и кончилось. Это не было преступлением...

- Почему же вы не сказали об этом на суде?

- Я говорил. Я говорил несколько раз, но суду надо было меня за что-нибудь наказать. Никаких других предлогов не было. Они копали все, что только можно, но у меня не было никаких проступков, за которые можно было бы привлечь. И тогда они изобразили все это так, что я будто бы не собирался отдавать эти деньги, понимаете? Собирался я или не собирался - доказать нельзя, хотя сам факт, что два года деньги неприкосновенно лежали в сейфе, казалось бы, говорит об обратном...

- А каково во всем этом участие Несветова?

- Разное. Я знаю, что он и Шаповалов хотели меня сместить еще в восемьдесят четвертом году и поставить на мое место какого-то нужного им человека. Но Гитерман меня отстоял. Да и Каргин, кажется, был против. В январе восемьдесят пятого года Бернотас, приехав в колхоз, отдал мне на подпись накладные на выдачу из мехцеха женской шубы. Я эти накладные не подписал и шубу брать запретил - она служила моделью для продукции. А через несколько дней мне сообщили, что Бернотас шубу взял. Я вызвал его в колхоз и заставил написать объяснительную. Он написал, что шубу купил для знакомой женщины. Эту объяснительную у меня взял председатель парткомиссии Североморского горкома Полевой для принятия мер. Но больше о ней я не слышал. А на следствии Бернотас признался, что шубу он взял для Несветова по его настоянию. С этого, наверное, все и началось. Совсем неожиданно для меня в начале марта восемьдесят пятого года меня освободили от должности

председателя. Гитерман был уже арестован. Несветов лично ездил несколько раз в Североморский горком к Пушкарю, это второй секретарь, и к предрику Полярного горисполкома Иванишкину, хотя это дело не "Севрыбы", а МРКС. Меня он вызывал к себе трижды с требованием написать заявление об увольнении и два раза водил меня наверх, к Шаповалову, который требовал того же, но уже с угрозами. Зачем им было надо? Не знаю. Но почему-то я им в Белокаменке мешал - им и Бернотасу!

- Но какие-то объяснения у вас есть, Геннадий Киприанович?

- Конечно, я много потом над этим думал, времени было в камере сколько угодно, тут всю свою жизнь передумать можно. Но у меня нет другого объяснения, кроме того, что это как-то было связано с меховым цехом, который они же год назад нам спихнули. Я просто не хочу ничего придумывать, мало ли какие у меня есть подозрения, чем и как повязаны эти люди между собой. Но что они думали о себе и своей выгоде, а не о выгоде колхоза, это я могу сказать с уверенностью...

Пожалуй, я тоже могу сейчас сказать об этом с уверенностью. И мне даже кажется, что вся эта паутина вокруг мехового цеха косвенным образом связана с делом Гитермана, во всяком случае, отразилась на его судьбе в ходе следствия. Пока это только ощущение, какое бывает у человека в темной комнате, когда он осторожно продвигается вперед, все его чувства обострены и он непонятным образом начинает ощущать присутствие вокруг себя каких-то масс, которые он обходит, отыскивая выключатель. Выключатель где-то рядом. Еще немного - и вспыхнет свет, загадочные массы превратятся в самые заурядные предметы, но пока этого еще не произошло. Может быть, потому, что гораздо больше, чем эти загадки, меня занимает сейчас сам Подскочий. Чувствуется, как он волнуется, хотя старается этого не показать. Как видно, ему непривычно рассказывать о себе человеку, которого он, в сущности, видит в первый раз в жизни. Во второй - он сам напомнил о нашей встрече, она произвела на него гораздо большее впечатление, чем на меня, к тому же он читал мои очерки о северных колхозах и слышал обо мне от председателей. И все равно - тут нужны силы. Силы, потому что, как я понимаю, для него впервые замерцала надежда на справедливость.

Когда его выкинули из колхоза, сделав "ночным сторожем", хотя, как он говорит, у них и должности такой никогда не было, он обратился за помощью в МРКС. Но Голубев - милейший Павел Иванович Голубев - ответил ему, что с ним поступили правильно, и рекомендовал уволиться. В воинской части, которой колхоз помогал строить коровник, никто не захотел взять на работу "опороченного по суду" человека, и он, получив расчет, оставив в

Североморске жену, поскольку там у нее была работа, на следующий день улетел в Молдавию, к брату и матери, чтобы там устроиться на завод снабженцем.

- ...Понимаете,- говорит он мне,- я двадцать лет проработал в системе МРКС, там стал инвалидом, никогда за это время самостоятельно не менял место работы, и просить, чтобы меня приняли на работу из милости, просто не привык!..

Ни тюрьма, ни суд не могли отнять у этого человека его мужскую честь и гордость.

- Вас арестовали по делу Гитермана? - возвращаюсь я к нашему разговору.

- Да. Но Найденко они привезли сразу.

- Какого Найденко?

- Бригадира шабашников. В апреле восемьдесят третьего года,- в тот год, когда вы приезжали,- мы начали строить три двухквартирных дома. В августе мне стало ясно, что бригада работает плохо, надо с ней расставаться. Найденко устраивал пьянки, угрожал ножом другим рабочим. Те рассказывали инженеру-строителю Ижеевой, а она докладывала мне. В августе двое рабочих пожаловались, что Найденко проставил в табеле им не все рабочие дни. Мы их собирали, уговаривали, постановили оплатить всем поровну. Тогда же Ижеева сказала мне, что Найденко собирал с рабочих деньги, якобы для передачи руководству колхоза. Я попросил членов бригады написать по этому поводу объяснительные, они это сделали. Был конец августа, в начале сентября я уехал в отпуск. Когда вернулся в октябре, правление уже расформировало бригаду, и я передал объяснительные рабочих сотруднику североморского ОБХСС Салину для разбора и принятия мер. Расписку он мне не дал, протокола изъятия не составил, и больше я этих бумаг не видел...

- Вы думаете, что Найденко собирал эти деньги для себя, как Меккер?

- Кто этот Меккер?

- Человек, который якобы передал деньги, собранные с бригады монтажников, Гитерману.

- Да? - Подскочий помолчал.- А потом брал их себе, потому что Гитерман не взял их, так?

- Совершенно верно. Правда, версия, что он передавал деньги именно Гитерману, придумана следователями, рабочие показали, что Меккер не называл имени Гитермана.

Наверное, впервые Подскочий улыбнулся.

- Мне это интересно будет узнать подробнее. Почему - вы поймете дальше. Но я полагаю, что Найденко действительно часть денег мог отдать моему тогдашнему заместителю по

строительству Краснопольскому. Они пили вместе, Краснопольский приписывал для бригады объемы и угрожал Ижеевой расправиться с ней за то, что она вмешивается и проверяет наряды на выполненные работы... Значит, Меккера вынудили дать показания против Гитермана? То же самое сделали с Найденко. По-видимому, объяснительные записки, которые я отдал Салину, не пропали. Найденко был взят, и его точно так же заставили показать, что он давал мне те самые деньги, которые он собирал с рабочих и судьбу которых я просил выяснить у работников ОБХСС.

Подскочий замолкает и опускает глаза, вспоминая. На его высоком лбу я замечаю несколько мелких капелек пота - воспоминания даются ему нелегко. Он испытывает чувство унижения от того, что с ним так поступили, и что сейчас он снова вынужден объяснять, что он честный человек и неповинен в том, в чем его пытались обвинить.

- Меня арестовали второго апреля восемьдесят пятого года. Вызвали в североморский горотдел УВД. Сначала допрашивали сотрудники ОБХСС, Носаченко и тот же Салин. Потом приехал подполковник Белый. Посадили меня в КПЗ Североморска. Белый приехал для того, чтобы заставить меня дать показания против Гитермана. Он приезжал и в следующие два дня, тогда же он привез и Найденко. Тот смотрел не на меня, а только на Белого, и повторял, как урок, что передал мне полторы тысячи рублей возле гостиницы "Полярные зори", у входа в столовую. Белый смотрел на него, слушал и кивал головой… Перед этим Белый пытался склонить меня к "чистосердечному признанию", говорил о том, что меня, мол, "заставляли брать взятки и передавать другим", что "паровозом у вас был Гитерман". Особенно он налегал, что деньги я брал не для себя, а для Гитермана. Потом, уже в тюрьме, я долго раздумывал, почему они выбрали такое место, где якобы передали мне деньги, и только много времени спустя сообразил, что место это рядом с домом, где живет Гитерман! Они "подсказывали" мне, как я должен поступить... Это было омерзительно. Белый обещал, если я соглашусь опорочить Гитермана, выхлопотать минимальное наказание для меня и всегда повторял, что ему надо срочно докладывать результаты генералу Данкову. Когда же я отказывался лгать, он начинал меня запугивать, рисуя ужасы тюремной жизни и обещая посадить меня на десять-двенадцать лет. От него я узнал, что на следующий день меня переведут в Мурманск, в тюрьму, что прокурор даст санкцию на мой арест, потому что по их представлению санкцию дают всегда.

Но пятого апреля меня в тюрьму не посадили. Прокурор

Североморска такую санкцию не дал. Тогда Салин с Носаченко повезли меня к другому прокурору, в город Полярный. Там прокурором Пятенко. Салин его уговаривал около двух часов, чтобы тот выписал постановление о задержании, но ничего не добился, Пятенко прямо сказал, что они должны меня освободить. Тогда они привезли меня в отдел милиции Полярного, сунули снова в камеру и только вечером отпустили домой, взяв подписку о невыезде...

- То есть вас держали трое суток. А как же справка о семи месяцах?

- Эти месяцы тоже будут. Они еще впереди. Подполковник Белый поручил вести мое дело следователю Чернышеву...

- Он занимался и Гитерманом.

- Я так это и понял. Семнадцатого апреля Чернышев вызвал меня в милицию Полярного, приехал туда сам на черной "Волге", прошел к начальнику милиции, о чем-то с ним долго говорил, потом они вышли, взяли меня, и все трое мы поехали снова к прокурору Полярного. Как я понял из разговора в машине, Чернышев и начальник милиции были давно знакомы и тот взял его к прокурору, чтобы уговорить дать санкцию на мой арест. Так это и случилось. Пятенко задал мне несколько ничего не значащих вопросов, а потом сказал, что он вынужден - так и подчеркнул голосом, что вынужден,- дать санкцию на мое задержание. Так начались мои мытарства. Сначала меня привезли в КПЗ Октябрьского района Мурманска. Но там начальник отказался меня принять, поскольку в постановлении был указан следственный изолятор. Сопровождающий сказал, что это личное распоряжение генерала Данкова, уехал и вскоре привез письменное подтверждение. В КПЗ, в одиночке, меня держали семь суток, потом перевели в тюрьму. Два раза в КПЗ приходил Чернышев и спрашивал: "Ну как, созрел? Будешь показывать на Гитермана?" И когда я отказывался оговаривать того и себя, грозил, что будет хуже, и уходил...

В следственный изолятор Подскочего перевели двадцать четвертого апреля и продержали в заключении до двадцать седьмого сентября 1985 года. За все это время, и то вначале, следователь Чернышев заходил только один раз. С собой он привел каких-то двух других, которые Подскочему не назвались, и втроем они расспрашивали его о Гитермане. Протокола никто не вел. Эти двое приходили еще несколько раз.

- Представляете, они упрашивали меня, как маленького, чтобы я дал хотя бы какие-нибудь, но порочащие показания на Гитермана! Чувствовалось, что они попали в безвыходное положение. Они сулили мне всякие блага, обещали тотчас же

отпустить домой, а когда я говорил им, что это бесполезно, я не стану оговаривать человека, которому верю и которого уважаю, они начинали меня пугать ужасами тюремной жизни. За это время я написал девять заявлений и протестов на имя начальника тюрьмы и прокурора, но никто мне не ответил. Никто не спрашивал и о Найденко - и о нем, и обо мне словно бы забыли. Но продление срока содержания выхлопотали!..

В декабре, знакомясь со своим делом перед его отправкой в суд, Подскочий спросил Чернышева в присутствии адвоката, почему работники ОБХСС не возбудили дело о взятке осенью восемьдесят третьего года, когда он передал Салину объяснительные записки членов бригады Найденко. Вопрос был щекотливый, рушилось все обвинение во взятке, и Чернышев это хорошо понял. Он попросил его подождать, связался с прокурором области, уехал и, вернувшись через час, сказал, что дело о взятке снимается. Подскочий возразил, что это обвинение должен снять суд и что он требует решения суда. На это Чернышев ответил, что Подскочего не спрашивают, что он хочет, а будет так, как скажет он, Чернышев. Так и произошло. Суд в Полярном, обозначенный как "выездная сессия", практически происходил при закрытых дверях, и приговор Подскочему был объявлен даже без свидетелей... Вот и все. Дальнейшее уже известно. Подскочий замолкает. Вид у него как бы отсутствующий. Глаза потемнели, губы плотно сжаты, и весь он там, в прошлом, во власти переживаний, которые снова поднялись из глубин памяти, куда он их старательно загонял все это время. Подонки ради своих чинов и карьеры изломали человеку жизнь, вываляли его в грязи, и суд согласился с ними, хотя предвзятость и неправосудие видны в каждой строчке судебного приговора. Он держится куда мужественнее Гитермана, отмечаю я, наблюдая Подскочего, хотя потерял неизмеримо больше. Он потерял честное имя - вор! - все то, что сделал людям и обществу за свою жизнь, он разлучен с семьей, которая ютится в Мурманске, снимая комнату, потому что им негде жить и потому что на Севере ему не нашлось работы. И все-таки он не просит пощады, не спрашивает у меня, что ему делать, хотя у него в полном смысле слова не осталось ничего - даже рука только одна, вторую он отдал Северу...

- Геннадий Киприанович, почему вы не обратились с апелляцией? Вы писали в Прокуратуру РСФСР или Генеральному Прокурору?

Он поднимает на меня глаза. Они снова чистые и ясные, но на мгновение мне кажется, что в них мелькает холодный отблеск стали.

- Зачем? Я пытался это сделать во время следствия и суда, обращался в партийные и советские организации, которые меня знают, обращался в МРКС и понял, что я уже вычеркнут из жизни. В течение пятнадцати лет я был членом бюро Североморского горкома. Но они даже не поинтересовались узнать, за что меня преследуют. После первого ареста я был дома две недели. И за это время, как я узнал от прокурора, они все время звонили ему и торопили дать санкцию на арест. Разве это люди? Разве я могу после этого обратиться к ним? Я уже говорил вам, что не привык просить принять меня на работу. Какой я специалист - это известно, как я работал все эти годы - тоже известно. Человек не перерождается. Если однажды человек совершает проступок, это значит, что он уже давно к нему готов, просто к нему никто не пригляделся как следует. А я в своей жизни не совершил ничего такого, чего мог бы стыдиться. И уверен, что не сделаю этого и впредь... Вы меня извините, но я обо всем, что случилось, много думал. Вспоминал слова и поступки людей. И у меня сложилось очень тягостное впечатление от всей картины наших правоохранительных органов. Я говорю не только о себе. Я уверен, что все это в полной мере относится и к другим делам - Гитермана, Стрелкова, Коваленко. Не могу отделаться от мысли, что следствие вели бандиты, которым надо было во что бы то ни стало опорочить честных людей, с полной отдачей работавших для общества. Для чего это было нужно? Скорее всего, чтобы получить повышение "за раскрытие преступной шайки", то есть деньги за каждую срубленную у общества голову. Ведь палачи получают всегда поштучную оплату. Свидетелями против нас выставляли проходимцев и жуликов, которых мы же требовали изобличить и наказать. Забыть такое трудно, тем более потому, что происходило все это через тридцать лет после Двадцать первого съезда партии, на котором была осуждена подобная практика следствия. Но на этом дело не остановилось. Был суд, где против нас, но уже по другим обвинениям, свидетельствовали такие же люди, причем те самые, против которых мы боролись уже в системе МРКС! Я не знаю, что там у Коваленко, но против Гитермана свидетелями выступали те самые Куприянов и Бернотас, которые были действительно виновны в поставке начальству меховых изделий по себестоимости, а не по розничной цене. Я не был в курсе их махинаций и цехом напрямую не занимался. Только когда я вышел из тюрьмы и стал приглядываться, узнал,- что они организовали широкую распродажу на сторону нашей продукции. Теперь уже деньги они получали откуда-то переводами. И когда я сказал обо всем этом на суде, я уже знал, что они меня в покое не оставят. Им нужно

было, чтобы меня не было не только в колхозе, но и в Мурманске, им нужно было освободиться от лишних свидетелей. Поэтому они выжили Осипенко, поэтому хотели избавиться от меня...

- А почему они оставили Маркину?

- Маркина человек, может быть, излишне принципиальный. Вы знаете таких борцов за правду? Они готовы ввязаться в любое дело, не рассмотрев его до конца и не взвесив последствий. Работник она дельный и честный, порядочный человек, но, я бы сказал, недалекий. Она еще плохо представляет себе условия нашей работы. Маркина приехала совсем недавно, не разобралась, попала под влияние Бернотаса, и он "напустил" ее на меня. Она выполнила ту работу, которую им было трудно сделать без ее поддержки. Больше того, если бы Маркина не писала на меня доносы в горком, я успел бы выставить Бернотаса и Куприянова из колхоза. Но они меня опередили. За то, что Маркина для них сделала, ее избрали секретарем парторганизации, прекрасно понимая, что на этом посту, работая с ними, она рано или поздно оступится и тогда ничего не будет стоить взвалить на нее их же грехи. Судя по тому, что вы мне рассказали, и по статье в "Североморской правде", так это поначалу и произошло. Но Бернотас не учел энергии Маркиной и ее решимости идти до конца. Вот как я объясняю это дело...

Что ж, с таким объяснением я согласен. Пожалуй, я узнал от Подскочего гораздо больше, чем надеялся. И я не могу упрекать его за то, что он отказался от борьбы после того, как с ним обошлось "правосудие". Простить такое трудно. Забыть - невозможно. И тут никакие ветры перестройки не помогут, потому что нельзя вернуть человеку то, что у него было когда-то отнято,- энергию, здоровье, веру и незапятнанное прошлое. Ведь и Гитерман, сидя на этом самом стуле, на котором сидит сейчас Подскочий, в первую очередь переживал унизительность положения, когда каждому приходится объяснять, что ты не преступник, а "продукт судебной ошибки". А будет ли эта "ошибка" исправлена - бог весть...

Уже вечером, когда я провожаю Подскочего к ближайшей станции метро, он вдруг поворачивается ко мне и говорит:

- Я не знаю дела Стрелкова, но посмотрите - не были ли замешаны и там Бернотас и Куприянов? Ведь строительство зверобойки вело МКПП. И если там были обнаружены какие-либо непорядки, именно они должны были нести за это ответственность, которую постарались или переложить на чужие плечи, или спрятать концы... И вообще, мне кажется, что их роль в "охоте на ведьм", как вы говорите, была куда большей, чем только роль свидетелей обвинения! Я уже говорил вам, что об аресте

Гитермана и остальных они знали заранее? А ведь это могло быть только в том случае, если они участвовали в разработке всего этого дела. Уж очень тесно все здесь завязано - хищения в меховом цехе, торговля меховыми изделиями, связь с работниками прокуратуры и следствия, связь Бернотаса с руководством "Севрыбы" и работниками облисполкома, с Москвой и Прибалтикой. Вас это не наводит ни на какие размышления? Я согласно киваю головой, но ничего не произношу в ответ. Тут есть над чем подумать. С тем мы и расстаемся.

У меня есть основания не спешить с заключением, хотя все необходимые факты по делу Гитермана и председателей известны: звенья единой цепи сомкнулись и могут выдержать любую проверку на прочность. Больше того. Я знаю даже начало этой цепи, причем не фактическое, а, так сказать, идейное. О нем мне рассказали информированные люди в Мурманске. Все началось с того, что в Мурманск ревизовать действия УВД области и областной прокуратуры приехал из Москвы какой-то высокий "чин". Было это в конце 1984 года. Выступив перед собравшимися в обкоме, он заявил, что по всей стране идет массовое воровство и хищение, открывают и сажают шайки преступников, но ничего подобного он не нашел, ревизуя Мурманскую область. Так где же перестройка? Он считает, что это проявление бездеятельности и, если положение не изменится, он примет самые решительные меры. Вот "перестройка" и началась. Направлял ее генерал-майор Г.А. Данков, начальник УВД Мурманской области, при непосредственном участии полковника В.М. Александрова, начальника ОБХСС, тогда как непосредственным разработчиком "дела Гитермана" выступил, по-видимому, подполковник Н.П. Белый, заместитель Александрова. В его распоряжении было достаточно много людей - майор Ф.И. Понякин, начальник отделения ОБХСС, майор П.М. Тюнис, уполномоченный ОБХСС, капитан П.М. Щавель, лейтенант В.А. Белов, замначальника следственного изолятора, по указаниям которого рецидивисты В.А. Лебедев и С.Ю. Акимов избивали Гитермана в камере, работники ОБХСС Салин и Носаченко, следователь Б.Ф. Чернышев и много других людей - весь головной аппарат области.

"Зацепкой" стало дело Меккера, чья бригада работала в Чапоме. Расчет был прост: если удастся доказать, что Гитерман брал взятки с Меккера, стало быть, он брал их и с других. Так будут обнаружены те, кто ему давал, и те, с кем он делился. Дело лопнуло из-за своей полной несостоятельности. Тогда задачей следствия стало найти хотя бы самые малые "вины" арестованных, чтобы условным осуждением оправдать содеянное. На первой

стадии следствия свидетелями выставили действительных, уже изобличенных преступников, которым было нечего терять, поэтому они соглашались лжесвидетельствовать. Когда этот план провалился, свидетелями обвинения стали люди, совершившие должностные проступки, то есть Бернотас и Куприянов.

Дальше в дело вступал неправедный суд. Обвинительный приговор в адрес невинного человека становился своего рода "индульгенцией" для аппарата следствия. Неприглядной оказывалась и роль прокуратуры, начиная от районных прокуроров и кончая прокурором областным и его заместителями.

На всем этом можно было бы поставить точку. Однако слова Подскочего перед его отъездом удивительным образом совпадали с тем, о чем я все больше думал последнее время. Ни Куприянов, ни тем более Бернотас не выглядели статистами, какими были, скажем, Найденко и Меккер. По рассказам, у них были обширные личные связи с прокуратурой, с работниками следственных органов, с руководством "Севрыбы", со многими другими людьми, занимавшими влиятельное положение в городе и в области, в Минрыбхозе СССР и в литовских колхозах, куда поступало для обработки сырье на крайне выгодных для обработчиков условиях. Уже один этот факт заслуживал самого пристального внимания. На чем строились эти связи? Чем скреплялась "дружба" Бернотаса и Куприянова с людьми, не склонными к сантиментам и бесплодному времяпрепровождению? Вероятно, в основе таких широких и разносторонних связей лежала коммерция, та самая полулегальная торговля продукцией мехового цеха, которой пользовались их "друзья". Каждая шапка, каждый полушубок, каждая "кукла" сетей, проданные за полцены, обеспечивали им покровительство и гарантию от возможных неприятностей. Так можно объяснить отсутствие ревизий деятельности цеха и МКПП на протяжении ряда лет, "закрытие" дел по излишкам и недостачам, кабальный для "Северной звезды" договор с литовским колхозом "Накотнэ" и многое другое.

Любопытная вырисовывается картина. Стало быть, разгадку "дела Гитермана" следует искать именно в меховом цехе? Что ж, подумаем... Удар по Подскочему пытались нанести еще в восемьдесят четвертом году. Не удалось, отстоял Гитерман. Но едва лишь Гитерман был арестован, как была решена и судьба председателя колхоза в Белокаменке. Выходит, прав был подполковник Белый, когда назвал председателя МРКС "паровозом" в им самим сфабрикованном деле: Гитерман был действительно "паровозом" перестройки, которую хотели пустить в Мурманске под откос!

Пока я размышляю, складывая по-новому мозаику уже известных фактов, навожу кое-какие необходимые справки, в Москве неожиданно появляется Виктор Георги. Он полон весенним солнцем Заполярья, полон энергии и творческих планов, поскольку его вызвали на семинар публицистов, и, когда он появляется у меня, я предлагаю ему новую схему истолкования событий, над которыми мы с ним ломали головы в Чапоме и в Мурманске. Мне удалось выяснить все, что я хотел, и потому теперь спокойно слежу, как он хмыкает и делает пометки, прослушивая снова наши общие записи, запись беседы с Подскочим и просматривая выписки из документов. Наконец, он все прослушал и прочитал. Он поднимает голову от бумаг:

- Значит, Данков не так уж ошибался, когда добивался у Гитермана выхода на "Севрыбу" и Минрыбхоз?

- Мне кажется, что он что-то знал. Вернее, так: если у него было хотя бы несколько честных сотрудников, он не мог не догадываться, что "пахнет жареным". Где - он не знал. И не знал - кто. В этом и была его главная ошибка. Его, как мальчика с завязанными глазами, вывели на человека, который меньше всех знал, что происходит...

- "Меховой "Океан"?

- Да. Во всяком случае, это единственное логическое заключение, которое я могу себе представить...

Раньше, когда я пытался разобраться, что могло померещиться Динкову в "деле Гитермана", я думал, что он хочет возродить печально известное "дело "Океан". И как-то не приходило в голову, что аналог его может быть не рыбным, а меховым. В моем сознании рыба отбрасывала такую большую "тень", в которой я не видел ни одного зверя. Вот почему я был склонен полагать, что аналог "Океана" существовал только в воспаленном воображении мурманских следователей. Как же, групповое дело с миллионным размахом, во главе которого стоит еврей Гитерман! Кто этому не поверит? Но мне интересно, как к этому так сразу пришел Георги. И я спрашиваю Виктора:

- А что вас убеждает в этом? Подпольный цех, о котором говорила Маркина? Но его существование доказать трудно, а сейчас и вообще невозможно. Махинации со шкурами в Прибалтике? Но литовцы не несут никакой ответственности, что какие-то кретины отправляют им на выделку шкуры по весу. Ведь возвращают-то они их по штукам, по сортам и по площади! Или выстраивающаяся цепочка: цех - МКПП - "Севрыба" - Минрыбхоз? Но она существует только в нашем воображении...

Георги некоторое время молчит и чертит на листе блокнота многоугольники, углы которых соединяет друг с другом. Потом

поднимает голову:

- Пожалуй, ни то, ни другое, ни третье. То, на что обратили внимание и вы: отсутствие ревизии деятельности мехового цеха за все время его существования. Странно, не правда ли? Организовать проверку пытался Гитерман, сигналы в ОБХСС и в прокуратуру поступали от работников, даже кто-то из Москвы приезжал... И все - как в воду! Выходит, гасили? И, скорее всего, те самые "граждане", имена которых не названы в приговоре Подскочему. "Дело Подскочего" - ключ ко всему "делу Гитермана".

- Совершенно верно. Знаете, как сейчас мне оно представляется? В виде нескольких самостоятельных линий, у которых пересекаются лишь их проекции! Отсюда и запутанность. Если вам интересно, я попытаюсь нарисовать схему того, что ***могло*** происходить вокруг мехового цеха в МРКС...

Я отнюдь не уверен в реальности того, что сейчас расскажу. Возможно, все это плод моей фантазии и действительность выглядела совсем иначе. Вот почему я не буду называть никаких имен. Но факты, имеющиеся в моем распоряжении, не оставляют возможности другого толкования. В таком случае то, что было вынесено на суд, оказывается всего лишь материализованной проекцией другого дела, глубоко скрытого от глаз посторонних и потому не узнанного даже в тех своих частях, которые случайно оказывались на поверхности. Я много думал об этом в последнее время.

Собственно говоря, толчком к раскрытию истины - если это она! - послужила попытка выяснить различие между преступлением как единовременным актом и преступной деятельностью, протяженной во времени. В самом деле, что определяет возможность преступной деятельности? Фактор, который я назвал бы "теневым эффектом". Преступный акт может быть совершен в любое время и в любом подходящем для этого месте. Сколько-нибудь продолжительная преступная деятельность возможна только в неконтролируемом, то есть нарочито скрываемом или случайно затененном пространстве общественной жизни. Ситуаций может быть много, одну из них можно назвать "ситуацией парадокса". Минрыбхоз - и меха, что между ними общего? Но именно в Минрыбхозе сосредоточен весь промысел морского зверя. Тут и котики, и каланы, и сивучи, и белек, и нерпа, и хохлач, и все остальное. И сотни колхозов по всей стране, и огромный траловый флот, который тоже ведет отстрел... Но главные добытчики - колхозы. У них есть цеха обработки шкур, пошивочные цеха, они могут продавать свою продукцию. На все это они получают два процента от промысла и так называемую "некондицию". В министерстве этим ведает

специальный человек, скажем, Икс. Икс знает все - колхозы, планы, цеха, каналы сбыта, людей, конъюнктуру на рынке

На Белом море до недавнего времени промыслом зверя занимались только архангельские колхозники. Они сами бьют зверя, сами обрабатывают шкуры, сами шьют и сами продают. Полный цикл, где одно звено контролирует другое. Здесь нет лазейки для утечки. Хищение возможно лишь в том случае, когда производственный процесс разорван на стадии обработки сырья. Именно тогда можно получить неучтенный полуфабрикат в любом количестве. Наша легкая и пищевая промышленность построена именно по такому принципу. В одном месте выращивают или добывают, обрабатывать везут в другое место, а окончательная переработка совершается в третьем или в четвертом. Чем больше промежуточных звеньев, чем больше перевозок, чем больше задействовано фирм, тем больше открывается разных возможностей для предприимчивых людей. В 1982 году Гитерман начинал строить только базу зверобойного промысла для терских колхозов, ни о каком меховом цехе речи не было. Идея цеха - без цеха выделки! - была подсказана кем-то позже, и тогда же в МРКС начал действовать связанный с Иксом человек. Но что такое цех пошива, без выделки? Предлог для получения сырья и его легализации, после чего оно начинает путешествовать в разных направлениях, приобретая новые качества и меняя свое количество. В Прибалтику, как говорила Маркина, шкуры отправляли по весу. Оттуда их принимают по площади, дециметражу. Попробуйте перевести килограммы в сантиметры, даже квадратные! Вряд ли вам это удастся… Если это соответствует инструкции Минрыбхоза, то ее составлял очень умный человек! В свою очередь, в Мурманске ведущую роль мог играть какой-то Игрек из "Севрыбы", чтобы через экспедиторов цеха направлять в Прибалтику часть добычи тралового флота. Происходило ли так на самом деле - сказать мы пока не можем, но вероятность этого весьма высока. Ведь флот добывает не только гренландского тюленя, но и кольчатую нерпу и хохлача, который на мировом рынке ценится на уровне котика! В Прибалтике должен быть некий Зет, тесно связанный с Иксом. К нему и поступает лучшая часть сырья. Часть выделанных шкур, возвратившихся в Мурманск, могла идти опять-таки "налево"... Если все отлажено, сбыт проблемы не представлял, возможностей много, как тот же магазин общества охотников, прилавок на рынке и даже рассылка по почте. И все же главным остается колхоз. Все дело в колхозе, без него - никуда. С одной стороны, он дает легализацию всего процесса, с другой - позволяет снабжать нужных людей (Меккер называл их "хорошими людьми" и по-

своему был прав) изделиями по себестоимости...

- Если все было так хорошо отлажено, зачем по надобилось "дело Гитермана"? Ведь они вызвали огонь на себя!

- Меховой бизнес сломался не на "деле Гитерма на", а на письме Маркиной. Гитерман и сейчас не вызывает у них никаких опасений, настолько они уверены в своей неуязвимости, прикрытые следствием и судом.

- Тогда зачем им вообще надо было его затевать? Зачем? Попытаюсь сейчас объяснить Георги то, что мне самому представляется пружиной свершившегося. Дела председателей колхозов, но в первую очередь Гитермана и Подскочего, я расцениваю как мощную контратаку со стороны меховых бизнесменов. "Черные начинают и выигрывают", как говорят шахматисты. Сам Гитерман, как я мог убедиться, этого так и не понял. Чтобы бизнес существовал, ему нужна густая и просторная "тень", скрывающая от финансового и оперативного надзора, которую мог дать только колхоз, обладающий куда большей хозяйственной свободой и оперативностью, чем любое государственное предприятие. Но захватить колхоз мешал Подскочий. Сменить Подскочего не давал Гитерман. Вот почему он должен был пасть первым. Когда разрабатывалось "дело Гитермана", председателю МРКС была уготована роль главы отделения подпольного синдиката.

- Но ведь Гитерман не имел никакого отношения к меховому бизнесу?

- В том-то вся и мерзость! Я готов поверить, что Данков искренне принимал Гитермана за другого человека, однако это никоим образом не оправдывает то беззаконие, которое творили он и его подручные...

- Вы думаете, что Данков мог знать о меховом цехе?

- Если в его аппарате был хотя бы один честный человек, он не мог не знать! Больше того, он знал и о "ниточках", которые тянутся в Москву и в "Севрыбу", недаром он так настойчиво допрашивал Гитермана, пытаясь выйти через него на людей из той и другой организации! Вообще я считаю, что мурманский филиал фирмы "Океан" в его меховом варианте с самого начала был обречен на гибель. Связи этих людей с ОБХСС, прокуратурой области и облисполкомом до какого-то момента отводили от них удары. Но активизировались Гитерман и Подскочий, кроме того, меховая "ниточка" стала просматриваться даже Данковым. Вот тогда они и их покровители должны были прибегнуть к контратаке, отвлекая внимание на ложную цель. У шахматистов такая комбинация называется гамбитом, в точном переводе с французского - "подножка". Под ноги Данкову они бросили

Гитермана, убедив генерала, что председатель МРКС стоит во главе подпольного мехового синдиката Минрыбхоза в Мурманске. Отсюда - самоуверенность Данкова, бесцеремонность в обращении с фактами и подследственными, обещание "громкого процесса" А следствие повалилось в пустоту! Следователи были так ошеломлены порядочностью и стойкостью арестованных, что в своих действиях перешли границы дозволенного. Они просто не могли предположить, что люди, которым отведена роль преступников, окажутся настолько честны и стойки!

- Что ж, если принять эту версию, многое становится понятным,- говорит Георги.- Но почему вы не хотите назвать вещи своими именами? Ведь все это творилось не только вокруг Гитермана, но и вокруг Каргина! Почему не сказать прямо, что "дело Гитермана" оказалось возможным лишь потому, что объединились преступники из МРКС и преступники из ОБХСС, одержав победу над перестройкой и честными коммунистами при попустительстве обкома, прокуратуры и правосудия?! Сколько так может продолжаться? Посмотрите, как написаны эти приговоры. У Гитермана две трети текста посвящено тому, мог он взять взятку или нет. А ведь даже рабочие, возбудившие дело против своего мастера, согласно показывали, что о Гитермане никогда речи не шло! У Стрелкова весь приговор - обвинение в нанесении ущерба колхозу, после чего сказано, что "ущерба не нанес". Зачем это? Только для того, чтобы создать "букет", который сразу бы наводил читающего на мысль, что он имеет дело с опасным преступником! Тактика следствия: за неимением большой вины расписать малую погрешность так, чтобы она выглядела преступлением. Тактика суда: чтобы раздуть малую погрешность и оправдать приговор, надо подробно изложить обстоятельства недоказанной большой вины! Вот паутина так паутина! Но я пытаюсь остудить его горячность. - Разве мы с вами следователи или прокуроры, Виктор? Даже не народные заседатели и, дай бог, никогда ими не станем. Мы не имеем права уподобляться тем работникам ОБХСС, которые по одному подозрению, ***до суда***, наклеивают на человека ярлык преступника и добиваются того, чтобы все общество считало его таковым. Слишком много у нас развелось самодеятельности - самодеятельных судей, следователей, осведомителей, свидетелей, прокуроров... Давайте учиться уважать законность! Кто такие Бертонас и Куприянов? Всего только люди, взявшие на себя задачу облагодетельствовать общество меховым и кожаным "дефицитом" в виде "товаров народного потребления", то есть шапок, дубленок и всего прочего. Не всех? Только избранный круг лиц? Что поделать, дефицит - он и есть дефицит! Они выступали свидетелями обвинения? Но мы

можем говорить лишь о том, что их показания разошлись с фактами. Обвинить их я могу только в двух поступках, тяжесть ответственности за которые они переложили на плечи других,- в организованном подлоге, за что вынужден был отвечать Гитерман, и в махинациях с изделиями мехового цеха, что было "списано" ими на Подскочего. О том, совершали ли они другие деяния, преследуемые по закону, помогли ли сфабриковать дело, по которому были дискредитированы честные руководители колхозов и МРКС, может сказать только действительно компетентный суд. Только вряд ли он будет. Никто, кроме пострадавших, в нем не заинтересован, в этом Каргин прав. А наше общество слишком еще забито и инфантильно, чтобы бороться за свои права. И я тоже не стану добиваться. Моей задачей было найти ответ на вопрос Гитермана - как это все могло произойти? Теперь мы это знаем... А оргвыводы пусть делают те, кому это положено по роду деятельности.

9.

Вот и все. "Концы" сошлись, и я могу закрыть папку, которая все это время пополнялась материалами расследования. Закрыть, завязать и поставить на полку, чтобы больше к ней не возвращаться. Теперь она ни для кого не представляет интереса. Для меня - потому что я получил ответы на все интересующие вопросы и эти ответы я направляю следом за статьей в Прокуратуру РСФСР. Для других - потому что в ней нет ничего, чего нельзя было бы увидеть в протоколах следствия, показаниях свидетелей, в копиях финансовых документов и в актах ревизий. Разве что записи бесед с потерпевшими. Но то, что они рассказывали мне, они говорили и на следствии, и на суде. При желании все это можно найти, сличить, проверить. Вот почему это расследование с самого начала я окрестил для себя "напрасным детективом": его мог выполнить любой честный человек, который проявил хотя бы малейший интерес к делу и располагал двумя свободными неделями времени. Даже еще меньше.

Ну а мораль?

Перефразируя известный анекдот, могу сказать твердо: морали нет. Любая "охота на ведьм" аморальна, как и все, что с ней связано. Она несет растление обществу, потому что подрывает веру в законность и справедливость, извращает основные идеи, на которых строятся отношения людей и основы государственного устройства. Опасность эта страшнее, чем рак, инфаркты и СПИД, потому что, попирая закон, выступает под маской его строжайшего соблюдения; уничтожая человека как личность, заставляя клеветать на честных людей - провозглашает своим принципом гуманизм; глумясь над обществом - размахивает лозунгами демократии. Так поступал национал-социализм в Германии, так поступали Сталин и его подручные у нас. Больше всего, пожалуй, меня потряс отмеченный в приговоре Гитермана факт, что в процессе следствия "под воздействием следователя и оперативных работников" подследственный возвел на себя самооговор. И это не вызвало протеста, частного определения в адрес работников ОБХСС, как если бы то было не экстраординарным случаем, ставящим под сомнение результаты всего следствия, требующим немедленного отстранения его работников, а обычным, заурядным делом. Впрочем, ведь и практика инквизиции ужасала людей только на первых порах. Потом привыкли и удивлялись: а как же без костра? Ведьмы же!..

"Охота на ведьм" создает не только миф о "ведьмах" - она

превращает окружающих в оборотней.

Не случайно на протяжении всего расследования я задавал себе вопрос: как это все могло произойти? Как могло случиться, что по меньшей мере в двух случаях - Стрелкова и Коваленко - "народный" суд отказался принимать во внимание мнение народа, коллектива трудящихся? Суд над председателем колхоза, вопреки мнению и желанию всего коллектива, оказывался как бы судом над самим народом. Получалось, что все эти дела действительно были направлены против тех демократических, преобразований в нашей жизни, против той перестройки общества и экономики, которая в 1985 году только началась. Это был поход всего отжившего, консервативного, враждебного духу нашего общества против самого общества, его живых и здоровых сил.

В какой-то момент я понял, что все это уже было, я с этим сталкивался и что именно в этом заключался основной конфликт в системе МРКС и "Севрыбы", вокруг которого все эти годы кипела борьба. Кто для кого: колхозы - для МРКС и "Севрыбы", или, наоборот, МРКС и "Севрыба" являются условиями развития рыболовецких колхозов? Что главное - план или человек? Базис - или поднявшаяся над ним и горделиво возомнившая себя самостоятельной надстройка? Человек - или его тень, зафиксированная параграфами законов и постановлений? Совсем не напрасно я задавал вопрос Голубеву, а прежде - Гитерману и Егорову: что будет делать РКС, если колхозы от него откажутся? Ведь РКС - всего лишь выборная организация, созданная для оказания помощи колхозам, однако самостоятельного значения не имеющая и существующая на деньги, которые она забирает у колхозов.

Выборная!

А если не выберут? Если колхозы решат, что прекрасно без нее обойдутся, создав свою межколхозную кооперацию с маленьким управленческим аппаратом, который не станет требовать отчета с председателей, а сам будет отчитываться перед колхозами в каждом своем шаге? И тогда не нужен ни председатель, ни заместитель, ни весь аппарат РКС, который считает себя ***хозяином*** над колхозами и колхозниками...

Не так ли произошло у нас и с другими ***службами общества***, созданными для людей? Но они, будучи тенью общества, возомнили себя его хозяевами. А ведь, по существу, каждый из чиновников любого департамента, да и департамент в целом - не что иное, как нос, сбежавший от гоголевского майора Ковалева, возомнивший себя ***субъектом***, нахватавший чинов и знаков отличия вплоть до генеральской ленты и даже выписавший сам себе подорожную за границу... Только вот где найти того

будочника, который, проявив бдительность и инициативу, признал бы самозванца, укоротил его и вернул на подобающее ему место?!

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ,
1987 год.
Последняя тропа

1.

Поначалу медведь был один. Он вышел на прибрежный песок за Индерой и шел туда же, куда шли и мы,- на восток. Следы были свежими, и, поднимаясь на очередной мысок, мы присматривались: не догоняем ли ненароком наш косолапый авангард?

Потом, приглядевшись, я понял, что опасения напрасны. От медведя нас отделяли не сотни метров, а три-четыре часа пути, во время которых прилив сменился далеко зашедшим отливом: кое-где следы были замыты волнами, а это означало, что зверь вышел на берег, когда прилив еще не достиг своего апогея. Сейчас море плескалось по меньшей мере в миле от нас.

Потом рядом с первым следом появился еще один, затем - сразу два, и тогда я сбился со счета. Медведи заходили в воду, волокли на берег дохлого морского зайца или нерпу, возились друг с другом, просто сидели на песке, наблюдая за морем... Настоящее медвежье царство!

Густое чернолесье подходит здесь к самой кромке берега. За лесом, по верхушкам поднимающихся деревьев, я угадываю гряды морских террас, на которые мы с Георги собирались выйти. Я знаю об их существовании, потому что в предыдущие годы не раз разглядывал их с самолета. Террасы высоко подняты над морем, на них лежат мокрые тундры, уходящие в глубь полуострова,- болота с перелесками, поражающие глаз ржаво-красными спиралями "грядово-мочажинного комплекса", как именуют такой пейзаж географы и болотоведы. Но меня влекут не они, а многочисленные песчаные выдувы на краю террас, почти такие же, как те, что мы встречаем на берегу моря. В тех, далеких, с самолета мне удавалось иногда разглядеть черные кучки камней, оставшиеся от древних очагов, и белые россыпи кварцевых отщепов - "визитные карточки" первобытных обитателей здешних мест, отмечающие их летние стойбища.

По этим выдувам не прошел еще ни один археолог. И хотя я заранее могу сказать, что именно можно там найти и как это будет выглядеть, страсть первопроходца нет-нет, а дает о себе знать. Георги давно подбивал меня совершить такое путешествие по Берегу. И вот мы идем с ним по старой поморской тропе, по которой я еще не ходил: этот отрезок побережья всегда оставался за пределами моих маршрутов.

Удивительно, как густо был заселен Берег в прошлом! На восток от Стрельны и далее до Пулоньги, проводя разведку, я находил следы древних стойбищ иногда по два на километр

берега, почти так же густо, как еще недавно стояли здесь тоневые избы. И те, и другие оказывались примерно на одних и тех же местах, только поморские избы стояли на современном берегу моря, а стойбища охотников и рыболовов древности - на когда-то бывшем.

Те стойбища, мимо которых мы идем сейчас, лежат от моря в двух-трех километрах, но мы отказались от надежды к ним подняться. С одной стороны, останавливают медведи, с которыми нам, безоружным, совсем не хочется встречаться в чащобе чернолесья; с другой - солнце и разъярившаяся мошка, которые вот уже второй день с нарастающей скоростью гонят нас на восток. После стужи яростного циклона, хлеставшего в первой половине июля по Берегу дождем и снегом, на Заполярье обрушилась тропическая жара. Ветра нет. Откатившееся с отливом море лежит в стороне слепящей стеклянной гладью, отражая безжалостно жгущее солнце. Между нами и морем - мерцающий лужами мокрый песок осушки, на далекой кромке которого чернеют силуэты диких оленей. Их тоже прогнали с берега мошка и страх перед медведями.

Второй день мы идем по пустынному берегу и на каждом шагу натыкаемся на свидетельства бывшей здесь некогда жизни. Как знакомы эти горькие приметы времени! Нижние венцы от срубов, чуть видные из-под песка и зарослей серо-зеленой осоки, повалившиеся сушила для сетей, утонувшие в песке карбасы, остатки воротов,- вот она, наша собственная "Атлантида", трагическая летопись последних десятилетий, потому что не по своей воле всякий раз уходили поморы от построенной ими избы, от уловистого места, от заботливо расчищаемых поколениями рыбаков пожней.

Такое вот "memento mori"[1] сопровождает нас с того часа, как мы подъехали к Кузомени. Обширное, когда-то самое богатое село на Берегу, его административный центр в прошлом, теперь предстало нашим глазам двумя рядами полузанесенных песком домов, которые, словно выбившись из сил в неравной борьбе, привалились к самому берегу Варзуги, спрятавшись от надвигающейся пустыни за тремя высокими кладбищенскими холмами, усеянными частоколом поморских крестов.

Холмы эти сложены не из камней и песка - из гробов и костей тридцати с лишним поколений кузоменцев, которые поселились здесь еще в двенадцатом веке. Прадеды, деды, матери и отцы, они и сейчас пытаются защитить остатками своей плоти потомков, цепляющихся за давно потухшую надежду, что, авось, придет к ним извне какая-нибудь помощь, остановят пески, засыпающие деревню и реку, появятся люди и снова здесь, на берегу Белого

моря, к солнцу потянутся буйные ростки жизни. Но помощи нет. Из Кузомени только уезжают, а оставшиеся один за другим ложатся в эти холмы, чтобы своими телами прикрыть еще живых... Страшное впечатление оставляет это красно-желтое царство смерти без единой зеленой былинки, куда только изредка приносит пассажиров рейсовый самолетик, вздымающий при посадке и взлете тучи кузоменского песка.

И дальше на восток так же. В устье Варзуги ржавеет затянутый песками корабль, разрухой и запустением дышит плоский, голый берег на пространстве от Варзуги до Индеры, где стоит последняя кузоменская изба. И едва перебредаешь на отливе через веер выбегающей из-под обрывов Индеры, как оказываешься в медвежьем царстве, где все напоминает тебе об ушедшем с этой земли человеке.

Да, здесь красиво. Хрустит под ногой галька, омытая отбежавшей волной, дрожат на ней взбитые сливки пены; зелеными, красными, белыми огнями вспыхивают под солнцем окатанные мокрые голыши. Справа - неизменное и вечно меняющееся море, слева, когда отступает чернолесье,- желто-белые осыпи песчаных выдувов. Они лежат, как нестаявшие откосы снега в береговых распадках, а вокруг - пестрое разнотравье, глянцевая зелень брусники и воронихи на сухой тундре. И открываются глазу бесчисленные лукоморья. Едва кончается одно - начинается другое. Мыс протягивается за мысом, берег встает то высоким обрывом, то непокорной, устоявшей под напором стихий скалой, то ложится под ноги рябью убитого волнами песка, на котором внезапным оранжевым цветком распласталась морская звезда... Но только не о красоте Берега приходят сейчас мысли. О том, почему он стал таким пустынным. Почему вот уже второй десяток лет я занимаюсь не его первобытной, а современной археологией?

Вот и в этот раз вместо того, чтобы пройти по древним стойбищам, уйти от современности в тысячелетия прошлого, мы идем по развалинам того мира, который строили десятки поколений русских людей. Не только здесь-на всем пространстве России. Строили, чтобы передать этот мир в наследство нам, чтобы мы сделали его еще лучше, еще богаче, еще красивее, еще удобнее для человека.

А мы его - разрушили.

За несколько десятков лет мы сумели разрушить то, что создавалось веками. Вырвать с корнем, вырубить так, чтобы не осталось и следа. Впрочем, следы от ран всегда остаются. Но здесь, на Берегу, не надо быть археологом, чтобы представить себе, что здесь было. Не надо прибегать к дендрохронологии и

лихенометрии, чтобы узнать, когда здесь были снесены тоневые избы, когда ураган "вторичной коллективизации", как можно назвать запланированный в начале семидесятых годов нашего века снос более ста тысяч российских деревень и сел, пронесся над Берегом, оставив те руины, которые сопровождают нас на протяжении всего маршрута.

Впрочем, разве не на протяжении всей жизни? Это был далеко не первый, скорее последний удар, которым добивали поверженную русскую деревню, приклеив на ее фасад не подлежащий обжалованию приговор: "неперспективная".

Деревня? Труд на земле? Как могут они быть "неперспективными"?

И как не вспомнить прозвучавшие когда-то - в самом начале! - злые, ненавидящие, но пророческие слова уезжавшей из России Зинаиды Гиппиус:

...и скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
народ, не уважающий святынь!

На одно только десятилетие опередило события пророчество. А дальше... Дальше началось то, о чем наши родители боялись даже вспоминать и что только теперь становится достоянием гласности. Коллективизация началась с открытого грабежа имущества "кулаков", с разорения их хозяйств, со "сведения счетов" со стариками и детьми, вылилась в физическое уничтожение лучших земледельцев. На шею уцелевших на долгие годы был накинут хомут рабства в его худшем варианте. Большинство из нас помнит годы, когда русская деревня понуро топталась в загоне, в котором восстановлено было то, против чего были направлены две русские революции, столыпинская реформа и октябрьский переворот, принесший первые декреты советской власти, которые провозгласили мир - народам, землю - крестьянам. Коллективизация восстановила сельскую общину в ее крепостном варианте: без паспортов, с крохотными, не способными прокормить семью наделами, с шести-, а то и с семидневной барщиной на "государство". Не на себя, не на собственника земли, поскольку земля была "отдана" колхозам, не на общество, о котором все эти десятилетия мы говорили как о чем-то абстрактном, а на то самое "государство", которое, по определению В. И. Ленина, является лишь "аппаратом насилия и угнетения масс"

К чему это привело - общеизвестно.

Что надо было сделать в таких условиях? Вероятно, как можно скорее распустить нерентабельные колхозы, наделив каждого сельского жителя землей согласно ленинского декрета, дать возможность ему на ней работать, снабдив

высококачественным семенным материалом и техникой. А главное - предоставить возможность выбора в жизни. Запущенное, разоренное село требовало немедленной перестройки хозяйства, но еще больше - дифференциации своих человеческих сил: освобождения от разросшегося "управленческого" аппарата, от гигантской пирамиды "руководителей", от бездельников и пьяниц. Оно взывало о необходимости дать каждому из его активных работников право самому определять свое будущее и будущее своих детей.

Об этом мы начинаем писать и публично говорить только сейчас. Прежде мы молчали или говорили шепотом. Мы видели, к чему приводят единые, обязательные для всех рецепты счастья, но знали, что за сомнение в их правильности, выраженное к тому же публично, сомневающегося ждет гражданская смерть, гонения, а то и тривиальная изоляция на тот или иной ряд лет.

Поэтому мы, пишущие, пытались отыскать другой выход, которого не было и не могло быть. Все, что предлагалось, оказывалось паллиативом. Мы пытались нащупать сферы деятельности, которые способствовали бы возрождению подавленного, равнодушно глядящего округ себя человека, потерявшего интерес даже к собственной жизни. Мы говорили о развитии подсобных промыслов, об охране нашей природы и памятников истории и искусства не для того только, чтобы дать людям занятие или сохранить оставшееся, но чтобы подвигнуть человека на мысль, на действие, заставить задуматься над разрушительными силами нашей бюрократической системы всех тех, в ком еще не совсем угасла способность думать и действовать. Рассказывая о происходящем в стране, мы показывали, как народ из созидателя превратился в потребителя и разрушителя всего, что только возможно разрушить: быта, духовных и материальных ценностей, нравственности, природы, личности, общества, даже собственной истории, выхолощенной и искаженной "специалистами" до неузнаваемости.

Уже 1981 год принес первые долгожданные перемены, хотя и они были спущены сверху. Но подготовлены они были всем ходом жизни. Все, о чем раньше писали обиняками, иносказательно или предположительно, с обязательной оговоркой "возможно, я здесь не прав, но...", стало явным и гласным. Так началась новая революция, в которой уже звучат настоящие, а не фигуральные, выстрелы; революция, предполагающая годы ожесточенной борьбы со всеми теми, кто отстаивает привычный для себя "образ жизни", обусловленный бесконтрольностью власти и бесправием народа. Север был только дальней окраиной царства мафий и организованной преступности, но именно он оказался для меня

"полем Куликовым", которое я не мог миновать. Здесь особенно явственно представали последствия экономической и экологической катастрофы, захватившей шестую часть земного шара, чьи истинные размеры и силу мы до сих пор еще не можем оценить.

Поморам нужна была помощь. Сначала - помощь гласности в перестройке экономики; затем - тем людям, которые перестройкой занимались, потому что именно на них упал первый, самый тяжелый удар их противников. Три года шла борьба за справедливость против лапландской Фемиды и мурманских "охотников на ведьм", которых надежно защищала коррупция. Лишь перед самым отъездом из Москвы, пройдя по второму и третьему кругу, удалось добиться протеста Прокуратуры РСФСР против мурманского произвола и беззакония.

Оправдание Гитермана и трех председателей колхозов должно было стать началом отсчета нового времени не только для Берега, но и для всех нас. А для меня еще и знаком, что определенный виток моей жизни, вобравший в себя Берег, подошел к своему логическому завершению.

Все было, как обычно,- и в Мурманске, и здесь, на Берегу. Но в какой-то момент у меня возникло странное ощущение: я как бы вписан в судовую роль, давно сжился с командой и судном и вдруг обнаруживаю, что стою не на палубе, а на причале. Корабль уже отдал швартовы, сдвинулся с места, набирает ход, между нами растет полоса воды, общий разговор давно превратился в монолог, он вызывает улыбки понимания, приветственные жесты... но эти жесты одновременно и жесты прощания!

И вот теперь, шагая по старой поморской тропе, я понимаю, что иначе и не могло быть. Всему приходит конец - работе, любви, поискам, тебе самому. Меняется не время - сменяются поколения. Сейчас новое поколение берет в свои руки правило кормщика, оно перестраивает этот мир для себя, по своим меркам, говорит на своем языке и в общем-то довольно успешно справляется с проблемами, над которыми мы бились столько лет. И в новой обстановке пришедшие разбираются гораздо лучше нас уже потому, что не помнят ни керосиновых ламп, ни войны и голода, ни жизни без телевизоров и компьютеров. С самого начала их мир обнимал весь земной шар, был построен на транзисторах, связан "спутниками", и космические новости для них такая же обыденность, как утренняя сводка погоды.

Не хочу сказать, что они умнее нас,- такими они еще станут, но уже сейчас они свободнее и решительнее, чем были мы. Они знают, чего хотят добиться. Наши рецепты для них непригодны,

как и наша осторожность, от которой нам трудно избавиться потому, что, пережив все зигзаги нашей истории, с грузом своих лет мы несем неизбывную память о тех десятках миллионов наших отцов, матерей, братьев и сестер, которые погибли от голода, болезней, пыток, пули охранника и ножа уголовника в лагерях Воркуты, Соловков, Караганды, Колымы, Норильска, на строительстве Беломорканала, в архангельских и вологодских лесах, в песках форта Шевченко, в застенках Крестов, Лубянки, Лефортова и многих других местах.

И все же, несмотря на вбиваемый с детства страх, многие из нас сумели сохранить то лучшее в себе, что досталось нам в наследство от прошлого: плюрализм мышления, доброжелательность к людям, привычку отвечать за свои слова, обязательность в отношениях и даже "старомодные" идеалы, так дисгармонирующие с бытом современного общества, давно переступившего грань, отделявшую его от общества преступного мира. Не в этой ли нерасторжимой связи с давно погибшей европейской культурой оказалась наша главная трагедия раздваивающегося сознания?

Странно, что эти мысли кристаллизуются именно сейчас, на старой тропе, то тянущейся заросшей колеей среди многоцветья трав, то сбегающей на рифленный волнами песок, обнаженный отливом.

Видимо, только теперь, совершив за прошедшие десятилетия своего рода восхождение от этих песков, тундры, прибрежного галечника, от поморских сел с их обитателями до областного центра, в котором решались судьбы этих людей и этих сел, где шли ожесточенные схватки между сторонниками перестройки и ее противниками, которые пока еще одерживают победы, я смог ощутить и пафос, и трагизм здешней жизни.

Все дело в мерке, с которой подходишь к людям. В умении разглядеть в повседневности самоотверженность, принципиальность, и самый что ни есть подлинный героизм людей, на плечах которых, как на атлантах, зиждется основание нашей жизни. Нет ничего труднее, неподъемнее, бесконечнее, а главное - изматывающе, чем труд на земле и на море. А выключи его из жизни - и вся она разом остановится. Сначала захудеет и захиреет, как это произошло здесь, а потом и совсем кончится. Потому как хотя и "не хлебом единым жив человек", но и без хлеба этого, в каком бы виде он ни представал, жить человек физически не может...

Вот и получается, что те, о ком я писал, не литературные только, а самые настоящие герои тех дней: и Федор Осипович Логинов, рыбак, оленный пастух, не присевший праздным до

самой смерти, и семья Каневых, и Немчиновы из Чапомы, и пялицкие Тетерины, и Петр Самохвалов, в любую погоду собиравший по тоням рыбу и выезжавший к "Соловкам", чтобы снять пассажиров, хотя это ему ни в какие обязанности не входило... А разве не подвигом была вся жизнь Стрелкова, боровшегося за колхоз, за Чапому, не сдававшегося под напором местных властей, если он полагал, что именно так, а не иначе должен поступать?

Что мешало каждому из них уехать - в город, в более теплые края, к необременительной - "не пыльной" - и куда лучше оплачиваемой работе, не требующей ни высокого накала душевных сил, ни повседневной ответственности за людей? Что держало остальных их односельчан, их сыновей и внуков, возвращающихся на Берег, чтобы именно здесь, на земле отцов, бороться "за нашу и вашу свободу"? Ведь не только чтобы выжить делают они все это!

И еще одно, кажется мне, я понял за эти дни. Что не северная экзотика, не псевдоромантика привлекала меня всегда к Северу, а ощущение, что именно здесь, на Берегу, между человеком и природой еще не возникло непреодолимой преграды. Сам Берег всегда казался мне неким организмом, живущим особой, непостижимой для нас жизнью. Когда следом за рыбами, птицами, за зверями сюда пришел человек, он должен был подчиниться ее законам, поскольку она стала и его, человека, жизнью. Только потому и уступал Берег человеку, давая ему расширять пожни вдоль рек, пашни на буграх и в ложбинах, позволяя рубить лес, строить избы и села, соединяя их дорогами и тропами.

Берег обрастал человеком, как зверь шерстью, и оба жили в ладу, потому что человек по-своему заботился о Береге, стараясь, чтобы тот никогда и ничем не оскудевал.

А потом наступило безумие и разрушение.

Прошедшие годы я был исследователем причин этой болезни и летописцем попыток ее врачевания, веря, что излечение возможно. Берег был словно бы мостиком, переброшенным из прошлого в настоящее, и все это время я пытался рассмотреть с его террас контуры будущего. Каким оно станет? Смогут ли живущие здесь люди восстановить утраченную связь поколений с природой? Как ни странно, именно мощный рывок вперед западной цивилизации вернул человека к земле, дал ему досуг и средства заинтересоваться окружающим миром не для извлечения сиюминутного дохода, а для восстановления гармонии в развитии общества и личности, ощутившей себя, наконец, частью биосферы. Может быть, когда-нибудь и мы,

вырвавшись из тисков невежества, нищеты, развала, инфляции, сможем вступить на такой же путь созидания, как наши далеко вперед ушедшие современники?

Мне хочется в это верить.

И сейчас, время от времени присаживаясь, чтобы передохнуть, на гнилые опоры, некогда державшие венцы тоневых изб, на груды камней, оставшиеся от печин, на истлевающие в песке карбасы, рядом с которыми выступает ржавь забытых якорей от неводов, мы с Георги молчим, согласно прислушиваясь к неслышным голосам ушедших и к той вечной саге, которую слагают на пустынном берегу, ставшем прибежищем для игр медведей, набегающие издалека волны прилива и просыпающийся к вечеру ветер...

2.

Сегодняшний наш ночлег - пустующая тоня "Валдай чаваньгский".

Здесь все пустующее. Днем мы прошли мимо брошенного рыбопункта - с пустым, прохладным ледником, где на полу искрятся кристаллики соли, тронутые солнечным лучом сквозь прореху в крыше, с рассохшимися чанами для посола семги, покосившимися избами и обветшавшим причалом. Неподалеку, словно символ гибели Берега, высился ржавый корпус судна-мишени, путаница металлических конструкций над палубой которого издалека представала крестами очередного поморского кладбища. Мишень пригнало штормом, выбросило на прибрежные скалы, раскололо надвое, и груда железа осталась ржаветь среди россыпи многоцветной гальки и никем не тронутого многоцветья береговых лужаек...

На часах уже поздний вечер, неожиданно холодный по сравнению с палящим жаром дня. Расплавленный комочек солнца, обжигавший нас на маршруте, теперь потускнел, увеличился в объеме и, уже не грея, плывет по вершинам далеких елей. Еще немного - и он ненадолго уйдет за близкий горизонт, потому что в своем движении к востоку мы незаметно вышли из незримой петли Полярного круга.

За маленьким окном - стальная гладь Белого моря, по которому от берега протянулась узкая полоса мелкой ряби. Изба стоит на высоком каменном мысу в начале открывшегося нам очередного лукоморья, ровной песчаной дугой связавшего скальные выступы. Темные от вечерней тени, сверху они похожи на черневые накладки серебряного лука, тетива которого оттянута морем к горизонту, а угадываемая в полосе ряби невидимая стрела нацелена прямо в раскаленную рану солнца...

Георги собирает на стол, продолжая рассуждать вслух:

- ...А теперь идея мидиевых ферм представляется мне и вовсе утопической. На что Каргин рассчитывает? Хочет дать козырь начальству в Минрыбхозе; дескать, промысловая обстановка плоха, но мы и о будущем думаем, скоро всю страну мидиевым белком завалим, работу колхозникам дадим... Так, что ли? Научников еще можно понять. Им нужны деньги, диссертации, на Картеше они обжились, кандидатские и докторские успешно защищают, все лето под боком ягоды, грибы, охота, рыба... Но Каргин-то мужик умный, должен понимать, что даже для таких консервов его улитки не годятся...

Повертев в руках тоненькую консервную банку, где на яркой

крышке обозначена чуть ли не треть элементов таблицы Менделеева, Георги пренебрежительно бросает ее на стол. "Мидии копченые в масле". Продукт опытного цеха Мурманского рыбообрабатывающего комбината.

- А если эта партия как раз из Картеша?

- Надо бы у Крутова спросить...

Сергей Васильевич Крутов - генеральный директор производственного объединения "Севрыбпром". Мы были в его дегустационном зале перед отъездом из Мурманска, пробовали опытные партии продуктов, изготовленных из различных представителей морской фауны и флоры. Самые вкусные сделаны по зарубежным рецептам. Но все они, за исключением морской капусты в томате, мидий в масле и "крабовых" палочек, производимых на закупленном у японцев оборудовании, на прилавках мурманских магазинов еще не появлялись.

Крутов - потомственный помор, родился и вырос на Берегу, в деревне Устье на Варзуге. Подвижный, поджарый, с интеллигентным лицом, седыми висками, быстрым цепким взглядом карих глаз. На следующий день, когда мы вместе едем в Чупу, выясняется, что .я знал его брата, знаменитого мастера посола семги на умбском рыбзаводе. В Чупской губе, возле мыса Картеш - опытные плантации мидий, финансируемые "Севрыбой". С некоторых пор Каргин стал завзятым сторонником развития на Севере марикультур и хотел, чтобы мы увидели его хозяйство, поскольку разведение мидий и ламинарии, по его мнению, может в будущем стать одним из основных направлений экономики поморских колхозов.

В самом деле, как было не приветствовать идею, предлагавшую вместо истребления - воспроизводство, вместо нищеты - изобилие? С каждым годом промысловая обстановка для наших рыбаков становилась все хуже. Баренцево море стало настоящей пустыней. Перепаханное тралами дно, бездумное истребление целых видов промысловых рыб - ив результате почти полный подрыв производственной базы всего северного бассейна. Между тем наши западные соседи давно оставили дикую природу в покое, создавая все необходимое на суше.

Собственно говоря, культивировать можно все, не только водоросли и моллюсков. Мир засыпан жемчугом, выращенным на японских фермах. Начинают выращивать такую "деликатную" рыбу, как палтус. Только Норвегия собирает урожай семги со своих лососевых ферм чуть ли не в десять раз больший, чем дают все наши северные моря и реки, вместе взятые, причем получает продукт более высокого качества и с меньшими затратами. И хотя на наших реках немало семужных заводиков, их продукция

служит только подкормкой для щук, поедающих без остатка весь молодняк. Работники рыборазводного завода в Умбе рассказывали, что хищники прекрасно осведомлены, когда должны выпускать молодь, и собираются перед шлюзом чуть ли не со всей реки.

Ратуя за марикультуры, Каргин выступал за связь науки с производством. Денег требовалось немного, зато как эффектно смотрелась каждая такая баночка, сделанная на его комбинате!

Нас, пишущих, увлекало красноречие Каргина. Всем хотелось верить, что пусть не сейчас, пусть в будущем, но делаемом сегодня, на наших глазах, человек начнет перестраивать свое хозяйство, перестав грабить океан. Нас убеждали цифры, убеждали фотографии, на которых видна была гладь залива с пунктирами трубчатых поплавков, под которыми в воде висят "субстраты" - капроновые концы, обрастающие колониями мидий. И затраты не очень велики, и работа для лентяев: раз в год поднимай по весне тяжелые гроздья раковин в верхний, опресненный талой водой слой, где погибают все скопившиеся за зиму паразиты, а по осени притапливай их, чтобы не сорвало подвижкой льдов...

Могут ли мидии стать "будущим" поморских колхозов? Первым в реальности и экономическом эффекте мидиевых ферм усомнился Георги, побывав на Картеше, хотя и написал статью в поддержку эксперимента. Теперь мы отправились туда вместе, сопровождаемые эскортом сотрудников "Севрыбы". Причиной эскорта были не столько мы, сколько первая установка по переработке мидий, смонтированная на старом тральщике, и киногруппа карельского телевидения, снимавшая мидиевое хозяйство для очередной серии "Новостей".

Мы пересекли полуостров с севера на юг и вкатились в лесистую, словно бы взрытую глубокими падями и крутыми холмами Карелию. Некогда большое село, Чупа стоит в стороне от современного шоссе, спрямившего старый тракт. К ней ведет довольно скверная раскатанная дорога, да и сам поселок, расположенный в верховьях узкого и длинного залива, предстал перед нами этакой "дырой" производственного типа из-за слюдяного комбината по соседству.

Оставив машины на причале местного рыбзавода, мы перебрались на палубу СРТ, который вместо работы в Атлантике нес каботажную службу по Карельскому берегу, и долго шли на восток, к морю. Губа то расширялась, то сужалась. С обеих сторон тянулись невысокие каменистые берега, поросшие редким северным леском; то там, то здесь можно было заметить следы некогда бывших селений, да искрились под солнцем старые

отвалы слюдяных карьеров. Наконец впереди показался Картеш - круто сбегавший к воде каменный бугор, на котором среди низкорослых сосенок виднелись крыши нескольких домиков. На рейде стояло два судна - принадлежащее научной станции и бывший тральщик, на палубе которого суетились люди.

Установка уже работала. Она состояла из нескольких баков нержавеющей стали с движущимися валами-транспортерами, которые одновременно играли роль калибровочных сит для раковин, и шнеков, по которым мидии подавались в дробитель. Субстраты с раковинами и всем, чем они обросли за три-четыре года, попадали сначала в пресную воду, потом - в кипяток, а дальше начинался их "очистительный" путь. В результате от всей массы, поднятой на борт судна, оставался небольшой полиэтиленовый пакетик с розовато-желтыми охлажденными тельцами моллюсков. Сами по себе они были безвкусны: нечто вроде мягкой резины...

Телевизионщики профессионально перетаскивали с места на место штативы и камеры, включали и выключали софиты, хотя светило солнце. Они снимали установку в целом, отдельные ее части, грязную пену, сбегавшую через край кипящего бака, и тут же, крупным планом,- лица и руки ученых и производственников в их "звездный час".

Нам объяснили, что по ряду объективных причин урожай на этой плантации оказался хуже, чем ожидали: мидий мало, они мелкие. На других должно быть лучше. Тут же привели цифры урожая с португальских плантаций, доказывающие возможности роста моллюска. "А как среднегодовые температуры и питательная среда у португальцев?" - поинтересовался я. Оказалось, что то и другое являет глазу более отрадную картину, чем Белое море, которое, как тут же выяснилось, не идет ни в какое сравнение и с Японским морем. "А такие установки за рубежом есть?" - спросил в свою очередь Виктор, потому что хозяев явно шокировало наше молчание.

Вопрос Георги не отличался тактичностью, однако нам ответили: да, есть, причем весьма производительные. Но эта не скопирована, а создана инженерной мыслью конструкторского коллектива "Севрыбы". Конечно, она еще далека от совершенства, зато своя, отечественная.

Нам было достаточно. Мы отказались от дальнейшей программы, предполагавшей еще сутки пребывания на Картеше, и попросили, чтобы нас перебросили на другой берег Кандалакшского залива, в Умбу, до которой расстояние было почти таким же, как до Чупы. СРТ - не маленький катер, но предложение наше приняли с чувством явного облегчения,

поскольку мы со своим скепсисом, оказались инородными телами в праздничной смычке науки и производства.

Другие фермы смотреть мы отказались.

- ...Во-первых, подобные фермы на Белом море возможны только у Карельского берега и в Кандалакшском заливе,- продолжает рассуждать Георги.- Для них нужны глубокие, хорошо защищенные от ветров и течений бухты, а у других берегов одни мелководья и зимой сутолока льдов. Карелы на зиму притапливают субстраты, а что делать здесь? Во-вторых, сколько надо сил и средств, чтобы получить такой вот пакетик мидий?! О каких доходах может идти речь? Да и мидии крохотные... Несерьезно все это как-то!

Вечер на очередной пустующей тоне - время наших долгих разговоров. Днем даже на кратких остановках мы редко говорим о том, что занимает каждого из нас, накапливая мысли и ощущения, как накапливает пыльцу пчела, перелетая с цветка на цветок. Но вот наступает момент, когда спрессованные неутомимой труженицей крупинки, почти невидимые глазу, становятся весомыми обножками, которые пчела приносит в общую кладовую.

Обножки из цветочной пыльцы - пища для пчел; наши дневные мысли - пища для вечерних бесед.

Я согласен с Виктором: здесь, на Берегу, никакие марикультуры невозможны. На Мурманском берегу? Не знаю, но людей там давно уже нет, всех выселили вглубь полуострова.

- У мидиевых ферм, на мой взгляд, только одно будущее - очистка морской воды,- говорю я Георги.- Каждый моллюск пропускает через себя чуть ли не полтонны воды в сутки, очищая ее лучше всяких фильтров. Мы загрязняем море быстрее, чем оно успевает самоочищаться, мидии не справляются и погибают. Вот тут их массовое разведение оправдано и экологически, и экономически. Но заниматься этим должны не колхозы, а государство, озабоченное положением дел у своих берегов. Вернее, могут и колхозы, но уже финансировать их должно государство...

- Значит, Каргин в известной мере прав? Ведь с таких плантаций можно получать огромное количество белка как побочного продукта! Сразу решается две задачи: очищение воды и получение мяса мидий...

- Нет.

- Почему - нет?

- Потому что одно исключает другое. Ведь моллюск мидии очищает море, как пылесос - нашу квартиру. Пыль и грязь, собранные пылесосом, никуда не исчезают, они заполняют его

камеру, откуда их надо извлекать и куда-то выбрасывать. Все химические соединения, в том числе ядовитые и радиоактивные, концентрация которых в воде быстро повышается, скапливаются в белке моллюска. Каргин предлагает его использовать как пищевое сырье. А его можно использовать разве что для получения этих самых химических элементов! Живые очистительные установки потребуют хорошо налаженной контрольной службы, проверяющей состояние мидий и их замену. Нельзя допустить их естественную гибель и отмирание, поскольку тогда в морскую воду вернутся все те вредные вещества, которые связаны моллюском. И встает проблема: как их утилизировать? Куда девать?

- А как же норвежцы, считающие, что они смогут производить в год до двухсот тысяч тонн мидий?

- Выращивая их в фиордах, омываемых чистым и теплым Гольфстримом? Наверное, так это и будет. В Норвегии, но не в Белом море, которое замерзает и становится грязнее год от года...

Так перечеркивается один из пунктов намеченной было программы развития Берега.

- То же самое, по-видимому, и с водорослями,- говорит, помолчав, Георги.- По сравнению с дальне восточной ламинарией, лист которой достигает нескольких десятков метров, наша северная оказывается карликом. Весь лист - слоевище,- наросший за лето, зимой растворяется и весной начинает нарастать снова. Поэтому объемы ресурсов практически не увеличиваются. Каргин же, ссылаясь на опыты Ксении Петровны Гемп, которые показали возможность искусственного выращивания подводных зарослей, выдирает своими драгами последние их остатки вокруг Соловецких островов, уверяя, что со временем там все восстановят! Это уже спекуляция на науке, которая ничего конкретного пока не обещает...

- Да.

- Вот и выходит, что марикультуры, на которые возлагали столь большие надежды, не оправдывают себя на Севере даже в первом приближении. То же самое и с прибрежным ловом! Белое море - не Охотское с его крабами и не Тихий океан. В нем и раньше водилась только треска да селедка, а теперь и этого нет. Боюсь, что и не будет, во всяком случае в исторически обозримый промежуток времени...

- Получается, что так. Это не для поморов...

- Остается традиционное: селедка, семга, навага, озерный лов, олени. И как основа основ - корабли в океане. Все остальное, о чем мечталось: новые профессии жителей приморских сел, подсобные промыслы, гигантский заповедник на Терском берегу с

его службами,- на самом деле является надстройкой над экономикой. Значит, опять тупик? И один выход - поднимать цены на эти традиционные виды продукции?

Тут я согласиться никак не могу.

- Цены и так растут, это показатель нищеты, а не процветания. Они разрушают экономику, разрушают хозяйство, создавая застой и спекуляцию на внутреннем рынке, "вечный дефицит" и другие беды, с которыми мы в полной мере познакомились, начав борьбу с алкоголем, а не с алкоголизмом. Посмотрите, каков результат - нет сахара, дрожжей, муки, конфет, печенья, варенья, меда, ягоды и плоды гниют, виноградники вырублены, махровым цветом распустилась наркомания, которая, в свою очередь, выхватила из медицины, из быта, из химического производства все суррогаты алкоголя. Мы уже рухнули в бездну совершенно невероятных дефицитов. И когда выберемся из нее - никому не известно. От самогоноварения нам не избавиться до тех пор, пока водка в магазинах не станет дешевле самогона, превзойдя его по качеству. А цена самогона, как известно, определяется ценой килограмма сахара. Нормальный ход развития экономики общества - снижение цен на все до минимума. Только это свидетельствует о действительно растущем благосостоянии людей, о развивающейся экономике, о богатстве страны...

Я обрываю свою филиппику, потому что все это без толку. Но ах как хочется верить в разумность завтрашнего дня! Как устали мы жить в тревоге и неуверенности, в страхе за будущее под бравурные марши и жизнерадостные песни! А человеку и всего-то в жизни надо вот такую крепкую и теплую избу, как та, в которой мы сейчас сидим. Но не государственную, не временную, а - свою. На веки вечные. Чтобы никакой чиновник, никакой начальник не мог "наложить лапу" только потому, что она ему приглянулась. И чтобы жить в ней так, как тебе лучше, удобнее и вкуснее... Ну вот с тем же "пьянством". Во всех остальных странах, в том числе и "братских", вопроса о самогоноварении не существует потому, что каждый владелец сада или виноградника может принести эти плоды на государственный винокуренный заводик, имеющийся чуть ли не при каждом селе, и за очень скромную плату перегнать их в напиток любой крепости, кроме спирта, чтобы потом не ходить в магазин, не тратиться, а спокойно пить собственные ракии, сливовицы, палинки, кальвадосы и чачу, угощая друзей до следующего урожая. А государство получает прибыль, гарантируя качество продукта и его очистку. В результате там нет ни падалицы, ни запахивания неубранных яблок в колхозных садах, ни самогонщиков, ни дефицита...

И только у нас, как у каких-то недоумков,- все шиворот-навыворот! Что за судьба такая у России? Удастся ли выправить ее? Сможем ли мы когда-нибудь не смущаясь глядеть в глаза своим соседям по планете, ощущая себя в каждой ее точке так же уютно и уверенно, как это чувствуем мы с Георги, расположившись на ночлег на тоне "Валдай чаваньгский"?!

Обширная и добротная, изба эта поманила нас своей необычной чистотой. Сразу чувствуешь заботливые руки и хозяйский догляд, не оставляющий ее без присмотра. Сухие наколотые дрова лежат аккуратной поленницей в сенях; на деревянных кроватях - прибранные, перевязанные в "куклы" зеленые частые сети, оставшиеся от сельдяной путины, а большая, занимающая чуть ли не четверть пространства сруба печь несет следы недавней побелки и сияет в сумерках отраженным вечерним светом.

Сейчас, разогреваясь, она отдает нам тепло, стреляя горящими поленьями в своем обширном чреве. На припечке пофыркивает закопченный чайник, налитый чуть янтареющей водой из ручья, круто падающего в море в глубокой тесной ложбине. И вот теперь, когда все тяготы пути остались за порогом до завтрашнего утра, а сама изба, ожившая и разогретая, стала казаться нам вековечным нашим домом, мы пытаемся заглянуть в будущее Берега.

Вероятно, и те, кто строил избу, кто жил в ней долгими осенними ночами, когда бьет дождь, ревут ветер и море, когда трудно заставить себя шагнуть за порог по нужде или за водой, тоже задумывались о своем завтрашнем дне. Я пытаюсь представить себе этих людей, промысловиков, и картина, вставшая перед глазами, вдруг напоминает мне еще об одном промысле терчан, ставшем за последние годы главным.

- А как же мы о зверобойке забыли? - спрашиваю я Георги.- Она-то уж безусловно останется, так что и семга, и олени на ее фоне будут скорее, подсобными, чем основными промыслами! Ведь это она спасла колхозы Берега от окончательного разорения, поддержала, повела вверх и дальше, как то задумывали Каргин и Гитерман...

Георги не спешит с ответом. Он неторопливо пьет чай из большой эмалированной кружки, поглаживает запущенные им снова рыжеватые усики и смотрит в окно на море.

Потом поворачивается ко мне:

- Так-то оно так, да только, похоже, дни беломорской зверобойки сочтены. Если не в следующий сезон, то через год-два ее придется совсем закрыть. Или резко сократить забой. Это тяжело ударит по экономике колхозов, но надо спасать от

конечной гибели беломорское стадо гренландских тюленей. Знаете, о чем молчат по бедные реляции и что не дают сказать зоологам? О том, что в этом стаде, в котором мы избивали громадную часть новорожденных, а еще больше губили и кромсали винтами ледоколов, осталась или зеленая молодежь, или перестарки под тридцать лет Старики и дети, совсем так, как еще недавно было в северной деревне. Там - некому было работать, здесь - некому воспроизводить... Такие вот дела! И если мы не остановим это избиение, не последуем рекомендациям зоологов, через несколько лет тюленей придется покупать за границей и завозить в Белое море для акклиматизации.

- А как же тогда чапомская база?

- Никак. Она сделала свое дело, помогла, несколько раз окупила себя, ее можно законсервировать. Или она будет работать в более спокойном режиме, с меньшими доходами… С этим придется мириться.

- И вся кооперация берегов Белого моря, о которой говорил когда-то Мурадян..

- ..пойдет на какой-то другой основе, если она вообще осуществима. Только и в нее я не слишком теперь верю! Это ведь тоже одна из спасительных утопий, поскольку требует высокой организации труда с каждой стороны. Кооперация - дело выгодное, но строится она на точном расчете и на безотказном взаимодействии партнеров. В противном случае ей приходит конец. Как той же межхозяйственной кооперации, которая поначалу спасла Берег. Едва "партнерам" дали чуточку воли - я говорю о предприятиях "Севрыбы", от которых требовались деньги и материалы,- те сразу стали от нее отказываться. Они не получали отдачи, вот и все! Каргин называл это "долг деревне возвращать"…

Вот еще один пример, подтверждающий мою мысль о том, что все попытки вырваться из плена колхозной системы внутри самой этой системы - не более чем паллиатив. Проходит время, и то, что казалось безусловным достижением, шагом вперед, закреплением позиций, начинает отпадать, как пересохший лист. Черешок больше не держит его на ветке, потому что лист выполнил свое предназначение. А ведь то, о чем мы сейчас говорим, было придумано не журналистами. Это был результат "мозговой атаки" людей, прямо заинтересованных в поднятии экономики, в спасении гибнущей деревни, которым было ясно, что так жить дальше нельзя. Надо двигаться, надо плыть - но куда?

Еще несколько лет назад такие опыты казались нам перестройкой. И только после семилетия ожесточенной борьбы

теперь понимаем, что не перестраивались, а по-прежнему латали кафтан бессмертного Тришки, вместо того чтобы скинуть его раз и навсегда и сшить новую одежду "на вырост". Но для этого следовало изменить не угол зрения, а структуру сознания, выйти за магические рамки квадрата, образованного девятью точками. Однако нас так долго водили за руку с повязкой на глазах, что, даже обретя свободу, мы их по-прежнему прикрываем и щурим, отказываясь воспринимать мир во всей его цветовой гамме. Мы боимся причудливых форм и красок живых цветов, потому что привыкли к штампованным пластмассовым и восковым; с тревогой обнаруживаем, что ночь совсем не черна, а наполнена множеством звезд и таинственным светом луны; отказываемся верить, что день создан не только для бесконечной унылой работы, но для любви и радостного творчества, которое приносит куда более важный и драгоценный результат, чем подневольный "плановый" труд...

Как все это, оказывается, сложно понять и принять!

И вот мы ломаем себя, отказываясь от прежних представлений, как уже отказались от ложных богов, десятилетиями висевших на стенах наших домов и комнат, от ложных ценностей и оков, от рецептов "всеобщего счастья", и вглядываемся в открывшиеся внезапно морские дали, чтобы обнаружить ориентиры, пользуясь которыми ушли далеко вперед другие корабли...

Догоним ли мы их?

3.

Плоский берег с песчаными пляжами, бесконечными грядами полуразвеянных дюн, с завалами бревен в устьях ручьев уже позади. Даже при отливе море теперь не откатывается, а только уходит вниз и лижет крутой откос пестрого галечника, то и дело прерываемый скальными выходами. Островки леса еще изредка маячат на высоких террасах, отступив с берега под напором густого, непроходимого кустарника, но теперь и его все чаще разрывают языки сухой тундры. И когда в очередной раз мы поднимаемся на каменный мыс, под ногами оказывается уже не трава, а плотный ковер воронихи и медвежьей ягоды.

Зато как легко дышится, какие горизонты открываются взгляду! Здесь не так досаждает жара, меньше мошки, а нога увереннее ступает по утоптанной, вбитой до камня стежке тропы...

Выбравшись на очередное плоскогорье, мы останавливаемся, завороженные внезапно открывшейся панорамой.

Воздух над морем недвижим и прозрачен. Подобно гигантской линзе он приближает отдаленные предметы, и отсюда можно разом окинуть взглядом весь серп "большой кузоменской дуги", протянувшейся на запад тонкой белой нитью песчаных пляжей, на которых легли цепочки наших следов. Великое лукоморье! Оно началось для нас на западе скалами возле мыса Корабль, где красный терский песчаник пронизан жилами фиолетовых аметистов и зелено-лиловых полосатых флюоритов, где на высоко взнесенных над морем террасах, сложенных звонкими плитами галечника, находится могильник загадочного древнего народа. Потом скалы круто свернули к северу, ушли далеко вверх по долине Варзуги, скрылись на берегу моря под многометровыми толщами песчаных наносов, когда только каменная галька - "орешник" - на отливе да отдельные занесенные льдами валуны напоминали о каменном хряще Берега.

День за днем, сами того не замечая, мы шли по осушенному песчаному дну обширного древнего залива, затерявшись в бесконечной смене низких мысов и бесконечных пляжей, и только теперь вышли к восточной оконечности каменного лука, откуда виден весь пройденный нами путь.

Но как поверить теперь, что вот эта убегающая к горизонту тонкая белая кайма золотого вечернего зеркала моря и есть Берег с его разрушенными избами, ржавыми останками полузанесенных судов, ветшающих факторий, оставленных рыбаками, мимо которых мы проходили еще сегодня утром? Сколько я ни

всматриваюсь в окружающий мир, ни одна его черточка не напоминает мне сейчас о человеке и его делах.

И внезапно вспыхивает надежда: а что, если так это и есть? Что, если нет никаких пунктов "А" и "Б", расположенных на одномерной прямой, откуда мы выходим и куда неизменно приходим, как вечные странники школьного задачника Киселева? И не были мы никогда на той стороне лукоморья, не шли по убитому волнами песку по следам медведей, а мгновение назад сразу вышли из другого пространства и времени, оказавшись среди вот этого странного хаоса черных камней, чтобы, окинув взглядом окружающее великолепие, не имеющее никакой связи с человеком и его суетной жизнью, приснившейся нам на очередном космическом переходе, через несколько мгновений умчаться дальше, в неведомую область нашей галактики, вот так же появившись на другой планете под красным, голубым или зеленым солнцем на берегу такого же неведомого моря, как то, что расстилается сейчас перед нами в своей вечерней красе...

В самом деле, откуда иначе тот перехватывающий горло восторг, который наполняет нас до краев, и одновременно щемящее чувство узнавания и прощания? Почему, едва увидев этот блистающий красками, клонящийся к вечеру мир, я чувствую, как меня пронзает острая боль расставания?

Но, может быть, дело совсем в другом?

Я стою на холодных, влажных камнях, рюкзак тянет плечи, ноет спина, и затекли ноги, но в легком дрожании воздуха вокруг проступают иные места и иные картины - каменные осыпи "Великих юриков", которые мы покинули несколько дней назад, гигантские спирали соловецких лабиринтов, а над ними дрожат и плывут в мареве очертания неведомых мне берегов, где к небу возносятся каменные глыбы, отесанные и воздвигнутые руками человека...

Пульсирует кровь, видения возникают и пропадают, всплывают снова, голова слегка кружится от усталости, от испарений, от запаха цветущего багульника, долетающего из тундры... И постепенно я начинаю догадываться, что совсем не усталость наливает свинцом мои ноги и не золотые россыпи солнца над вечерним морем вызывают мои видения. Причина, по-видимому, в этих камнях. Раньше такие места населяли эльфами и феями, сюда приходили, чтобы спросить у них совета и помощи, здесь человек открывал для себя присутствие иных миров и других измерений - тех, что не мог охватить и постигнуть логикой своего сознания.

Таких мест на земле много, и когда-нибудь мы поймем, в чем тут дело. Сейчас их стараются не замечать, объявив выдумкой и

обманом чувств, как и те силы, не улавливаемые нашими грубыми приборами, которые здесь проявляются. Я догадывался, что нечто подобное есть и на Берегу - кое-что проскальзывало в рассказах поморов, другое я находил в "быличках", записанных здесь фольклористами. Не это ли тайное знание влекло меня все эти годы сюда?

Мы стоим не просто на поле черных камней Мы стоим на одном из древних святилищ Берега, таинственным образом связанном с другими такими же местами Севера

Мне следовало догадаться об этом сразу, едва только мы с Виктором одолели подъем и ступили на эти священные камни

Высоко взнесенная над морем, слегка покатая площадка ограничена с одной стороны обрывом к воде, а с двух других крутыми склонами, спускающимися в небольшие долинки с бухтами. Она полого поднимается своей четвертой стороной вверх, скрываясь за перевалом, но на половине подъема рассечена надвое невысокой и широкой грядой, сложенной из валунов. Гряда идет параллельно берегу моря, и в нескольких местах над ней поднимаются отдельные кучи черных камней с провалами в центре, похожие на рухнувшие внутрь каменные гробницы.

Выше этой гряды начинается ровная, напоминающая ухоженное поле или подстриженный газон желто-зеленая поверхность тундры. Там нет ни единого камня, ни одного валуна. Зато ниже к морю начинается хаос черных камней, среди которого в глаза бросаются такие же каменные кучи, как те, что встроены в тело каменной гряды. Еще одна такая гряда-стена отходит перпендикулярно от первой и тянется к берегу, разделяя каменный хаос на две равные части.

Все это удивительно напоминает сооружения "мыса лабиринтов" на южном берегу острова Анзер в Соловецком архипелаге. И не только их. Такие же каменные кучи лежат в кольце из лабиринтов на Большом Заяцком острове, образуя древний могильник, сходный с тем, что был мною найден между Кузоменью и Кашкаранцами, на противоположном от нас конце лукоморья, на "Великих Юриках"

Оставив рюкзак на тропе, вьющейся между камнями, я медленно иду по каменному полю, поминутно балансируя и оступаясь на валунах, покрытых плотной черной коркой давно погибших лишайников. Странную картину являют эти мертвые камни, как будто бы их опалил неведомый огонь, вырывающийся из глубины скалы Они смотрятся первозданно и изначально, как те черные засыпанные вулканическим пеплом равнины Камчатки в районе действующих вулканов, по которым мне доводилось бродить несколько лет назад.

Почему погибли лишайники? Почему здесь нет ни одной живой бляшки "сине-зеленых", которые в изобилии обсели прибрежные камни и скалы всего в полутораста метрах отсюда? Правда, жизнь не совсем отказалась от этого места. Кое-где на черный хаос наброшены как бы пушистые зеленые платки: гибкая сетка ежевики и полярной ивы в ряде мест затянула предательские провалы между камнями, где так легко оступившись, сломать или вывихнуть ногу

Лабиринтов здесь нет, или я их не вижу Может быть, они прячутся под зелеными покрывалами или сливаются с окружающими камнями; может быть, их надо искать наверху, в тундре, за увалом.. Рано или поздно их обнаружат археологи, которые не ограничатся такими вот пешеходными экскурсиями, а начнут систематическое исследование Берега с воздуха, о чем я когда-то мечтал. Но много больше, чем лабиринты, меня занимает само это черное поле посреди цветущей тундры.

Разве случайно во всех подобных местах человек отмечает действие каких-то сил, которые жрецами первобытности ощущались гораздо острее, чем нами, чья восприимчивость подавлена теми энергетическими излучениями, среди которых мы живем в современном мире? И, похоже, они научились ими пользоваться

Много лет назад, занявшись разгадкой тайны каменных лабиринтов и беломорских наскальных изображений, я пришел к заключению, что их оставили одни и те же люди. Они были одними из первых "мореходов высоких широт", охотниками на морского зверя и путешественниками, освоившими берега северных морей и Ледовитого океана. Бесспорные следы двух их промысловых поселений - первой чапомской зверобойки! - мне удалось найти между Стрельной и Чапомой, куда мы идем с Виктором. Там, на мысе Востра, освобожденные ветрами от песчаных наносов, лежат разрушенные каменные очаги древних стойбищ. Вокруг них во множестве разбросаны отщепы кварца и кварцевые орудия, пережженные кости морского зверя, шлифовальные плиты, каменные топоры, долота, а главное - наконечники поворотных гарпунов, употреблявшиеся здесь за три тысячи лет до того, как они стали известны на берегах Чукотки.

Там останавливались и там жили пришельцы, потому что весь набор орудий труда и охоты резко отличается от того, что я находил на других местах древних стойбищ этого района.

Морские охотники приплывали сюда с Карельского берега. Именно там, возле теперешнего Беломорска, печально известного по истории соловецких лагерей "особого назначения", на скалах реки Выг, несмотря на все варварство наших строителей, уцелело

небольшое количество "каменных полотен" - наскальных рисунков, воспроизводящих сцены жизни этих людей: охоту на морского зверя с лодок, большие многоместные суда, пригодные для дальних странствий, военные схватки на воде...

Если там и были какие-либо святилища, в чем я очень сомневаюсь, изучив сюжеты наскальных рисунков, то ничего таинственного в себе не несли, обслуживая нужды бытовой магии. Здесь не было лабиринтов и их изображений, потому что все связанное с каменными спиралями касалось уже культа мертвых и связей с потусторонним миром. Действительно, все известные нам лабиринты находятся в стороне от древних стойбищ их строителей, зато возле них весьма часто оказываются расположены "стойбища мертвых" - могильники. Самый большой такой комплекс находится на Большом Заяцком острове в Соловецком архипелаге; другие, более мелкие, известны на острове Анзер, в Финляндии возле Торнео и в других местах.

Лабиринты - двойные спирали, сложенные из камней, гравия и гальки, из земли и дерна,- сохранились на огромном пространстве северного региона: от Белого моря до Шотландии и Ирландии на западе. Они являют собой алтари, на которых древние жрецы совершали свои обряды. И одновременно они служили входами в подземное "царство мертвых". В последнем согласны все предания народов, обитающих там, где есть лабиринты.

Иными словами, в памяти бесчисленных поколений сохранялось устойчивое представление об этих спиралях, столь похожих своим рисунком на современные антенны приемо-передающих устройств широкого диапазона частот, как о неких "каналах связи", соединяющих мир людей живых с иными мирами. "Открыть вход" мог только знающий магическую формулу заклятья и точное время, когда ее следовало произнести. Последнее условие было столь же обязательным условием успеха, как точное время выхода на связь современного радиста. Только в этом случае смельчаку открывался вход в страну вечной молодости. Не смерти, нет! Именно вечной молодости, ибо чем другим, кроме бессмертия, мог наделить человек своих богов?

Только были ли для людей обитатели подземных дворцов действительно богами? Судя по тому, что дошло до нас,- нет. Эльфов, фей, троллей, гоблинов и прочих боялись, их сторонились, но как богов их не почитали и жертв им не приносили. Бессмертные, вечно юные обитатели лесов и скал в глазах людей были только ***иным*** народом, обитавшим не столько в нашем, сколько в каком-то параллельном мире, откуда они

иногда появлялись. Народом, который жил обособленно, по своим законам, держался в стороне от людей и не любил принимать участие в делах человеческих.

Когда они впервые появились на Земле?

Вопрос на первый взгляд может показаться странным. Куда проще считать их созданиями людского воображения, как то делают просвещенные люди, поднимая на смех выдумки простонародья. Но по мере того, как в XX веке "просвещение" стало заменяться знанием и "венец творения" начал ощущать себя не конечным итогом развития Универсума, а всего лишь одним из его проявлений в масштабах космоса, то, что прежде представлялось суеверием и сказкой, стало обретать смысл.

Мы знаем теперь, что астрология оказывается одной из жизненно важных и точных наук, поскольку наша жизнь и наши поступки зависят от магнитных бурь на Солнце, а перемещения планет предопределяют сочетания атомов и молекул в зародыше; что невидимый и неощущаемый мир нашей биосферы оказывает на нас куда большее воздействие, чем мир, воспринимаемый органами наших чувств... И даже в самих себе мы с удивлением начинаем обнаруживать "сверхъестественные" способности, которые в недалеком будущем обещают изменить не только нас самих, но и организацию человеческих сообществ, кардинально преобразовав наш взгляд на взаимосвязь природы и человека...

Все сказанное в полной мере относится и к древним поверьям.

Эльфы и феи Европы, трансформированные сознанием восточных славян в кровожадную и страшную "нежить", обитающую рядом с человеком,- леших, кикимор, водяных и прочих,- могут быть, конечно, сочтены продуктом народной фантазии. Однако фантазию, без каких-либо существенных изменений продержавшуюся на протяжении нескольких тысячелетий, следует признать отпечатком какого-то столь мощного впечатления, неоднократно возобновлявшегося, что в его реальной основе становится трудно усомниться.

Не помню, кто назвал мегалитические сооружения Европы - кромлехи и менгиры, составляющие кое-где целые поля, тот же Стоунхендж, служивший, как полагают, обсерваторией,- "каменным сумасшествием первобытности" и "гигантоманией бронзового века". В какой-то мере он был прав, потому что наше чувственное мышление, опирающееся на логику Евклида, а не Римана и Лобачевского, отказывается понять конечные цели таких построек. Больше того, даже если наши догадки о решении конкретных астрономических задач, стоявших перед строителями древности, окажутся справедливыми, необходимость самих таких

наблюдений все равно остается для нас за пределами понимания.

Но вот что примечательно.

Во-первых, мегалитические сооружения существуют, и это факт, с которым приходится считаться.

Во-вторых, именно с ними предания связывают существование "подземного народца", кстати сказать, отнюдь не настаивая, что именно он был их строителем.

В-третьих, все эти сооружения, включая наши лабиринты, построены в одну эпоху - примерно с середины III и кончая серединой II тысячелетия до нашей эры, когда их перестали возобновлять.

Наконец, в-четвертых, как давно заметили их исследователи, мегалитические комплексы, разбросанные по берегам северных и западных морей, заставляют предполагать существовавшую некогда "службу наблюдений", объединявшую каменные загадки в единую систему. Другими словами, между всеми этими объектами предполагается наличие каналов связи. И такое предположение косвенным образом подтверждается народной верой, что все они служат входами в какой-то иной мир.

Так, может быть, двойные спирали каменных лабиринтов совсем не случайно похожи на антенны широкого диапазона частот? Ведь форма подобных антенн - тоже факт объективный, не зависящий ни от материала, ни от уровня технического развития общества. В любой точке известной нам галактики приемо-передающие устройства, работающие в широком диапазоне частот, будут требовать определенной конфигурации антенны.

...Может показаться странным, что все это я записываю сейчас, на берегу спокойного вечернего моря, отмахиваясь от поднявшихся из травы и из-под камней комаров. Но разве не для этого я шел сюда на протяжении двух с лишним десятков лет? Да, за это время я занимался многим - рыболовецкими колхозами и палеогеографией, межхозяйственной кооперацией и первобытной экологией, должностными преступлениями против личности и общества и морскими трансгрессиями и регрессиями в голоцене... Каждое из этих дел приходило к тому или иному своему завершению, иногда удачному, как получилось с "делом Гитермана" и председателей колхозов, иногда - половинчатому, как вышло с межхозяйственной кооперацией... Теперь наступил момент подвести итоги тому, что когда-то привело меня на берега Белого моря и от чего, казалось бы, так далеко я отошел.

Теперь все сошлось - место, время и я сам, который должен был прийти сюда, на восточную оконечность кузоменского лукоморья, не раньше, чем посетив остальные места, чтобы

пестрая мозаика мыслей и фактов начала складываться в осмысленный узор. Вернее, в тот первый набросок, который позволяет предугадывать дальнейший ход образующих его линий. Делаю я его уже не для себя - для того, кто захочет пройти по моим следам, открывая исчезнувшие (а может быть - существующие рядом с нами?) миры, только выйдя на это же каменное поле не к вечеру дня, а в первых лучах нарождающегося утра.

Вот почему сейчас я довольствуюсь тем, что открылось моим глазам, и не ищу дальнейшего. Я прощаюсь с Берегом - и он провожает меня золотом полярного солнца, развертывает передо мной самые лучшие свои пейзажи, осыпает на каждом шагу дарами, чтобы краткая череда этих дней осталась в моей памяти как один сверкающий праздник жизни.

Это древнее святилище - последний подарок Берега.

И, благодарный, я оставляю его другому.

Но прежде чем мы с Виктором отправимся дальше, я хочу записать еще несколько слов - о камнях, людях и эльфах: тот итог, к которому я пришел.

Появление таинственного народца на Земле (или его переселение?) произошло до начала строительства мегалитов, то есть в первой половине третьего тысячелетия до нашей эры. Мы вправе так считать, потому что предание однозначно связывает их друг с другом. "Они" - не "древнее"; "они - древни, как эти камни", вот хронология народной памяти.

И все же строителями были люди, в этом нет никакого сомнения, а не загадочные пришельцы из ниоткуда. Казалось бы, одно опровергает другое. Но нет никаких доказательств, что кромлехи, менгиры и лабиринты были ***первично функционировавшими системами***, а не их последующим воспроизведением, которое осмысливалось и утилизировалось человеком в меру его возможностей. Иными словами, перед нами подражание, а не оригинал, о существовании и действительном виде которого нам остается только строить догадки.

Но если поля менгиров в Бретани и различные "хенджи" оставляют нас в недоумении, похоже, что назначение оригиналов, с которых скопированы лабиринты, было правильно понято "копиистами". Больше того. Как известно, мастера закладывают колодцы только в тех местах, где под многометровой толщей земных слоев таинственным образом ощущают животворный ток глубинных вод. Точно так же и алтари первобытности возникали лишь на тех местах, где человек ощущал присутствие неизвестных сил и сталкивался с непонятными явлениями.

Мы до сих пор не знаем природы этих сил, не знаем, что они

нам несут, какие возможности открывают. Но очень вероятно, что для строителей лабиринтов подобные места служили реальными выходами "каналов связи", посредством которых - телепатически или еще как-то - жрецы народа мореходов могли общаться на пространствах Северной и Западной Европы. Но это, конечно, уже только мои домыслы...

Вот и все. Еле заметная тропинка выводит нас к крутому откосу, с которого открывается неглубокая долинка и бухта, хорошо защищенная от северных и восточных ветров. Впереди у нас несчитанные километры пути до очередного ночлега по каменистой тундре, куда сворачивает от берега тропа, а над нами, в блеклом вечернем небе, протянулись вихревые перья гигантской космической птицы, летящей далеко за горизонтом. Берег раздернул для нас небесные шторы, вывел сюда и теперь дает знак, чтобы мы торопились. Впереди у нас есть еще день, может быть - полдня. Вокруг рассыпано золото вечернего солнца, преображающее тундру и камни, морская гладь еще не подернулась даже слабой рябью, но высоко над нами уже завились первые струи очередного циклона, навстречу которому мы идем...

4.

- Вы сказали: прощаюсь. Но почему? - допытывается у меня Георги.- Почему Север вам стал неинтересен? Разве вас больше не влекут загадки его прошлого и его будущего?

Мы стоим на высокой, поросшей кустарником дюне, "прислоненной", как говорят специалисты, ко второй морской террасе над старым устьем Чапомки. Лет двадцать назад речка неожиданно пробила новый, прямой выход к морю, ближе к деревне, а это устье, отстоящее на километр дальше к востоку, стало затягиваться и заиливаться.

На самом деле это даже не дюна, а, скорее, узкий песчаный бар, очень давно отрезавший от моря небольшой заливчик, превратившийся теперь в болото и оказавшийся поднятым метров на десять-пятнадцать над современным уровнем моря. Тогда же здесь и поселились люди: в обширной котловине песчаного выдува лежит большая груда камней - остатки разрушенного очага. Рядом поблескивают белые осколки кварца, и тут же чернеют глиняные черепки. Редкая находка для здешних мест: за тысячелетия морозы, дожди и ветра обычно разрушают полностью остатки плохо обожженной глиняной посуды первопоселенцев. Но этим черепкам повезло. Они были укрыты песком, хорошо обожжены, и в изломе можно заметить серебристые волокна асбеста: три-четыре тысячи лет назад их примешивали в глину для того, чтобы горшки не трескались при обжиге.

Это одно из первых древних стойбищ, найденных мною возле Чапомы. Отсюда открывается панорама всего чапомского лукоморья, и я могу указать почти все места, где я что-то открыл,- от Никодимского мыса, отмеченного на востоке черно-белой пирамидкой маяка, и до мыса Вострa на западе, где еще три-четыре тысячи лет назад находилась "чапомская зверобойка". Теперь остатки древних очагов засыпаны свежими костями морского зверя, потому что брошенное в море течением прибивает к этому мысу, а на берег отходы вытаскивают лисы и чайки.

Как мне ответить на вопрос Георги? Несколько лет назад в одной из московских редакций меня спросили, по существу, о том же:

- Каждое лето вы проводите на Севере, пишете об одних и тех же местах, об одних и тех же людях как бы бесконечную поморскую сагу. Что вы находите там для себя интересного?

Помнится, я тогда отшутился. Ну а на самом деле?

Мне было интересно изучать здешний край, знакомиться со

здешними людьми точно так же, как находить остатки древних стойбищ, потому что в каждом случае я открывал ранее неизвестные мне связи между явлениями и закономерности, которые позволяли предугадывать результаты поиска. Я исследовал различные пласты прошлого и через них начинал понимать настоящее. Так оказывался возможен прогноз будущего. Люди, с которыми я здесь жил, еще не потеряли кровной связи с Берегом, и их быт, как и их сознание, в какой-то степени оказывались "запрограммированы" предшествующими тысячелетиями.

В этом была их сила. Но в этом была и их слабость. Наша слабость: мы пытались создать проекцию будущего, опрокинутую на самом деле в прошлое. Мы, то есть наше поколение.

Говоря о будущем, мы инстинктивно возвращались памятью к прошлому, к эпохе эволюционного развития природы и общества, забывая, что за пределами нашей страны человечество не останавливалось, не топталось на месте, а продолжало идти вперед и во всех отношениях ушло бесконечно далеко от нас. Мы же, поверив ложным богам, своими руками уничтожили все ориентиры прогресса, которые создавались по крупицам тысячелетиями. Отсюда наша беспомощность, наша половинчатость, наша нерешительность. Потому что на самом деле наше поколение всегда питалось прошлым, а не будущим. Будущего мы никогда не знали и не могли его предугадать. Оно было для нас закрыто.

Вероятно, у каждого поколения есть своя историческая задача. Есть поколения разрушающие; есть - созидающие; есть - только развивающие чужие идеи. В этом гармония жизни, залог поступательного хода человечества. Я давно пытаюсь понять роль, которая выпала на долю моего поколения, тех, кто родился в 30-х годах нашего века, кто был лишен родителей, испытал холод и голод великой войны, кто формировался в условиях лагерного режима, навязанного народу "великим вождем и учителем". Навязанного? Или созданного самим народом при его благосклонном руководстве? Последнее, вероятно, будет точнее, потому что те, кто устанавливал этот режим, кто доводил его до самого отдаленного хутора, до каждой тоневой избы, и представляли тогда народ, были непременной его частицей.

Время спасло наше поколение тем, что "великий учитель" покинул этот свет до того, как мы закончили школы и начали выходить в жизнь. Мы не успели испытать тяжести репрессий. Медленно, словно просыпаясь от дурного сна, страна понемногу оживала. Процесс этот занял тридцать с лишним лет - всю нашу жизнь! - и только сейчас перед нами появились его результаты.

Но для того, чтобы это все же случилось, все наше поколение должно было стать археологами, которые из-под обломков разрушенной цивилизации извлекали забытые, для большинства уже непонятные общечеловеческие ценности.

Мы разыскивали имена забытых людей, обстоятельства их жизни и их произведения, заставляли звучать давно потерянные мелодии, открывали целые периоды своей истории, которые были или вычеркнуты, или искажены до неузнаваемости. Огромный, затянувшийся "период застоя" на самом деле таким не был, потому что везде, не только в центрах, но буквально на всем пространстве обширнейшей, когда-то богатейшей страны, несмотря на ожесточенное сопротивление злобы, невежества и прямого произвола, шла огромная работа по собиранию и реставрации России. Мы заново восстанавливали свои родственные связи, чувство собственного достоинства, свой вклад в мировую культуру и науку. Мы вели раскопки не только в земле, но в архивах и в жизни, а вместе с тем пытались повлиять на саму жизнь, воспользовавшись забытым опытом предшественников.

Собственно говоря, нам выпало на долю исполнить завет одного из российских "чудаков" - Н. В. Федорова, так странно прозвучавший в начале XX века: воскрешать отцов. Но разве не этим мы занимались всю свою жизнь, реабилитируя, возвращая из небытия дела и мысли наших отцов? Энергия целого поколения была направлена на реставрацию культуры и экономики страны. И кто теперь может упрекнуть, что у нас не хватило сил заглянуть в ее будущее? Между тем время этого уже наступило, оно торопит нас как можно скорее распахнуть дверь и шагнуть в то будущее, о котором, как оказалось, мы не имеем никакого представления. А ведь мы еще не нашли даже самой двери, не говоря уже о ключе, который позволил бы нам ее открыть!

Это и должны сделать те, кто сейчас приходит на наше место. "Смена караула" произошла. Экипажи новых кораблей отправляются в далекий космос, тогда как наша задача - доделать то, что выпало на нашу долю. Кроме нас, это никому не под силу. И космос - не для нас...

Мне не надо спускаться к камням древнего очага, не надо рассматривать кварцевые осколки, потому что даже отсюда, с края песчаного выдува, я вижу, где лежит на песке отщеп, а где - обработанный рукой человека скребок. И не надо закладывать шурфы на здешних песчаных грядах, потому что по размытому и сглаженному рельефу могу безошибочно восстановить тот, древний, указав место, где человек наверняка поставил свой летний чум. Однако, вглядываясь в совсем близкую и, казалось

бы, гораздо более знакомую Чапому, лежащую за широким устьем реки, зная, кто и как живет под той или другой ее крышей, я уже не возьмусь угадывать ее будущее. Я не знаю, как сложится жизнь населяющих ее людей, что будет с колхозом, что будет с самим Берегом. Так надо ли обманывать себя и других?

И я говорю своему спутнику:

- Мне интересно, Витя. Может быть, настоящее и будущее именно сейчас мне гораздо интереснее, чем раньше, потому что наконец-то у всех нас появилась надежда. Надежда на свершение. Надежда на победу добра над злом, справедливости над неправосудием, честных людей - над бесчестными. Но именно поэтому условия игры изменились. Как - никто из нас не знает. И вы,- я говорю о вашем поколении, которое пришло сменить нас,- вы лучше нас подготовлены к изменившейся ситуации, потому что каждое поколение решает ту задачу, которую перед ним ставит Время. Мы восстанавливали не только свое, но и ваше Прошлое, создавали тот тыл, на который вы можете в случае нужды опереться, ту "взлетную площадку", с которой станут стартовать ваши звездные корабли. Но строить эти корабли будете вы. Потому что нам надо доделывать то, что мы не успели закончить, чтобы у вашего поколения были развязаны руки и вам не пришлось бы - как нам! - возвращаться назад...

- Но при чем тут Берег? - протестует Георги.- Разве не вы говорили вчера, что знаете его, чувствуете его, любите его, несете его в себе?

- Берег - да. Но Берегом занялись теперь ваши сверстники, он принадлежит уже им! Разве я их знаю? Что они хотят, о чем думают? Чтобы ответить на эти вопросы, надо прожить с ними еще одну жизнь, которой у меня нет. Это сделаете вы - плоть от плоти своего поколения. Вы - с ними, как когда-то раньше я был с их отцами. Но то, что мы думали и планировали, по боль шей части отменила сама жизнь. Расчет был построен на опыте прошлого, а строить надо, ощущая будущее. Это будущее вошло уже вместе с перестройкой, оно не поддается старым методам анализа, и я пасую перед ним. Ну а новые председатели? Вот эти "назначенцы" в Варзуге, в Чаваньге, в Чапоме, против которых я всегда был предубежден, как против временных людей? Что ждать от них? Что может принести Берегу человек, отсчитывающий дни своего пребывания здесь? Что даст он селу, поморам? Не станет ли его деятельность еще одним обманом надежд? Меня тревожит эта ситуация, но не предчувствием будущего, которого я не вижу, а известными мне уроками прошлого…

Это и в самом деле так. Я не знаю, чего ждать от молодых председателей. Калюжин в Варзуге, сменивший Заборщикова,

своим призванием считает "поднятие отстающих" и готов волевыми методами проводить в жизнь программу, которую варзужане, как я понял, не слишком разделяют. Он закончил два института, работал первым помощником капитана, "флотским комиссаром", и через три-четыре года, "подняв" "Всходы коммунизма", намерен опять вернуться на флот. Он человек идеи, причем деятельный человек - самый опасный тип человека, для которого важны не люди, а воплощение своей идеи. Что будет с Варзугой потом? Кто там будет? По-моему, он не слишком об этом задумывается, потому что старинное поморское село с многовековыми традициями он рассматривает только как команду судна, вверенного ему начальством, как механизм, который можно отладить, выбросив "негодные" шестеренки и винтики...

Но, может быть, так оно теперь и есть, а я все еще идеализирую ситуацию, рассматривая ее с позиций знакомого мне прошлого, от которого не осталось и следа?

Новый чаваньгский председатель, Андрей Рейзвих, отсчитывает дни своего полярного стажа, чтобы вернуться на родину, в Казахстан. До этого он был бригадиром оленеводческой бригады в Сосновке, где, как видно, не осталось не только саамов, но и ижемцев. На Берегу он такой же гость, как Калюжин и Мурадян.

Но, конечно, показательнее всех Мурадян.

На этот раз он был нервным, взвинченным, был резок и груб. Широковещательная строительная программа оказалась сорванной, среди колхозников, в том числе и молодых, чувствовалась откровенная оппозиция к "парню с озера Севан", который теперь для обсуждения колхозных дел закрывается в своем кабинете с членами правления, вызывая явное неодобрение колхозников.

Поначалу мы ничего не могли понять. Но на второй день Мурадян, что называется, "раскололся", и вместо самоуверенного приказчика я вдруг увидел растерянного человека, обманутого в своих сокровенных надеждах. Свою первую мечту - собственная черная "Волга", чтобы въехать на ней в родную деревню,- Мурадян уже осуществил. Но перестройка сорвала его далеко идущие планы. Оказывается, в Чапому Мурадян пошел председателем отнюдь не по "велению души", как он рассказывал в прошлый раз, а поверив обещаниям Медведева, бывшего первого секретаря терского райкома партии, что тот поставит его на место Шитарева, председателя райисполкома. Теперь Медведева нет, на месте Шитарева другой человек, никаких престижных вакансий в районе не предвидится, и Мурадян начальству не нужен. Поэтому

Чапома и работа в ней потеряли для Мурадяна всякий смысл... как я того и опасался!

Однако дьявол-искуситель не дремал. Три "молодых тигра", как мы с Георги окрестили новых председателей, объединились... против Тимченко! По-видимому, все началось с Калюжина, которому не дают покоя капитанские шевроны председателя "Ударника" и которого задело предложение взять в аренду беспризорные суда терских колхозов. Калюжин говорил нам о Тимченко как о личном враге, грозясь "вывести его на чистую воду", "разоблачить его махинации", заставляя невольно вспомнить события четырехлетней давности. Уж очень знакома была фразеология! Случайно ли? В Чапоме Калюжину вторил Мурадян, не разбиравшийся ни в судах, ни в океанском лове. Все встало на свои места, когда Мурадян признался, что "тигры" решили восстановить расформированную в МРКС базу флота, поставив во главе ее... прежнего Мосиенко с его прежним штатом!

Ну а когда Мурадян сознался, что их поддерживают Каргин и Несветов, рекомендовавшие им Мосиенко, и даже Серокуров, второй секретарь обкома, удивляться стало нечему. Больше того, выяснилось, что Серокуров уже пообещал Мурадяну (как когда-то Медведев!) ***выборный*** пост председателя МРКС, который сейчас занимает Савельев, бывший председатель "Энергии", ученик и ставленник Тимченко!

Ну, а что будет через год, когда Мурадян уедет? Начатая им стройка так и останется незавершенной, это уже и сейчас видно. Пышный фейерверк обещаний давно потух, и снова чапомские мужики будут ломать голову, как построить детский сад и ясли, как открыть медпункт и школу-семилетку, как восстановить оленеводство... Вот только о Пялице уже разговора не встает: почему-то за этот год Мурадян ее возненавидел и во что бы то ни стало хочет стереть с лица земли со всеми ее "дачниками" и пенсионерами.

А может быть, это опять не он сам хочет, а кто-то другой, повыше?

Наконец, кто придет Мурадяну на смену? Где гарантия, что очередной временщик-председатель не окажется ставленником меховых предпринимателей? Ведь здесь зверобойка, цех первичной обработки и прямой путь в Прибалтику. Тогда ого-го как закрутится колесо мехового бизнеса, которое успело уже искалечить судьбы стольких людей. А кто знает, сколько осталось друзей Куприянова и Бернотаса в МРКС и в МКПП? Теперь, когда в Чапоме началась председательская чехарда, когда на месте Стрелкова начнут появляться случайные люди, интуиция подсказывает мне, что так и произойдет...

И я подвожу своего рода итог: - Вам, Виктор, и разбираться во всем этом! Будущая летопись Берега станет летописью уже вашего поколения. Каждый должен быть со своим временем, только тогда он может что-то сделать. А моё... Вон оно, видите, спешит к нам на свидание!

С моря несется легкая, прозрачная дымка, ветер срывает пенную морось с волн, но отсюда, с дюны, видно, как из устья реки перед селом медленно выползает черточка моторной лодки, переваливает через пенный бар, выходит в море и начинает прыгать по волнам, поворачивая в нашу сторону. Ветер разгулялся не на шутку, в лодке только один человек, и я знаю, что это Стрелков, назначивший нам свидание на тоне возле нового устья Чапомки. Собственно, приглашал не он, а молодые рыбаки, которые захотели именно здесь встретиться с нами.

И вот мы сидим за столом в чистом, светлом, но все же продуваемом ветром балке, оставшемся от геологов. На столе дымятся миски с ухой, за стеной ярится море, а мы ведем традиционный неторопливый разговор о рыбе, о ее подходе в этот сезон, о том, как Петрович провел месяц на озерах, ловя для колхоза рыбу, о грибах, которые нынче запаздывают, и о морошке, которая не в пример прошлому году должна порадовать урожаем.

За то время, что мы с Петровичем не виделись, он словно бы окреп, еще больше раздался в плечах и даже помолодел: его синие глаза лучатся радостью встречи и уверенностью выправляющейся жизни. Слухи о пересмотре его дела уже дошли до Умбы, и я могу их подтвердить. Но, верный себе, Стрелков и тут радуется в первую очередь за Гитермана.

- Я-то, Леонидыч, что, я - проживу! - говорит он, наклоняясь ко мне и ласково полуобнимая за плечи.- Все у меня теперь есть: пенсию оформили, в колхозе еще работаю, с детьми нормально, все пристроены... Помнишь, просил я комнатку в Мурманске? Голубев недавно был, сказал, что нашли мое заявление, дадут! А вот за Юлия Ефимовича я очень рад. Мне что? Я и без партии проживу - ведь не из жизни исключили, верно? А на него, ты подумай, сколько всего возвели напраслины, а? Был я у него в Мурманске. Посидели, старое вспомнили. Говорит: хотел бы еще поработать, до конца дело довести на Берегу. Ну, а если восстановят, то и сделает, я верю!..

- Значит, прощай, Чапома? - улыбаюсь я.- А чего же тогда сам молодежь из города звал?

- Так ведь годы...- тихо словно выдохнул Стрел ков, и мне показалось, что именно сейчас, произнеся эти слова, он вдруг по-новому ощутил и разговор наш, и нашу встречу. Потому что не

остро, а как-то по-иному - внимательно и одновременно незряче - поглядел он на меня и сквозь меня. Взгляд его ушел в окно - в море, к белым гребням волн, катящихся к берегу, к той стихии, в которой прошла вся его жизнь.

Что открылось ему в этот момент? Что нового узнал он внезапно о себе и обо мне - о нас вместе,- он, совсем еще не старый помор, который семнадцать лет назад ненастным вечером уговаривал меня стать председателем рыболовецкого колхоза "Волна"? Помнит ли он об этом? А ведь именно тогда решалась судьба Чапомы. Она стояла на очереди - уже снесли Пулоньгу, Пялицу, Порью Губу, Стрельну. Закрыли Кузреку, из Оленицы сделали подсобное хозяйство, поставлен был крест на Кашкаранцах...

Я не видел сил, способных спасти Берег. Свой очерк о нем, заказанный Твардовским, я принес в "Новый мир", когда журнал уже был обезглавлен. Ни один из других толстых журналов взять его уже не рискнул. Вот тогда, ощутив собственное бессилие, я и простился с Берегом. А Петрович остался. Он знал, что должен спасти Чапому, спасти колхоз, спасти людей. И - спас.

Но вот сейчас он произнес слово "годы", так много говорящее нам обоим, и вдруг меня обжигает догадка: стало быть, и он прощается с Берегом?

Словно подслушав мои мысли, Стрелков спешит оправдаться:

- Понимаешь, трудно Анфисе стало: всю жизнь руки да ноги в холодной воде, болезни пошли, хоть напоследок чуток отогреться! А так - куда без деревни? Пока изба есть, внуков пасти надо, да и сам я не прочь в колхозе поработать летом. Так что приезжай, всегда баня будет готова! Теперь уж вроде как бы родными стали...

Стрелков говорит еще, но меня словно бы уносит в прошлое сам звук его речи. Ведь важны не слова - важна интонация, голос, который их произносит, вызывая из глубин памяти первые зеленые ростки среди криволесья, оседающие под весенним солнцем снежные наметы под обрывами Чапомы, хруст на зубах розового песка пинагорьей икры, холод матовых, как бы из льдистого серебра с чернью отлитых тел, заполнивших дно карбаса под ногами. И пенистые водопады, и безмолвие леса, и туманы над волглыми теребками с острым запахом прелого листа и грибов, и песчаные огромные раздувы у Пулоньги... Голос Стрелкова возвращает меня из странствий по прошедшим годам, и я внезапно замечаю, что мы давно уже сидим одни. Остальные рыбаки сгрудились на другом конце, возле Георги, который что-то прилежно строчит в своем пухлом блокноте, положив его на колено.

На нас они не обращают внимания, и я догадываюсь, что совсем не для встречи с двумя журналистами пригласили нас рыбаки сюда, на тоню, куда сами они приходят только для осмотра сетей. Беседовать за столом гораздо удобнее у того же Стрелкова в Чапоме. Это они нам с Петровичем готовили встречу, так похожую на прощание, чтобы можно было двум немолодым мужикам на какой-то момент ощутить себя такими, какими они были два десятка лет назад.

Сейчас мы встанем и шагнем за порог, навстречу ветру, несущему песок и брызги, навстречу волнам и солнцу, навстречу дню, который еще далек от своего завершения. Но именно отсюда, с чапомской тони, я унесу благодарность и за эту последнюю встречу, и за все те годы, о которых напомнил сейчас Стрелков.

notes

Примечания

1

"Помни о смерти" (лат.). Здесь - "напоминание о смерти".- *Ред.*